

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2020

№ 67

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

**Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»**

***Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»***

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Д.А. Катунин (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)

***Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology***

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
D.A. Katunin (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
E.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)

***Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»***

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Шеффилд, Великобритания)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

***Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology***

J.F. Bailyn (Stony Brook, US)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
E.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Sheffield, UK)
M.N. Lipovetsky (Boulder, US)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, US)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Березович Е.Л., Сурикова О.Д. Наименования нечистой силы в русских проклятиях	5
Демешкина Т.А., Дутчак Е.Е. Социокоммуникативное пространство трансграничья: модель реконструкции культурно-языкового ландшафта Сибири	28
Земичева С.С., Иванцова Е.В. Тематическая разметка диалектного корпуса: опыт томских диалектологов	45
Кузнецова Н.Г., Степичева О.Н. Культурно-специфические термины – языковые реалии в архитектурно-строительной терминологии немецкого языка	62
Кушнерук С.Л. Идеологическое миромоделирование в американском медиадискурсе	92
Матханова И.П. Семантическая характеристика двувидовых деадъективных глаголов (могут ли биаспективы быть предикатами деятельности?)	112
Меликян В.Ю. Фразеосинтаксические схемы «Хорош + N ₁ ¹ » и «Хорош + N ₁ ² » в современном русском языке	129
Шиляев К.С., Шлотгауэр Е.А. Визуализация концептуальной метафоры в печатных рекламах вина	154

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Айзикова И.А. Образ сибирского города в очерках Н.А. Кострова	174
Alekseev P.V. Notes on Russian Orientalism as a Phenomenon of Cultural Transfers	189
Брюханова Ю.М., Подрезова Н.Н. Хронотоп почты в «новой драме» 1990-х гг.	204
Волков И.О., Жилякова Э.М. Роман В. Скотта «Пират» в творческом восприятии И.С. Тургенева: от чтения к интерпретации (по материалам библиотеки писателя)	218
Исаченко Т.А. Личный альбом Великой Княжны Анастасии Николаевны: поэтическая антология или книга памяти?	245
Новикова Е.Г. Ф.М. Достоевский и сибирское областничество. Статья вторая	268

ЖУРНАЛИСТИКА

Дунас Д.В., Салихова Е.А., Толоконникова А.В., Филаткина Г.С. Мотивы медиапотребления учащейся молодежи: результаты опроса в Москве, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону	278

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Скороходов М.В., Аблогина Е.В. А.С. Грибоедов и его эпоха: обзор международной научно-практической конференции	303
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	313

CONTENTS

LINGUISTICS

Berezovich E.L., Surikova O.D. Names of Evil Spirits in Russian Imprecations	5
Demeshkina T.A., Dutchak E.E. The Socio-Communicative Space of Transboundary Areas: A Reconstruction Model of the Cultural and Linguistic Landscape of Siberia	28
Zemicheva S.S., Ivantsova E.V. Dialect Corpus Thematic Markup: The Experience of Tomsk Dialectologists	45
Kuznetsova N.G., Stepicheva O.N. Culture-Specific Terms: Linguistic Realities in the Architecture and Construction Terminology of German	62
Kushneruk S.L. Ideological World Modelling in American Media Discourse	92
Matkhanova I.P. A Semantic Characteristic of Bi-Aspectual Deadjectival Verbs (Can Bi-Aspectuals Be Activity Predicates?)	112
Melikyan V.Yu. Fixed Phrase Schemes “Khorosh + N ₁ !” and “Khorosh + N ₁ !” in the Contemporary Russian Language	129
Shilyaev K.S., Shlotgauer E.A. Visualizing Conceptual Metaphors in Print Wine Advertising	154

LITERATURE STUDIES

Ayzikova I.A. The Image of a Siberian City in Nikolay Kostrov’s Essays	174
Alekseev P.V. Notes on Russian Orientalism as a Phenomenon of Cultural Transfers	189
Bryukhanova Yu.M., Podrezova N.N. The Chronotope of Post Office in the New Russian Drama of the 1990s	204
Volkov I.O., Zhilyakova E.M. <i>The Pirate</i> by Walter Scott in Ivan Turgenev’s Perception: From Reading to Explication (On Turgenev’s Personal Library Materials)	218
Isachenko T.A. The Personal Album of Grand Duchess Anastasia Nikolaevna: A Poetic Anthology or a Memoir Book?	245
Novikova E.G. Fyodor Dostoevsky and Siberian Regionalism. Article Two	268

JOURNALISM

Dunas D.V., Salikhova E.A., Tolokonnikova A.V., Filatkina G.S. Media Consumption by Studying Youth: Results of a Survey in Moscow, Nizhny Novgorod and Rostov-on-Don	278

ACADEMIC LIFE

Skorokhodov M.V., Ablogina E.V. Griboyedov and His Epoch: An Overview of the International Conference	304

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	313

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'282.2 + 811.161.1'374.2

DOI: 10.17223/19986645/67/1

Е.Л. Березович, О.Д. Сурикова

НАИМЕНОВАНИЯ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ В РУССКИХ ПРОКЛЯТИЯХ¹

Проводится лингвистический анализ демонимов, фигурирующих в составе русских проклятий и отсылов: определяется идеографический состав мифологических персонажей в текстах злоречений, выделяются способы их номинации, среди которых важную роль играет эвфемистический. Устанавливаются основные механизмы эвфемизации: местоименная замена, фонетическая эвфемизация, использование заимствованных слов и субстантивированных характеристик и т.д. Осуществляется этимологический и семантико-мотивационный анализ ряда «темных» слов.

Ключевые слова: русская диалектная лексика, проклятия, семантическая реконструкция, этимология, вербальная магия, лингвопрагматика, народная религия, демонимия.

Нечистая сила – эталонный «персонаж» проклятий. Тексты этого жанра, подразумевающие «пожелание бед и несчастий в адрес конкретного лица» [1. С. 286] в виде устойчивых словесных формул, имеют четкую смысловую структуру, одним из главных компонентов (актантов) которой является актер. Актер – это существо (предмет, явление), которое упоминается в злопожелании в качестве воплощения злых и деструктивных сил и которое, по мысли автора проклятия, должно причинить вред проклинаемому. Смысловую позицию актора могут занимать обозначения:

- смерти и ее атрибутов: влг. *Прах тебя дери* [2. Т. 31. С. 70];
- опасных животных: смол. *Задéргай те волк* [Там же. Т. 10. С. 52];
- природных стихий: волгогр. *Гроза тебе в бок* [3. С. 122];
- беды, несчастья, напастей: курск. *Причина те побей* [2. Т. 32. С. 61];
- инородцев: новосиб. *Уведи (кого) татар* [4. С. 195];
- угрожающих орудий, инструментов: перм. *Кол в хайло* [5. Т. 1. С. 403];
- персонифицируемого топоса: новг. *Омут возьми* [6. Т. 4. С. 200] и др.

Однако чаще всего в роли вредоносного субъекта проклятий выступают болезни и представители нечистой силы: об этом свидетельствуют не только наши собственные наблюдения, но и данные, полученные В.А. Чередник [7], И.В. Козельской [8], Л.Н. Виноградовой [9]. Судя по всему, доминирование соответствующих типов лексики при заполнении позиции актора характерно не только для русской, но и вообще для сла-

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

вянской традиции злопожеланий. Такое положение дел легко объяснимо: мифологические персонажи и болезни традиционно воплощают «прототипический» образ вредоносного субъекта – активного, динамичного, обладающего собственной злой волей или выполняющего злую волю третьего лица.

При этом интересно, что, при сравнительно близкой частотности злопожеланий с упоминанием болезней и представителей нечистой силы, идеографическое разнообразие наименований недугов в проклятиях существенно выше, чем «арсенал» демонов, о которых идет речь в таких текстах (имеются в виду не многочисленные наименования персонажей одного и того же типа (домовой, леший etc.), а собственно типы «базовых» персонажей). Названия болезней в проклятиях делятся на несколько обширных групп, объединенных на основании сходства симптоматики, – это внешние раны (ср., например, курск. *Нор тебя изнырай!* [2. Т. 21. С. 278], где *нор* – ‘язвина на теле, особенно глубокая, подкожная’ [10. Т. 2. С. 1440–1441]), кожные болезни (без указ. м. *Чтоб те восса села* [2. Т. 5. С. 145], где *восса* – ‘болезнь кожи, сопровождающаяся зудом (лишай, экзема, чесотка)’ [Там же]), острые болевые симптомы (ряз. *Колотá тебя возьми* [Там же. Т. 14. С. 178]), лихорадка (арх. *Чтоб тебя вёшница трясла!* [Там же. Т. 4. С. 224], где *вёшница* – ‘весенняя лихорадка, лихорадка’ [Там же]), психические и нервные недуги (ворон. *А как бы тебя молоденская перекосила* [Там же. Т. 18. С. 221], где *молодénская* – ‘болезнь, сопровождающаяся припадками; родимчик (обычно у младенцев и беременных женщин)’ [Там же]) и т.д. (подробно о наименованиях болезней в проклятиях см. нашу статью [11]). На этом фоне демонический «пантеон» проклятий весьма скуден и включает нескольких основных, как правило наиболее известных, зловредных персонажей, в первую очередь черта и лешего. Описанию этого пантеона и будет посвящена настоящая статья, продолжающая наше исследование лексики русских проклятий (см. предыдущие статьи цикла: [11–16]). Мы установим, какие представители нечистой силы упоминаются в проклятиях и как часто это происходит, попытаемся обозначить причины таких «предпочтений» субъекта речи; выявим особенности демонимов с точки зрения мотивов номинации и задействованных при их создании механизмов эвфемизации; предложим трактовку некоторых «темных» с мотивационной точки зрения лексем.

О нечистой силе в проклятиях уже писала Л.Н. Виноградова: в ее статье «“Отсылка к нечистой силе” – общеславянский мотив проклятий» [9] в этнолингвистическом ключе и на материале всех славянских традиций проанализированы преимущественно фольклорные данные (в основном с позиций сюжетики и мотивологии текстов). Эту проблему в своем диссертационном исследовании затрагивала также И.В. Козельская [8], которая работала преимущественно с орловскими говорами – и с весьма ограниченным количеством диалектных источников. Мы обращаемся к этой теме снова, очертив проблематику и рамки исследования лингвистическим курсом и собственно русским материалом, извлеченным из максимально

доступного на сегодняшний день числа диалектных словарей (как сводных, в том числе [2], так и региональных) и полевых картотек (в первую очередь из картотеки «Словаря говоров Русского Севера» [17] и лексической картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета [18]), при этом упор мы делаем именно на полевой диалектологический материал, который зачастую впервые вводится в научный оборот.

Одной из особенностей функционирования демонимии в злопожеланиях является ее высокая активность в таком близком к проклятиям жанре, как отсылки. Л.Н. Виноградова даже предлагает считать последние разновидностью проклятий, по крайней мере, видит целесообразность в том, чтобы анализировать их вместе: «...во всех славянских традициях отмечается тенденция причислять к жанру проклятий бранные выражения в виде формул-отсылок (“Иди ты к черту!” <...>), которые функционируют наряду с оптативными конструкциями типа “Чтоб тебя черти побрали!”» [9. С. 49–50]. С этим трудно спорить, особенно учитывая тот факт, что в восприятии носителей традиционной картины мира оба вида речевых актов – проклятия и отсылки – могут иметь одинаковые (самые серьезные) перлокутивные эффекты, ср.: влг. «А как скажут раньше “*Лешачина тебя понеси*”, – он и унесёт» [19. Т. 4. С. 39], прикам. «Он ведь и девку уносил в Тамбов. Вот, видимо, излешакал её кто, сказал: “*Иди ты к лешему*”. Вот ее живую-то и унёс» [20. Т. 1. С. 281], краснояр. «*Да повяди тебя леший!* – мать-то ей сказала. Ить ушла девка да до сих пор нету! Искали вязде, всем сельсоветом, всем миром, и нигде не нашли. Проклинать нельзя, ругаться нельзя» [21. Т. 3. С. 324]. По этим причинам в настоящей статье мы будем рассматривать оба указанных вида речевых актов.

***

Итак, названия нечисти в проклятиях, как уже было сказано, не дают большого идеографического разнообразия. Это можно связывать с тем, что субъект речи стремится включать в проклятия упоминания о самой опасной и действенной нечистой силе, а не о многочисленных «мелких» демонах. На такой выбор работает также предельная экспрессия, свойственная проклятиям, умноженная на семантическую диффузность наименований демонов: как известно, одним и тем же словом нередко называются разные по функциям «нечистики», даже столь противоположные, казалось бы, по локусам «проживания», как домового и леший, ср. многочисленные примеры типа влг. *ботамáнушко* ‘домового, леший’ [2. Т. 3. С. 130], олон. *другая половина* ‘по суеверным представлениям – домового или леший’ [Там же. Т. 8. С. 210] и т.п. По этим причинам для большой группы проклятий с демонимами невозможно установить «видовую принадлежность» персонажа: так, в составе формулы *Шут его бери* выступает слово *иут*, которому В.И. Даль дает такую дефиницию: ‘всякая нежить, домового, леший, водяной, шутовка, водява; лопасть, русалка’ [10. Т. 4. С. 650]. Подтверждением сказанному служат те случаи (правда, несчастые), когда в проклятиях выступает соб-

ственно сочетание *нечистая сила* или слово *нечистый*, *нечистая*, ср. новг. *Побери нечистая сила* [6. Т. 4. С. 571], пск. *Чтоб тебя нечистая побрала*, *Нечистый обдери* [22. Т. 21. С. 293, 295], вят. *Нечистой тебя возьми* [23. Т. 6. С. 243], пск. *Пусть хоромы нечистый растрясёт (кому)* [24. С. 79].

При всем сказанном просматриваются тенденции, определяющие попадание в проклятия наименований представителей разных разрядов демонов. Поданный ниже материал не является исчерпывающим, но позволяет показать закономерности «расстановки сил».

ЧЁРТ

Разумеется, чаще всего в проклятиях фигурирует черт. Как известно, черт «в народной демонологии трактуется неоднозначно: как воплощение нечистой силы вообще и – как особый мифологический персонаж с индивидуальным набором признаков» [25. С. 519]. Мощная экспрессия, являющаяся условием, спутником и результатом произнесения проклятий, определяет использование в проклятиях преимущественно первой ипостаси черта – образа обобщенного представителя нечистой силы.

Конечно, чаще всего встречается собственно слово *черт*: простореч. *Чёрт бы (кого) взял (унёс)*: «Женщина одна укладывала ребенка. Он кричит и кричит. Она его качала в зыбке, а он все плачет и плачет. Она вышла из терпения: *Чёрт бы тебя взял!* Он и замолчал. Она глянула, а в зыбке головешка лежит» (влад.), «А то было: теща прокляла зятя: *Чёрт бы тебя унёс бы!* Зять ушел. Да так и сейчас нет» (новг.) [26. С. 548, 559], арх. *Дави (кого) чёрт* [27. Т. 10. С. 212], арх. *Уйди ты к цёрту вóдерень* <прочь> [Там же. Т. 4. С. 154], пск. *Дворí тебе чёрт*, ср. пск. *дворítь* ‘принимать гостей’ [22. Т. 8. С. 156], орл. *Чёрт тебе в живот* [8. С. 223], новг. *Хоть бы тебя черти семеро побрали* [2. Т. 37. С. 151], влг. *Побери тебя черти семеры* [6. Т. 4. С. 387], твер. *Тысяча тебе чертей* [28. С. 580], яросл. *Чтобы тебя (его, их, вас и т.д.) черти скрали* [29. Т. 10. С. 62], ср.-урал. *Чёрт его (её) бей* [30. Т. 7. С. 27], костр. *Сто чертей тебя понеси* [18] и мн. др. Отметим такую деталь: именно слово *черт* в проклятиях нередко употребляется в форме множественного числа или с числительными, указывающими на неопределенное множество, в то время как для других обозначений представителей нечисти такие словоупотребления либо несвойственны, либо редки. Это связано с мотивом множества, большого количества, который присутствует в языковом образе черта, ср. *осточертеть*, *чертова уйма*, *до черта* и пр. (об этом мотиве см. в [31. С. 484]).

Единственное, кажется, имя представителя нечисти (кроме черта), активно употребляемое в форме множественного числа (как вне проклятий, так и в их составе), – *бес*. Языковое поведение *беса* вообще близко к *черту*, поэтому представим соответствующие проклятия в этом разделе нашей работы: простореч. *К бесу*, томск. *Бес помяни*, обл. *Встрешный бес тебя расишиби* [32. С. 38], перм. *Бес бей* [33. С. 22], пск. *Пуцай беси опаишут* [24. С. 17], костр. *Сто бесов тебя раздери* [18].

Среди дублетов *черта* в лексике, восходящей по происхождению к обозначениям главного противника Бога в христианской религии, встречаются слова *дьявол* (арх. *Пойди к дьяволу* [27. Т. 12. С. 456]), *сатана* (приирт. *Сатана тебя (его и т. п.) подхвати* [2. Т. 36. С. 150]), *антихрист* (орл. *Антихрист тебя (его и т. п.) возьми (разбей)* [32. С. 18], тул. *Анчихрист вас побери* [34. Т. 1. С. 26]); ср. также преобразования последнего слова: волгогр. *Анчѣбил кого-л. возьми (забери)* [3. Т. 1. С. 58], где волгогр. *анчѣбил* – ‘нечистая сила, черт’ < *анчыбѣл* ‘то же’ < *антихрист* [35. Т. 1. С. 235–236], волгогр. *Анчѣтка кого-н. забери (забрал бы)* [3. Т. 1. С. 60], где *анчѣтка* ‘черт’ – табуистическая замена слова *антихрист* или результат развития сложения *анчи-* (*анти-*) + *юд* (ср. пск. *анчи́юд*) [35. Т. 1. С. 236–237].

Встречается в проклятиях также слово *демон*: влг. *Дѣмон тебя понеси*, влг. *Поди ты к дѣмону* [17], ср. влг. *демáнко* ‘черт’: «Деманко маленький чѣртик, откудова-то выходит. Ребят им пугали» [Там же]. Возможно, как фонетическую трансформацию лексемы *демон* следует рассматривать и ниж.-дон. *гѣман* ‘бранное слово’: «Ах ты, гѣман чтоб тебе хватил!» [2. Т. 6. С. 166].

К обозначению падшего ангела восходит, вероятно, и слово *агаль*, представленное в ворон. *Сошли мне, господи, лихих агалей*, где ворон. *агаль* – ‘злой дух’ [Там же. Т. 1. С. 200]. По версии А.Л. Топоркова (устное сообщение), в форме *агаль* следует видеть трансформацию слова *аггел*, ср. указание В.М. Живова на то, что слово церковнославянского языка, производившееся как *ангел*, обозначало посланца Бога, в то время как лексема, звучавшая как *аггел*, означала посланца Сатаны [36. С. 17]. Думается, что это объяснение более правомочно, чем гипотеза о связи *агаля* с глаголами типа сиб. *ога́литъ* ‘испортить, сглазить’, влг. *га́литъ* ‘портить’ < праслав. *galiti (не исключая, однако, влияния со стороны *а́ггел*), высказанная в [35. Т. 1. С. 88]. Отметим также, что использование слова *агаль* в проклятии может быть мотивировано энантиосемичными возможностями лексемы *ангел*, ср. карел. «Два ангела с тобой – лесной да водяной, скажем, когда не хочется ругаться» [6. Т. 1. С. 19].

К обозначению персонажа христианской религии восходит также слово *аред*: калуж. *Аред тебя подхвати* [2. Т. 1. С. 272], орл. *Аредный его возьми* [37. Т. 1. С. 46], где курск., калуж., новг. *áред* – ‘нечистый дух, черт’ [2. Т. 1. С. 272] < *Иаред*, имя библейского персонажа, отца Эноха, прожившего 962 года [35. Т. 1. С. 271–272]. В группу «христианской» лексики можно включить и слово *скима*, ср. влг. *Скѣма тебя неси*: «Скажут “скима тебя неси”, а ты в дороге. Тебе плохо могот быть, дорога худо лягот, блудить будешь», где влг. *скѣма* – ‘нечистая сила, бес, дьявол’ [17] < рус. литер. *схима* (< греч. *σχήμα*) ‘высшая степень монашества’, *схимник* ‘монах, посвященный в схиму’ (подробнее см.: [14]).

Христианская оппозиция лежит и в основе появления демонима *идол*: башк. *Идол тебя взял* [38], где *йдол* – ‘мифическое существо, представитель нечистой силы’ (башк.) [38], ср. еще новг. «Памхи носят, так это ругаются: чтоб тебя памхи унесли. А идолы это» [39. С. 77] (ср. *йдол* ‘бран.

божок, кумир; болван, дурак', *ідолице* 'чудовище', белор. *ідол* 'дьявол' < греч. εἶδωλον [40. Т. 2. С. 117]).

Широко известно, что употребление «прямых» номинаций нечистой силы представляется носителем традиционного сознания опасным и даже непристойным: костр. «Ты долешакаешься, так лешака-то на дом вызовешь. Сама вызываешь, лешакаешься когда» [18]. Использование демоники строго регламентируется народно-религиозным этикетом, считается, что даже матерная брань более предпочтительна, чем чертыхание, т.е. непосредственное упоминание имен демонов, ср. только несколько нарративов об этом: костр. «Клястись не надо, лучше матюшиться» [Там же], арх. «У мня-от невеста за братом: она горит, чем залешукацца, дак лучше заматюкацца» [27. Т. 17. С. 319], арх. «Чем чертыхаться и лешакается, лучше матюгаться» [41. С. 139], арх. «По матери пошли, а лешего не поминай» [17] и т.д. (подробнее о лингвопрагматике отсылок к черту и проклятий с упоминанием нечистой силы см. нашу статью [42]).

Поэтому авторы злоречений очень часто стремятся к иноговорению и прибегают к табуистическим обозначениям нечистой силы, которые, будучи непрямыми ее названиями, считаются менее опасными – в первую очередь для исполнителя текста. Эвфемистические механизмы именования черта весьма разнообразны. Одна из разновидностей такой номинации – обозначение его относительных и качественных характеристик.

Среди относительных характеристик выделяются обозначения, указывающие на локус черта и принадлежащие к древнейшему пласту демонии. Так, слово *ляд* отражает модель, согласно которой нечистая сила получает название по месту обитания: 'пустошь, заброшенное поле' → 'место обитания нечистой силы' → 'нечистая сила, черт' [43. Т. 15. С. 46]; «демоническое» значение этой лексемы проявляется именно в бранных формулах: ставроп., самар. *Ляд возьми*, перм. *Ляд его бей*, твер. *Ляд те дери*, олон. *Ляд (тебя, его) побери*, влг. *Ну тебя в ляды*, казан., тул. *Ну те к ляду* [2. Т. 17. С. 259], ленингр. *Ляды его знает*: «Ох, ляды его знает, дермонит же он мать свою» [6. Т. 3. С. 175] и др.

Качественные характеристики выражены преимущественно субстантивированными прилагательными. Чаще всего это слова, передающие общую негативную оценку и враждебность человеку: *враг* (сиб. *Перекоробь его* (ее и т. п.) *враг* [4. С. 134]), *неприятный* (самар. *Ах, хоть бы неприятный полюбил*, ср. олон., арх., костр. *неприятная сила* – 'нечистая сила, черти' [2. Т. 21. С. 129]), *корявый* (петерб. *Ну те к корявому*, ср. петерб. *корявый, корявый чёрт* – 'дьявол' [Там же. Т. 15. С. 41]); в том числе слова, указывающие на безудержность черта, нечеловеческую интенсивность его действий: *дикий* (костр. *Подика ты к дикому*, где костр. *дікий* – 'черт, сатана, дьявол' [2. Т. 8. С. 57], ср. также обл. *Дикарь тебя возьми* [32. С. 190]), *лютый* (тамб. *Хрясни его лютый*, где тамб. *лютый* – 'злой дух' [2. Т. 17. С. 249]), *лихой* (орл., ряз. *Лихой тебя возьми* (измучь, избей) [Там же. С. 78], калуж. *Чтоб тебя лихой источил* [Там же. Т. 12. С. 262]), *окаинный* (костр. *Иди под окаинного* [18], ср. костр. *окаинница* 'проклятое место, ад' [2. Т. 23.

С. 117]), **истый** (ленингр. *Хвати тебя íстый*, где ленингр. *íстый* – эвфем. ‘черт’ [6. Т. 6. С. 708]); или, напротив (реже), – на пассивность черта: влг. **вялый** ‘эвфем. черт’: влг. *Вялый тебя забери*: «Нашкодит ребёнок-от, поддашь под задницу-то – от, *вялый тебя забери*» [44. Т. 2. С. 288].

Представлены также внешние характеристики черта, преимущественно цветовые: **зеленый** (тул. *Зеленый те убей*, где *зелёный* – ‘по суеверным представлениям – дьявол’ [2. Т. 11. С. 250]), **черный** (обл. *Ступай к чёрному* [32. С. 734], где без указ. м. *чёрный* ‘нечистый, дьявол, черт’ [10. Т. 4. С. 611]), **смоляной** (морд. *Смоляной тебе*, где морд. *смоляной* ‘черный, жирный’ [45. Т. 2. С. 1186]).

В проклятиях встречаются также демони́мы, указывающие на действия черта, в том числе особенности его передвижения: **летун** (морд. *Ну тебя (его, их и т. п.) к летуну́*, где морд. *лету́н* – ‘черт, нечистая сила’: «Только вышли, бат, из дьму-ту, а летун съ стьроны болоть и летит» [Там же. Т. 1. С. 488]), **налётный** (морд. *Налётный бы тебя (вас, их и т.п.) взял (не видал)*, где морд. *налётный* – ‘черт, дьявол’: «Фсе эти: налётный, лукавый дух – фсе ани адной марки, ни жди дабра» [Там же]).

Любопытны демони́мы, в которых отражаются представления о воздействии черта на человека. К их числу относится слово **мерек**, ср. вят. *Мёрек с тобой (с кем-, чем-нибудь)*, вят. *Ну (кого) к мёрекам*, вят. *Мёрек (бы) тебя взял (возьми, дал, дави, надавал, побрал, унёс)* [23. Т. 6. С. 44], где *мёрек* ‘злой дух, черт’ (вят.), но также и ‘бред’, ‘призрак, видение’ (пск., твер.) [2. Т. 18. С. 115]. Это слово входит в гнездо **merk-/*myrk-*, связанное чередованием с **mork-*; исходной для этого гнезда является семантика мерцания, мрака (см.: [43. Т. 18. С. 98–99; Т. 19. С. 234–236; Т. 21. С. 133–135, 137]). Таким образом, *мерек* – «тот, кто окутывает мраком», ср. внутригнездовые параллели с огласовкой **mork-*: пск., юж.-урал. *обморóк* ‘фантастическое существо, обладающее сверхъестественной силой превращать людей в животных, камни, предметы’ [2. Т. 22. С. 134], влг. *óморок* ‘нечистая сила, черт’ [17], оренб. *обморочить* ‘превратить человека путем колдования в какой-либо предмет или животное’ [46. Т. 3. С. 26], юж., зап. *заморóка* ‘о том, кто чарует, напускает морок’ [2. Т. 10. С. 257] и др. Показательны также демони́мы, образованные от других корней, которые реализуют мотив обмана, мерцания, неясной видимости, наваждения: *ман*, *манья* ‘черт, бес’, *чудинка* ‘домовой’, вят. *млilко* ‘дух, обитающий в пустынных местах и пугающий людей’ [39. С. 69].

Среди табуистических обозначений черта выделяются такие, в которых реализуется тактика «задабривания» опасности путем выбора имен с положительной семантикой, например **доброхот**: орл. *Доброхóт тебя возьми*, где калуж., смол., орл. *доброхóт* ‘черт, дьявол’ [2. Т. 8. С. 79].

Еще одним механизмом табуирования в сфере экспрессивной демони́мии, актуальным для контактных территорий, становится использование заимствований, например:

– **вергой**: карел. *Пой к вёргою, Неси ты вёргой, Вёргой ты носит*, олон. *Пой в вёргой* [39. С. 76; 6. Т. 1. С. 173; 47. С. 9], где *вёргой*, *вёрга* ‘черт’ сопоставляется с фин. *verkanen* ‘то же’, карел. *verka, verga* [48. С. 145],

– **кереметь**: вят. *Кереметь тебя заломай (забодай)*, где вят. *кереметь* – ‘марийское языческое божество’ [23. Т. 5. С. 39] < чуваш. *kiremet* ‘злой дух; место, где он обитает’ [40. Т. 2. С. 224],

– **лайтай**: забайк. *Лайтай тебя возьми* [4. С. 103], где *лайтай* ‘злой дух, нечистая сила’ < бурят. *лайтай* ‘хитрый, лукавый’ [49. С. 349],

– **мардуй**: смол. *Мардуй ты побери*, где смол. *мардуй* – ‘черт, нечистая сила’ [2. Т. 17. С. 370] < эст. *tardus* ‘привидение; дурная примета; загробный голос’ [40. Т. 2. С. 573],

– **шутхер**: забайк. *Чтоб тебя (его и т. п.) шутхер забрал* [32. С. 760], ср. бурят. *шутхур* ‘черт’ [44. Т. 5. С. 370] < бурят. *шүдхэр* ‘то же’, ср. тув. (< монг.) *šetker* ‘злой дух, сатана, дьявол’ [49. С. 710]

и др.

«Экстремальное» проявление табуистических возможностей языка в сфере экспрессивных обозначений черта – образование имени черта от местоимений, ср.: дон., орл., тобол. *Тот(-то) тебя возьми, забери, побери* и т.п. [2. Т. 44. С. 300]: «Ругаеть бабка дитя и, чтобы не согрешить чёрными словами, говорить: *И тот-то тебя забери*» (дон.) [50. Т. 3. С. 160]; орл. *Ихман тебя возьми* [37. Т. 4. С. 160], где *ихман*, по всей видимости, производное от притяжательного местоимения *их* (ср. другой случай использования деривата данного местоимения для табуизации негативного явления: вост.-сиб. *ихо* ‘детская болезнь (табуистическое название вместо «их болезнь»)» [2. Т. 12. С. 273]).

Встречаются в составе проклятий и обозначения черта неясного происхождения, но в любом случае имеющие яркую экспрессию. К их числу относятся, например, слова *шишко*, *шешка*, *шишига* и под.: смол. *Шёшка (шешель) возьми (побери), Иди к шешке* [51. Т. 11. С. 140], волгогр. *Шишига тебя возьми* [3. С. 674], коми *Шишкá мать* [52. Т. 2. С. 448] и др., ср. коми *шишкó* ‘нечистый дух, черт, дьявол’ [Там же. С. 447–448], смол. *шешка (шешель)* ‘черт, дьявол’ [51. Т. 11. С. 140], перм. *и́ишко, шешка, шиши́га* ‘бес, домовый’ [5. Т. 2. С. 555] и др. (о трудностях при этимологизации слов этой группы см. [53. С. 929]).

Не до конца ясна мотивационная база демонима **мосяк**: вят. *Мосяк тебя подери (понеси, возьми), Мосякá тебе в соседи* [23. Т. 6. С. 86]. Носители диалекта признаются в том, что не понимают, какой это персонаж: «Ругаемся мосяк, да и все. Я и сама не знаю, что такое мосяк. Мосяк тебя возьми! Ах ты, мосяк!» (новосиб.) [2. Т. 18. С. 294]. С осторожностью предположим, что слово *мосяк* родственно простореч. *мо́ська* ‘морда, рожа’, ср. также арх. ‘лицо со вздернутым носом’ [Там же], – и встраивается, таким образом, в модель наименований черта по признаку его уродства, неопрятности (особенно существенны здесь представления о том, что черт имеет собачью морду или похож на свинью – с пятачком вместо носа [25. С. 520]).

Сложно квалифицируется также урал. **ошеёнок** – ‘чертеноч’ [2. Т. 25. С. 82], фигурирующее в отсылке перм. *Поди ты к ошеёнку* [Там же]. Не стоит ли связывать его с устар. *шуя* ‘левая рука’, предполагая следующую

цепочку: *шуя* > *ошуюю* > *ошуёнок > *ошеёнок*? Тогда *ошеёнок* – «леворукый», «действующий левой рукой», «находящийся по левую руку»: это признаки, релевантные для образа черта (см.: [25]), см. также *пóкша* ниже).

Наконец, среди «темных» слов следует упомянуть арх. *чѣкиш* – «Да пошла ты к чѣкишу, – говорят, если не хотят лешака́ться» [17], которое, с одной стороны, может быть родственным словам на *чек-/чок-*, называющим битье, удары, хлопки (без указ. м. *чекать*, *чокать*, *чекнуть*, *чикать*, *чкать* ‘постукивать, стучать, тихо поколачивать’, *чок* ‘стук, бряк, хлоп, щелк’, новг.-кир. *чекошиться* ‘биться, колотиться’ и мн. др. [10. Т. 4. С. 604]), и продолжать, таким образом, модель номинации нечистой силы по ее деструктивным действиям (ср. демонимы *жма*, *обдериха*, *задав*, *извод*, *кожедѣр*, *костолом* и т. п. [39. С. 62]). С другой стороны, *чѣкиш* может являться результатом фонетической эвфемизации слова *чѣрт* – по признаку совпадения начальной звуковой группы слова (ср. *чѣрный* и под.).

ЛЕШИЙ

Высокой частотностью отличаются также проклятия с упоминанием лешего. «Лешева» брань имеет ярко выраженную региональную специфику, поскольку употребляется главным образом на Русском Севере, а также в смежных и дочерних говорах. Более того, в этих зонах именно «лешевы» проклятия, кажется, количественно лидируют, ср.: «Нетрудно отметить, что в бранных выражениях фигурирует в первую очередь леший, персонаж весьма популярный в лесной зоне Севера» [Там же. С. 75]. Характерно, что это же касается и метаязыковых глаголов с семантикой ‘проклинать, ругаться с упоминанием того, что названо производящей основой’, производных от основы *леший*: арх., влг., карел., мурман., перм., свердл., костр. *леша́каться* [2. Т. 17. С. 30; 44. Т. 7. С. 85; 54; 6. Т. 3. С. 120; 19. Т. 4. С. 39; 30. Т. 2. С. 96; 18; 17], карел., мурман. *лешах́аться* [6. Т. 3. С. 120], арх., влг., перм. *лешаќать* [44. Т. 7. С. 85; 54], влг. *леша́иться* [Там же. С. 84], олон., яросл., влг. *леших́аться*, *лешех́аться* [2. Т. 17. С. 34], беломор. *лешка́ть*, *лешка́ться* [55. С. 208], енис. *леша́чить* [2. Т. 17. С. 31], костр. *лешач́иться* [18] и др.

Ясно, что причины такого положения дел в том, что лесное пространство воспринимается как наиболее опасное и наименее освоенное; говорящие же, употребляя «лешевы» проклятия, могут вполне вещественно представлять лесной локус как «адрес», по которому отправляют проклинаемого, ср. перм. «Лешака́ться нельзя – леший заберёт. Он в воду не затолкает, он на осину, на лес занесёт. Молодая девка ходила с парнем, а мать не велела, ругалась. Девке говорит: “Чтобы тебя леший унёс да на осину повесил!” Она <дочь> ушла, её нет и нет. Она спит, мать-то, и слышит: “Дайте мне красный платок, там-то твоя девка”. Пошли, а она на осине повешена, на верёвке. Крестик ведь носит – на ней, а повесил леший» [54]. Для жителей Русского Севера леший всесилен, ср. арх. *сеси́льный* ‘сказочное существо, живущее в лесу – леший’ [2. Т. 37. С. 232]. Собственно наименования

лешего тоже преимущественно фиксируются в северной зоне, как и соответствующие верования: «Представления о лешем, сильно развитые у русских (особенно на Русском Севере), в меньшей степени известны в восточно-украинской и восточно-белорусской традициях, постепенно ослабляясь к юго-западу восточно-славянского ареала» [56. С. 104]. Показательно, что если в севернорусской традиции проклятые дети оказывались обычно у лешего, то, к примеру, в польской, как отмечает Е.Е. Левкиевская, – у водяного [57. С. 311].

Большинство обсуждаемых проклятий содержит обозначения, образованные от слова *лес*, которые, будучи «базовыми» именами лесного хозяина, сами по себе уже являются эвфемизмами, – *леший*, *лешой* (арх. *Вынеси леший* [27. Т. 8. С. 33], костр. *Да ему бы к лешему задякнуть* [18], костр. *Неси тебя леший на кёкуры* [Там же], иркут. *Сдикуй на леший* [2. Т. 37. С. 70], арх. *Возьми лешой (кого)*, арх. *Унеси лешой да водерень*, *Унеси лешой вовеки и водерень* [27. Т. 4. С. 83, 154], арх. *Дави (кого) лешой* [Там же. Т. 10. С. 212], арх. *Понеси тебя лешой* [Там же. Т. 14. С. 140], без указ. м. *Леший бы тя облобачил* [10. Т. 2. С. 597]) и *лешак* (вят., влг., арх., перм., костр., краснояр., новг., орл. *Лешак тебя (вас, его и т.п.) унеси (понеси, возьми, поberi, заberi)*, *Лешак бы тебя (вас, его и т.п.) взял, унес*, карел. *К лешаку пошёл* и др. [2. Т. 17. С. 30; 58. С. 506; 44. Т. 7. С. 85; 6. Т. 3. С. 120; 18]).

Фиксируется значительное количество наименований лешего, которые являются «эвфемизмами в квадрате», поскольку они, по всей видимости, фонетически шифруют само слово *леший*. Речь идет о двусложных демонах с начальным *ле-* (единично *ла-*), которые также отмечаются преимущественно в севернорусских говорах. Самым распространенным из них является слово *лэма(о)н* (влг., калуж., олон., вят., костр.), *леманёнок* (влг., костр.): влг. *Лэман на тебя*, влг. *Лэман с ним*, вят. *Лэмон поberi*, влг., костр. *Пошёл к лэману* [2. Т. 16. С. 346; 18; 17; 23. Т. 5. С. 182; 59. С. 233]. Встречаются также следующие лексемы: перм., новг., олон. *лáман*: *Лáман те возьми* (новг.) [2. Т. 16. С. 252; 47. С. 48]; новг. *лeгáн* [2. Т. 16. С. 309]; влг. *лéкан*: *Лéкан с тобой*, *Пошёл (кто) к лéкану*: «Ругалиси: ну, пошёл ты к лекану, к леману ли» [17]; влг., вят. *лéмex*: *К лéмexу подь* (влг.) [44. Т. 7. С. 63; 2. Т. 16. С. 248]; арх. *лéмор*: *Ну те к лéмору* [2. Т. 16. С. 350]; обл. *лэсман* ‘бранно: леший’ [Там же. С. 372]; брян., орл. *лэхман*: *Лэхман тебя задери* (брян.) [Там же. Т. 17. С. 29]; вят. *лешмáк* [23. Т. 5. С. 191]; вят., амур., влг. *лэшман* ‘бранно’ [Там же; 44. Т. 7. С. 86; 60. С. 84]². Следует полагать, что все указанные формы являются результатом переделки слова *леший* (*лесной*), осуществляющейся по фонетической модели эвфемизации, которая может давать весьма парадоксальные замены, не укладывающиеся в обычные схемы комбинаторных изменений и в словообразовательные модели. Финаль *-ман* (*-ан*), по некоторым предположе-

² Возможно, сюда же следует включить новг. *лемур* ‘домовой’, ‘дух умершего’ [58. С. 500].

ниям, является арготической (офенской) (см. об этом: [60. С. 84])³. Возможно, слова типа *леман* или *лешман* и возникли в рамках арготической номинации или под ее влиянием, а затем, варьируя словообразовательно, получили распространение в говорах. Кроме того, финаль *-ман* может быть результатом аттракции к слову *демон*, ср. метаязыковые высказывания носителей диалекта, указывающие на притяжение *лемон* ↔ *демон*: костр. «Не к лесному посылали, а к *леману*, так страшнее. *Леман* как *демон*, очень страшное слово», костр. «Какого лемана, какого демона – всё одно» [18].

Указанную группу слов хочется рассматривать в сопоставлении с созвучными, хотя и гетерогенными по происхождению, лексемами, имеющими относительно узкий целостный ареал: арх., влг., карел., олон., кольск., селигер., ленингр. *лёмбой* (редко *лёмбый*), кольск. *лёмбуй*: *Взял бы тебя лёмбой* (кольск.), *Лёмбой бы тебя взял* (селигер.), *Лёмбой ты* (ленингр.) [2. Т. 16. С. 347; 61. С. 72; 62. Т. 3. С. 200; 6. Т. 3. С. 110; 53. С. 436–437; 17]; арх., кольск., карел., влг. *лёмба*: *Лёмба несе ю* (карел.) *Лёмба возьми тебя* (карел.) [44. Т. 7. С. 63; 6. Т. 3. С. 110; 39. С. 74], карел. *лямба* [53. С. 436], заонеж. *лёмбос* [53. С. 437]. Фиксируется также форма *лембому* – в дательном падеже: ср. карел. *Ну ты к лёмбому* [39. С. 74]. Приведенные лексемы являются заимствованными и встраиваются, таким образом, в модель эвфемизации с помощью иноязычных слов. С.А. Мызников (вслед за Я. Калимой и др.) не сомневается в прибалтийско-финских истоках этих слов, при этом вариант *лембой* следует связывать с лив. *l'emboi*, вепс. *lemboi* ‘черт’, в то время как слово *лемба* этимологически ближе к карел. *lembo* ‘черт, дьявол’, ‘ругательно – черт, дьявол’ [63. С. 113; 53. С. 437]. Интересно, что в кольских говорах записано «дублетное» к *лембую*, но имеющее другой языковой источник слово *тёмбуй*: мурм. *На ты тёмбуй* – «На ты тёмбуй, лембуй на тебя, мы так лешакаемся» [39. С. 85; 6. Т. 3. С. 85], где *тёмбуй* ‘черт, леший’ < фин. *tuntrei* ‘отвратительный, омерзительный, противный’, карел. *tümbie* ‘некрасивый, дурной, плохой, уродливый’ [39. С. 85].

Гораздо реже встречаются проклятия, в которых используются другие эвфемистические способы выражения понятия «леший» – лексемы, апеллирующие к различным качественным характеристикам этого существа – внешним (ср. цветообозначение *синий*: костр. *Ну его туда к синему*: «Ну его туда к синему! – это значит, иди к лешему», ср. костр. *синий* ‘леший’: «Леший – не говорили раньше. Леший – слишком громко. А синий – мягче сказать. *Вот её синий понёс куда-то! Куда тебя синий понёс?»* [18]; *седой*: моск. *Иди ты к седому*, где *седой* ‘леший’: «Седой, гьворят, в лесу живёт, вроде чёртъ што ли» [64. С. 466]) и «иерархическим» – *большак*: влг. *Возьми тебя большак*, где *большак* – ‘леший’ ← ‘хозяин’, ср. устойчивое наименование *лесной хозяин*: «Большак в лесу хозяин, прямо не хотят ругаться, “большак” говорят» [17].

³ Ср., к примеру, замечание В. Добровольского, указывающего, что калуж. *леман* принадлежитargo портных [2. Т. 16. С. 346].

Встречаются и местоименные замены, как в случае костр. *Понеси тебя этот*: «Ну, понеси тебя этот! Лешего боялися называть» [18].

ДРУГИЕ ПРИРОДНЫЕ ДУХИ-ХОЗЯЕВА

Из других природных духов-хозяев в проклятиях ожидаемо упоминается **водяной**: арх. *Неси (понеси) водяной, Водяной* (кого-н.) *приволокёт* [27. Т. 5. С. 13], арх. *(Иди) к водяной силе* [Там же. С. 10], влг. *Водяной забири* [44. Т. 3. С. 142], костр. *Подбери водяник* [18]. Есть и другой лексический способ выражения этого понятия – **извод**: арх. *Извод с тобой*, олон. *Извод тя возьми*, олон. *К изводу тя* [2. Т. 12. С. 108–109], ср. олон., сев. *извод* ‘черт, дьявол; водяной’, ряз. *изводы* ‘то же’ [Там же]. Вероятно, перед нами производное от глагола *известить*, *изводить*; возможность образования таких форм подтверждается существованием ворон. *извода* ‘мучитель, мучительница; ехидный человек’ [Там же. С. 108]. Однако анимизация *извода*, наиболее явная в формуле *К изводу тя*, могла произойти в результате вторичного притяжения к лексемам, называющим водяного и образованным от предложно-падежной формы *из воды*, ср. ряз. *изводённый* ‘водяной, черт’: «Не купайся глубоко – изводённый», «Ох ты, изводённый» [Там же].

Встречается также отсылка к **горному**: якут. *Ступай к горному*, где *горный* – ‘дух, хозяин полей и пустынь в противоположность водяному’ [65. С. 457].

К именованиям природных духов, возможно, примыкает обозначение **вихрь**: костр. *Вихорь тя возьми* [18], тул. *Вихорь тебя расшиби (убей)* [2. Т. 4. С. 306], ср. ряз. *вихри* ‘летающие друг к другу в гости злые духи’ [Там же]. Представления о вихре – опасном ветре, в котором живут или который насылают злые демоны, – характерны для всех славян, в том числе и для русских на разных территориях (см.: [66]), ср. формулы отсылов у других восточных славян: белорус. *Пошоў к вихрам*, укр. *Бодай ты з вихром пишов!* [Там же. С. 381]. Не исключено, однако, что семантику лексемы *вихорь* в этих проклятиях следует восстанавливать просто как ‘ветер’, ср. злопожелания, где в качестве актора выступают указания на природное явление: олон. *Громовой бы силой взяло!* [2. Т. 7. С. 151], волгогр. *Гроза тебе в бок* [3. С. 122], костр. *Пола́ва* <полая вода> *(тебя) неси* [18] и пр.

В связи с *вихрем* упомянем еще более спорный случай – проклятья с участием слова **перун**, которое можно интерпретировать как имя мифологического персонажа (изначально – бога-громовержца) или просто как апеллятивное обозначение метеорологического явления – грома или молнии: смол. *Перу́н тебя (вас) забири*, смол. *Чтоб тебя перу́н забил (убил)* [51. Т. 8. С. 67], без указ. м. *Перун тебя возьми*, *Пусть перун тебя забереет*, *Каб тебя перун треснул*, пск. *Сбей тебя перун* и под. [2. Т. 26. С. 294]. Авторы [51] придерживаются первого подхода и реконструируют значение лексемы *перун*, фигурирующей в приведенных смоленских злопожеланиях, как ‘злой дух’. В свою очередь, авторы [2] отдельно демонологический смысл не выделяют и полагают, что речь идет просто о громовых раскатах и молнии. Без дополнительных контекстов – метаязыковых

высказываний диалектоносителей – окончательное решение принять невозможно, тем более что и мифоним и апеллатив возводятся к *рьрѣ, *рьрати* ‘бить, поражать’ и образованы в рамках одной словообразовательной модели, обозначая «тот, кто бьет» («то, что бьет») [40. Т. 3. С. 246].

ДОМАШНИЕ И ДВОРОВЫЕ ДУХИ

В составе бранных формул достаточно разнообразно представлены обозначения домового и дворового – «ближайших» к человеку демонов. Чаще всего встречаются проклятия со словами *жировик*, *жих(г)орь*: арх. *Понеси тебя жировік* [27. Т. 14. С. 140], арх. *Жіхорь с тобой* [44. Т. 3. С. 379], арх. *Жіхорь побери* [17], арх. *Да (а) ну (кого) к жіхорю (жіхарю)*, арх. *Жіхорь тебя возьми* [27. Т. 14. С. 240], арх. *Ну (кого) к жігору* [Там же. С. 68], арх. *Поди ты к жіхарю* [6. Т. 2. С. 70]. Демонимы этого ряда, входящие в конечном счете к *жить*, имеют внутреннюю форму «тот, кто проживает где-либо» [2. Т. 9. С. 185; 44. Т. 3. С. 379; 6. Т. 2. С. 70]. Соседство с человеком отражено в демониме *суседко*: арх. *А дави ты суседко*, где диал. шир. распр. *суседко* – ‘домовой’ [2. Т. 42. С. 296].

Другие обозначения домашних и дворовых духов содержат во внутренней форме указания на место их обитания (*домовилиха*: дон. *Домовілиха тебя заberi*, где *домовілиха* – ‘по суеверным представлениям – добрый или злой дух в образе женщины, живущий в доме’ [Там же. Т. 8. С. 119]; *хлевник*: иркут. *Чтоб тебя хлѣвник побрал*, ср. калуж., смол., новг., карел. *хлѣвник* ‘домовой, живущий в хлеву’ [Там же. Т. 50. С. 204]) или свойство вредоносности: *дурной*: ворон. *Дурной те возьми*, где *дурной* – ‘злой дух, нечистая сила; домовой’: «Ах, горя какая! Дурной-от всю лошадь измучал, кости да кожа только остались» [Там же. С. 270], *жма*: без указ. м. *Жма тебя побери*, где *жма* – ‘домовой’ (демоним отражает представления о том, что домовой давит, наваливается во сне) [39. С. 74].

В связи с негативными номинациями домашних демонов следует упомянуть интересный языковой факт – *покиша*, который в новгородских говорах называет овинника: новг. *Покиша тебя возьмёт* – «Покша тебя возьмёт, пугают. Что-то там есть, нечистая сила это» [58. С. 884], ср. новг. *пóкша*, а также *пáкша* и *о́кша* ‘нечистая сила’ – «Валяй, валяй в гумно, покша тебе там даст», «Покша картошку в овине пекёт, приговаривает: “Эта – покши, эта не, эта Ваньки, эта мне”. Покша вроде чѣрта, который живёт в гумне» (новг.) [Там же]. Вероятно, этот демоним – результат семантического развития новг. *пóкша*, *пáкша*, *о́кша* ‘левша’ [Там же], которые, наряду с лексемами типа новг. *пакила*, *пакиша*, влад. *пакуша*, нижегор. *пакула*, перм. *пакля* ‘левша, люкша, левая рука, шуйца’, арх. *пакля* (бран.) ‘вообще рука’, ‘неуклюжая, долгая, костлявая рука, сухая, сухотная’, ‘искалеченная, изуродованная рука’, *накорь* ‘человек с изуродованной, плохо действующей рукой’, вят. *пакля* ‘грязная, пачканая, неряшливая рука, уродливая рука’, новосиб. ‘беспалая рука’ и мн. др. [67], связываются со словами *пак*, *пакость*, *о́пак* (< **пак-*) [40. Т. 3. С. 189], родственным др.-

инд. *ápāśś-* ‘обращенный назад’, *ápāśśas* ‘в стороне, находящийся сзади’, лат. *opāscus* ‘тенистый’ (собственно ‘противопоставленный’) и др. [40. Т. 3. С. 142]⁴. Как отмечает Е.И. Якушкина, вопрос этот этимологически спорный («так как в словах типа рус. *накля* ‘рука’ <...> возможно усматривать морфему **kъl-*, связанную с *kolti»), однако «в пользу [их] сближения с *нак-* свидетельствует устойчивая семантическая связь слов типа *накша* <...> с физическими деформациями и ущербностью» – семантической доминантой гнезда *нак-* [67]. В русском языке в это гнездо также входят лексемы вроде *о́пак*, *о́пак* ‘назад, навзничь, наоборот’, ‘назад, навыворот’ [40. Т. 3. С. 189], влг. *наопакишу*, арх. *наопако*, *наопаику* ‘левой рукой или с левой стороны’, без указ. м. *опакуша* ‘левша, неловкий человек, делающий все наопако, наизворот’ и т.д. [67].

Если трактовать демоним *покиша* таким образом, то становится ясно, что он, как и упоминавшая выше номинация черта *ошеёнок* (если верна наша весьма гипотетичная реконструкция), транслирует идею «левизны», «перевёрнутости», кривизны, увечности, релевантную для образа нечистой силы (подробно об этом см., например, [68]). Ср. другие русские демонимы, созданные на этой мотивационной основе: новг. *кривой*, *косой* ‘черт’, рус. диал. *кривой вражонок* ‘черт’, *кривые бесы* ‘нечистая сила’, *кривой* ‘нечистый (дух)’, калуж., смол. *кривуша*, *кривуха* ‘русалка’ [Там же. С. 277, 284, 285], рус. *левый* ‘черт’ [Там же. С. 277], рус. *лукавый*, яросл. *луканька* ‘черт’ [40. Т. 2. С. 532] (< *lōka ‘изгиб, кривизна’ [69. Т. 1. С. 495]), в конце концов, само слово *черт*, восходящее к праслав. *čьrtь, которое, по одной из этимологических версий, прочитывается буквально как «обрезанный, укороченный», «что объясняется представлениями о физическом уродстве черта, “укороченной” ноге или хвосте» [25. С. 519].

Покиша, однако, даже на фоне этих «говорящих» демонимов обладает особой выразительностью, чему способствует его принадлежность к гнезду **pak-*, продолжения которого системно связываются с идеей нанесения сверхъестественного вреда и контакта с потусторонними силами, ср. только некоторые контексты, приводимые Е.И. Якушкиной (многие из них – со ссылкой на [18]), которая занималась этой темой подробно (см.: [70]): влг. «Ты почто наопако-то [через кулак] наливаєшь? Покойник в семье будёт», «Наопако [от себя, наотмашь] не бьют, сухотка прикинётся», арх. «Чего наопаику-то делаешь, ну тебя к дьяволу: ложку в левой руке дёржит» (что представляется опасным и следует делать только в ритуальных целях. – Е.Б., О.С.), арх. «Вихорь пошёу, дак нож-от в его кидают наопако [через голову назад]», «Ведьму опако [от себя, наотмашь] бьют, на-опакушу (тогда она рассыпется)», «От лешего надевай всю одежду опаком, опакушей» и т. д. [70. С. 168–169]. В этот ряд удачно встает также глагол, принадле-

⁴ Возможность трансформации *накша* > *покиша* объясняет свидетельство В.И. Даля о слове *пóкша*: «Это одно из замечательных слов, произносимых, наперекор говору, на низком (окающем, полоротом, сев. и вост.) наречии *пакшá*, а на высоком (акающем, зеворотом, южн., зап.) местами *пóкша*» [2. Т. 29. С. 27–28].

жащий к гнезду *рак- и зафиксированный в вологодских говорах: *пáкнуть* ‘стать (становиться) негодным, портиться’ ‘пропасть, исчезнуть, погибнуть, умереть’ [2. Т. 25. С. 158], ‘пропасть, исчезнуть’: «Деревня там была, потом все нарушили, спихали, все и пакнуло»; «Все заросло, все пакнуло, все забросили, все деревни пропали» [17].

ДРУГИЕ ДЕМОНЫ

В проклятиях встречаются единичные обозначения и других представителей нечистой силы, например оборотня (пск. *Обмѣн тебя возьми!* [24. С. 58], где пск. *обмѣн* ‘по суеверным представлениям: человек, обращенный или способный обращаться с помощью колдовства в какое-н. животное, в какой-н. предмет; оборотень’ [22. Т. 22. С. 235]) или *мары*: карел. *Мара возьмѣт тебя (его и т.п.)!* [32. С. 384]⁵.

***

Таков демонический «пантеон» русских проклятий (очевидно, неполный, но обнаруживающий основные закономерности поведения наименований «нечистиков» в злопожеланиях). Как мы упоминали выше, его ключевой особенностью является сравнительно небольшое идеографическое разнообразие, которое, скорее всего, объясняется желанием того, кто произносит проклятие, упомянуть «основных», широко известных и наиболее «действенных» духов, чтобы гарантированно достичь своей деструктивной цели. Бедность идеографической «палитры» компенсируется разнообразием способов номинации зловредных мифологических существ, среди которых встречается как «прямоговорение» (непосредственное упоминание имени демона, ср. *черт, леший, водяной* и под.), так и многочисленные эвфемистические замены – фонетические, местоименные, с помощью заимствованных слов, внешних и поведенческих характеристик демона и т.д. Стремление к эвфемизации демонимов в составе злопожеланий связано с опасностью и непристойностью чертыхания, становящегося особенно действенным и разрушительным, когда оно попадает в контекст проклятия, которое само по себе является табуизированным жанром.

В эту статью не вошла довольно обширная группа проклятий, которые содержат лексемы, обладающие вторичной мифологической семантикой и реализующие модель «название болезни → название демона» (например, ворон. *Фитина его забири* [2. Т. 49. С. 124], где *фитина* – ‘нечистая сила, черт’ ← ‘болезнь, вызывающая нервное расстройство, эпилепсию у детей’ < *хитина* ‘о разных болезнях’ [Там же. Т. 50. С. 139–140]), а также полисемичные слова, которые обозначают болезни и представителей нечистой силы без отношений семантической деривации между лексико-

---

⁵ Нужно отметить, что в [6. Т. 2. С. 173], на который авторы [32] ссылаются как на первичный источник, это выражение не встречается.

семантическими вариантами (например, курск., орл., тамб., тул., ряз., ворон., дон. *Игрец тебя возьми (избей, изломай, разломай* и т.д.) [2. Т. 12. С. 70], где *игре́ц* может означать ‘нечистый или злой дух, бес; домовый’ и/или ‘истерический припадок, сопровождающийся криком’, ‘паралич (ног или крестца)’ [Там же]). Такие случаи следует исследовать отдельно и системно, поскольку они иллюстрируют сложное и интересное явление синкретичности народных представлений о недугах и демонах, которое особенно ярко высвечивается в контексте жанра проклятия, с присущей последнему «огульной» анимизацией. Это и составляет перспективу наших исследований.

Литература

1. Виноградова Л.Н., Седакова И.А. Проклятие // Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 286–294.
2. Словарь русских народных говоров / отв. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М. ; Л. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
3. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун ; под ред. Р.И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград : Издатель, 2011.
4. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1983.
5. Словарь пермских говоров / под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Пермь : Книжный мир, 2000–2002. Вып. 1–2.
6. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А.С. Герд. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1994–2005.
7. Чередник В.А. Вербальные формулы проклятий в русском языке : дипл. работа. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 2006.
8. Козельская И.В. Синтаксическая структура и компонентный состав диалектных устойчивых выражений со значением недоброго пожелания как отражение мировосприятия носителей говоров : дис. ... канд. филол. наук. Орел : Орл. гос. ун-т, 2004.
9. Виноградова Л.Н. «Отсылка к нечистой силе» – общеславянский мотив проклятий // Заједничко у словенском фолклору. Зборник радова / ур. Љ. Раденковић. Београд : Балканолошки институт САНУ, 2012. С. 47–62.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. СПб. ; М. : Изд. М.О. Вольфа, 1880–1882 (1989).
11. Березович Е.Л., Сурикова О.Д. Названия болезней в русских проклятиях // Славянское и балканское языкознание: Славистика. Индоевропеистика. Культурология: К 90-летию со дня рождения Владимира Николаевича Топорова. М., 2019. С. 111–140.
12. Березович Е.Л., Сурикова О.Д. Злопожелания в диалектных словарях русского языка: проблемы лексикографической интерпретации // Известия Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 4 (169). С. 9–21.
13. Березович Е.Л., Сурикова О.Д. К реконструкции лексического состава русских народных проклятий: общая характеристика предиката проклятия // Jezikoslovní zapiski. 2017. № 2 (23). S. 67–81.
14. Березович Е.Л., Сурикова О.Д. К семантической реконструкции лексики проклятий (на материале говоров Волго-Двинского междуречья) // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23: Специальный выпуск. С. 28–33.
15. Березович Е.Л., Сурикова О.Д. Пространственные и временные маркеры в текстах русских проклятий (на материале лексики русских народных говоров) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН / гл. ред. А.М. Молдован. XII: Диалектология. М., 2017. С. 137–159.

16. Березович Е.Л., Сурикова О.Д. К реконструкции лексического состава проклятий: категория актора и особенности ее реализации в текстах (на материале русских народных говоров) // Вопросы языкознания. 2018. № 3. С. 89–111.

17. *Картотека «Словаря говоров Русского Севера»* (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).

18. *Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета* (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).

19. *Словарь вологодских говоров* : в 12 вып. / под ред. Т.Г. Паникаровской. Вологда : Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

20. Подюков И.А., Поздеева С.М., Свалова Е.Н., Хоробрых С.В., Черных А.В. *Словарь русских говоров Южного Прикамья* : в 3 вып. / науч. ред. И.А. Подюков. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012.

21. *Афанасьева-Медведева Г.В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Санкт-Петербург ; Иркутск : Ин-т филологии СО РАН, 2007–. Т. 1–.

22. *Псковский областной словарь с историческими данными*. Л. ; СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1967–. Вып. 1–.

23. *Областной словарь вятских говоров* / под ред. В.Г. Долгушева, З.В. Сметаниной. Киров : Коннектика : Изд-во ВятГГУ : Радуга-ПРЕСС, 1996–. Вып. 1–.

24. *Словарь псковских пословиц и поговорок* / сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб. : Норинт, 2001.

25. Березович Е.Л., Виноградова Л.Н. Черт // *Славянские древности : этнолингвистический словарь* : в 5 вып. / под ред. Н.И. Толстого. М., 2012. Т. 5. С. 519–527.

26. *Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв.* / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. М.Н. Власовой. СПб. : Пушкинский Дом, 2015.

27. *Архангельский областной словарь* / под ред. О.Г. Гецевой. М. : Изд-во Моск. ун-та : Наука, 1980–. Вып. 1–.

28. *Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы* : материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 1 : Костромская и Тверская губернии / сост. И.И. Шангина, Е.Л. Мадлевская. СПб. : Деловая полиграфия, 2004.

29. *Ярославский областной словарь* : в 10 вып. / под ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль : Изд-во Яросл. гос. пед. ин-та, 1981–1991.

30. *Словарь русских говоров Среднего Урала* : в 7 т. / под ред. А.К. Матвеева. Свердловск : Среднеурал. кн. изд-во : Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.

31. Березович Е.Л. *Язык и традиционная культура : этнолингвистические исследования*. М. : Индрик, 2007.

32. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. *Большой словарь русских поговорок*. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2013.

33. *Фразеологический словарь пермских говоров* / сост. К.Н. Прокошева. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002.

34. Романов Д.А., Красовская Н.А. *Словарь тульских говоров*. Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2015.

35. Аникин А.Е. *Русский этимологический словарь*. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1–.

36. Живов В.М. *Исторический очерк о церковнославянском языке* // Плетнева А.А., Кравецкий А.Г. *Церковнославянский язык*. М., 2006. С. 9–20.

37. *Словарь орловских говоров* / под ред. Т.В. Бахваловой. Ярославль ; Орел : ЯГПИ им. К.Д. Ушинского : ОГПУ, 1989–. Вып. 1–.

38. *Словарь русских говоров Башкирии: А–Я* / под ред. З.П. Здобновой. Уфа : Гилем, 2008.

39. Черепанова О.А. *Мифологическая лексика Русского Севера*. Л. : Изд-во ЛГУ, 1983.

40. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.
41. Сими́на Г. Я. Пинежский говор: материалы по русской диалектологии. Калининград : Калининград. гос. пед. ун-т, 1976.
42. Березович Е.Л., Сурикова О.Д. О лингвопрагматике русских демонимических проклятий. Рукопись.
43. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева. М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.
44. Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева, М.Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
45. Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия) : в 8 т. / под ред. Р.В. Семенковой. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1978–2006.
46. Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков : в 4 т. Оренбург : Оренбург. кн. изд-во, 2002–2003.
47. Куликовский Г.И. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
48. Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб. : Наука, 2004.
49. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва ; Новосибирск : СО РАН, 2000.
50. Словарь русских донских говоров : в 3 т. / авт.-сост. З.В. Валюсинская и др. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1975–1976.
51. Словарь смоленских говоров : в 11 вып. / отв. ред. Л.З. Бояринова, А.И. Иванова. Смоленск : СГПИ/СГПУ, 1974–2005.
52. Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л.А. Ивашко. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2003–2005.
53. Мызников С.А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019.
54. Этнодиалектный словарь мифологических рассказов Пермского края. Ч. 1 : Люди со сверхъестественными свойствами / сост. И.И. Русинова (науч. ред.), А.В. Черных, К.Э. Шумов, С.Ю. Королёва. СПб. : Маматов, 2019. 862 с.
55. Дуров И.М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / отв. ред. И.И. Муллонен. Петрозаводск : ИЯЛИ КНЦ РАН, 2011.
56. Левкиевская Е.Е. Леший // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 104–109.
57. Левкиевская Е.Е. Водяной дух // Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. Т. 4 : Духи домашнего и природного пространства. Нелокализованные персонажи / сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. М. : ЯСК, 2019. С. 299–336.
58. Новгородский областной словарь / изд. подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. СПб. : Наука, 2010.
59. Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А.И. Левичкин, С.А. Мызников. СПб. : Наука, 2006.
60. Крючкова Л.Л. Комментарий к «Словарной картотеке Г.С. Новикова-Даурского». Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2014.
61. Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск : Мурман. кн. изд-во, 1979.
62. Селигер: Материалы по русской диалектологии : словарь / под ред. А.С. Герда. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2003–. Вып. 1–.
63. Мызников С.А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб. : Наука, 2003.

64. *Словарь* говоров Подмоскovie / под ред. А.Ф. Войтенко. М. : [б. и.], 1969.
65. *Зотов Г.В.* Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А.А. Соколянского. Магадан : Изд-во СВГУ, 2010.
66. *Левкиевская Е.Е.* Вихрь // *Славянские древности: этнолингвистический словарь* : в 5 вып. / под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 379–382.
67. *Якушкина Е.И.* Сербохорватская этическая лексика в этнолингвистическом освещении : дис. ... канд. филол. наук. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2003.
68. *Толстая С.М. Кривой* // Толстая С.М. Пространство слова: Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. С. 275–289.
69. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1999.
70. *Якушкина Е.И.* Оппозиции «прямой – кривой» и «прямой – обратный» и их культурные коннотации // *Признаковое пространство культуры* / отв. ред. С.М. Толстая. М., 2002. С. 163–183.

Names of Evil Spirits in Russian Imprecations

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 67. 5–28. DOI: 10.17223/19986645/67/1

Elena L. Berezovich, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: berezovich@yandex.ru

Olesia D. Surikova, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: surok62@mail.ru

Keywords: Russian dialect vocabulary, imprecations, semantic reconstruction, etymology, verbal magic, lingua-pragmatics, folk religion, demonymy.

The research is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-18-00223 “Etymological and Semantic Reconstruction of the Russian Dialect Vocabulary”.

The work continues the authors' series of articles devoted to the study of the vocabulary of Russian imprecations. It is aimed at the study of demonyms that are used in imprecations. The article is based on the material of Russian dialect vocabulary, the authors use the maximum number of dialect dictionaries available today, dialectal archives, primarily the lexical files of *The Dictionary of Dialects of the Russian North* and of the Toponymic Expedition of the Ural University. For the most part, the fieldwork material used in the article is published for the first time. The authors identify the nominations of evil spirits which are mentioned in imprecations and establish how often this happens, indicate the reasons for such preferences of the speaker; identify the features of demonyms in terms of the motives of nomination and mechanisms of euphemization. From an ideographic point of view, the “pantheon” of imprecations is rather poor: these texts mostly mention *chort* and *leshy* (in the dialects of the Russian North and in the affiliate dialects), they mention other demons (*vodyanoy*, *domovoy*, etc.) much less often. This is due to the fact that the speaker tries to mention the most dangerous and effective evil forces, not the numerous “minor” demons. Ideographic scarcity is compensated by the variety of ways of a demon's nomination. They are: direct speech (direct mention of the name of the spirit, cf. *chort*, *leshy*, *vodyanoy*, etc.); numerous euphemistic substitutions—phonetic (*leman*, *lekhman*, *leshmak* instead of *leshy*), pronominal (*etot* ‘this’, *tot* ‘that’, *ikhman* < *ikh* ‘their’ instead of *chort*, *leshy*); loanwords (*vergoi* < Finnish *verkanen*, Karelian *verka*, *verga* ‘chort’, *keremet* < Chuvash *kiremet* ‘evil spirit’, *laytay* < Buryat *layaty* ‘sly, sneaky’, and others instead of *chort*), external (*koryavyi* ‘crooked’, *chyornyy* ‘black’, *zelyonny* ‘green’ instead of *chort*) and behavioral (*lyutyi* ‘fierce’, *likhoi* ‘dashing’, *okayannyi* ‘cursed’, *nalyotnyy* ‘blown in’ instead of *chort*) characteristics of a demon, etc. The desire to euphemize demonyms as part of malevolence is associated with the danger and obscenity of cursing. It becomes especially effective and destructive when

falling into the context of imprecations, which are tabooed themselves. People believe that cursing is dangerous both for the addressee and for the author of the malevolence, even the use of profanity is more preferable than calling evil spirits by name. Among other things, the authors of the article present motivational solutions for a number of etymologically undetermined lexemes that appear in the formulas of imprecations as names of evil spirits: *mosyak*, *osheyonok*, *chyokish*, *poksha*, etc.

References

1. Vinogradova, L.N. & Sedakova, I.A. (2009) Proklyatie [Imprecation]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 4. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 286–294.
2. Filin, F.P., Sorokoletov, F.P. & Myznikov, S.A. (eds) (1965–cont.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Moscow; Leningrad: Nauka.
3. Kudryashova, R.I. (ed.) (2011) *Slovar' donskikh govorov Volgogradskoy oblasti* [Dictionary of the Don Dialects of the Volgograd Region]. 2nd ed. Volgograd: Izdatel'.
4. Fedorov, A.I. (ed.) (1983) *Frazeologičeskij slovar' russkikh govorov Sibiri* [Phraseological Dictionary of Russian Dialects of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
5. Borisova, A.N. & Prokosheva, K.N. (eds) (2000–2002) *Slovar' permskikh govorov* [Dictionary of Perm Dialects]. Vols 1–2. Perm: Knizhnyy mir.
6. Gerd, A.S. (ed.) (1994–2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian Dialects of Karelia and Adjacent Regions]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
7. Cherednik, V.A. (2006) *Verbal'nye formuly proklyatij v russkom yazyke* [Verbal Formulas of Imprecations in Russian]. Bachelor's Thesis. Yekaterinburg.
8. Kozel'skaya, I.V. (2004) *Sintaksicheskaya struktura i komponentnyy sostav dialektnykh ustoychivyykh vyrazheniy so znacheniem nedobrogo pozhelaniya kak otrazhenie mirovospriyatiya nositeley govorov* [Syntactic Structure and Component Composition of Fixed Dialect Expressions with the Meaning of Unkind Wishes as a Reflection of the Worldview of Dialect Speakers]. Philology Cand. Diss. Orel.
9. Vinogradova, L.N. (2012) “Otsylka k nechistoy sile” – obshcheslavyanskij motiv proklyatij [“A reference to evil spirits”: A common Slavic motif of imprecations]. In: Radenković, L. (ed.) *Zajedničko u slovenskom folkloru* [Common in Slavic Folklore]. Belgrade: Institute for Balkan Studies. pp. 47–62.
10. Dal', V.I. (1989) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 2nd ed. Saint Petersburg; Moscow: Izdatel'stvo M.O. Vol'fa.
11. Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2019) Nazvaniya bolezney v russkikh proklyatiyakh [The names of diseases in Russian imprecations]. In: Zhuravlev, A.F. et al. (eds) *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie: Slavistika. Indoevropēistika. Kul'turologiya. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Nikolaevicha Toporova* [Slavic and Balkan linguistics: Slavic Studies. Indo-European Studies. Culturology. On the 90th anniversary of the birth of Vladimir Nikolaevich Toporov]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS. pp. 111–140. DOI: 10.31168/7996-2700-3.12
12. Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2017a) Ill Wishes in Russian Dialect Dictionaries: Issues of Lexicographic Interpretation. *Izvestiya Ural. feder. un-ta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*. 4 (169). pp. 9–21. (In Russian). DOI: 10.15826/izv2.2017.19.4.060
13. Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2017b) Reconstructing the vocabulary of Russian popular imprecations: general characteristics of the imprecation predicate. *Jezikoslovní zapiski*. 2 (23). pp. 67–81. (In Russian). DOI: 10.3986/JZ.23.2.6901
14. Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2017c) On the semantic reconstruction of imprecations vocabulary (with reference to the patois of the interfluvium between the Volga and

the Dvina rivers). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Kostroma State University*. S (23). pp. 28–33. (In Russian).

15. Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2017d) Prostranstvennye i vremennye markery v tekstakh russkikh proklyatiy (na materiale leksiki narodnykh govorov) [Space and time markers in the texts of Russian imprecations (with reference to the Russian dialects vocabulary)]. In: Moldovan, A.M. (ed.) *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute]. Vol. XII. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS. pp. 137–159.

16. Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2018) Reconstructing the lexicon of imprecations: The category of actor and peculiarities of its textual implementation (with special reference to Russian dialectal vocabulary). *Voprosy yazykoznaniiya*. 3. pp. 89–111. (In Russian). DOI: 10.7868/S0373658X18030042

17. Kartoteka “*Slovarya govorov Russkogo Severa*” [Card index “Dictionary of Dialects of the Russian North”]. Yekaterinburg: Ural Federal University.

18. *Leksicheskaya kartoteka Toponimicheskoy ekspeditsii Ural'skogo federal'nogo universiteta* [Lexical card index of the Toponymic Expedition of the Ural Federal University]. Yekaterinburg: Ural Federal University.

19. Panikarovskaya, T.G. (ed.) (1983–2007) *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda Dialects]. Vologda: Vologda State Pedagogical University.

20. Podyukov, I.A. et al. (2010–2012) *Slovar' russkikh govorov Yuzhnogo Priam'ya* [Dictionary of Russian Dialects of the Southern Kama Region]. Perm: Perm State Pedagogical University.

21. Afanas'eva-Medvedeva, G.V. (2007–cont.) *Slovar' govorov russkikh starozhilov Baykal'skoy Sibiri* [Dictionary of Dialects of Russian Old-Timers of Baikal Siberia]. Sankt-Peterburg; Irkutsk: Institute of Philology of SB RAS.

22. Lebedeva, A.I. & Mzhel'skaya, O.S. (eds) (1967–cont.) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. Leningrad; Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.

23. Dolgushev, V.G. & Smetanina, Z.V. (eds) (1996–cont.) *Oblastnoy slovar' vyatskikh govorov* [Regional Dictionary of Vyatka Dialects]. Kirov: Konnektika; Vyatka State University of Humanities; Raduga-PRESS.

24. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (eds) (2001) *Slovar' pskovskikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Pskov Proverbs and Sayings]. Saint Petersburg: Norint.

25. Berezovich, E.L. & Vinogradova, L.N. (2012) Chert [Devil]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 519–527.

26. Vlasova, M.N. (ed.) (2015) *Mifologicheskie rasskazy russkikh krest'yan XIX–XX vv.* [Mythological Stories of Russian Peasants of the 19th–20th Centuries]. Saint Petersburg: Pushkinskiy Dom.

27. Getsova, O.G. (ed.) (1980–cont.) *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Moscow: Moscow State University; Nauka.

28. Shangina, I.I. & Madlevskaya, E.L. (eds) (2004) *Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nравy: materialy “Etnograficheskogo byuro” knyazya V.N. Tenisheva* [Russian Peasants. Life. Routine. Morals: Materials of the “Ethnographic Bureau” of Prince V.N. Tenishev]. Vol. 1. Saint Petersburg: Delovaya poligrafiya.

29. Mel'nichenko, G.G. (ed.) (1981–1991) *Yaroslavskiy oblastnoy slovar'* [Yaroslavl Regional Dictionary]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.

30. Matveev, A.K. (ed.) (1964–1987) *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala* [Dictionary of Russian Dialects of the Middle Urals]. Sverdlovsk: Sredneural'skoe knizhnoe izd-vo; Ural State University.

31. Berezovich, E.L. (2007) *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik.

32. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2013) *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [Large Dictionary of Russian Sayings]. Moscow: OLMA Media Grupp.

33. Prokosheva, K.N. (ed.) (2002) *Frazeologicheskiy slovar' permskikh govorov* [Phraseological Dictionary of Perm Dialects]. Perm: Perm State Pedagogical University.
34. Romanov, D.A. & Krasovskaya, N.A. (2015) *Slovar' tul'skikh govorov* [Dictionary of Tula Dialects]. Tula: Tula State Pedagogical University.
35. Anikin, A.E. (2007–cont.) *Russkiy etimologicheskiy slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.
36. Zhivov, V.M. (2006) Istoricheskiy ocherk o tserkovnoslavyanskom yazyke [Historical sketch of the Church Slavonic language]. In: Pletneva A.A., Kravetskiy A.G. *Tserkovnoslavyanskiy yazyk* [Church Slavonic Language]. Moscow: Izd. sovet RPTs. pp. 9–20.
37. Bakhvalova, T.V. (ed.) (1989–cont.) *Slovar' orlovskikh govorov* [Dictionary of Oryol Dialects]. Yaroslavl; Orel: Yaroslavl State Pedagogical University; Orel State Pedagogical University.
38. Zdobnova, Z.P. (ed.) (2008) *Slovar' russkikh govorov Bashkirii: A–Ya* [Dictionary of Russian Dialects of Bashkiria: A–Ya]. Ufa: Gilem.
39. Cherepanova, O.A. (1983) *Mifologicheskaya leksika Russkogo Severa* [Mythological Vocabulary of the Russian North]. Leningrad: Leningrad State University.
40. Vasmer, M. (1964–1973) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German by O.N. Trubacheva. Moscow: Progress.
41. Simina, G.Ya. (1976) *Pinezhskiy govor: materialy po russkoy dialektologii* [Pinega Dialect: Materials on Russian Dialectology]. Kaliningrad: Kaliningrad State Pedagogical University.
42. Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (n.d.) *O lingvopragmatike russkikh demonimicheskikh proklyatiy* [On the Linguopragmatics of Russian Demonymic Imprecations]. Manuscript.
43. Trubachev, O.N. & Zhuravlev, A.F. (eds) (1974–cont.) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Proto-Slavic lexical fund]. Moscow: Nauka.
44. Matveeva, A.K. & Rut, M.E. (eds) (2001–cont.) *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of Dialects of the Russian North]. Yekaterinburg: Ural State University.
45. Semenkova, R.V. (ed.) (1978–2006) *Slovar' russkikh govorov na territorii Mordovskoy ASSR (Slovar' russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviya)* [Dictionary of Russian Dialects on the Territory of the Mordovian ASSR (Dictionary of Russian dialects on the territory of the Republic of Mordovia)]. Saransk: Mordovia State University.
46. Malecha, N.M. (2002–2003) *Slovar' govorov ural'skikh (yaitskikh) kazakov* [Dictionary of Dialects of the Ural (Yaik) Cossacks]. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo.
47. Kulikovskiy, G.I. (1898) *Slovar' oblastnogo olonetskogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the Regional Olonets Dialect in Its Everyday and Ethnographic Application]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.
48. Myznikov, S.A. (2004) *Leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v russkikh govorakh Severo-Zapada: etimologicheskiy i lingvogeograficheskiy analiz* [Finno-Ugric Vocabulary in Russian Dialects of the North-West: Etymological and Linguo-Geographical Analysis]. Saint Petersburg: Nauka.
49. Anikin, A.E. (2000) *Etimologicheskiy slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Russian Dialects of Siberia: Borrowings from the Uralic, Altai and Paleoasian languages]. Moscow; Novosibirsk: SB RAS.
50. Valyusinskaya, Z.V. et al. (eds) (1975–1976) *Slovar' russkikh donskikh govorov* [Dictionary of Russian Don Dialects]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
51. Boyarinova, L.Z. & Ivanova, A.I. (eds) (1974–2005) *Slovar' smolenskikh govorov* [Dictionary of Smolensk Dialects]. Smolensk: Smolensk State Pedagogical Institute/Smolensk State Pedagogical University.

52. Ivashko, L.A. (ed.) (2003–2005) *Slovar' russkikh govorov Nizovoy Pechory* [Dictionary of Russian Dialects of the Lower Pechora]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
53. Myznikov, S.A. (2019) *Russkiy dialektnyy etimologicheskii slovar'. Leksika kontaknykh regionov* [Russian Dialect Etymological Dictionary. Lexicon of contact regions]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
54. Rusinova, I.I. et al. (eds) *Etnodialektnyy slovar' mifologicheskikh rasskazov Permskogo kraia* [Ethnodialect Dictionary of Mythological Stories of the Perm Region]. Pt. 1. Manuscript.
55. Durov, I.M. (2011) *Slovar' zhivogo pomorskogo yazyka v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the Living Pomor Language in Its Everyday and Ethnographic Application]. Petrozavodsk: ILLH KarRC RAS.
56. Levkievskaya, E.E. (2004) Leshiy [Leshy]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskii drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 104–109.
57. Levkievskaya, E.E. (2019) Vodyanoy dukh [Water spirit]. In: Vinogradova, L.N. & Levkievskaya, E.E. (eds) *Narodnaya demonologiya Poles'ya: Publikatsii tekstov v zapisyakh 80–90-kh gg. XX veka* [Folk Demonology of Polesie: Publications of texts in the records of the 1980s–1990s.]. Vol. 4. Moscow: YaSK. pp. 299–336.
58. Levichkin, A.N. & Myznikov, S.A. (eds) (2010) *Novgorodskiy oblastnoy slovar'* [Novgorod Regional Dictionary]. Saint Petersburg: Nauka.
59. Levichkin, A.N. & Myznikov, S.A. (eds) (2006) *Slovar' oblastnogo vologodskogo narechiya. Po rukopisi P.A. Dilaktorskogo 1902 g.* [Dictionary of the Regional Vologda Dialect. Based on the Manuscript by P.A. Dilaktorsky of 1902]. Saint Petersburg: Nauka.
60. Kryuchkova, L.L. (2014) *Kommentarii k "Slovarnoy kartoteke G.S. Novikova-Daurskogo"* [Commentary on the Card-Catalogue Dictionary of G.S. Novikov-Daursky]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University.
61. Merkur'ev, I.S. (1979) *Zhivaya rech' kol'skikh pomorov* [Live Speech of the Kola Pomors]. Murmansk: Murmanskoe knizhnoe izdatel'stvo.
62. Gerd, A.S. (ed.) (2003–cont.) *Seliger: Materialy po russkoy dialektologii* [Seliger: Materials on Russian Dialectology]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
63. Myznikov, S.A. (2003) *Russkie govory Obonezh'ya: areal'no-etimologicheskoe issledovanie leksiki pribaltiysko-finskogo proiskhozhdeniya* [Russian Dialects of Obonezh'e: Areal-etymological study of vocabulary of Baltic-Finnish origin]. Saint Petersburg: Nauka.
64. Voytenko, A.F. (ed.) (1969) *Slovar' govorov Podmoskov'ya* [Dictionary of Dialects of the Moscow Region]. Moscow: [s.n.].
65. Zotov, G.V. (2010) *Slovar' regional'noy leksiki Kraynego Severo-Vostoka Rossii* [Dictionary of Regional Vocabulary of the Far North-East of Russia]. Magadan: North-East State University.
66. Levkievskaya, E.E. (1995) Vikhr' [Whirlwind]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskii drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 379–382.
67. Yakushkina, E.I. (2003) *Serbohrvatskaya eticheskaya leksika v etnolingvisticheskom osveshchenii* [Serbo-Croatian Ethical Vocabulary in Ethnolinguistic Coverage]. Philology Cand. Diss. Moscow: Institute of Slavic Studies of RAS.
68. Tolstaya, S.M. (2008) *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshch斯拉vianskoy perspektive* [Word Space. Lexical Semantics in a Common Slavic Perspective]. Moscow: Indrik. pp. 275–289.
69. Chernykh, P.Ya. (1999) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. 3d ed. Moscow: Russkiy yazyk.
70. Yakushkina, E.I. (2002) Oppozitsii "pryamoy–krivoy" i "pryamoy–obratnyy" i ikh kul'turnye konnotatsii [Oppositions "straight–curved" and "direct–reverse" and their cultural connotations]. In: Tolstaya, S.M. (ed.) *Priznakovoe prostranstvo kul'tury* [Characteristic Space of Culture]. Moscow: Indrik. pp. 163–183.

УДК 811.1:008+316.7(571.1/.5)

DOI: 10.17223/19986645/67/2

Т.А. Демешкина, Е.Е. Дутчак

СОЦИОКОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТРАНСГРАНИЧЬЯ: МОДЕЛЬ РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОГО ЛАНДШАФТА СИБИРИ⁶

Обосновывается эффективность междисциплинарного подхода к изучению культурно-языкового ландшафта Сибири как трансграничного региона, формирующегося на протяжении длительного исторического периода под влиянием интегративных и дезинтегративных тенденций. Предлагается модель реконструкции социокоммуникативного пространства региона, состоящая из четырех компонентов («физический субстрат», «системы регулирования», «интеракции и действия», «символическое кодирование и восприятие»).

Ключевые слова: трансграничье, культурно-языковой ландшафт, модель, социокоммуникативное пространство, Сибирь.

Введение

Противоречия между интеграционными ценностями глобального мира и национальными, этническими идеологиями, нацеленными на воспроизводство собственных культурных и языковых практик, находятся в исследовательском фокусе целого ряда гуманитарных дисциплин. Названные противоречия существуют не только в областях, которые принято называть фронтальными, но и в регионах со срединным геополитическим положением. Именно такие регионы, история и / или современность которых связаны с включенностью их в международные торговые пути, а стационарная поселенческая (городская и сельская) сеть сложилась в результате длительных внешних и внутренних миграций, контактов пришлых и индигенных этносов, являются уникальной исследовательской площадкой для решения **фундаментальной научной проблемы** выявления факторов, обеспечивающих прочность и устойчивость локальных форм языкового и социокультурного пространства в условиях маятниковой актуализации интегративных и дезинтегративных тенденций. В данной статье она решается на примере сибирского региона с привлечением языковых, литературных, историко-культурных, археологических данных.

Феномен «трансграничья». Культурно-языковой ландшафт Сибири как междисциплинарный объект исследования. Решение поставленной задачи предполагает обращение к феномену трансграничности.

---

⁶ Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

В настоящее время термин используется преимущественно в политологической научной литературе при изучении влияния экономического сотрудничества на «размывание» границ национальных государств [1, 2]. Вместе с тем уже с 70-х гг. XX в. предпринимаются попытки его реинтерпретации и, как следствие, формирования новой исследовательской оптики. Этот факт нашел отражение в работах, определяющих трансграничный регион как исторически сложившуюся территорию, которая в течение длительного времени существовала в по-, между- и надграницных состояниях и сохранила их «следы» в инфраструктуре, средствах жизнеобеспечения, социально-правовых нормах, менталитете и языке населения [3–5].

Такая трактовка включает Сибирь в число территорий, обладающих признаками трансграничности. С XI в. она стала частью Евразийской торговой магистрали, с XVIII в. ее географическое положение осмысливалось в системе «просвещенный запад» / «дикий восток» и с помощью концепта «движение». Для имперской администрации она выступала местом перемещения податного населения и ссыльных, плацдармом для геополитической экспансии; для интеллектуальной элиты воплощала успешное расширение «христианской цивилизации»; для русского крестьянина предоставляла возможность избежать давления государственных модернизационных реформ и получить свободу хозяйствования и вероисповедания.

Вынужденные и добровольные переселения, контакты легальных и нелегальных мигрантов разной социальной принадлежности друг с другом и с индигенными народами, находящимися на разных стадиях политического и экономического развития, сформировали сложную языковую и историко-культурную палитру региона [6]. Отличия в картинах мира населения, живущего в прилегающих к основным транспортным путям районах [7. С. 217–283] или удаленных от них, отражены в репрезентациях Сибири, иногда имеющих взаимоисключающий характер. В зависимости от времени создания, места и назначения литературного, идеологического и конфессионального текста территория «за Уралом» могла представлять как локусом-хранителем традиций, так и местом ссылки, каторги и произвола, разрушающего или деформирующего культурно значимые императивы и ценности [8–10].

Не умаляя важности изучения названных аспектов, по-прежнему находящихся в поле зрения лингвистики и литературоведения, истории и археологии, отметим, что дисциплинарная изолированность является эффективной лишь при рассмотрении обстоятельств генезиса и характерных черт локальных культурно-языковых или социальных общностей. Проблема заключается не только в том, что дальнейшее продвижение в изучении сибирских диалектов и сибирской литературы требует привлечения материалов по истории аграрной колонизации и промышленной модернизации края, а реконструкция этапов становления «имперской», «советской» и «постсоветской» Сибири обращения к региональному литературному наследию и эмпирическим данным об изменениях повседневной речи населяющих ее народов и конфессий, но и в необходимости разработки единых методологических оснований для изучения сложных социокуль-

турных феноменов. В научной литературе последних десятилетий использование результатов исследований в смежных областях знания часто определяется как междисциплинарный и/или комплексный подход. В действительности междисциплинарность может выступить продуктивной стратегией при условии, если она не ограничена задачей взаимного увеличения валидности выводов, но предполагает выбор единого объекта – в нашем случае это феномен «сибирского трансграничья» – и теоретико-методических оснований его анализа.

Постановка вопроса обращает к идущим с конца 1990-х гг. дискуссиям о пространстве – является ли оно независимой от людей физической реальностью или социально конструируемой величиной. В ходе «пространственного поворота» (spatial turn), основанием которого стали работы Г. Зиммеля, П. Бурдьё, А. Лефевра и Э. Гидденса, предложивших пути преодоления искусственных разрывов в изучении объективных структур и представлений о них, наметился постепенный отказ от внеисторического понимания пространства (зарубежную и российскую историографию вопроса см.: [11. С. 15–16, 31–32; 12; 13]).

Целевая установка нового подхода, наиболее ярко выраженная формулировкой «пространств не существует, пространства создаются» [14], в изучении Сибири имеет первостепенное значение. Во-первых, она позволяет дифференцировать типы коммуникаций, проявляющие себя на каждом этапе ее исторического развития: рожденные самой ситуацией движущейся границы, возникшие под влиянием нормативных и властных институтов и обусловленные схемами восприятия, мышления и действия социальных групп. Во-вторых, она делает возможным научный анализ ключевых признаков трансграничья – многослойности и дискретности. Например, для Сибири выражением многослойности является пересечение вертикальных и горизонтальных коммуникаций: государственные связи с метрополией всегда сосуществовали с естественно сложившимися межэтническими и межконфессиональными контактами населения, в том числе с соседними регионами и странами. Это обеспечило единообразие привнесенных сюда официальных «мест светской и духовной власти» и вариативность квази-управленческих локусов, происхождение которых связано с крестьянским обычным правом, негосударственными формами христианства или правовыми традициями индигенных этносов. В языковой сфере многослойность проявляется в своеобразии коммуникативных ситуаций, складывающихся в отдельных селах и деревнях, жители которых являются представителями разных народов и народностей, а также в топонимической системе региона.

Дискретность сибирского пространства стала следствием земледельческо-промыслового освоения края и очагового размещения населения и позднее была закреплена относительно быстрым переходом Сибири от зоны фронта и транзитной торговли к постиндустриальной стадии⁷. Это

---

⁷ Начало этого процесса принято относить к середине XIX в. – времени, когда на основе комплексной экономики был восстановлен традиционный для русского крестья-

привело к складыванию микрорегионов с отличиями в формах жизнеустройства, но при этом сохраняющих толерантное или как минимум нейтральное отношение к культурным традициям сибирских народов.

Динамичный характер формирования и трансформации социальных институтов и отношений показывает, что в условиях сибирского трансграничья стабилизирующую функцию выполняют пространственные объекты природного и искусственного происхождения, символика которых позволяет им осмысляться в логике бинарности – дорусское / русское, старожильческое / переселенческое, прогрессивное / отсталое; относящееся к власти / подчинению, идеологически верному / враждебному, экономически выгодному / убыточному, подлежащему сохранению / забвению и т.д. Широкий диапазон рождаемых ими смыслов определяется тем, что в этом качестве могут выступать как отдельные элементы регионального ландшафта, например сакральные локусы и культовые строения, так и созданные литературным текстом, устным нарративом и этническим мифом образы природных комплексов (*мать-река*, *тайга-кормилица* и др.), населенных пунктов (Новосибирск – новая столица Сибири, Томск – Сибирские Афины, студенческая столица, город трудовой доблести, Нарым – место ссылки, гибельный край и пр.) и даже технических сооружений (Транссибирская магистраль – связующая нить Европы и Азии). Показательно при этом, что языковой пласт, связанный с бизнес-инкубаторами, технико-внедренческими зонами пока не освоен в словесной культуре сибиряков, художественные, фольклорные и бытовые тексты по-прежнему фиксируют восприятие природного комплекса Сибири. Это объясняется устойчивостью фокуса восприятия тайги через оппозицию «человек – природа»: с одной стороны, таежное пространство – это сущность Сибири как *terra incognita* (не покоренная, не раскрывшаяся в своих естественно-исторических и экономических условиях и возможностях земля; живой, целостный, самодостаточный и саморазвивающийся организм; вечное движение, имеющее свои онтологические смыслы), с другой – человек, переселившийся или переселенный в Сибирь, пытающийся не только закрепиться в ее пространстве, но и подчинить своей воле ее вечные законы.

Сложность формирования и разнообразие интерпретаций пространства Сибири обращают нас к современным исследованиям ландшафта в двух его значимых ипостасях – языковом и культурном. И хотя все они сфокусированы на осмыслении культуuroобразующей роли пространственных объектов, но отличаются методологией поиска связи между физической реальностью, социальными практиками и рефлексиями. В общем виде различия в научных методах могут быть обозначены как «диахронный» и «синхронный» подходы.

Первый представлен исторической, этногеографической, диалектологической, литературоведческой научной традицией, оценивающей регио-

---

янина-колониста пищевой рацион, а церковное строительство уже позволяло считать территорию православной. См. об этом: [15, 16].

нальные культурно-языковые ландшафты как продукт последовательно-стадиального развития территориального сообщества. На макроуровне его вектор определяют идеи и технологии, полученные из метрополии или от более сильных в геополитическом отношении стран, на микроуровне – взаимовлияние и выборочное заимствование элементов жизнеустройства соседствующих этносов и групп. В совокупности процессы трансфера, диффузии и адаптации на каждом историческом этапе образуют среду обитания с выраженной иерархией подсистем и взаимодействий. И хотя среда сохраняет следы ушедших эпох (нередко для указания на их глубинное присутствие и периодическую актуализацию используется образ палимпсеста), но во многом эти следы оказываются нивелированными и соотношенными с современностью и региональными идентичностями, понимаемыми как медленно формирующийся и потому устойчивый ментальный конструкт (см., например: [17, 18]).

Синхронный подход используется преимущественно в современных диалектологических исследованиях, характеризующих языковую ситуацию в селах бытования русских говоров Сибири как обусловленную влиянием литературного языка и взаимодействием с соседствующими народами и, соответственно, потенциально мультязычную. Вместе с тем в целом ряде диалектологических исследований доказывается высокая степень сохранности и целостности той части русской традиционной культуры, которая «отвечает» за восприятие и осмысление мира человеком [19, 20]. Такое понимание пространственных связей коррелирует с акторно-сетевой теорией, предлагающей рассматривать территориальные общества как сложно организованные и нелинейно развивающиеся, с многочисленными и нередко конкурирующими узлами коммуникации. Причем для обеих парадигм культурно-языковые ландшафты выступают подвижными и постоянно изменяющимися, а региональные идентичности – «плавающими» и «ситуативными» [21, 22].

Несмотря на очевидные различия диахронного и синхронного подходов к изучению культурно-языковых феноменов, на наш взгляд, их объединяет особое внимание к теме генерирования и передачи информации и понимание того, что термин «информационные потоки» не сводится к процессу функционирования словесной культуры. Включение в предметное поле анализа социально-коммуникативных структур, природа которых зависима от культурных и языковых параметров ландшафта, требует признания факта, что значимая и структурно образующая региональное сообщество информация может быть передана как вербально, так и с помощью ритуалов, технологий и предметов / вещей.

Предварительное сопоставление диалектных, литературных и археологических данных, полученных научным коллективом (участником настоящего проекта), подтверждает этот тезис: культурно-языковой ландшафт Сибири не только складывался и изменялся под влиянием зафиксированных литературой и публицистикой образов региона, но и зависел от способов хозяйственного освоения его природных ресурсов, сочетания рыноч-

ных и натуральных форм обменных операций с метрополией и ближайшими соседями, институтов военно-политической мобилизации населения, отношения к этническим традициям изготовления ритуальной одежды и пищи и проч.

В свою очередь, это дает основание для выдвижения **исследовательской гипотезы**: равновесное состояние культурно-языкового ландшафта регионов, трансграничные характеристики которых дополняются выраженной тенденцией к локализации, обеспечивается балансом исторически сложившихся формальных и неформальных социальных сетей и сообществ и зависит от характера циркулирующих в них информационных потоков. Соответственно, встают вопросы о принципах научного описания, в первых, обстоятельств появления сетей, сообществ и практик коммуникации; во-вторых, моделей их конструирования в языковых, идентификационных и литературных контекстах, реальных и воображаемых корреляциях. От ответов на них, в сущности, зависит понимание роли, которую играли в прошлом и способны играть сегодня пространственные локусы власти, идеологии, религии и хозяйствования в балансировании между тенденцией встраивания Сибири в транснациональную и общероссийскую социальную и культурную инфраструктуру и тенденцией к территориальной фрагментации, задаваемой ее собственным «историческим багажом».

Модель и источники реконструкции культурно-языкового ландшафта в ситуации трансграничья. Мы исходим из того, что рожденные ситуацией трансграничья социально-пространственные структуры не только сами видоизменяли диалектные ареалы и литературные рефлексии, функциональное назначение «дорусских» и «русских» элементов ландшафта, методы кооперации и формы конфликтов, но и испытывали обратное и нередко равновекторное давление. Анализ этих линий влияния требует принимать во внимание смысловые нюансы понятий «места» (локуса) и «пространства», где первое есть символически маркируемый географический объект, а второе – результат языковой и социальной деятельности по его символизации и включению в региональные и трансрегиональные коммуникации в соответствии с некоторой политической, религиозной, культурно-идеологической и экономической системой координат. Это делает оправданным применение модели Д. Липплэ, успешно адаптированной Ф.Б. Шенком при исследовании роли транспортных путей в Российской империи [11]. Составленная из четырех компонентов («физический субстрат», «системы регулирования», «интеракции и действия», «символическое кодирование и восприятие»), она позволяет проследить логику складывания культурно-языкового ландшафта в диахронии и синхронии и степень его устойчивости в разных исторических обстоятельствах.

Физический субстрат общественных отношений

В данном случае речь идет о «локусах», которые сосредоточивают и/или создают вертикальные и горизонтальные информационные потоки в

регионе. Несмотря на разницу происхождения (естественное или искусственное), они тем не менее могут выступать источником двух групп представлений о ландшафтах – об изначально «своем» (как правило, сакральном) месте проживания или сконструированном посредством культурно обоснованных языковых, интеллектуальных и социальных практик.

Так, для жителей Среднего Приобья базовым природным локусом является лес, ландшафт которого образован таежными массивами с многочисленными болотами и реками. Лес выступает гарантом физического существования человека, источником питания, топлива, строительства домов, определяет специфику хозяйственной деятельности, в частности развитие лесной промышленности (заготовка, обработка, транспортировка хвойной древесины, восстановление леса), таежных промыслов и рыболовства в промышленных масштабах. Эта хозяйственная специфика, заданная природными условиями, отражена на языковом уровне, прежде всего, в наборе тем диалектного общения, их повторяемости. Не случайно в Томском диалектном корпусе наиболее частотными, отражающими региональную специфику, являются темы, связанные с природой и использованием ее ресурсов [23].

Примером локусов-мест искусственного происхождения в таежной зоне, способных генерировать социальные коммуникации и одновременно обеспечивать сохранение традиционной картины мира жителей территории, являются культовые постройки. Оценка их в контексте русской колонизации Сибири позволяет заметить, что процесс христианской символизации осваиваемой территории не исчерпывался официальным учреждением храмов и монастырей, но включал в себя создание нелегальных старообрядческих скитов – поселений монастырского типа с аграрно-промысловой экономикой. Именно старообрядческое пустынножителство, запрещенное законодательно, дает уникальный материал для реконструкции представлений православных крестьян о правильно организованной «территории спасения» и этапах превращения таких поселений в неформальный идейный центр для сельской округи. Это выразилось в использовании при устройстве таежных обителей символики храмового пространства (кельи имели аналои и иконостасы), проведении богослужения по старопечатным книгам и подчинении жизни скитской общины монастырскому уставу. Сочетание визуальных, ритуальных и вербальных форм поддержания сакрального локуса и религиозного авторитета скитников позволило старообрядческим скитам не менее успешно, чем «официальные» церковные институты, выполнять задачу поддержания этноконфессиональной идентичности русского населения таежной зоны Сибири на протяжении XVIII–XX вв.

Примеры показывают базовое сходство функций природных и создаваемых искусственно культурно значимых локусов: с их помощью ранжируются ценностные нормы и модели поведения и оформляется культурное обоснование иерархии социальных связей.

Системы регулирования социальных отношений

Системы регулирования социальных отношений также могут существовать в двух видах – институциональном и неинституциональном, способность их выступать в качестве связующего звена между материальным субстратом пространственных отношений и общественной практикой в равной мере отражена словесной культурой, повседневными коммуникациями, формами властвования и собственности, правовой регламентации и контроля.

Взаимодополняемость систем регулирования отчетливо представлена, например, в контактах сибирских старожилов и переселенцев во второй половине XIX–XX в. Их «заданность» государственными нормативными документами [24] и одновременно крестьянским обычным правом сформировала вариативность адаптивных стратегий крестьянского населения региона [25]. На уровне словесной культуры эта тенденция находит выражение в полидискурсивном существовании жителя современного сибирского села. По наблюдению И.В. Тубаловой, институциональные и личностно-ориентированные дискурсы взаимодействуют друг с другом и находятся в достаточно сложных отношениях: «Неповседневные дискурсы, направляя текстопорождающую деятельность субъекта на восстановление дискурсивного порядка, активизируют его обращение к речевым формам институциональных дискурсов как маркерам особого статуса речевого произведения» [26. С. 348]. Отметим важный для нас вывод исследователя о том, что институциональные дискурсы, включаясь в повседневную коммуникацию, в большинстве случаев сохраняют исходное модусное содержание и в значительно меньшей степени по сравнению с другими типами дискурса подвергаются трансформации.

Литературный срез комплементарности систем регулирования глобального и локального происхождения открывают старообрядческие рукописные «Цветники». Объединение под одним переплетом сочинений известных христианских авторов и местных полемистов обеспечивало трансляцию христианских императивов в среде русских переселенцев и помогало отдельным религиозным сообществам выработать адекватные социальным реалиям коммеморативные стратегии [27]. Не менее любопытную комбинацию трансграничного и регионального дает археологический материал: нюрнбергские жетоны, имевшие хождение на территории Сибири с конца XVI в. и используемые русскими в том числе и как средство меновой торговли, исчезают полностью после 1793 г. [28] Если сопоставить эти данные с реальным усилением имперской власти за Уралом после подчинения административного устройства Сибири «Учреждению о губерниях» (1775) и переводом чеканивших русскую монету Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов в личную собственность правящего дома (1747, 1787) [29. С. 76–84; 30. С. 243–262], то становится очевидным, что лишь междисциплинарным исследовательским программам под силу показать все богатство вынужденных и естественно возникших сочетаний институционального и неинституционального регулирования социальных отношений.

Общественные структуры интеракции и действия

Д. Липплэ и вслед за ним Ф.Б. Шенк фокусируют внимание на индивидуальных и групповых практиках по производству, использованию и присвоению пространственного субстрата. Исходя из задач и гипотезы нашего исследования, считаем целесообразным уточнить, что для нас представляют интерес те из практик, которые описываются концептами, прямо или косвенно соотносёнными с ситуацией трансграничья, – *движение, освоение, взаимодействие*.

Междисциплинарный характер исследования предполагает рассмотрение выделенных концептов как в литературно-публицистическом, так и в историко-языковом измерении.

Например, художественное осмысление эти концепты получили в объёмном корпусе публикаций в периодических и книжных изданиях местных и столичных авторов XIX–XX вв. В первую очередь речь идет о массиве историко-этнографических очерков просветительского и научно-популярного характера, оценивающих заселение Сибири славянскими этносами как военное завоевание, перешедшее в народную колонизацию. Сюда же следует отнести пласт сочинений самых разных жанров, где сибирская ссылка охарактеризована как особый род «освоения» сибирского пространства.

Все эти произведения отражают широкую палитру социальных отношений и взаимодействий (от мифологизации «первопроходцев» – Ермака, прежде всего, до драматических конфликтов старожилов с переселенцами, старообрядцев с властью и т.д.). Убедительность литературным памятникам придает включение в их повествование документальных и статистических материалов. Ведомости о движении населения по сибирским губерниям, отчеты о командировках по переселенческим участкам и научных экспедициях, доклады и проекты не только знакомят читателя с Сибирью, но и демонстрируют разные уровни региональных интеракций. Отдельно стоит выделить путевые заметки, путешествия, к которым чаще всего обращались столичные авторы. Картина сибирского мира, созданная на базе «сигналов» реальной действительности и личного авторского представления о ней, полученного во время путешествия по Сибири и подтверждаемого документально, создавалась в этих сочинениях исключительно на идеях движения, освоения, взаимодействия. Более того, сами концепты могли быть отражены даже в названиях художественных произведений сибирских авторов: «В погоне за золотом. Роман. (Из жизни наших далеких окраин)» А. Качки (1884), «Ермак, князь Сибирский, или Первые завоеватели Сибири: Исторический роман из времён Иоанна Грозного» в трёх частях В. Ягунова (1882), сборники рассказов Н.И. Наумова «Сила солому ломит» (1874), «В тихом омуте» (1881), «В забытом краю» (1882) и др.

Анализ исторического измерения концептов «движение», «освоение» и «взаимодействие» позволяет, во-первых, определить степень влияния на формирование языкового ландшафта Сибири сезонных, межрегиональных

и транснациональных миграций; во-вторых, зафиксировать момент, когда перемещенные товары, заимствованные идеи и технологии открыто или исподволь начинают его преобразовывать; в-третьих, показать информационный потенциал «нового» в широком смысле в поддержании «старых» пространственных локусов и интеракций. Иллюстрацией подобного перехода служат история возникновения и литературные приемы полемики об «антихристовых деньгах», в орбиту которой в 1870–1920-е гг. оказались включены сибирские староверы-скитники⁸. Спровоцированная знакомством с сочинениями европейских единоверцев и сложностями ведения аграрного хозяйства в условиях ужесточения государственного контроля в сфере земле- и лесопользования, она привела к переосмыслению принципов управления скитскими капиталами и создала идейный фундамент для взаимодействий с советской деревней. В заданном контексте перспективным представляется исследование речевого облика сибирских сел, тяготеющих к старообрядческим скитам, в том числе с учетом условий формирования состава жителей, их религиозной принадлежности и экономической деятельности и других особенностей, определяющих специфику функционирования русского старожильского говора в сельском социуме.

Объединение в рамках одного исследования литературно-публицистических и историко-языковых аспектов формирования социокоммуникативного пространства Сибири дает основание для решения вопроса о влиянии каждого из них на складывание представлений коренных и пришлых сибиряков о себе и месте своего проживания.

Символическое кодирование и восприятие пространства

Процессы символизации и репрезентации пространства Сибири как территориальной целостности, так и микрорегиональных воплощений на протяжении уже нескольких десятилетий остаются в поле зрения гуманитариев (см., например: [33]). Избранная нами методологическая установка – культурно-языковой ландшафт и составляющие его социально-пространственные структуры пребывают в состоянии постоянного реформатирования, и поэтому их дискурсивные значения в каждый момент зависят от потоков информации и качества их агентов – требует привлечения источников текстуальной и вещественной природы, официального и негосударственного происхождения.

Например, устная речь русских сибиряков может быть корректно интерпретирована не только в соответствии с закономерностями развития их материнских говоров и логики заимствования лексики этносов-соседей, но

---

⁸ Частично вопросно-ответные послания, «обличения» и составленные по правилам литературного этикета просьбы о разъяснении смысла денег представлены в рукописном сборнике, составленном между 1960–1987 гг.: НБ ТГУ. ОРКП. В-26418. Цифровая копия рукописи размещена на сайтах Британской библиотеки и Научной библиотеки ТГУ, см. [31, 32].

и с учетом общего воздействия на них вокабуляра центральных и региональных СМИ, изменяющихся бытовых и производственных технологий. Аналогичным образом интерес сибирских интеллектуалов конца XIX в. к «дорусской» истории Сибири и фигуре Ермака необходимо рассматривать в контексте геополитического проекта «большой русской нации» и реакции на него движения сибирского областничества.

Мы полагаем, что при установлении факторов устойчивости культурно-языкового ландшафта принципы сочетания данных должны быть подчинены решению двуединой задачи: показать, с одной стороны, способы социального и символического упорядочивания пространственных объектов не изолированными и сменяющимися друг друга, а взаимно дополняющими; с другой – их манифестацию и дифференцирование в зависимости от этнической, конфессиональной, идеологической и в отдельных случаях гендерной принадлежности их «создателей» и «потребителей». Соответственно, процессы взаимного влияния письменных текстов и устной речи, идей и социальных практик, вещей и технологий мы предлагаем исследовать на двух уровнях: 1) групповом (на уровне отдельных социальных и этноконфессиональных сообществ); 2) социетальном (на уровне речевых практик и культурных паттернов, добровольно или вынужденно, осознанно или бессознательно разделяемых населением сибирских микрорегионов (городов, сел, исторически сформированных территориальных образований)). В качестве результатов этих взаимных влияний могут рассматриваться:

1) *характеристики языкового ландшафта* в различных вариантах его существования (языковой коллектив носителей говоров Среднего Приобья / диалектная языковая личность как типичный представитель этого сообщества) и дикурсивных способах проявления (культурные концепты, стратегии и тактики речевого поведения, жанры диалогического общения, речевой этикет);

2) *социальные варианты культурного ландшафта* – особенности формирования в иноречевой культурной среде как самих русскоязычных социальных общностей Сибири (городских / сельских, церковно-приходских / старообрядческих, старожильческих / переселенческих и т.д.), так и их литературных рефлексий;

3) *иерархии локусов как пространственных объектов*, наделяемых индигенными и пришлыми создателями, хранителями и трансляторами способностью моделировать непространственные отношения – политические, экономические, культурные, мемориальные и проч.

В такой постановке вопроса принципиальное значение для определения обстоятельств формирования и изменения культурно-языкового ландшафта приобретают источники информации, дающие сведения о групповых и социетальных практиках конструирования образа региона и ситуации трансграничья. Так, анализ первых возможен на основе словесных произведений (книжных, документальных и журнально-газетных публикаций, литературных альманахов и сборников, конфессиональных историко-полемиических сочинений, агитационных материалов и т.д.). Для реконструкции социетальных практик есть смысл привлечь следующие корпусы материалов:

а) архив данных устной речи русских старожилов Сибири, дающий возможность изучения различных локусов традиционной народной культуры в аспекте ее сохранения и трансформации и позволяющий моделировать речевые портреты населенных пунктов, находящихся на транспортных магистралях и удаленных от них;

б) входящие в состав библиотек сибирских староверов памятники христианской литургической и вероучительной литературы с анонимными читательскими маргиналиями и следами «благочестивой» книжной реставрации, которые открывают пути осмысления сибирскими конфессиональными мигрантами своей принадлежности к христианской ойкумене;

в) материалы археологических раскопок, отражающие смену культурных ландшафтов Сибири и позволяющие обоснованно судить о взаимовлиянии бытовых и культовых практик индигенных народов и нового пришлого населения, глубине и устойчивости трансграничных связей Сибири в XV–XIX вв. и отношении ее современного населения к сохранению памяти о них.

Полагаем, что объединение названных массивов данных в рамках единой исследовательской задачи способно существенно дополнить и, возможно, скорректировать научное знание о механизмах региональной и этноконфессиональной идентификации местного и пришлого населения Сибири в прошлом и настоящем.

Выводы

Итак, модель реконструкции культурно-языкового ландшафта строится на положении о том, что такого рода ландшафты, сформировавшись в результате взаимодействия различных факторов, в дальнейшем сами становятся импульсом для создания разнообразных территориальных связей. Предлагаемая модель включает четыре компонента: «физический субстрат», «системы регулирования», «интеракции и действия», «символическое кодирование и восприятие», рассматриваемые с привлечением данных лингвистики, литературоведения, истории, археологии.

Значимость результатов, полученных на основе применения разработанной модели, определяется возможностью концептуализации в гуманитарном исследовании понятия «трансграничье».

Предложенная модель позволяет:

- описывать социальные коммуникации двух типов: политические / вертикальные связи между центром и периферией и культурные / горизонтальные связи региональных сообществ с непосредственными и отдаленными соседями, которые наряду с трансфером идей и технологий могут являться источником формирования альтернативных, неофициальных локусов политико-правового, сакрального и мемориального значения;

- учитывать разнообразие социальных вариантов культурного ландшафта и речевого поведения диалектоносителей;

- принимать во внимание особенности и ограничения разных типов источников информации, используемых при изучении указанных процессов,

что является значимым для разработки конвенциональной терминологии и инструментария.

Литература

1. *Трансграничное* сотрудничество в процессах европейской интеграции = Współpraca transgraniczna w procesach integracji europejskiej / под ред. В.С. Бильчака, М. Горновича. Калининград : Изд-во Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2011. 248 с. URL: <http://www.iprbookshop.ru/23943.html>. ЭБС «IPRbooks».
2. *Корнеев В.С.* Формирование трансграничных мезорегионов на Балтике. Калининград : Изд-во Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2010. 80 с.
3. *De Rougemont D.* L'avenirestnotre affaire. Paris : Stock, 1977. 376 p.
4. *Трансграничье* в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия (теория трансграничья, сравнительное гражданское право, трансграничное образование, прикладные исследования) : сб. ст. / под ред. О.А. Марковой. Чита : Изд-во Забайкальского гос. гуманитар.-пед. ун-та им. Н.Г. Чернышевского, 2010. 261 с.
5. *Ярошенко А.В.* Проблемные пути концептуализации трансграничья // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2012. № 152. С. 41–47.
6. *Русские* говоры Среднего Приобья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985. Ч. 1. 201 с.
7. *Катионов О.Н.* Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII – XIX вв. Новосибирск : Изд. Новосиб. гос. пед. ун-та, 2008. 372 с.
8. *Родигина Н.Н.* «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начале XX в. Новосибирск : Изд. Новосиб. гос. пед. ун-та, 2006. 343 с.
9. *Айзикова И.А., Волошина С.В., Есипова В.А. и др.* Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах (XIX – начало XX в.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2019. 492 с.
10. *Демешкина Т.А.* Ссылка как феномен сибирской лингвокультуры // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 56. С. 34–46.
11. *Шенк Ф.Б.* Поезд в современность: Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 584 с.
12. *Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю.* Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 5. С. 97–108.
13. *Митин И.И.* На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства // Топос: Философско-культурологический журнал. 2011. № 1. С. 62–73.
14. *Schultz H.-D.* Räume sind nicht, Räume werden gemacht. Zur Genese «Mitteleuropas» in der deutschen Geographie // Europa Regional. 1997. Bd. 5. S. 2–14.
15. *Шелегина О.Н.* Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русско-го населения Сибири в XVIII – начале XX в. (к постановке проблемы). Новосибирск : Сибирская научная книга, 2005. 192 с.
16. *Родигина Н.Н.* «Земля обетованная» или «каторжный рай»: Сибирь в восприятии крестьян Европейской России второй половины XIX в. // Моя Сибирь: Вопросы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 2005. С. 24–33.
17. *Словарь* народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / под ред. В.В. Палагиной, Л.А. Захаровой ; авт.-сост. В.В. Палагина и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 340 с.
18. *Волхонский М.А., Ярлыкапов А.А.* Ногайская степь как культурный ландшафт: проблемы идентификации и изучения // Уральский исторический вестник. 2020. № 2. С. 61–70.
19. *Иванцова Е.В.* Ритуал потчевания в традиционной народной культуре // Теоретические и прикладные аспекты филологии. Томск, 2004. С. 141–145.

20. *Томская диалектологическая школа: историографический очерк* / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 392 с.
21. *Ло Дж.* Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5, № 1. С. 30–41.
22. *Демешкина Т.А.* Славянский компонент в самоидентификации жителя Сибири // Русин. 2015. № 3 (41). С. 90–107.
23. *Томский диалектный корпус.* URL: <http://losl.tsu.ru/?q=node/23> (дата обращения: 02.09.2020).
24. *Белянин Д.Н.* Государственная политика аграрно-крестьянских переселений в Западную Сибирь в 1861–1917 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2016. 22 с.
25. *Чуркин М.К.* Адаптивная ситуация, барьеры и стратегии поведения переселенцев черноземного центра Европейской России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 18–30.
26. *Тубалова И.В.* Полифонический текст в устных и личностно-ориентированных дискурсах. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 368 с.
27. *Дутчак Е.Е.* Литературная история таежного скита: от жанра поучения к культуре самоописания // Старообрядческая культура и современный мир : сб. науч. тр. и материалов / отв. ред. и сост. С.В. Таранец. Киев : Национальная академия наук Украины, 2018. Вып. 8. С. 161–188.
28. *Пушкарев А.А.* Нюрнбергские жетоны как культурно-хронологические маркеры эпохи русского освоения Западной Сибири // *Bylve Gody*. 2020. Vol. 57, is. 3. P. 919–929.
29. *Сибирь в составе Российской империи.* М. : Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
30. *Жеравина А.Н.* Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 324 с.
31. EAP834 «Living or leaving tradition: textual heritage of the Taiga Old Believers' skit». – The Endangered Archives Programme: URL: <http://eap.bl.uk/database/results.a4d?projID=EAP834> (дата обращения: 02.09.2020).
32. *Скитская библиотека.* – Научная библиотека Томского государственного университета: URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Collection/vital:4153> (дата обращения: 02.09.2020).
33. *Суханов В.А., Щербинин А.И.* Жизнь и смерть «Сибирских Афин»: проблема жизненного цикла метафорического топонима в различных дискурсах XX – начала XXI в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 149–170.

The Socio-Communicative Space of Transboundary Areas: A Reconstruction Model of the Cultural and Linguistic Landscape of Siberia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 67. 28–44. DOI: 10.17223/19986645/67/2

Tatyana A. Demeshkina, Elena E. Dutchak, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demeta@rambler.ru / dee010@mail.ru

Keywords: transboundary area, cultural and linguistic landscape, model, socio-communicative space, Siberia.

The study is carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

The article substantiates the effectiveness of an interdisciplinary approach to the study of the cultural and linguistic landscape of Siberia as a transboundary region, which has been forming over a long historical period under the influence of integrative and disintegrative trends. The research hypothesis is that the equilibrium state of the cultural and linguistic

landscape of regions, the transboundary characteristics of which are complemented by a pronounced tendency to localization, is ensured by the balance of historically established formal and informal social networks and communities and depends on the nature of information flows circulating in them. Based on works by Frithjof B. Schenk, the authors propose a reconstruction model of the socio-communicative space of a region. The model consists of four components: “physical substrate”, “regulation systems”, “interactions and actions”, “symbolic coding and perception”. The authors analyse the components in the linguistic, literary, archaeological, and anthropological aspects, which makes it possible to comprehensively describe the space. The authors propose to study the mutual influence of written texts and oral speech, ideas and social practices, things and technologies at two levels: (1) group (at the level of individual social and ethno-confessional communities); (2) societal (at the level of speech practices and cultural patterns, voluntarily or involuntarily, consciously or unconsciously shared by the population of Siberian microregions (cities, villages, historically formed territorial units). The authors describe the sources of interdisciplinary research, which are data obtained by historians, dialectologists, archaeologists, literary scholars. The explanatory power of the proposed model, in the authors’ opinion, lies in the fact that it allows (1) describing social communications of two types: political/vertical ties between the centre and the periphery and cultural/horizontal ties of regional communities with immediate and distant neighbours, which, along with the transfer of ideas and technologies, can be a source of formation of alternative, unofficial loci of political and legal, sacral and memorial values; (2) taking into account the variety of social options of the cultural landscape and dialect speakers’ speech behaviour; (3) taking into account the peculiarities and limitations of different types of information sources used in the study of these processes, which is significant for the development of conventional terminology and tools.

References

1. Bil'chak, V.S. & Gornovich, M. (eds) (2011). *Transgranichnoe sotrudnichestvo v protsessakh evropeyskoy integratsii. Współpraca transgraniczna w procesach integracji europejskiej* [Cross-Border Cooperation in the Processes of European Integration. Współpraca transgraniczna w procesach integracji europejskiej]. Kaliningrad: Immanuel Kant BFU. [Online] Available from: <http://www.iprbookshop.ru/23943.html>.
2. Korneevets, V.S. (2010) *Formirovanie transgranichnykh mezoregionov na Baltike* [Formation of Transboundary Mesoregions in the Baltic]. Kaliningrad: Immanuel Kant BFU.
3. Rougemont, D. de (1977) *L'avenir est notre affaire*. Paris: Stock.
4. Markova, O.A. (ed.) (2010) *Transgranich'e v izmenyayushchetsya mire: Rossiya – Kitay – Mongoliya (teoriya transgranich'ya, sravnitel'noe grazhdanskoe pravo, transgranichnoe obrazovanie, prikladnye issledovaniya)* [Cross-Border Area in a Changing World: Russia – China – Mongolia (Theory of cross-border area, comparative civil law, cross-border education, applied research)]. Chita: Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University named after N. Chernishevsky.
5. Yaroshenko, A.V. (2012) Conceptualization the transboundary. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 152. pp. 41–47. (In Russian).
6. Palagina, V.V. (ed.) (1985) *Russkie govory Srednego Priob'ya* [Russian Dialects of the Middle Ob Region]. Part 1. Tomsk: Tomsk State University.
7. Kationov, O.N. (2008) *Moskovsko-Sibirskiy trakt kak osnovnaya sukhoputnaya transportnaya kommunikatsiya Sibiri XVIII – XIX vv.* [Moscow-Siberian Tract as the Main Land Transport Communication of Siberia in the 18th – 19th Centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
8. Rodigina, N.N. (2006) *“Drugaya Rossiya”: obraz Sibiri v russkoy zhurnal'noy presse vtoroy poloviny XIX – nachale XX v.* [“Another Russia”: the Image of Siberia in the Russian Magazine Press of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.

9. Ayzikova, I.A. et al. (2019) *Slovesnaya kul'tura Sibiri v obshcherossiyskom i evropeyskom kontekstakh (XIX – nachalo XX v.)* [Verbal Culture of Siberia in the All-Russian and European contexts (19th – Early 20th Centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Demeshkina, T.A. (2018) “Exile” as a phenomenon of the Siberian linguaculture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 56. pp. 34–46. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/56/3
11. Schenk, F.B. (2016) *Poezd v sovremennost': Mobil'nost' i sotsial'noe prostranstvo Rossii v vek zheleznikh dorog* [Train to the Present: Mobility and Social Space in Russia in the Age of Railways]. Translated from German. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
12. Zamyatin, D.N. & Zamyatina, N.Yu. (2011) Gumanitarnaya geografiya: predmet izucheniya i osnovnye napravleniya razvitiya [Humanitarian geography: subject of study and main directions of development]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. 5. pp. 97–108.
13. Mitin, I.I. (2011) Na puti k voobrazhaemoy geografii: dva povorota, tri prostranstva [Towards an imaginary geography: two turns, three spaces]. *Topos. Filosofsko-kul'turologicheskii zhurnal – Topos: Journal for Philosophy and Cultural Studies*. 1. pp. 62–73.
14. Schultz, H.-D. (1997) Räume sind nicht, Räume werden gemacht. Zur Genese “Mitteleuropas” in der deutschen Geographie. *Europa Regional*. 5. pp. 2–14.
15. Shelegina, O.N. (2005) *Adaptatsionnye protsessy v kul'ture zhizneobespecheniya russkogo naseleniya Sibiri v XVIII – nachale XX v. (k postanovke problemy)* [Adaptation Processes in the Culture of Life Support of the Russian Population of Siberia in the 18th – Early 20th Centuries (to the Problem Statement)]. Novosibirsk: Sibirskaya nauchnaya kniga.
16. Rodigina, N.N. (2005) “Zemlya obetovannaya” ili “katorzhnyy ray”: Sibir' v vospriyatii krest'yan Evropeyskoy Rossii vtoroy poloviny XIX v. [“Promised Land” or “Katorga Paradise”: Siberia as Perceived by the Peasants of European Russia in the Second Half of the 19th Century]. In: Zverev, V.A. (ed.) *Moya Sibir'. Voprosy regional'noy istorii i istoricheskogo obrazovaniya* [My Siberia. Questions of Regional History and History Education]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 24–33.
17. Palagina, V.V. & Zakharova, L.A. (ed.) (2001) *Slovar' narodno-razgovornoy rechi g. Tomsk XVIII – nachala XVIII veka* [Dictionary of Folk-Colloquial Speech of Tomsk in the 17th – Early 18th Centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Volkhonskiy, M.A. & Yarlykapov, A.A. (2020) Nogai Steppe as a Cultural Landscape: Problems of Identification and Study. *Ural'skiy istoricheskii vestnik – Ural Historical Journal*. 2020. 2. pp. 61–115. (In Russian). DOI: 10.30759/1728-9718-2020-2(67)-61-70
19. Ivantsova, E.V. (2004) Ritual potchevaniya v traditsionnoy narodnoy kul'ture [The ritual of treating in traditional folk culture]. In: *Teoreticheskie i prikladnye aspekty filologii* [Theoretical and Applied Aspects of Philology]. Tomsk: STT. pp. 141–145.
20. Blinova, O.I. (ed.) (2006) *Tomskaya dialektologicheskaya shkola: istoriograficheskii ocherk* [Tomsk Dialectological School: Historiographic Sketch]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Law, J. (2006) Objects and Spaces. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 1 (5). pp. 30–41. (In Russian).
22. Demeshkina, T.A. (2015) Traits of the Slavic identity in the self-identification of a Siberian native. *Rusin*. 3 (41). pp. 90–107. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/7
23. *Tomskiy dialektnyy korpus* [Tomsk Dialect Corpus]. [Online] Available from: <http://losl.tsu.ru/?q=node/23>. (Accessed: 02.09.2020).
24. Belyanin, D.N. (2016) *Gosudarstvennaya politika agrarno-krest'yanskikh pereseleniy v Zapadnuyu Sibir' v 1861–1917 gg.* [State policy of agrarian-peasant resettlements to Western Siberia in 1861–1917]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.
25. Churkin, M.K. (2013) Adaptive situation, barriers and behavioral strategies of immigrants of Central Chernozem Region of European Russia (the second half of the XIX – beginning of the XX century). *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 1. pp. 18–30. (In Russian).

26. Tubalova, I.V. (2016) *Polifonicheskiy tekst v ustnykh i lichnostno-orientirovannykh diskursakh* [Polyphonic Text in Oral and Person-Centred Discourses]. Tomsk: Tomsk State University.
27. Dutchak, E.E. (2018) Literaturnaya istoriya taezhnogo skita: ot zhanra poucheniya k kul'ture samoopisaniya [Literary history of the taiga hermitage: from the genre of instruction to the culture of self-description]. In: Taranets, S.V. (ed.) *Staroobryadcheskaya kul'tura i sovremennyy mir* [Old Believers' Culture and the Modern World]. Vol. 8. Kiev: NA SU. pp. 161–188.
28. Pushkarev, A.A. (2020) Nuremberg jetons as cultural and chronological markers of the Russian period in Western Siberia. *Bylye Gody*. 3 (57). pp. 919–929. (In Russian). DOI: 10.13187/bg.2020.3.919
29. Dameshek, L.M. & Remnev, A.V. (eds) (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia within the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
30. Zheravina, A.N. (2005) *Kabineteskoe khozyaystvo v Sibiri (1747–1861 gg.)* [Cabinet Economy in Siberia (1747–1861)]. Tomsk: Tomsk State University.
31. Endangered Archives Programme. (n.d.) *EAP834. Living or leaving tradition: textual heritage of the Taiga Old Believers' skit*. [Online] Available from: <http://eap.bl.uk/database/results.a4d?projID=EAP834>. (Accessed: 02.09.2020).
32. Research Library of Tomsk State University. (n.d.) *Skitskaya biblioteka* [The Hermitage Library]. [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Collection/vital:4153>. (Accessed: 02.09.2020).
33. Sukhanov, V.A. & Shcherbinin, A.I. (2017) Life and death of the “Siberian Athens”: the problem of the life circle of the metaphorical toponym in the discourses of the 20th – early 21st centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 47. pp. 149–170. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/47/11

УДК 81'33+811.161.1.28
DOI: 10.17223/19986645/67/3

С.С. Земичева, Е.В. Иванцова

ТЕМАТИЧЕСКАЯ РАЗМЕТКА ДИАЛЕКТНОГО КОРПУСА: ОПЫТ ТОМСКИХ ДИАЛЕКТОЛОГОВ⁹

Анализируются проблемы разметки по предметным областям в новых электронных ресурсах, отражающих данные народной речи. Обозначены задачи такой разметки, выявлены факторы, осложняющие её осуществление, описаны разработанные создателями Томского диалектного корпуса методические шаги, снижающие степень субъективности этой процедуры. Практический опыт внедрения тематической разметки томскими диалектологами осмысливается на фоне решений, принятых разработчиками других диалектных корпусов и Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: диалектный корпус, тематическая разметка, русские говоры Сибири.

Подходы к осуществлению тематической разметки в национальных корпусах

Синтез лингвистики и компьютерных технологий привёл к созданию множества новых электронных ресурсов, среди которых особое место занимают лингвистические корпуса. Существуют как национальные корпуса многих языков мира, так и корпусные ресурсы других типов, их общее количество насчитывает более 3 000 и постоянно растёт [1. С. 21].

Одним из ключевых параметров создания лингвистического корпуса является разметка, отражающая разнообразную информацию о представленных в нем языковых единицах. Тематическая разметка при создании национального корпуса проектируется одной из первых и рассматривается как часть метаразметки (т.е. экстралингвистической, разметки по «внешним» для текста параметрам). Разработаны международные стандарты корпусной разметки, направленные на унификацию представления материалов, в частности стандарт EAGLES (European Advisory Group on Language Engineering Standards), включающий общий перечень параметров метаразметки, в том числе тематических областей, а также их возможных комбинаций [2].

В национальных корпусах представлены разные варианты реализации тематической разметки. Предпринятый С.О. Савчук сравнительный обзор принципов зарубежных электронных ресурсов и Национального корпуса русского языка (НКРЯ) показывает, что итоговый список тем НКРЯ характе-

---

⁹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00320 «Томский диалектный корпус как новый ресурс для изучения народно-речевой культуры».

ризуется неполным совпадением с тематическим перечнем EAGLES, отличающаяся степенью обобщённости некоторых предметных областей [3. С. 73–74].

Сложной задачей при создании национальных корпусов оказалась тематическая разметка текстов отдельных сфер речи – в первую очередь устной повседневной коммуникации и беллетристики, поскольку предметные области таких текстов чрезвычайно разнообразны. В связи с этим для многих видов разнородных текстов, широко представленных в национальных корпусах, разметка по предметным областям фактически отсутствует: газетно-публицистические тексты на морально-этические и бытовые темы, а также личная переписка и повседневная устная речь согласно рекомендациям EAGLES отнесены в общую группу «Life» / «Частная жизнь»; вся художественная литература либо также маркируется этой темой, либо, как в НКРЯ, не размечается по темам вообще (вместо этого указывается лишь хронотоп – время и место описываемых событий).

Говоря о принципах тематической разметки, разработчики НКРЯ отмечали: «При построении корпуса не слишком важна глубина кодирования предметной области, затрагиваемой текстом <...> поскольку корпус не является универсальной энциклопедией. <...> При построении корпуса можно иметь грубую классификацию, выделяющую естественные и общественные науки, политику и экономику, искусство и досуг» [4. С. 14].

Очевидно, эта установка на «грубую» разметку предметных областей связана с тем, что она должна способствовать созданию представительного корпуса. Функции метаразметки НКРЯ (в состав которой входит и тематическая) заключаются в том, что она «1) служит для формирования архитектуры корпуса; 2) позволяет контролировать процесс его пополнения; 3) обеспечивает возможность поиска текстов пользователями, составления подкорпусов с заданными параметрами» [3. С. 62].

Таким образом, тематическая разметка в национальных корпусах базируется на дедуктивном подходе и относительно унифицирована, хотя и отличается деталями. Однако с внедрением корпусной лингвистики в сферу диалектологии возникает вопрос о принципах и способах осуществления тематической разметки диалектного материала.

Задачи, проблемы, принципы тематической разметки в диалектном корпусе

Первый электронный ресурс с текстами русских народных говоров был включён в НКРЯ в качестве одного из его модулей. При этом разработчики диалектного подкорпуса (далее ДпНКРЯ) опирались на общие подходы, выработанные в ходе реализации этого проекта. В их числе были заявлены ориентация на морфологическую разметку и выдача для пользователей только кратких фрагментов текста [5].

Новый подход к отражению данных народно-речевой культуры в лингвистическом корпусе был предложен саратовскими лингвистами. Исследователи исходили из идеи В.Е. Гольдина о своеобразии диалектной речи,

репрезентирующей традиционную систему русского деревенского общения как особого коммуникативного феномена [6]. Такая установка стала точкой отсчёта при разработке концепции корпуса, представляющего собой модель традиционной сельской коммуникации на диалекте [7]. Она воплотилась в проекте мультимедийного Саратовского диалектологического корпуса [8], привела к частичному видоизменению концепции ДпНКРЯ [9], а также инициированию ряда проектов по созданию диалектных корпусов отдельных территорий. В их числе – Кубанский диалектный корпус [10, 11], диалектный корпус лингвокультуры Северного Приангарья [12], корпус народной речи Среднего Прииртышья [13] и др. С 2010 г. на основе архива экспедиционных записей среднеобского бассейна создаётся Томский диалектный корпус (ТДК).

Фокусировка таких корпусов на текстах как отражении диалектной коммуникации и народной лингвокультуры вызвала пересмотр принципов выдачи экспедиционных материалов и функций тематической разметки. Доступ к текстовой базе стал вариативным с учётом запроса пользователя: от небольшого фрагмента до полного текста. Что касается функций маркирования предметных областей, то из области метаразметки (экстралингвистической) разметка по темам сдвигается в область собственно лингвистическую. Отмечается, что при моделировании диалектной коммуникации «важно учесть и реальное тематическое разнообразие речи, и хотя бы примерное количественное соотношение различных тем и жанров в континууме сельского речевого общения» [7. С. 72]. Текстовая разметка в электронном корпусе начинает также рассматриваться в качестве инструмента этнолингвистической репрезентации диалектного дискурса [10]. С опорой на этот вид разметки изучаются трансформация тематики диалектного дискурса во времени [14], соотношение количества тематических фрагментов в разных социолингвистических группах информантов [15]. Предприняты первые попытки привлечения корпусных материалов для анализа диалектной концептосферы [16–19], в том числе сравнения репрезентации концепта в диалектном и литературном корпусах [20]. При создании новых словарей лингвокультурологического типа [21, 22] также привлекались материалы диалектного дискурса с учётом тематической выборки.

Одной из главных проблем при осуществлении тематической разметки можно считать субъективность: «Определение тематики текста имеет субъективный характер... <...>. Трудно или даже невозможно составить идеальный перечень тематических областей» [3. С. 73].

Факторы, порождающие неточности и разночтения при разметке диалектных текстов по предметным областям, многочисленны и разнообразны.

К числу таких факторов можно отнести специфику диалектного дискурса, который характеризуется устным характером коммуникации, тесной взаимосвязью диалектного текста с ситуацией и более широким культурным контекстом его существования [23]. Если ручная запись (для ранних экспедиций) или расшифровка аудиофайлов не содержит восполнения ситуативных и культурных лакун, а выделение тематических фрагментов

осуществляется лицами, не участвовавшими в сборе материала, это нередко порождает сложности при осмыслении текста и его членении по темам.

Ещё одним фактором, осложняющим разметку, являются часто встречающиеся в устной речи переходы говорящего от темы к теме, тематические обрывы, наложения и/или пересечения двух и более тем.

Следует отметить также отсутствие единой методики осуществления тематического членения диалектных текстов, хотя в данной сфере имеются некоторые наработки. Так, Ю.В. Косициной на материале говоров Кемеровской области была создана модель тематической организации диалектного монологического текста [24], а А.И. Буранова на материале саратовских говоров обратилась к количественному анализу тематической организации диалектной речи [25]. Однако в первом исследовании моделирование носит теоретический характер и автор ставит своей целью выявление эмоционально-смысловых типов доминант текста. В связи с этим список выделенных тем ограничен, они формулируются предельно обобщённо («Жизненные трудности», «Жизнь села») и конкретные методические шаги по определению темы текста не прописаны. Во второй из названных работ были выделены ключевые слова в диалектных текстах и проанализирован количественный состав образуемых ими лексико-тематических групп. Такая методика представляется продуктивной, но группировка единиц в понятийные (тематические) области происходит на уровне слова, а не текстового фрагмента, т. е. фактически предполагается осуществление семантической, а не тематической разметки¹⁰.

Преодоление обозначенных трудностей – сложная задача, решением которой в перспективе можно считать выработку методики тематической разметки, оптимальной для диалектных корпусов. Достижение этой цели не снимет полностью элемент субъективности в выделении тем, но позволит значительно снизить его «градус».

Пока можно говорить только о некоторых общих приёмах, применяемых на практике разработчиками областных корпусов при выделении предметных областей. Близки к ним и установки создателей Томского диалектного корпуса.

Во-первых, разметка осуществляется вручную. Она носит сплошной характер – размечаются все без исключения тексты.

Во-вторых, разметка осуществляется на уровне отдельных текстовых фрагментов. Тема всего текста не маркируется, поскольку он, как правило, «многотемен».

В-третьих, во всех рассмотренных диалектных корпусах используется «мягкая» разметка с возможностью присвоения одному и тому же фрагменту нескольких тематических меток и частичным наложением текстовых фрагментов.

---

¹⁰ Основное отличие заключается в уровне разметки и маркируемых единицах: семантической разметкой принято называть разметку на уровне отдельного слова [26], тематической – на уровне текста или текстового фрагмента.

В то же время многие проблемы маркирования диалектных текстов по предметным областям ещё не имеют однозначных вариантов решения. К их числу относятся, прежде всего, состав тем и степень детализации тематического перечня.

Количество выделяемых в диалектных корпусах тем очень существенно различается. При этом число выделенных тем коррелирует с объёмом корпуса. Сведений об объёме Саратовского диалектологического корпуса в нашем распоряжении не имеется, в других случаях прослеживается определённая тенденция: чем больше объём корпуса, тем больше наименований включает тематический перечень. Из названных выше корпусов самый небольшой – диалектный корпус лингвокультуры Северного Приангарья (170 813 словоупотреблений), он же насчитывает минимальное число тем (39); ДпНКРЯ имеет несколько больший объём (285 281 слово), и его список тем полнее (58), Томский диалектный корпус имеет самый большой объём (1 787 416 словоупотреблений), тематический список насчитывает 77 наименований. Этот перечень не исчерпывающий и в ходе работы постепенно пополняется.

Касаясь состава тем, можно отметить, что многие выделяемые темы в созданных корпусах совпадают, но нередко имеются различия в формулировках их названия: «Работа» (приангарский корпус, ТДК) – «Трудовая деятельность» (саратовский корпус) – «Трудовая деятельность. Работа» (ДпНКРЯ); «Великая Отечественная война» (приангарский, ТДК) – «Война» (ДпНКРЯ); «Игры и развлечения» (приангарский) – «Развлечения» (саратовский) – «Досуг. Развлечения. Игры» (ДпНКРЯ) – «Досуг» (ТДК); «Семья» (саратовский, приангарский) – «Семья. Семейные отношения» (ДпНКРЯ) – «Семья и родственники» (ТДК) и т.д.

В некоторых случаях отмечаются уникальные темы, обусловленные региональными особенностями материала: так, только в корпусе лингвокультуры Северного Приангарья обозначены «Молевой сплав», «Сбор живицы» и «Богучанская ГЭС»; только в ТДК есть тема «Заготовка кедрового ореха». В других случаях выделение той или иной темы обусловлено интересом участников полевых экспедиций к определённым предметным областям, концепцией создателей корпуса, предполагающей степень детализации тем и принципы их маркирования. В ДпНКРЯ, например, много внимания уделено обрядности и мифологической составляющей народной культуры. В ТДК выделены темы, отражающие специфику устной диалектной коммуникации, – «О себе», «Прошлое и настоящее», отсутствующие в других диалектных корпусах. В числе прочих имеет место и человеческий фактор, усиливающий неоднородность разметки. Например, лишь в Саратовском диалектологическом корпусе выделена тема «Пьянство и наркомания», только в ДпНКРЯ – «Астрономия», «Рекрутский обряд и проводы в армию», «Народный этикет».

По-разному решается в областных корпусах и задача упорядочения выделенного списка тем. При обсуждении концепции диалектного корпуса В.Е. Гольдиным и О.В. Крючковой предлагался следующий подход: «Предметная специфика диалектного текста обуславливает целесообразность его двухуровневой тематической разметки – широкой и узкой. Ши-

рокую разметку имеет смысл максимально приблизить к тематическому кодированию, применяемому в поиске на массивах письменных текстов, что обеспечит сопоставимость различных корпусов и включённых в них текстов. Узкая разметка должна отражать тематическую структуру широкой предметной области, выявляя её специфику. Узкая тематизация послужит также базой для лексико-семантических и когнитивных исследований диалектной речи» [7. С. 73]. Этот принцип отчасти был воплощён в ДпНКРЯ: при полном или частичном совпадении общих тем (НКРЯ: «Природа» – ДпНКРЯ: «Природа», НКРЯ: «Искусство и культура» – ДпНКРЯ: «Духовная культура», НКРЯ: «Религия» – ДпНКРЯ: «Духовная культура. Религия», НКРЯ: «Здоровье и медицина» – ДпНКРЯ: «Здоровье и медицина. Народная медицина» и др.) диалектный подкорпус детализирует их через частные темы. Например, в теме «Природа» выделяются «Астрономия», «Животный мир», «Ландшафт», «Метеорологические явления, погода», «Растительный мир», в «Здоровье и медицина...» – «Болезни», «Заговоры», «Роды», «Смерть». В ТДК также использовался принцип двухуровневой разметки: выделялись макротемы «ПРИРОДА», «РАБОТА», «БЫТ» и т.п., а в их составе – частные темы, однако в других диалектных корпусах тематическая разметка является одноуровневой.

Одна из проблем, возникающих при осуществлении тематической разметки диалектного дискурса, – отграничение её от смежных типов разметки, в частности разметки концептов (имеется в корпусе Северного Приангарья, Кубанском диалектном корпусе) и жанровой разметки (представлена в ДпНКРЯ, саратовском и приангарском корпусах).

Так, в корпусе лингвокультуры Северного Приангарья перечни тем и концептов представляют собой два отдельных, но значительно пересекающихся списка, по каждому из которых возможен поиск [12], а в Кубанском диалектном корпусе концепты встраиваются в тематическую разметку как более частные её уровни. Например, в макротеме «обрядовая культура» выделяется тема «свадебный обряд», а внутри неё в конкретном тексте – макроконцепты («деятель», «время», «локус» и др.) и микроконцепты («дружки», «жених», «суббота», «дом», «воскресенье») [10]. К сожалению, ни в том, ни в другом проекте принципы разграничения тем и концептов не описаны.

В рассмотренных диалектных корпусах есть и некоторые следы пересечения тематической разметки с жанровой: в ДпНКРЯ в список тем включены «Фольклор», «Заговоры» и «Народный этикет», в саратовском корпусе есть тема «Обряды, обычаи, приметы», а также «Общая оценка жизни», в корпусе Северного Приангарья в тематический перечень включены «Автобиографические нарративы».

Приёмы осуществления тематической разметки в Томском диалектном корпусе

На первом этапе реализации проекта детализированная тематическая разметка в ТДК являлась центральной. В настоящее время тематическая разметка (наряду с жанровой) входит в текстовый модуль ТДК, который

рассматривается как один из основных, но не единственный (запланированы также модуль грамматической разметки, лексикографический и историко-географический модули).

Тематическая разметка ТДК осуществлялась в 2017–2020 гг. сотрудниками лаборатории общей и сибирской лексикографии и кафедры русского языка ТГУ А.А. Васильченко, Л.А. Ивановой, В.В. Галаниной, Н.А. Зюзьковой под руководством С.С. Земичевой. Исходная концепция корпуса, предложенная Е.А. Юриной [27] и более детально обоснованная Е.В. Иванцовой [28], новым коллективом молодых учёных была значительно трансформирована и расширена: в проект вошли новые модули ресурса и новые виды разметки; электронный корпус стал интенсивно наполняться. На данный момент Томский диалектный корпус насчитывает 1679 текстов, разбитых на более чем 20 000 тематических фрагментов, и является самым репрезентативным ресурсом такого рода в России.

Далее опишем методику осуществления тематической разметки, реализуемую в настоящее время его составителями.

Объектом разметки выступает текст как одномоментно сделанная собирателем запись речи диалектоносителя.

Задача первого этапа разметки – фрагментировать целостный текст. Разбиение на фрагменты, объединённые общим содержанием, происходит интуитивно. Границы тематических фрагментов определяются на этом этапе предварительно. Минимальной единицей разметки выступает высказывание. Рекомендуются выделять тему в тех случаях, когда она объединяет два и более высказывания.

На втором этапе выделяются ключевые слова фрагмента для выбора темы. «Тема текста находит своё выражение в референтно или сигнификативно объединённых группах лексики в его составе – в тематических группах, совокупность которых составляет текстовое поле тематической целостности» [29. С. 21]. На статус ключевого слова¹¹ могут претендовать единицы, которые встречаются в этом текстовом фрагменте несколько раз, сопровождаются однокоренными словами, выступают референтом местоимения, включаются в синонимические или родовидовые отношения с другими единицами.

Проиллюстрируем сказанное примером: *Здесь работали в колхозе, а родители весь век работали здесь в колхозе, но и в колхозе было работать чужело'. От, неправильно сделали, кто работал на производстве и кто в колхозе. Щас колхоз живёт богато. Щас в Красноярске придёшь – скотина ходит, свиньи, всё заполнено скотиной. В совхозе большие дают пенсию. Я уже двенадцать лет на пенсии, я в военкомате работала. Щас все совхозы, колхозы богато стали жить. И работать же легче тепе'ря.* (Зырянское, 1979). В данном фрагменте можно выделить ключевое слово *колхоз*, повторяющееся 6 раз, и существительное *совхоз*, повторяющееся

---

¹¹ При определении критериев ключевого слова использовались имеющиеся наработки, представленные в исследованиях Ю.В. Косициной [24], Т.В. Матвеевой [25] и др.

2 раза, что дало возможность выделить тему «Колхозы и совхозы». Внутри этого фрагмента наблюдаются тематические включения двух других тем – «О себе» (*Я уже двенадцать лет на пенсии, я в военкомате работала*) и «Страны, города, сёла» (*Ичас в Красноярке придёшь – скотина ходит, сви́ньи, всё заполнено скотиной*).

Подспорьем в выделении тем является опора на списки ключевых слов, представленные в инструкции для разметчиков ТДК. Так, для темы «Выращивание животных» в состав маркеров входят следующие единицы (приведены в алфавитном порядке): *бо'тало, водопой, вымя, выпас, высокодойная, доенье, доить, доиться, дойная, доярка, за'пуск, инкубатор, кастрировать, кастрированный, комбикорм, колоть, конюх, молозиво, ночное, пастбище, пасти, пасться, пастух, подоить, поить, поило, поярка, надоить, надаивать, низкойдойная, осеменять, отдаивать, свинарка, сдаивать, стадо, стайка, табун, телиться, убой, фи'рма/ферма*¹². Список ключевых слов открыт и может пополняться (в инструкцию включались, прежде всего, однозначные слова и единицы, связанные только с одной конкретной темой, а не с несколькими).

Сравним два текстовых фрагмента с учетом их ключевых слов.

Было по двадцать пять свиноматок. Я за откормом ходила, и за... Ро'стим, вырастим поросят... я как-то вырастила хорошего... поросята обошли по двадцать два килограмма всем весом. Ну вот пове'шали там... хорошо денег получила, на деньги работали. <...> Потом на почётной доске была, поросят вырастила. А как вырастила? Брала муку в колхозе да, и таскала домой, и в своей печке пекла хлеб, чтобы поросят-то хорошенько выкормить, чтобы хлебом их подкормить надо. А потом на фи'рме сделали... фи'рма у нас там была. На фе'рма там сделали русскую печку, и вот мы по очереди... Сёдня я хлеб стряпаю поросятам, на второй день втора' свинарка стряпает, настряпает булок десять... <...> Кормили хлебом, чтобы поросят вырастить. Вот и дешёво было мясо. Работали, трудились очень даже, очень. И щас работают, конечно, люди, вся'ко работают (Алаево, 2008).

Свинья, она родилась сви́ньей, так и есть. Называют и «чушка», это матку, а боровок – мужука'. А «хрюком» у нас не зовут. Чаще зовут примерно «чушка», это когда одна чушка, а когда много держишь – то сви́ньи (Томская обл., 1979).

В обоих текстах можно выделить ключевое слово *свинья*, его гипонимы (1-й текст: *поросёнок, свиноматка*; 2-й: *матка, боровок, хрюк*) и синоним (*чушка*). В первом случае выстраивается ряд ключевых слов *свиноматка, откорм, ро'стить, вырастить, кормить, выкормить, поросята, фи'рма/ферма, стряпать, свинарка, работать*. Акцент в рассказе информанта делается на уходе за животными, что позволяет отнести данный фрагмент к теме «Выращивание животных» (макротема «РАБОТА»). Во втором случае ряд ключевых слов выглядит иначе: *свинья, чушка, боровок, хрюк,*

¹² Через слеш даны формальные варианты одной лексемы.

называть, звать; представляется возможным выделить тему «Домашние животные» (с одновременным наложением темы «Язык и речь»).

В некоторых случаях, однако, опоры на принцип ключевых слов оказывается недостаточно. Разметчику необходимо осуществлять поиск смысловой доминанты текста, выявлять акценты, сделанные говорящим.

Сравним два текста, сходных по содержанию.

У нас в деревне дак воруют! Вот эти дачники, избушки. Громят только так. Вот у одной семьи утааишыли всю технику. И пахать была земли, это, землю какой-то там трактори'шка. И чё-то ешо, у их и пила была электро и... хапану'ли всё на свете. Да и не только у их. [Со двора прям вынесли?] Да, да. Да не со двора. Это, конечно, было наверно там де-нить в кладовке или как ли. (Вершинино, 2013).

А то, есть, в карман лезут. Да что говорить. Много молодежи сидит сейчас. А тода' ведь не сидели. Такие вот. Холостяки. Никода' ни слуху, ни духу не было, чтоб он в тюрьме сидел. А сейчас отчего в тюрьме? В город пойдёт учиться. Он там один, хозяин сам себе. Разбалывается в артеле там. И девки таки' есть вольные. Да что говорить. Ой, рассказывать это. Раньше вот. Попутал в кармане. Я его в сторону отвёл, чтоб народ не мешал мне. Как дам ему, и пустил. Он ушёл и больше не лезет никому. Боится. А другой не поверит первому побою, обратно залез. Ещё пуще получит. А сейчас лезет тебе в огород и в карман залезет, ворует. И ещё пойдёт жаловаться; ну, конечно, я не боюсь, я знаю, что говорить. (Зырянское, 1988).

Отметим, что выделение ключевых слов в данных фрагментах затруднительно. В первом случае это могут быть *воровать, громить, хапануть*, во втором – *(за)лезть в карман, тюрьма, сидеть (в тюрьме), воровать*, что позволяет выделить тему «Воровство». В тематическом перечне ТДК такая тема отсутствует. С точки зрения идеографической классификации «Воровство» является частью темы «Криминал». Как представляется, данная тема может быть выделена в первом тексте, так как там речь идёт только о материальном ущербе. Однако во втором случае превалирует установка говорящего на этическое осуждение такого поведения молодёжи, отсутствуют детали конкретного преступления, текст носит условно-обобщённый характер, что позволяет отнести его к теме «Мораль».

Не всегда в текстовом отрезке возможно выделить ключевые слова по описанным выше критериям. Рассмотрим ещё один фрагмент текста: *Ну, ой, ну от упала! Сломала шейку этого, бедра. И вот теперь, и вот теперь вот такая вот. И вот три года, девочки, лежу вот на этой уже койке. Ну я говорю ешио, спасибо, вот, маленько, на ведро встаю, ааа* (Колпашево, 2019). В данном случае нет повторов или синонимических рядов лексем, гиперо-гипонимических отношений, однако выделяется ряд слов и словосочетаний, принадлежащих к общему семантическому полю (*упасть, шейка бедра, лежать, вставать*), что позволяет выделить макротему «ЧЕЛОВЕК ФИЗИЧЕСКИЙ».

На третьем этапе работы разметчик, проанализировав содержание текстового отрезка, окончательно определяет границы фрагмента и выбирает

подходящую тему из имеющегося перечня. При этом необходимо иметь в виду следующие нюансы.

Во-первых, при осуществлении разметки необходимо помнить об иерархическом устройстве тематического списка, учитывая не только тему, но и макротему. Поэтому выделение, скажем, темы «Местность» во фрагментах, посвящённых описанию частей села, было бы ошибочным, так как данная тема входит в состав макротемы «ПРИРОДА».

Во-вторых, макротемы в ТДК пополняются контекстами по остаточному принципу. Текстовый фрагмент относится к макротеме также в тех случаях, когда в коротком отрезке текста (1–2 предложения) упоминаются ключевые слова, которые можно отнести к разным темам общей макротемы: *Я и на лошади ездила, навоз возила. На пашне, раньше же пашни были, это называли пашни, там сеяли, пахали, сеяли* (Тогур, 2016). Одновременное наличие в контексте обозначений разных видов трудовой деятельности (*возила, пахали, сеяли*) позволяет причислить его к макротеме «РАБОТА». Кроме того, фрагмент может маркироваться как относящийся к определённой макротеме, если определить частную тему не удаётся или она отсутствует в перечне. Например, контекст *Я к сыну хожу, там вымоюсь и домой ужинать иду. Казенная дале'ко баня* (Зырянское, 1988) причисляется к макротеме «БЫТ», поскольку тема «баня» в списке не представлена.

Время от времени проводится «ревизия» текстов внутри макротемы. Если при этом внутри размеченного текстового массива выделяется регулярно повторяющаяся в текстах тема, она приобретает статус самостоятельной и вносится в список. Такой «челночный» принцип тематической разметки позволяет брать за основу выделяемых в корпусе предметных областей материалы диалектного дискурса и постепенно расширять тематический перечень.

В-третьих, существуют внутригрупповые договорённости, которые необходимо учитывать. В ходе коллективной работы создатели корпуса принимают решения о том, к какой «крупной» теме отнести те или иные «мелкие» фрагменты. Так, при разметке ТДК описание русской печи решено включить в тему «Дом и усадьба» (а не к смежной теме «Домашние вещи»), описание женских украшений (серьги, бусы и др.) отнести к теме «Одежда и обувь» (а не выделять как отдельную тему), упоминания бартера – прямого обмена без использования денежных средств – к теме «Покупка и продажа», описание состояния дорог – к макротеме «ТРАНС-ПОРТ» и т.п. Принятые решения фиксируются в памятке, а совместное обсуждение частично помогает снять проблему субъективности разметки. Пользователь корпуса имеет возможность ознакомиться с данными допущениями, обращаясь к размещённой на сайте инструкции.

Технически тематическая разметка осуществляется следующим образом: разметчик выделяет в корпусе текстовый фрагмент, относящийся к определённой теме, затем выбирает соответствующую ему тему или макротему из выпадающего списка. В перечне сначала даётся макротема, затем все частные темы, относящиеся к ней, затем следующая макротема

и т.д. Для маркирования тем внутри макротемы используется графическое выделение, характерное для уровневых списков (абзацный отступ для макротемы, дефис с абзацного отступа для темы, двойной дефис после отступа для микротемы) (рис. 1).

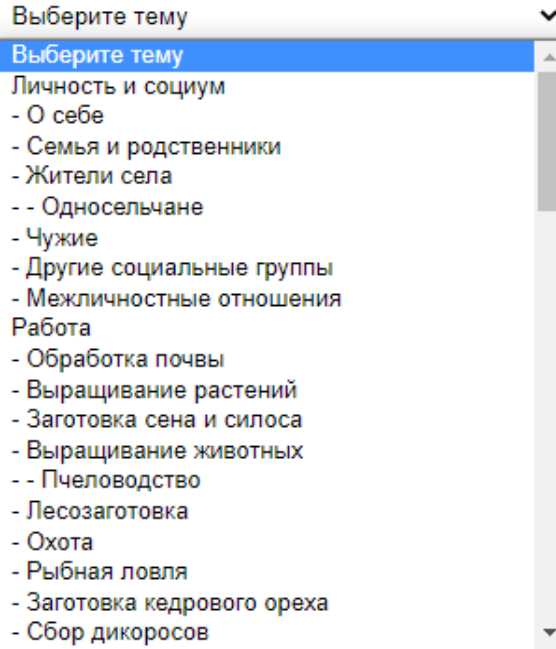

Рис. 1. Скриншот тематического списка (фрагмент)

В базе данных каждая тема и макротема имеет числовой идентификатор (тег). Теги помещаются в квадратные скобки, каждый из них состоит из латинской буквы и цифр. Латинские буквы указывают на тип разметки (t – тематическая разметка, k – разметка по типу текста, g – жанровая разметка). Различаются «открывающие» теги (начало темы) и «закрывающие» (конец темы), в последних используется дополнительно косая черта (слеш). Теги могут расставляться и вручную.

Размеченный текст внутри системы выглядит следующим образом: [t35] *Играли вчёрки, песни пели, в «соседи» играли. Король у их выбранный. Поса- дят девку на коленки к парню и говорят: «С коленки на коленку, повидаться помаленьку». Тапе'рь такого нету.* [t35] – выделена тема «Досуг».

Взаимное наложение тем (присвоение нескольких тематических меток одному фрагменту) допустимо в тех случаях, когда тему текста невозможно определить однозначно. Технически возможность добавления нескольких тем не ограничена, но рекомендуется на одном и том же отрезке выделять не более трёх тем. Границы двух или нескольких тем могут полностью совпадать, при этом размеченный текст выглядит так: [t6] [t39]

У тунгусов копьё называется. С одной стороны как ножик. Оно как уле-та'т, втыка'т. Тунгусы или э'венки. [/t6] [/t39] – выделены темы «Язык и речь» [t39], «Чужие» [t6]. При наложении тем теги даются в произвольном порядке.

Темы могут совпадать частично, т.е. пересекаться: [t29] [t3] У нас была така' семья, жили раньше плохо, не в чем было ходить в школу, братовья' были в школе, а я всё водилась с маленькими, не в чем было ходить, плохо жили. [/t29] Семья больша' была, девять человек живых осталось, а было тринадцать. У меня было девять человек детей, живых осталось пять. [/t3]. В данном фрагменте более широкой является тема «Семья и родственники» – её границы обозначены тегом [t3], внутри фрагмента выделена тема «Условия жизни» – тег [t29].

Наконец, возможно включение инотематических фрагментов в состав той или иной темы: [t13] [Давно скотину не держите?] Я скотину не стала держать, как дед умер, так не стала держать. [До этого держали?] До эт... ешо' после его я держала год три поросёнка. [t3] Дочке, сыну и себе, ну вырастила их; сын приехал, заколол, дочка взяла одного, они одного взяли, одного мне, а мне чё, куда мне одной поросёнка?! Я его половину им же отдала, ну а потом я говорю: «Санька, давай купим (дочка умерла), – я грю, – Санька, давай купим, это, два поросёнка, – я грю, – тебе поросёнка на твою се'мью, ну и мне поросёнка. Я, – грю, – дам внучатам маленько мяса», а он меня заругал: «Мама, гыт, тебе это надо? Ты всю жись со скотиной да в труде, да всё. Хватит, отдыхай». [t3] Вот с тех пор я не держу, пять лет не держу никого, даже куриц не держу. [/t13]. Внутри темы «Выращивание животных», обозначенной тегом [t13], выделена тема «Семья» [t3].

На странице текста в ТДК представлен перечень затронутых в нём тем (в порядке их появления в речи диалектоносителя), при выборе конкретной темы из списка соответствующий фрагмент целостного текста будет подсвечен (рис. 2).

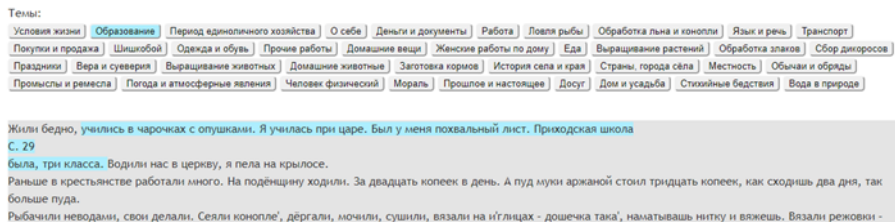

Рис. 2. Скриншот текста (фрагмент) с выделением конкретной темы

При поиске пользователь получает по запросу все тексты, где есть интересующая его тема. Пользователь видит тот же перечень, что и разметчик (с уровневим маркированием с помощью абзацных отступов и дефисов). При поиске по макротеме на данный момент можно найти только тексты, отнесённые к ней по остаточному принципу. В перспективе реали-

зация уровневой разметки предполагает, что на запрос макротемы при необходимости будут выдаваться все тексты, отнесённые как к макротеме собственно, так и к входящим в неё темам.

Таким образом, совершенствование диалектных электронных ресурсов, в том числе связанное с вопросами их тематической разметки, будет способствовать исследованию народно-речевой культуры с опорой на новые эффективные инструменты научного поиска. Разметка по темам в диалектных корпусах позволяет рассматривать её не столько как экстралингвистический, «внешний» по отношению к тексту (служащий для балансировки вводимых материалов), сколько как собственно лингвистический параметр, открывающий перспективы анализа содержательной специфики диалектного дискурса.

Представленный опыт создателей Томского диалектного корпуса может быть использован при разработке других корпусных ресурсов, а также в сфере теоретического изучения диалектной речи с позиций дискурсивного анализа.

Литература

1. *Коптев М.В.* Введение в корпусную лингвистику : учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей университетов. Прага : Animedia Company, 2014. 195 с.
2. Topic // EAGLES. Preliminary Recommendations on Text Typology. EAG---TCWG---TTYP/P. Version of Jun 1996. URL: <http://www.ilc.cnr.it/EAGLES96/texttyp/node21.html#SECTION00070000000000000000> (дата обращения: 15.05.2020).
3. *Савчук С.О.* Метатекстовая разметка в Национальном корпусе русского языка: базовые принципы и основные функции // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 62–88.
4. *Шаров С.А.* Представительный корпус русского языка в контексте мирового опыта // Научно-техническая информация. Серия «Информационные процессы и системы». 2003. № 6. С. 9–18. URL: <http://lamb.viniti.ru/sid2/sid2free?sid2=J0338267X35> (дата обращения: 10.05.2020).
5. *Летучий А.Б.* Корпус диалектных текстов: задачи и проблемы // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М., 2005. С. 215–232.
6. *Гольдин В.Е.* Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : дис. ... д-ра филол. наук в виде науч. докл. Саратов, 1997. 52 с.
7. *Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю.* Тематическая разметка и тематический анализ диалектного текстового корпуса // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы международной научной конференции : в 2 ч. Самара, 2006. Ч. 1. С. 71–80.
8. *Саратовский диалектный корпус: новый научный и образовательный ресурс: Концепция, методические материалы / сост. Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е.* Саратов, 2010. 39 с.
9. *Качинская И.Б.* Диалектный подкорпус НКРЯ: Новый стандарт подачи. Новое рабочее место // Русская устная речь: материалы международной научной конференции «Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» и межвузовского совещания «Проблемы создания и использования диалектологических корпусов», Саратов, 15–17 ноября 2010 г. Саратов, 2011. С. 239–248.
10. *Трезубова Е.Н.* Многоуровневая тематическая разметка как инструмент этнолингвистической репрезентации диалектного дискурса в электронном текстовом корпусе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 1 (33). С. 66–77.
11. *Диалектный корпус* // Региональная этнолингвистика. URL: <https://ethnolex.ru/kubdk/> (дата обращения: 12.03.2020).

12. *Диалектный* подкорпус. // Электронный текстовый корпус лингвокультуры северного Приангарья. URL: <http://angara.sfu-kras.ru/?page=diaclect#> (дата обращения: 02.05.2020).

13. *Лавров Д.Н., Харламова М.А., Костюшина Е.А.* Представление разметки корпуса народной речи Среднего Прииртышья // Математические структуры и моделирование. 2018. № 4 (48). С. 85–91.

14. *Земичева С.С.* Новые темы диалектного дискурса (на материале Томского диалектного корпуса) // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2019». СПб., 2019. С. 280–287.

15. *Земичева С.С.* Взаимосвязь тематики диалектного текста и пола говорящего (на материале Томского диалектного корпуса) // Актуальные проблемы и перспективы русистики: материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете, 20–22 июня 2018. Barcelona, 2018. С. 491–500.

16. *Волошина С.В., Толстова М.А.* Репрезентация концепта «Богатство» в диалектном дискурсе: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 17–28.

17. *Демешкина Т.А.* «Ссылка» как феномен сибирской лингвокультуры // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 56. С. 34–46.

18. *Демешкина Т.А.* Мир природы в зеркале диалекта (на материале концепта «Болото») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 62. С. 85–103.

19. *Смирнов Е.С.* Ценностные доминанты ангарцев в устных текстах о «своих» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 6 (139). С. 140–143.

20. *Иванцова Е.В.* Вариативность реализации ключевого концепта ХЛЕБ в разных типах русской речевой культуры // Актуальные проблемы и перспективы русистики: материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете, 20–22 июня 2018. Barcelona, 2018. С. 1172–1181.

21. *Словарь детства: говоры Среднего Приобья* (с лингвокультурологическим комментарием) / под ред. М.М. Угрюмовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. 200 с.

22. *Банкова Т.Б.* Словарь сибирского свадебного обряда. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. Т. 1. 198 с.

23. *Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е.* Корпус русской диалектной речи: концепция и параметры оценки // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог», Бекасово, 25–29 мая 2011 г. М., 2011. Вып. 10 (17). С. 359–367.

24. *Косицина Ю.В.* Статико-динамическая модель тематической организации диалектного монологического текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013. 26 с.

25. *Буранова А.И.* Тематическая организация диалектной речи : квантитативный анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 35–38.

26. *Задачи и принципы семантической разметки лексики в НКРЯ* / Е.В. Рахилина [и др.] // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009. С. 215–239.

27. *Юрина Е.А.* Томский диалектный корпус: в начале пути // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 2 (14). С. 58–63.

28. *Иванцова Е.В.* Томский диалектный корпус: обоснование концепции и перспективы развития // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 11. С. 54–70.

29. *Матвеева Т.В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 170 с.

30. *Текстовая разметка Томского диалектного корпуса* // Томский диалектный корпус: Инструкция для пользователя. URL: http://losl.tsu.ru/sites/default/files/docs/Topics_result.docx (дата обращения: 15.06.2020).

Dialect Corpus Thematic Markup: The Experience of Tomsk Dialectologists

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 67. 45–61. DOI: 10.17223/19986645/67/3

Svetlana S. Zemicheva, Ekaterina V. Ivantsova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: optysmith@gmail.com / ekivancova@yandex.ru

Keywords: dialect corpus, thematic markup, Russian dialects of Siberia.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-012-00320.

The article discusses an urgent problem in the field of corpus linguistics: the implementation of text markup by topic. It presents the experience of implementation of such a markup in the Tomsk dialect corpus. The research team has achieved impressive results: at the moment, the Tomsk dialect corpus contains 1,600 texts, divided into more than 20,000 thematic fragments, and is the most representative resource of this kind in Russia. The authors of the article interpret the practical experience of Tomsk researchers in a broad context against the background of decisions made by the developers of the Russian National Corpus and the emerging Russian dialect corpora. The authors identify factors that give rise to difficulties in the implementation of thematic markup of dialect texts by subject areas. The factors include: the oral nature of dialect communication (thus, a close connection of the text with the situation of its generation, overlapping or intersection of themes); in some cases, a weak degree of coherence of texts due to the peculiarities of fixing the material, difficulties in understanding the texts of local culture “from outside”, lack of a unified methodology for thematic markup. An analysis of the available developments in the field of creating regional corpora makes it possible to identify general techniques used in practice. The techniques include: manual thematic markup; hierarchy of the thematic list, which generally includes two levels of generalization; markup of the topic of separate text fragments, not the text as a whole; use of “soft” markup with the ability to assign several thematic labels to the same fragment and partial overlap of text fragments. The developers of the Tomsk dialect corpus propose specific methodological steps to implement thematic markup. The markup includes 3 stages: the person doing the markup (1) intuitively breaks the text into fragments united by a common content and determines these fragments’ boundaries preparatively; (2) determines the keywords of the fragment (based on the lists of keywords from the instructions) and, in some cases, the semantic dominant of the text; (3) identifies the final boundaries of the fragment and the choice of a topic from the available list. The list of topics for the markup in the Tomsk dialect corpus currently includes 77 items; it is not exhaustive and is gradually updated in the course of work. The potential content of the texts on each topic and the thematic belonging of the “controversial” fragments are determined as a result of group discussions. The user of the corpus can learn the details of these discussions by referring to the instructions posted on the website. The authors also briefly describe the technical side of thematic markup, provide samples of marked-up text fragments. The presented experience can be applied to create other corpus resources and used in the field of theoretical studies of dialect speech from the standpoint of discourse analysis.

References

1. Kopotev, M.V. (2014) *Vvedenie v korpusnuyu lingvistiku* [Introduction to Corpus Linguistics]. Prague: Animedia Company.
2. Istituto di Linguistica Computazionale “A. Zampolli”. (1996) Topic. *EAGLES. Preliminary Recommendations on Text Typology*. EAG---TCWG---TTYP/P. [Online] Available from: <http://www.ilc.cnr.it/EAGLES96/texttyp/node21.html#SECTION00070000000000000000>. (Accessed: 15.05.2020).
3. Savchuk, S.O. (2005) *Metatekstovaya razmetka v Natsional’nom korpusse russkogo yazyka: bazovye printsipy i osnovnye funktsii* [Metatext markup in the Russian National

Corpus: basic principles and main functions]. In: *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2003–2005. Rezul'taty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2003–2005. Results and Prospects]. Moscow: Indrik. pp. 62–88.

4. Sharov, S.A. (2003) Predstavitel'nyy korpus russkogo yazyka v kontekste mirovogo opyta [Representative corpus of the Russian language in the context of world experience]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya "Informatsionnye protsessy i sistemy"*. 6. pp. 9–18. [Online] Available from: <http://lamb.viniti.ru/sid2/sid2free?sid2=J0338267X35>. (Accessed: 10.05.2020).

5. Letuchiy, A.B. (2005) Korpus dialektnykh tekstov: zadachi i problemy [Corpus of dialect texts: tasks and problems]. In: *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2003–2005. Rezul'taty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2003–2005. Results and prospects]. Moscow: Indrik. pp. 215–232.

6. Gol'din, V.E. (1997) *Teoreticheskie problemy kommunikativnoy dialektologii* [Theoretical problems of communicative dialectology]. Philology Dr. Diss. Saratov.

7. Gol'din, V.E. & Kryuchkova, O.Yu. (2006) [Thematic markup and thematic analysis of the dialectal text corpus]. *Yazykovaya lichnost' – tekst – diskurs: teoreticheskie i prikladnye aspekty issledovaniya* [Linguistic Persona – Text – Discourse: Theoretical and Applied Aspects of Research]. Proceedings of the International Conference. Part 1. Samara. 3 October 2006. Samara: Samara State University. pp. 71–80. (In Russian).

8. Kryuchkova, O.Yu. & Gol'din, V.E (eds) (2010) *Saratovskiy dialektnyy korpus: novyy nauchnyy i obrazovatel'nyy resurs. Kontseptsiya, metodicheskie materialy* [Saratov Dialect Corpus: A new scientific and educational resource. Concept, methodological materials]. Saratov: [s.n.].

9. Kachinskaya, I.B. (2011) [Dialectal subcorpus of the RNC. New filing standard. New workplace]. *Russkaya ustnaya rech'* [Russian Oral Speech]. Proceedings of the International Conference “Barannikovskie chteniya. Ustnaya rech': russkaya dialektnaya i razgovorno-prostorechnaya kul'tura obshcheniya” [Barannikov Readings. Oral Speech: Russian Dialectal and Colloquial Culture of Communication] and Interuniversity Meeting “Problemy sozdaniya i ispol'zovaniya dialektologicheskikh korpusov” [Problems of Creating and Using Dialectological Corpora]. Saratov. 15–17 November 2010. Saratov: Nauka. pp. 239–248. (In Russian).

10. Tregubova, E.N. (2015) Multilevel thematic marking as an ethnolinguistic tool of dialectal discourse representation in digital text corpora. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (33). pp. 66–77. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/33/6

11. Regional'naya etnolingvistika [Regional Ethnolinguistics]. (n.d.) *Dialektnyy korpus* [Dialectal corpus]. [Online] Available from: <https://ethnolex.ru/kubdk/>. (Accessed: 12.03.2020).

12. The Electronic Text Corpus of the Linguistic Culture of North Priangarye. (n.d.) *Dialektnyy podkorpus* [Dialect subcorpus]. [Online] Available from: <http://angara.sfu-kras.ru/?page=dialect#>. (Accessed: 02.05.2020).

13. Lavrov, D.N., Kharlamova, M.A. & Kostyushina, E.A. (2018) Representation of the corpus of medium Irtysh folk dialect. *Matematicheskie struktury i modelirovanie – Mathematical Structures and Modeling*. 4 (48). pp. 85–91. (In Russian). DOI: 10.25513/2222-8772.2018.4.85-91

14. Zemicheva, S.S. (2019) [New topics of the dialect discourse (based on the Tomsk dialect corpus material)]. *Korpusnaya lingvistika-2019* [Corpus linguistics-2019]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 24–28 June 2019. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 280–287. (In Russian).

15. Zemicheva, S.S. (2018) [The relationship between the topic of the dialect text and the speaker's gender (based on the Tomsk dialect corpus)]. *Aktual'nye problemy i perspektivy rusistiki* [Actual Problems and Prospects of Russian Studies]. Proceedings of the International Conference Barcelona. 20–22 June 2018. Barcelona: Trialba Ediciones. pp. 491–500. (In Russian).

16. Voloshina, S.V. & Tolstova, M.A. (2018) Representation of the concept “Wealth” in the dialect discourse: constants and transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo*

universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology. 55. pp. 17–28. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/55/2

17. Demeshkina, T.A. (2018) “Exile” as a phenomenon of the Siberian linguaculture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology.* 56. pp. 34–46. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/56/3

18. Demeshkina, T.A. (2019) The world of nature in the mirror of the dialect (a case study of the concept “swamp”). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology.* 62. pp. 85–103. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/62/6

19. Smirnov, E.S. (2019) Value dominants of the Angara basin residents in oral texts about “locals”. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University.* 6 (139). pp. 140–143. (In Russian).

20. Ivantsova, E.V. (2018) [Variation in the implementation of the key concept of BREAD in different types of Russian speech culture]. *Aktual'nye problemy i perspektivy rusistiki* [Actual Problems and Prospects of Russian Studies]. Proceedings of the International Conference. Barcelona. 20–22 June 2018. Barcelona: Trialba Ediciones. pp. 1172–1181. (In Russian).

21. Ugryumova, M.M. (ed.) (2018) *Slovar' detstva: govory Srednego Priob'ya (s lingvokul'turologicheskim kommentariem)* [Dictionary of Childhood: Dialects of the Middle Ob region (with linguoculturological commentary)]. Tomsk: Tomsk State University.

22. Bankova, T.B. (2018) *Slovar' sibirskogo svadebnogo obryada* [Dictionary of the Siberian Wedding Ceremony]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

23. Kryuchkova, O.Yu. & Gol'din, V.E. (2011) [A corpus of Russian dialectal speech: the concept and parameters of evaluation]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies]. Proceedings of the International Conference “Dialog” [Dialogue]. 10 (17). Bekasovo. 25–29 May 2011. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 359–367. (In Russian).

24. Kositsina, Yu.V. (2013) *Statiko-dinamicheskaya model' tematicheskoy organizatsii dialektного monologicheskogo teksta* [Static-dynamic model of the thematic organization of a dialect monological text]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kemerovo.

25. Buranova, A.I. (2012) Thematic Organization of Dialect Speech: Quantitative Analysis. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Filologiya. Zhurnalistsika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism.* 3 (12). pp. 35–38. (In Russian).

26. Rakhilina, E.V. et al. (2009) Zadachi i printsipy semanticheskoy razmetki leksiki v NKRYa [Tasks and principles of semantic markup of vocabulary in the RNC]. In: *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2006–2008. New Results and Prospects]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 215–239.

27. Yurina, E.A. (2011) Tomsk dialectal corpora: the starting point. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology.* 2 (14). pp. 58–63. (In Russian).

28. Ivantsova, E.V. (2017) Tomsk dialect corpus: substantiation of the concept and prospects of development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology.* 11. pp. 54–70. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/11/4

29. Matveeva, T.V. (1990) *Funktsional'nye stili v aspekte tekstovykh kategoriy: sinkhronno-sopostavitel'nyy ocherk* [Functional Styles in the Aspect of Textual Categories: A Synchronic-Comparative Sketch]. Sverdlovsk: Ural Federal University.

30. Tomsk Dialect Corpus. (2019) Tekstovaya razmetka Tomskogo dialektного korpusa [Text markup of the Tomsk Dialect Corpus]. *Instruktsiya dlya pol'zovatelya* [User manual]. [Online] Available from: http://losl.tsu.ru/sites/default/files/docs/Topics_result.docx. (Accessed: 15.06.2020).

УДК 811.112.2

DOI: 10.17223/19986645/67/4

Н.Г. Кузнецова, О.Н. Степичева

КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ – ЯЗЫКОВЫЕ РЕАЛИИ В АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Рассматриваются культурно-специфические термины – языковые реалии в архитектурно-строительной терминологии немецкого языка, уточняется их номенклатура и локализация в профессиональном словаре. Выполняется классификация соответствующих терминологических единиц, уточняются приёмы передачи их значений на русский язык. Выявляются особенности применения переводческих приёмов при переводе немецких культурно-специфических терминов из области архитектуры и строительства.

Ключевые слова: немецкий язык, архитектурно-строительная терминология, культурно-специфические термины, номенклатура, классификация, приёмы перевода на русский язык.

В последние десятилетия заметное внимание уделяется изучению терминов с позиций перевода иноязычных текстов. Именно термины как ключевые единицы специального текста, определяющие его информационное содержание, создают достаточно большие проблемы при переводе. Поэтому применительно к ним вопрос о достижении эквивалентности при существовании различий кодовых единиц встает особенно остро [1. С. 103; 2. С. 171; 3. С. 15]. Среди терминов наибольшую сложность представляют культурно-специфические терминологические единицы, с одной стороны, организующие и кодирующие информацию из определённой области знаний, с другой – подающие эту информацию через призму национального опыта. Такие лексические единицы требуют особого подхода, поскольку имеют двойственную природу: в языке оригинала они являются обычными терминами, но для языка перевода становятся также языковыми реалиями, наименованиями культурно-маркированных денотатов. Для культурно-специфических терминов двуязычные словари, как правило, приводят более или менее подходящие функциональные эквиваленты, которые несут ограниченный объем информации о языковой реалии. Поэтому словарные соответствия обычно не позволяют составить правильное представление о культурно-специфических терминологических единицах и, соответственно, ограниченно используются в переводческой практике [3. С. 15].

Целью данной статьи является системное представление культурно-специфических терминов – языковых реалий в архитектурно-строительной терминологии немецкого языка, где достаточно широко представлены такие терминологические единицы. Достижение цели предполагает уточнение номенклатуры указанных единиц и тех разделов профессионального

словаря, где они встречаются, классификацию культурно-специфических терминов, а также уточнение приёмов их перевода (подходов к передаче значений) на русский язык.

Объектом исследования в данной работе выступают архитектурно-строительные термины немецкого языка, среди которых выделяются группировки культурно-специфических терминологических единиц.

Материалом для исследования послужили данные профессионального словаря [4] и корпус актуальных, отсутствующих в лексикографических источниках терминов, выделенных из немецкоязычных научных статей и монографий, учебных материалов по специальности «архитектура и строительство» для немецких вузов, немецкоязычных профильных интернет-порталов для специалистов и неспециалистов и проч. Среди немецкоязычных интернет-порталов особое внимание уделялось таким, где приводятся толкования актуальных архитектурно-строительных терминов. Обычно это порталы строительных фирм и фирм, занимающиеся продажей недвижимости, строительных конструкций, материалов и т.д., которые содержат более или менее объёмные глоссарии для немецкоязычных читателей-непрофессионалов. Такими порталами пользуются в своей работе и переводчики.

Корпус из более чем 2000 новых терминологических единиц, собранный при поддержке носителей языка – специалистов в области архитектуры и строительства, отражает современное состояние немецкой архитектурно-строительной терминологии. Новые архитектурно-строительные термины, включая культурно-специфические, были обработаны, классифицированы и большей частью системно представлены авторами в ряде статей [5–9]. На новых культурно-специфических терминологических единицах были апробированы переводческие приёмы, использующиеся для передачи значений языковых реалий в художественных текстах, что позволило выявить те из них, которые эффективны при передаче значений культурно-специфических единиц архитектурно-строительной терминологии немецкого языка на русский.

Общеизвестно, что часть строений, особенно жилых, относятся к реалиям (см., например, [10. С. 47]), а их наименования представляют собой культурно-специфические лексические единицы. Лингвистами осмыслено существование национальных научных картин мира, которые находят отражение в языке. Но данные факты никаких последствий для изучения архитектурно-строительной терминологии не имели. Вопрос о том, что культурно-специфические лексемы являются неотъемлемой частью архитектурно-строительной терминологии, не поднимался, и тем более речь никогда не велась о систематизации, классификации таких терминологических единиц и приёмах их перевода (передачи значений). Между тем культурно-специфические терминологические единицы составляют заметную часть профессионального архитектурно-строительного словаря, локализируются в конкретных его разделах, образуя лексико-семантические группировки, а при передаче значений таких терминологических единиц с языка

оригинала на язык перевода доминируют определённые приёмы. Системный подход к изучению определённой части архитектурно-строительного словаря с переводческой позиции и составляет научную новизну исследования, а рассмотренные терминологические единицы могут в дальнейшем использоваться для сопоставительного описания профессиональных языковых картин мира.

Впервые тема культурно-специфических терминов в архитектурно-строительной терминологии немецкого языка рассматривалась авторами в работе [5], в статье [3], и в данной публикации тема получает своё дальнейшее развитие.

Культурно-специфическая лексика и материальная культура

С функционально-коммуникативной точки зрения каждая культура и каждый язык представляют собой разветвленную систему, в рамках которой содержания разного рода способны обладать либо универсальными качествами и смыслом, т.е. иметь интернациональный характер, либо быть культурно-специфическими, актуальность которых ограничивается рамками конкретной культуры. Явления в сфере отдельных национальных культур и территориальных ареалов, которые не свойственны другим культурам, и те языковые единицы, которые обозначают данные явления, называются реалиями.

К реалиям относят предметы или явления материальной культуры, этно-национальные особенности, обычаи, обряды, а также исторические факты или процессы, обычно не имеющие соответствий в других культурах. К словам-реалиям относят имена собственные, топонимику, наименования специфических для данного региона предметов быта, материальной и духовной культуры, традиций, характерных явлений из сферы общественной, экономической и государственной жизни и т.п. [11. С. 94–95]. Слова-реалии и фоновую лексику, несущую наряду с межнациональной информацией информацию национального характера, называют также культурно-маркированной лексикой, лексическими единицами с культурным компонентом, национально-окрашенными лексическими единицами, культурно-специфическими лексическими единицами [12].

С точки зрения перевода языковые реалии рассматриваются обычно в плоскости пары языков. Языковые реалии могут быть свойственны либо лишь одному языку, а в другом отсутствуют (англ. ам. *drugstore* «малое и среднее предприятие розничной торговли, которое предлагает относительно широкий ассортимент товаров и услуг; существует сегодня в сельской местности, но активно вытесняется супермаркетами и дискаунтерами»), либо реалия присутствует в обоих языках, но в одном из них она имеет дополнительное значение (англ. ам. *cloverleaf* – русск. «кленовый лист», а также «автодорожная развязка в виде клеверного листа») [13. С. 14].

***Строения как часть материальной культуры и их наименования
как часть архитектурно-строительной терминологии***

Источником культурно-специфической лексики выступает прежде всего область материальной культуры, зарождение которой обусловили материальные потребности человека и социума. Материальная культура, являясь средством передачи социального опыта, несет на себе печать национального и регионального своеобразия, по которой можно установить место происхождения и бытования ее артефактов. Последние специфичны для каждой эпохи, страны, этноса, социальной группы и даже индивидуума. Важной частью материальной культуры служат строения, постройки – жилые, производственные, бытовые, культовые, фортификационные и др. Самая ранняя среди всех известных построек – жилище человека.

Жилище представляет собой искусственное, реже естественное сооружение, не только укрывающее его обитателей от неблагоприятных воздействий внешней среды, но и создающее социальное пространство, в котором может осуществляться производственная, бытовая, творческая и иная деятельность людей. Форма, величина и внутреннее устройство жилища определяются общественными отношениями, обычаями, религией, формами брака и семьи, психологией и индивидуальными особенностями людей.

Жилища зависят от природно-климатических условий, местных строительных материалов, уровня развития строительных технологий и общества в целом. Известны жилища, сделанные в ракушечнике и лёссе, глиняные хаты, каменные сакли, травяные шалаши, берестяные чумы, полотняные шатры, снежные иглу, яранги из шкур, юрты из войлока, хижины из бамбука, тростника, листьев пальмы, фанзы, вигвамы. Их сооружали еще в глубокой древности, но где-то в подобных жилых строениях люди живут и по сей день [14].

В наименованиях жилищ ярко отражаются национально-культурные черты социумов. Слова, обозначающие жилище, могут рассказать о благосостоянии нации и отдельных её представителей, о культуре быта в разных странах, они показывают способы и приемы строительства жилья, его разнообразие формы и материалы. Яркое выражение национальной специфика языковых реалий, связанных с наименованием строений, зданий, жилищ, обусловлена их исторической ролью, назначением, архитектурным своеобразием и другими культурными факторами. Даже при наличии общих черт в наименовании жилищ, как, например, это имеет место в Европе, наблюдаются существенные национальные различия, которые могут объясняться своеобразием условий жизни народов, отношением к дому, сложившимися традициями и периодом застройки. Современные жилые здания, как и все прочие, являются продуктом деятельности архитекторов и строителей: архитектура и строительство создают эти объекты материальной культуры. В свою очередь, наименования зданий, сооружений и их архитектурно-конструктивных элементов входят в архитектурно-строительную терминологию.

Культурно-специфические архитектурно-строительные термины в немецком языке

В связанной с материальной культурой профессиональной архитектурно-строительной лексике немецкого языка представлен ряд культурно-специфических терминов – языковых реалий, наиболее важными среди которых являются наименования городских и сельских поселений, их частей, относящиеся к архитектурно-градостроительной проблематике, и архитектурно-строительные термины – наименования жилых строительных объектов [15. S. 144–145; 5; 3], а также наименования архитектурно-конструктивных элементов зданий.

Культурно-специфические термины – наименования поселений

Наименования городских поселений и их частей. К культурно-специфическим наименованиям городских поселений и их частей в немецкоязычной архитектурно-строительной терминологии относятся:

– *Landstadt (f)* – небольшой город, в котором проживает от 2 до 5 тыс. жителей [16. S. 925];

– *Gartenstadt (f)* – микрорайон города с большим количеством зелёных насаждений или озеленённый пригород большого города [Ibid. S. 560];

– *Gartenvorstadt (f)* – небольшой город с большим количеством зелёных насаждений вблизи крупного промышленного центра [17. S. 146];

– *Stadthausiedlung (f)* – посёлок городского типа в сельской местности с домами, ограничивающими пространство дворов [Ibid. S. 187];

– *Straßenzeile (f)* – длинный ряд однотипных домов, находящихся на одинаковом расстоянии друг от друга [5, 18].

Наименования сельских поселений. К культурно-специфическим наименованиям сельских поселений в немецкоязычной архитектурно-строительной терминологии относятся гиперонимы *Reihendorf (n)* «сельское поселение линейной застройки», *Platzdorf (n)* «сельское поселение круговой (полярной, ядерной) застройки» с их многочисленными разновидностями-гипонимами, а также *Haufendorf (n)* – наименование сельских поселений нерегулярной компактной (кучевой) застройки, *Streusiedlung (f)* – наименование сельских поселений нерегулярной диффузной застройки и *Markt(flecken)(m)* – наименование крупных поселений в сельской местности с разделением труда, выполняющих начиная со Средневековья отдельные функции городов (прежде всего организация рыночной торговли) (см. детально [3. С. 17–18]).

Культурно-специфические термины-наименования жилых зданий и их классификация

Культурно-специфические термины-наименования жилых зданий подразделяются на группы:

По способу возведения:

– *Blockhaus* (*n*) – дом из бревен или бруса, отличающийся простотой и цельностью конструкции, один из старейших типов построек на восточно-немецких территориях [19];

– *Massivhaus* (*n*) – монолитный дом из кирпича, природного или искусственного камня, железобетона с несущими стенами и крышей на весь объем помещения [20];

– *Fachwerkhaus* (*n*) – дом с фахверковой системой периода Средневековья, относится к каркасному домостроению. Основным несущим элементом такого дома являются подпорки и балки из дерева с подкосами, промежутки между которыми чаще всего заполняются глиной и деревом, реже – кирпичом [21];

– *Öko-Haus* (*n*) – дом из природных экологических строительных материалов, преимущественно из дерева [22];

– *Modulares Haus/Container Haus* (*n*) – мобильный ячеечный дом-куб. При увеличении семьи достаточно добавить еще один кубик-ячейку, что облегчает планировочную задачу и исключает разработку сложных чертежей. При переезде можно переместить модуль на прицепе и поставить на новом месте [5, 23].

По отношению к соседствующему строению:

– *Einhof* (*m*) (= *Einheitshaus* (*n*), *das Einhaus* (*n*)) – изолированный крестьянский дом, каменная, реже рубленая двухэтажная постройка, объединяющая под одной крышей жилые и хозяйственные помещения, в том числе и для скота; типичен для Баварии и других альпийских регионов [24];

– *Doppelhaus* (= *DH*) (*n*) (= *Twin* (*n, m*)) – городской дом на два хозяина с земельным участком, поделённым забором на две части; в сельской местности подобный дом с поделённым земельным участком называется *Zwiehof* (*m*) [25];

– *Doppelhaushälfte* (*f*) – половина двухквартирного дома, причем если *Doppelhaus* (*n*) имеет один общий вход, то *Doppelhaushälfte* (*f*) предполагает наличие собственного входа в дом и лестничной клетки для каждой половины [26];

– *Reihenhaus* (= *RH*) (*n*) – городской секционный дом, расположенный в ряду строений одинаковой или однотипной архитектуры с примыкающими друг к другу фасадами. В сельской местности для аналогичных строений используются названия *Hakenhof* (*m*), *Streckhof* (*m*) [27];

– *Einliegerwohnung* (*f*) – часть дома, может быть, даже его половина, где проживает отдельная семья; в отличие от *Doppelhaus* (*n*) земельный участок при доме не разделён между домовладельцами [5, 28].

По степени готовности:

– *Fertighaus* (*n*) – дом «под ключ» со всеми коммуникациями и встроенной мебелью [29];

– *Rohbauhaus* (*n*) (= *Bausatzhaus* (*n*), *Mitbauhaus* (*n*), *Selbstbauhaus* (*n*)) – дом без внутренней отделки, дом с черновой отделкой [30, 31];

– *Ausbauhaus* (*n*) – готовый дом, в котором при желании хозяев можно что-либо достроить или изменить [32];

– *Selbstbauhaus (n)* (= *Rohbauhaus (n)*, *Bausatzhaus (n)*, *Mitbauhaus (n)*) – дом, который строит сам хозяин по проекту, купленному у архитектурного бюро [5, 31].

По отношению к энергопотреблению:

– *Passivhaus (n)* – дом, который обходится без традиционного отопления и электроснабжения, используются альтернативные источники энергии (прежде всего, солнечная энергия); большое внимание в домах такого типа уделяется сохранению тепла в помещениях за счёт определённой конструкции крыши, теплоизоляции стен, окон с тройным остеклением [33];

– *Plusenergiehaus (n)* – дом в целом идентичный *Passivhaus (n)*, но способный также накапливать энергию и отдавать её другим объектам. На крыше и в стенах такого дома устанавливаются солнечные батареи, вырабатывающие электрический ток; для домов такого типа характерна определённая пространственная ориентация, не выпускающие тепло стёкла, надёжная теплоизоляция стен [34];

– *Nullenergiehaus (n)* – дом, находящийся на энергетическом самообеспечении, но не производящий энергии сам, как *Plusenergiehaus (n)*, т.е. дом, имеющий нулевой баланс прихода и расхода энергии [35];

– *Energiesparhaus (n)* – энергосберегающий дом, обслуживание которого требует до 90% меньших затрат тепловой энергии, чем традиционные постройки; особенностями такого дома являются компактность, оптимальная теплоизоляция, уменьшение потерь тепла в процессе кондиционирования, использование альтернативных источников энергии [36], наименование является гиперонимом по отношению к следующим гипонимам:

– *KfW-60-Haus (n)* – дом, в котором потребность в тепловой энергии составляет 60% потребности традиционного дома [37];

– *KfW-40-Haus (n)* – дом, в котором потребность в тепловой энергии составляет 40% потребности традиционного дома [38];

– *1,5-Liter-Haus (n)*, *3-Liter-Haus (n)* – дома, которые потребляют 1,5–3 л жидкого топлива на 1 м² жилой площади соответственно [39];

– *Niedrigenergiehaus (n)* – дом с низким потреблением электрической энергии и тепла [40; 5].

Культурно-специфические термины-наименования основных архитектурно-конструктивных элементов зданий

Здания при всём их многообразии состоят из ограниченного числа взаимосвязанных архитектурно-конструктивных элементов, основными из которых являются фундамент, стены, перекрытия, перегородки, крыша (покрытие), лестницы, окна и двери. Если фундаменты, стены, перекрытия и перегородки практически не имеют разновидностей, то крыши (покрытия), лестницы, окна и двери отличаются значительным числом модификаций (данные для Германии: окна – 119, двери – 239, крыши – 186, лестницы – 285 модификаций [6–9]). Разновидности крыш, окон, дверей и лестниц обычно группируются:

- по форме или конфигурации,
- по материалу основной части архитектурно-конструктивного элемента (для крыши – кровли, для окна – рамы, для двери – дверного полотна, для лестницы – ступеней),
- по конструкции, где при этом возможна большая детализация (например, для окон: дифференциация по типу членения оконного полотна (горизонтальное / вертикальное), по типу открывания створок, по типу остекления; для дверей: по способу крепления в проём, по типу открывания, по конструкции дверного полотна, по отделке и декору; для крыш: по типу несущей конструкции, по каркасу крыши, определяющему её форму, по типу покрытия кровли),
- по месту установки, которое определяет особенности конструкции элемента,
- по специальному предназначению, которое задаёт требования к архитектурно-конструктивному элементу [6–9].

Такая классификация архитектурно-конструктивных элементов зданий, используемая авторами в ряде статей, носит достаточно универсальный характер, что даёт возможность сопоставлять соответствующие группировки и наименования элементов зданий в разных языках, в языке оригинала и в языке перевода, в нашем случае в немецком и русском языках.

Культурно-специфические термины – языковые реалии среди наименований архитектурно-конструктивных элементов зданий представлены, как правило, в группировках, где наименования элементов указывают на тип их конструкции. В таких группировках выделяются: а) наименования конструкций архитектурно-конструктивных элементов зданий, которые не представлены в российской архитектурно-строительной традиции; б) наименования неизвестных модификаций таких конструкций архитектурно-конструктивных элементов зданий, которые известны российскому домостроению.

Наименования конструкций архитектурно-конструктивных элементов зданий, которые не представлены в российской архитектурно-строительной традиции. Данная группа немногочисленна, является закрытой и включает наименования ряда конструкций, которые относятся к историческим:

- а) наименования разновидностей конструкций окон:
  - наименование конструкции круглых окна с фигурным переплётом. Такие оконные конструкции применялись в средневековой Европе начиная с романской эпохи. Они носят название *Fensterrose (n)* «окно роза», являющееся общим термином для архитектурного феномена «круглое окно». В начале романской эпохи оконный переплёт розы был довольно простым. С развитием романского стиля и переходом его в готический рисунок переплёта все более усложнялся и в последнюю пору готики был уже чрезвычайно затейливым. Готическая роза является застеклённым витражным стеклом круглым окном, расчленённым фигурным переплётом на части в виде звезды или распустившегося цветка с симметрично расположенными лепест-

ками. Разновидностью розы считается и *Radfenster (n)* (= *Katharinenrad (n)*) «окно-колесо», характерной особенностью которого является сходство с колесом. Окно называется также Екатерининской розой в честь св. Екатерины, которая подверглась пытке на колесе [41];

– наименования конструкций окон – предшественников окон со стеклопакетом. *Zargen-Doppelfenster (n)* (= *Gerüstfenster (n)*) – двойное окно с очень узкой оконной коробкой, так что створки оконных переплётов находятся на минимальном расстоянии друг от друга; при этом совместное открывание створок отсутствует, что отличает данную конструкцию от известных российской строительной традиции спаренных окон (*Verbundfenster (n)*) [42];

б) наименования разновидностей несущих конструкций крыш (покрытий):

– *Pfettendach (n)* – прогонно-стропильная конструкция крыши, в которой стропила не поддерживают друг друга, создавая жесткий треугольник, а укладываются на продольные (горизонтальные) балки (прогоны), закреплённые на опорах. В такой конструкции стропила не выполняют несущую функцию, как в треугольной стропильной конструкции, а становятся конструктивными элементами каркаса кровли (*Dachschale (f)*). Несущими элементами конструкции выступают *Pfetten* (<*Pfette (f)*), продольные балки (прогоны), уложенные на опорах и образующие с последними *Dachstuhl (m)* (несущую конструкцию крыши). Конструкция реализуется как:

– *einstieliges Pfettendach (n)* (= *Pfettendach (n) mit einfachstehendem (Dach)stuhl*) – конструкция с одним коньковым прогоном, используется для крыш с небольшим уклоном;

– *zweistieliges Pfettendach (n)* (= *Pfettendach (n) mit zweifachstehendem (Dach)stuhl*) – конструкция с двумя боковыми прогонами, используется для крыш со средним уклоном;

– *dreistieliges Pfettendach (n)* (= *Pfettendach (n) mit dreifachstehendem (Dach)stuhl*) – конструкция с двумя боковыми прогонами и коньковым прогоном, используется для любых скатных крыш [37].

Данная несущая конструкция представляет собой средиземноморский тип крыши, восходящий к древнеримскому. Она появилась в странах Северной и Центральной Европы лишь в XIX в., но заметно потеснила имеющую повсеместное распространение треугольную стропильную конструкцию, поскольку могла использоваться для строительства крыш любой формы. Российское домостроение данный тип несущей конструкции крыши не заимствовало и продолжало в этот период совершенствовать треугольные стропильные системы. Известные переводы *Pfettendach (n)* на русский язык как «крыша с наслонными (наклонными) стропилами», «решетчатая крыша», «обрешётка» полными соответствиями (эквивалентами) конструкции не являются [4. С. 108; 43–48];

– *Rauten-Lamellen-Dach (n)* (= *Zollbau-Lamellendach (n)*, *Zollingerdach (n)*) – сетчато-ламельная крыша, кружально-сетчатый свод с узлами на болтах системы Цолльбау: разновидность кружально-сетчатого свода, состоящего из сетчатой поверхности с ромбическими ячейками. Особенно-

стью конструкции является то, что дощатые элементы сетки свода располагаются не плашмя, как в других сетчатых покрытиях, а на ребро.

Конструкция, представляющая собой по форме нечто среднее между мансардной и сводчатой крышами, названа в честь архитектора и изобретателя Ф. Цоллингера (*Friedrich Reinhart Baltasar Zollinger*), запатентовавшего её как *Rauten-Lamellen-Dach* (n) [49]. Данная несущая конструкция упоминается в специальных работах на русском языке, посвящённых возможным типам покрытий (крыш), как свод Цоллингера. В российском домостроении соответственно никогда не использовалась;

в) наименования разновидностей конструкций башенных винтовых лестниц:

– *Hohl(spindel)treppe* (f) (= *Wendeltreppe* (f) *mit offenem Auge*) – винтовая (спиральная) башенная лестница с лестничным колодцем (шахтой), вокруг которого располагаются ступени [4. С. 165; 50];

– *Schachttreppe* (f) (= *Mauertreppe* (f)) – винтовая башенная лестница между стенами, практически не имеющая полого колодца [51];

– *Turmtreppe* (f) – винтовая башенная лестница правого вращения, которая начинается на втором этаже смотровой башни (*Bergfried* (m)) замка или крепости [52. С. 70].

У данных башенных лестниц речь идёт о конструкции со ступенями, встроенными в стену и поднимающимися по спирали вокруг центральной полой оси. Такие винтовые лестницы получили в Европе широкое распространение в период Средневековья в связи с масштабным возведением замков и крепостей, где служили не только для подъёма на замковые башни или спуска в лабиринты подземелий, но и выступали конструктивным элементом защиты. Винтовые башенные лестницы были известны и на Руси, однако они имели иное конструктивное решение: они опирались на центральный круглый столб, т.е. были по своей конструкции *Spindeltreppe* (f) (= *Wendeltreppe* (f) *mit geschlossenem Treppenauge*). Такая конструкция винтовых лестниц является актуальной и в настоящее время.

Наименования неизвестных модификаций известных конструкций архитектурно-конструктивных элементов зданий. Группа наименований неизвестных модификаций таких конструкций архитектурно-конструктивных элементов зданий, которые известны российской архитектурно-строительной традиции, является более многочисленной. С одной стороны, она остаётся открытой, т.е. может пополняться новыми терминологическими единицами при появлении в немецкоязычных регионах новых неизвестных в России культурно-маркированных денотатов и соответствующих наименований для них. С другой стороны, происходит освоение ранее неизвестных в России модификаций конструкций элементов зданий, модификации конструкций становятся известными российскому домостроению и получают в русском языке фиксированные, обычно переводные, наименования. К данной группе терминов относятся:

а) наименования разновидностей дверных конструкций:

– наименования дверных конструкций с инновационным типом открывания створок:

(Parallel-)Schiebe-Kipptür (f) (= PSK-Tür (f)) – откидная параллельно-раздвижная дверь: дверь, подвижные створки которой откидываются в режим проветривания;

Hebeschiebetür (f) (=Hebe-Schiebetür (f), Hebe-Schiebe-Tür (f), HS-Tür (f)) – подъёмно-раздвижная дверь: в основе принципа действия её подъёмно-раздвижного механизма лежат роликовые каретки, выступающие из подвижной створки при повороте ручки; предназначена для установки в широкие проёмы (до 19 метров) [53];

Prismatür (f) (= Prismaschiebetür (f), Winkelschiebetür (f)) – телескопическая угловая дверь, створки которой располагаются по отношению друг к другу под углом 90–179° [54];

Schwenkschiebetür (f) (= Schiebe-Schwenk-Tür (f)) – поворотно-задвижная (выдвижная) дверь, относится к поворотным (распашным), её дверной створ после открытия задвигается в плоскость стены, а перед открытием выдвигается [55];

– наименования разновидностей дверных конструкций со сложным типом строения дверного полотна, в том числе

– наименования разновидностей дверей рамной конструкции

Friestür (f) – дверь рамной конструкции, заполняющими элементами которой являются не вставки-филёнки, а *Friesen (<Fries(e) (f)* – брусok, планка), которые располагаются либо только вертикально (*Längsfriesen = senkrechte Friesen* – продольные планки), либо только горизонтально (*Querfriesen = waagrechte Friesen* – поперечные планки). *Friestür (f)* из поперечных планок (*Querfriesen*) по своей конструкции идентична русск. *царговой двери*. Аналогичную структуру поверхности („*unechte*“ *Frie*se) можно получить за счёт шпонирования или ламинирования дверного полотна щитовой двери [8. С. 34];

Doppeltür (f) (= aufgedoppelte Tür (f)) – 1) дверь, обшитая с двух сторон несущей рамы деревянными досками, между которыми может находиться стабилизирующая прокладка в виде металлического листа; 2) дверь из двух полотен в общей коробке, разделённых вертикальным импостом [8. С.33];

– наименования разновидностей щитовой двери с мелкопустотным заполнением:

Röhrenspanntür (f) – щитовая дверь с мелкопустотным заполнением ДСП или панелями МДФ с множественными регулярно расположенными отверстиями; предполагает финишную отделку;

Röhrenspanstegtür (f) (= RSS-Tür (f), Röhrenspanstreifentür (f), RSTR-Tür (f)) – щитовая дверь с мелкопустотным заполнением из **полос** ДСП или панелей МДФ со множественными регулярно расположенными отверстиями; предполагает финишную отделку [Там же. С. 34].

К данной группе наименований терминологических единиц можно, по видимому, отнести и те случаи, когда все модификации известной конструкции того или иного архитектурно-конструктивного элемента зданий

получают в немецком языке соответствующие наименования-гипонимы, в то время как в русском языке всем им соответствует одно единственное наименование-гипероним.

К таким терминологическим единицам относятся, например, наименования разновидностей рамной филённой двери:

– *Landhaustür* (f) (= *Zweifüllungstür* (f)) – филённая дверь (с двумя вставками-филёнками);

– *Dreifüllungstür* (f) – филённая дверь (с тремя вставками-филёнками);

– *Vierfüllungstür* (f) (= *Kreuztür* (f)) – филённая дверь (с четырьмя вставками-филёнками);

– *Fünffüllungstür* (f) – филённая дверь (с пятью вставками-филёнками);

– *Kassettentür* (f) (= *Stiltür* (f)) – филённая дверь (с количеством вставок-филёнок более 5; называется также *Stiltür* (f), поскольку конструкция позволяет воспроизводить двери разных стилей и эпох) [4. С. 174; 8. С. 34; 56];

б) наименования неизвестных разновидностей известных конструкций лестниц:

– наименования разновидностей местосберегающих лестниц:

Leipziger Treppe (f) – «Лейпцигская лестница»: крутая прямая лестница со ступенями в виде треугольников, вершины которых находятся попеременно то слева, то справа; лестница с проступями, поставленными под углом [57];

Wiener Treppe (f) (= *Faltwerktreppe* (f)) – «Венская лестница»: крутая прямая лестница, прямоугольные ступени которой разделяются на две половины, одна из которых смещается относительно другой; лестница со смещённым рядом прямоугольных ступеней; лестница с асимметричными забежными ступенями типа «трап» [9. С. 248; 58];

– наименования разновидностей консольных лестниц:

Harfentreppe (f) – лестница-арфа, консольная лестница с дополнительным подвесным креплением ступеней потолочными тяжами (*abgehängte Treppe* (f), *Hängetreppe* (f)); лестница с несущей конструкцией из вертикальных металлических стержней, крепящихся к потолку и/или полу, к которым с одной стороны либо непосредственно привариваются ступени и площадки, либо тетива (косоур), на которую затем крепятся ступени; лестница получила своё название из-за решетчатой несущей конструкции, напоминающей по форме арфу; «арфа» в основном используется в винтовых лестницах, где в дополнение к несущей функции она заменяет перила [59];

Harfentreppe (f) mit tragendem Geländerholm – разновидность лестницы-арфы: лестница с несущей конструкцией из вертикальных металлических стержней, крепящихся к полу, к которым приваривается тетива (косоур) с несущим поручнем [9. С. 246; 60];

– наименования разновидностей сборных лестниц на больцах, конструкция которых была разработана в Германии в 1964 г. [61]:

Zweibolzentreppe (f) – лестница на несущих больцах со скреплением ступеней больцами с обеих сторон [62];

Bolzentreppe (f) selbsttragend (= Bolzentreppe ST (f)) – лестница на больцах с самонесущими ступенями: лестница, ступени которой выполняют в конструкции несущую функцию [63];

Buchertreppe (f) (= geländertragende Treppe (f), handlauftragende Treppe (f)) – лестница системы А. Бухера (разновидность лестницы с несущими перилами): лестница, ступени которой соединены стальными больцами со стеной или тетивой **без жесткого** анкерного крепления; опорная конструкция такой лестницы состоит из перил вместе со стержнями и ступенями; последние крепятся к балясинам навесного типа, поэтому держатся только на перилах [64, 65];

Geländertragende Bolzentreppe (f) (= Bolzentreppe (f) mit tragendem Handlauf) – разновидность лестницы с несущими перилами: лестница, ступени которой соединены стальными больцами со стеной или тетивой **жестким** анкерным креплением, лестница на больцах с несущим поручнем [9. С. 246; 66];

– наименования разновидностей стационарных лестниц в бассейне:

Römertreppe (f) (= römische Badetreppe (f)) – лестница в бассейн с радиусными ступенями – ступенями, имеющими переднюю кромку полукруглой или овальной формы;

griechische Badetreppe (f) – лестница в бассейн со ступенями прямоугольной формы [9. С. 247];

в) наименования разновидностей крыш (покрытий) по конструкции каркаса, задающего их форму (наименования разновидностей форм крыш):

– наименования разновидностей односкатной крыши:

Doppelpulldach (n) (=versetztes Pulldach/Satteldach (n)) – крыша с двумя разновысокими (смещёнными) скатами, система из двух односкатных крыш;

Ringpulldach (n) – круглая односкатная крыша вокруг башни [7. С. 319; 67; 68];

– наименования разновидностей двускатной крыши:

Flaches Satteldach (n) – пологая двускатная крыша (уклон до 30°);

Winkeldach (n) (= Neudeutsches Dach (n)) – двускатная новонемецкая крыша (уклон более 45°);

Gotisches Dach(n) (= Altdeutsches Dach (n)) – двускатная старонемецкая (готическая) крыша (уклон более 62°);

Altfränkisches Dach (n) (= Altfranzösisches Dach (n)) – двускатная старофранцузская крыша (уклон точно 60°) [7. С. 320; 69];

– наименования разновидностей вальмовой крыши:

Krüppelwalmdach (n) (= Schopfwalmdach (n)) – полувальмовая двускатная крыша, промежуточное звено между двускатной и вальмовой крышами [4. С. 85; 7. С. 320];

Fußwalmdach (n) – полувальмовая четырёхскатная крыша, вальмовая крыша с козырьком, промежуточное звено между двускатной и вальмовой крышами [4. С. 57; 7. С. 320];

– наименование разновидности сводчатой крыши: *Halbtonnendach (n)* – сводчатая крыша со смещением на одну сторону по типу односкатной крыши [7. С. 320];

– наименования разновидностей башенной крыши:

Helmdach (n) (= *Helm* (m), *Turmhelm* (m)) – шлем, шпилевая крыша: заостренная форма башенной крыши, обычно пирамидальной или конической формы, т.е. понятие шлема в немецкой архитектурной традиции заметно отличается от понятия шлемообразного купола в русской архитектуре [70]; к шлемам относятся:

Rheinischer Helm (m) – башенная крыша ромбовидной формы: пирамидальная крыша на квадратном основании, где каждая сторона башни имеет треугольный фронтон, четыре грани пирамиды соответствуют четырём вершинам фронтонов, а не четырём углам башни, тем самым получаются четыре ромбовидных поверхности [71. S. 40–41];

Turmhaube (f) (= *Haube* (f)) – башенная крыша с изогнутым контуром, изначально нечто среднее между пирамидальной крышей и куполом; имеет разновидности: *Schweifhaube*(f) – изогнутая башенная крыша в виде перевернутой луковичной главы; *WelscheHaube*(f) – башенная крыша в виде конструкции из нескольких следующих друг за другом выпукло-вогнутых элементов в комбинации с фонарём (фонарями) (барокко) [7. С. 321; 72; 73];

г) наименования разновидностей кровли:

– наименования разновидностей кровли из деревянной черепицы (шинделя):

Legschindeldach (n) (= *Schwardach* (n)) – кровля из деревянной черепицы (шинделя), выполненная без применения гвоздей; используется на крышах с небольшим уклоном;

Scharschindeldach (n) – кровля из деревянной черепицы (шинделя), выполненная с применением гвоздей, укладка осуществляется в два-три слоя; может использоваться на крышах с любым уклоном [7. С. 324].

В настоящее время деревянный кровельный материал шиндель широко распространен в альпийском регионе таких стран, как Швейцария, Германия, Франция, Италия, а также в Канаде и Америке. На Руси использовались другие типы деревянного кровельного настила: гонт¹³, дранка, лемех. В современной России деревянная кровля – большая редкость. В числе недостатков такой кровли, ограничивающих ее применение, – пожароопасность, трудоемкость изготовления и высокая цена [74–77];

– наименования разновидностей кровли из керамической черепицы. Такой кровельный материал, как керамическая черепица, который обрел огромную популярность в Центральной и Северной Европе много веков назад и известный со времён Античного мира, в России приживался очень плохо и не получал долгое время заметного распространения. Но в последние десятилетия к керамической черепице в России стали проявлять интерес, поэтому многие разновидности черепичной кровли немецкого образца стали известны российскому домостроению и получили фиксированные

---

¹³ Хотя «гонт» нередко применяется для наименования всех видов деревянного настила, профессионалы различают несколько разновидностей последнего: гонт, дранка, шиндель, лемех [74].

наименования на русском языке (см. далее освоенные культурно-специфические термины). Остаётся в этой группе неосвоенным лишь один термин, использующийся для наименования исторического типа керамической кровли: *Einfachdach* (*n*) (= *Splissdach* (*n*), *Spandach* (*n*), *Einfachdeckung* (*f*)) – кровля из плоской керамической черепицы «бобровый хвост» с укладкой керамических плиток с минимальным нахлёстом и заполнением стыков между ними цементным раствором, который затем укреплялся деревянными или металлическими планками (*Spließ/Spliss* (*m*) или *Span* (*m*)). Этот тип кладки керамической черепицы в настоящее время не используется, поскольку не гарантирует надёжной защиты от осадков, он сохранился в памятниках архитектуры – зданиях с уклоном крыши более 45° [7. С. 323].

Становятся известными российскому домостроению и разновидности кровли из кровельного сланца (натурального шифера):

Deutsches Schieferdach (*n*) – немецкая сланцевая кровля: сланец укладывается снизу вверх наискось идущими полосами как слева направо, так и справа налево, используется немецкий сланец тёмно-серого цвета;

Englisches Schieferdach (*n*) – английская сланцевая кровля: сланец укладывается горизонтальными слоями или полосами; используется английский сланец иссиня-чёрного цвета, французский и бельгийский сланец зеленоватого и красновато-фиолетового цвета, что позволяет создавать красивые узоры на поверхности кровли [Там же].

Такие кровли встречаются во всех странах Европы, но прежде всего в Германии, где природный сланец начали применять в строительстве кровель еще в Средние века. В Россию (Российскую империю) технология применения кровельного сланца начала проникать из Германии лишь в начале XX в. благодаря династическим связям между правящими домами и экономическим – между странами. Самым ярким объектом с крышей из сланца стала Великокняжеская усыпальница в Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге. Но своих, исконных традиций сооружения сланцевых кровель на территории современной Российской Федерации не было и нет. На рубеже тысячелетий, когда в нашу страну хлынул поток материалов и технологий из-за рубежа, про кровельный сланец вспомнили снова. Сейчас свои услуги по его поставкам и монтажу предлагают несколько десятков фирм [78].

К культурно-специфическим терминам – языковым реалиям относятся также наименования разновидностей дверей из древесноволокнистых полимерных композитных материалов, которые российскому домостроению неизвестны:

WPC-Tür (*f*) (= *Holzkunststoff-Tür* (*f*)) – дверь из древесноволокнистого полимерного композитного материала (*Wood-Plastic-Composite* или *Wood (-fiber) Polymer Composite*) [79];

BPC-Tür (*f*) (= *Holzkunststoff-Tür* (*f*)) – дверь из древесноволокнистого полимерного композитного материала (*Bamboo-Polymere-Composite*) [8. С. 31; 80].

**Перевод (передача значений) культурно-специфических терминов
архитектурно-строительной терминологии немецкого языка
на русский**

***Освоенные и не освоенные русским языком культурно-специфические
архитектурно-строительные термины немецкого языка***

С переводческой точки зрения среди немецких культурно-специфических архитектурно-строительных терминов различают освоенные и не освоенные русским языком. Первые имеют фиксированные, «готовые» соответствия в языке перевода, которые вошли в словари, справочники и широко используются (нередко с толкованиями) в текстах на русском языке соответствующей проблематики, например: *Fensterrose* (n) «окно роза», *Radfenster* (n) (= *Katharinenrad* (n)) «окно-колесо», «Екатерининская роза», *Rauten-Lamellen-Dach* (n) (= *Zollbau-Lamellendach* (n), *Zollingerdach* (n)) «свод Цоллингера», *deutsches Schieferdach* (n) «немецкая сланцевая кровля», *englisches Schieferdach* (n) «английская сланцевая кровля», *Doppeldach* (n) «кровля из плоской керамической черепицы «бобровый хвост» с чешуйчатой кладкой» [4. С. 37], *Kronendach* (n) (= *Ritterdach* (n), *Schwedisches Dach* (n)) «кровля из плоской керамической черепицы «бобровый хвост» с коронковой (венечной) кладкой» [4. С. 85; 81; 82], *Passivhaus* (n) «пассивный (энергосберегающий) дом», *Fachwerkhause* (n) «дом конструкции фахверк, дом фахверковой конструкции» и т.п.

Тенденция к глобализации экономической, социальной, культурной и интеллектуальной жизни людей ведёт к тому, что число освоенных русским языком культурно-специфических архитектурно-строительных терминов немецкого языка постоянно растёт, однако по-прежнему есть неосвоенные терминологические единицы, поскольку корпус архитектурно-строительной терминологии в немецком, как и в других языках, пополняется до сих пор. Неосвоенные, «несловарные» языковые реалии не имеют фиксированных соответствий в языке перевода либо потому, что являются относительно новыми терминологическими единицами, либо потому, что принадлежат к узкопрофессиональной лексике или являются историческими. Переводчику приходится решать задачу выбора приёмов для передачи значений культурно-специфических терминов в том случае, если речь идёт о неосвоенных лексических единицах либо если словарное соответствие освоенного культурно-специфического архитектурно-строительного термина немецкого языка в русском является неинформативным с профессиональной точки зрения.

***Неосвоенные русским языком культурно-специфические
архитектурно-строительные термины немецкого языка
и приёмы их перевода (передачи значений)***

Предпосылкой для верной передачи значений не освоенных русским языком культурно-специфических терминологических единиц, выражающих реалии материального быта, является знание культурно-марки-

рованных денотатов, стоящих за этими лексическими единицами, верное представление о них, которое переводчик может получить из источников на языке оригинала. Иногда терминологические единицы с культурно-маркированным денотатом из области архитектуры и строительства хорошо семантизируются посредством визуальной (изображения зданий и их архитектурно-конструктивных элементов) или языковой наглядности (описания конструкций), которые в настоящее время можно найти, например, в глоссариях на немецкоязычных интернет-порталах для непрофессионалов [17]. Но может потребоваться и более или менее полное знание предмета перевода и серьезная предварительная подготовка к выполнению переводческого задания на известную тему.

В связи с тем, что при переводе культурно-специфических терминов необходимо стремиться передавать их смысл, сохраняя уникальность таких языковых единиц, для работы с ними были отобраны переводческие приёмы из числа тех, что хорошо зарекомендовали себя при переводе языковых реалий в художественной литературе: 1) транскрипция и транслитерация; 2) калька; 3) трансформационный перевод; 4) поиск аналога, или приблизительного соответствия; 5) толкование, или разъяснительный перевод [83]. Перечисленные приёмы в обращении с культурно-специфическими терминами немецкого языка из области архитектуры и строительства имеют свои особенности:

1) *транслитерация либо транскрипция*, которые редко применяются раздельно

Транслитерация представляет собой непосредственное использование данного слова, обозначающего реалию (полная транслитерация), или его корня (частичная транслитерация) в написании буквами своего языка и в сочетании с аффиксами своего языка. Основной принцип транскрипции – передача графическими средствами (буквами) языка перевода фонетического облика слова при максимальной звуковой близости к оригиналу. Приёмы хороши тем, что, передавая звуковой или графический облик слова, не приводят к увеличению объема текста. Недостатком же является то, что результаты передачи реалий такими способами могут быть непонятны носителям принимающего языка, особенно если контекст или ситуация не выявляют значения [Там же]. Сфера употребления приёмов транслитерации и транскрипции в работе с культурно-специфическими архитектурно-строительными терминами немецкого языка ограничивается передачей на русский язык наименований современных строительных материалов, где эти приёмы обычно дополняются толкованием: *Plexiglas (n)* «плексиглас, акриловое стекло»; *Styropor (n)* «стиропор, полистирол с порообразователем (вспенивающим агентом)» [84];

2) *калькирование*. Калькирование представляет собой перевод элементов, составляющих название реалии, на основе регулярных соответствий. Приём применяется, когда последовательный перевод составляющих её элементов в значительной степени передает содержание реалии и хорош тем, что позволяет перенести в текст перевода смысловое содержание реа-

лии без увеличения ее объема. Однако возможности калькирования также ограничены: оно может быть использовано лишь тогда, когда у переводимой единицы есть составляющие и их сочетание мотивировано [83; 85. С. 63]. Так, с немецкого языка на русский с помощью калькирования можно перевести следующие культурно-специфические термины: (*Parallel-)**Schiebe-Kipptür* (f) (= *PSK-Tür* (f)) «откидная параллельно-раздвижная дверь»; *Hebeschiebetür* (f) (= *Hebe-Schiebetür* (f), *Hebe-Schiebe-Tür* (f), *HS-Tür* (f)) «подъёмно-раздвижная дверь». Но поскольку предполагаемый читатель (слушатель) не располагает достаточной информацией о переводимой реалии, в перевод калькированием вводятся поясняющие слова или толкования: (*Parallel-)**Schiebe-Kipptür* (f) (= *PSK-Tür* (f)) «откидная параллельно-раздвижная дверь: **дверь, подвижные створки которой откидываются в режиме проветривания**»;

3) *трансформационный перевод*. Под трансформационным переводом понимают перевод с применением разного рода трансформаций: добавления и опущения слов, толкований понятий в тексте и в сносках и т.д. Тем самым трансформационный перевод смыкается с разъяснительным. Приём применяется, когда калькирование оказывается недостаточным для передачи той фоновой информации, которая неизвестна потенциальному читателю или слушателю:

Öko-Haus (n) – дом из **природных** экологических строительных материалов, **преимущественно из дерева**;

Massivhaus (n) – монолитный дом **из кирпича, природного или искусственного камня, железобетона с несущими стенами и крышей на весь объем помещения**;

4) *поиск аналога (приблизительного соответствия)*. Аналог или приблизительное соответствие представляет собой слово или словосочетание языка перевода, используемое для обозначения понятия, сходного, но не совпадающего с понятием языка оригинала. Аналог приравнивается к реалии лишь условно, так как имеет с ней общее семантическое ядро [85. С. 63]. Достоинство такого приёма перевода состоит в том, что он обычно краток и не затрудняет понимания. Недостаток аналога заключается в том, что он «стирает» специфику языковой реалии и не доводит до потенциального читателя или слушателя всей полноты её значений. Аналогом является, например, зафиксированный в словарях перевод *Pfettendach* (n) «крыша с наслонными (наклонными) стропилами», «решетчатая крыша», «обрешётка» (перевод *Pfettendach* (n) как «прогонно-стропильная конструкция» является неологизмом), который считается специалистами неудачным, неинформативным с профессиональной точки зрения. Использование при переводе культурно-специфических терминов аналогов оправданно лишь в редких случаях, когда различие между понятиями в языке оригинала и языке перевода минимально: *Fertighaus* (n) «дом «под ключ» со всеми коммуникациями и встроенной мебелью»; *Rohbauhaus* (n) (= *Bausatzhaus* (n), *Selbstbauhaus* (n), *Mitbauhaus* (n)) «дом без внутренней отделки, дом с черновой отделкой»;

5) *толкование*, или *разъяснительный* (*описательный*) *перевод*. Толкование, или разъяснительный (описательный) перевод, как никакой другой из перечисленных выше приёмов позволяет раскрывать значение культурно-специфического термина, но его применение почти всегда приводит к расширению объема текста на языке перевода. Разъяснение языковой реальности, состоящей из одного или двух слов, может занимать несколько строк [86. С. 34]:

Einfachdach (*n*) (= *Splissdach* (*n*), *Spandach* (*n*), *Einfachdeckung*(*f*)) «кровля из плоской керамической черепицы «бобровый хвост» с укладкой керамических плиток с минимальным нахлёстом и заполнением стыков между ними цементным раствором, который затем укреплялся деревянными или металлическими планками (*Spließ/Spliss* (*m*) или *Span* (*m*)). Этот тип кладки керамической черепицы в настоящее время не используется, он сохранился в памятниках архитектуры – зданиях с уклоном крыши более 45°».

Но даже при наличии такого недостатка, как заметное увеличение текста на языке перевода, описательный перевод остается самым эффективным приёмом передачи значения культурно-специфических терминологических единиц – языковых реалий из архитектурно-строительной терминологии немецкого языка. Приём является также доминирующим, поскольку остальные имеют ограничения в применении. Разъяснительный перевод (толкование) обычно сопутствует другим названным приёмам передачи значений культурно-специфических терминов из области архитектуры и строительства (см. выше), поскольку для понимания соответствий таких терминологических единиц в языке перевода требуется наличие фоновых знаний о технологической культуре иноязычного общества. Остальные приёмы при переводе культурно-специфических терминов из области архитектуры и строительства, если используются изолированно, оказываются недостаточными для передачи фоновой информации, которая обычно неизвестна потенциальному читателю или слушателю, но особенно востребована в профессиональной сфере.

Заключение

В связанной с материальной культурой профессиональной архитектурно-строительной лексике немецкого языка представлен ряд культурно-специфических терминов – языковых реалий, наиболее важными среди которых являются наименования городских и сельских поселений, их частей, относящиеся к архитектурно-градостроительной проблематике, и архитектурно-строительные термины – наименования жилых строительных объектов, а также наименования архитектурно-конструктивных элементов зданий.

Культурно-специфические термины – наименования жилых зданий – подразделяются на группы по способу возведения, отношению к соседствующему строению, степени готовности, отношению к энергопотреблению.

К культурно-специфическим терминам – наименованиям основных архитектурно-конструктивных элементов зданий – относятся наименования ряда разновидностей крыш (покрытий), окон, дверей и лестниц, которые входят в группировки, где наименования элементов указывают на тип их конструкции. В таких группировках выделяются: а) наименования конструкций архитектурно-конструктивных элементов зданий, не представленных в российской архитектурно-строительной традиции; б) наименования неизвестных модификаций таких конструкций архитектурно-конструктивных элементов зданий, которые известны российскому домостроению.

Группа наименований конструкций элементов зданий, которые не представлены в российской архитектурно-строительной традиции, немногочисленна, является закрытой и включает наименования ряда конструкций окон, крыш, лестниц, которые относятся к историческим.

Группа наименований неизвестных модификаций таких конструкций архитектурно-конструктивных элементов зданий, которые известны российскому домостроению, более многочисленна. Она остаётся открытой, т.е. может пополняться новыми терминологическими единицами при появлении в немецкоязычных регионах новых неизвестных в России культурно-маркированных денотатов и их наименований. Наблюдается также освоение ранее неизвестных в России модификаций конструкций элементов зданий, неизвестные модификации конструкций становятся известными российскому домостроению и получают в русском языке фиксированные, обычно переводные, наименования.

Группа наименований неизвестных модификаций таких конструкций архитектурно-конструктивных элементов зданий, которые известны российской архитектурно-строительной традиции, включает наименования некоторых типов конструкций каркасов крыш (покрытий), задающих форму архитектурно-конструкционного элемента, типов кровли, конструкций лестниц и конструкций дверей.

Среди немецких культурно-специфических архитектурно-строительных терминов – языковых реалий различают освоенные и не освоенные русским языком. Для первых существуют «готовые словарные» соответствия, устоявшиеся переводные наименования, которые вошли в двуязычные словари, справочники или используются (нередко с толкованиями) в текстах на русском языке архитектурно-строительной проблематики.

Переводчики имеют дело либо с неосвоенными, «несловарными» языковыми реалиями, либо если словарное соответствие культурно-специфического архитектурно-строительного термина немецкого языка в русском является неинформативным с профессиональной точки зрения.

Предпосылкой для верной передачи значения неосвоенных русским языком культурно-специфических терминологических единиц, выражающих реалии материального быта, служат знание их культурно-маркированных денотатов, верное представление о них, которые переводчик может получить из источников на языке оригинала.

К переводческим приёмам для передачи значений культурно-специфических терминов из архитектурно-строительной терминологии немецкого языка могут быть отнесены хорошо зарекомендовавшие себя при переводе языковых реалий в художественной литературе: 1) транскрипция и транслитерация; 2) калька; 3) трансформационный перевод; 4) поиск аналога или приблизительного соответствия; 5) толкование, или разъяснительный перевод. Однако перечисленные приёмы имеют в обращении с культурно-специфическими терминами из области архитектуры и строительства заметные ограничения: транскрипция / транслитерация используется для перевода единиц определённой лексико-семантической группировки (наименования новых строительных материалов); использование калькирования ограничивается композитами, у которых сочетание их составляющих мотивировано; аналоги или приблизительные соответствия допускаются лишь в редких случаях, когда различие между понятиями в языке оригинала и языке перевода минимально.

Ограничений на использование не имеет лишь описательный (разъяснительный) перевод, являющийся самым эффективным и распространённым приёмом передачи значений языковых реалий из области архитектуры и строительства, который позволяет точно передавать значение культурно-специфических терминологических единиц немецкого языка. Разъяснительный перевод выступает также дополнением к другим переводческим приёмам при передаче значений рассматриваемых терминологических единиц. Остальные приёмы перевода культурно-специфических терминов из области архитектуры и строительства, если используются изолированно, обычно оказываются недостаточными для передачи фоновой информации о технологической культуре иноязычного общества, которая обычно незнакома потенциальному читателю или слушателю, но особенно востребована в профессиональной сфере.

Литература

1. Базалина Е.Н. Проблема перевода терминов научно-технических текстов // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2009. № 1. С. 102–107.
2. Волгина И.Ю. Перевод терминов как ключевых единиц специального текста // Перспективы науки и образования. 2013. № 6. С. 170–175.
3. Кузнецова Н.Г., Васильева С.Л., Зайцева И.Е. Типология наименований сельских поселений в английской, немецкой, французской и русской архитектурно-градостроительной терминологии: проблема межязыковых соответствий терминологических единиц // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 15–27. <https://doi.org/10.17223/15617793/429/2>
4. Кузнецова Н.Г., Лёшман М., Шарыпова Г.А. Немецкий для архитекторов: немецко-русский терминологический словарь. Томск : Изд-во ТГАСУ, 2011. 176 с.
5. Кузнецова Н.Г., Степичева О.Н., Минина Н.Н. Культурно-специфические термины в архитектурной терминологии немецкого языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64). Ч. 3. С. 106–109. URL: <http://www.gramota.net/editions/2.html>
6. Кузнецова Н.Г., Степичева О.Н. Типология окон в современной немецкой архитектурно-строительной терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-1 (77). С. 114–118.

7. Кузнецова Н.Г., Степичева О.Н. Типология крыш в современной немецкой архитектурно-строительной терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1–2 (79). С. 319–326.

8. Кузнецова Н.Г., Степичева О.Н., Зайцева И.Е. Типология дверей в современной немецкой архитектурно-строительной терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 2. С. 31–39. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.7>

9. Кузнецова Н.Г., Степичева О.Н., Зайцева И.Е. Типология лестниц в современной немецкой архитектурно-строительной терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 9. С. 242–250.

10. Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. М. : Международные отношения, 1980. 343 с.

11. Петренко Д.А., Чернышова М.В. Способы перевода немецких реалий на русский язык // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки. 2015. Т. 1 (67), № 4. С. 94–104.

12. Яшина М. Приемы и методы исследования культурно-маркированной лексики // Studi Linguistici e Filologici Online. 2009. Vol. 7.1. P. 45–76. URL: <http://www.humnet.unipi.it/slifo/vol7.1/Yashina7.1.pdf> (дата обращения: 15.04.2020).

13. Томахин Г.Д. Реалии в языке и культуре // ИЯШ. 1997. № 3. С. 13–18.

14. Демидова Т.А. Учет антропогенных и природно-климатических факторов в проектировании динамических жилых структур // Вестник инженерной школы ДФУ. 2015. № 3 (24). С. 54–61.

15. Kuznecova N.G., Löschmann M. Interkulturelle Aspekte im Fachsprachenunterricht am Beispiel von Deutsch für Architekten // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch (GUS). Moskau: Russische Staatliche Universität für Geisteswissenschaften (RGGLT). 2010. S. 137–149.

16. Duden – Deutsches Universalwörterbuch. 2. völlig bearbeitete und stark erweiterte Auflage. Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 2000. 1816 S.

17. Kusnetsova N., Löschmann M. Deutsch für Architekten: Lehrbuch. Tomsk : Print Manufacture Publishers, 2006. 248 S.

18. URL: http://universal_lexikon.deacademic.com/355230/Straßenzeile (дата обращения: 15.04.2020).

19. URL: <http://www.hausbau-portal.net/hausbau-katalog-service/fertighaus-massivhaus-hol-zhaus/blockhaus.html> (дата обращения: 15.04.2020).

20. URL: <https://www.immobilienscout24.de/bauen/massivhaeuser.html> (дата обращения: 15.04.2020).

21. URL: <https://baubeaver.de/fachwerkhaus/> (дата обращения: 15.04.2020).

22. URL: <http://www.pb-schilling.de/architektur/kolumne-zum-okologischen-bauen/was-ist-ein-oekohaus/> (дата обращения: 15.04.2020).

23. URL: <http://www.holzbau-lindmeier.de/mobiles-wohnen/gartensauna-4.html> (дата обращения: 15.04.2020).

24. URL: https://dewiki.de/Lexikon/Alpiner_Einhof (дата обращения: 15.04.2020).

25. URL: <http://www.immonet.de/service/doppelhaus.html> (дата обращения: 15.04.2020).

26. URL: <https://www.immobilienscout24.de/wissen/bauen/doppelhaushaelfte.html> (дата обращения: 15.04.2020).

27. URL: <https://www.immobilienscout24.de/bauen/reihenhaus.html> (дата обращения: 15.04.2020).

28. URL: <http://www.gevestor.de/details/einliegerwohnung-definition-und-regeln-713755.html> (дата обращения: 15.04.2020).

29. URL: <https://www.fertighaus.de/ratgeber/hausbau/was-ist-ein-fertighaus-die-grundlagen-verstaendlich-erklart/> (дата обращения: 15.04.2020).

30. URL: <https://www.bohn-massivhaus.de/index.php/component/seoglossary/1-lexikon-hausbau/55-rohbau-haus> (дата обращения: 15.04.2020).

31. URL: <http://www.massivhaus.de/ratgeber/bausatzhaus-selbstbauhaus.html> (дата обращения: 15.04.2020).
32. URL: <https://www.allkauf-ausbauhaus.de/ausbau/konzept/> (дата обращения: 15.04.2020).
33. URL: https://passipedia.de/grundlagen/was_ist_ein_passivhaus (дата обращения: 15.04.2020).
34. URL: <https://www.immobilienscout24.de/bauen/plusenergiehaus.html> (дата обращения: 15.04.2020).
35. URL: <http://www.hausausstellung.de/nullenergiehaus.html> (дата обращения: 15.04.2020).
36. URL: <https://www.immobilienscout24.de/bauen/energiesparhaus.html> (дата обращения: 15.04.2020).
37. URL: <https://www.energiesparen-im-haushalt.de/energie/bauen-und-modernisieren/hausbau-regenerative-energie/energieverbrauch/kfw-60-haus.html> (дата обращения: 15.04.2020).
38. URL: <http://www.energie-wissen.info/energiesparhaeuser/kfw-effizienzhaus-40.html> (дата обращения: 15.04.2020).
39. URL: <http://www.holzbau-fichtl.de/lexikon/15-liter-haus/> (дата обращения: 15.04.2020).
40. URL: <https://www.oekologisch-bauen.info/hausbau/energiestatus/niedrigenergiehaus.html> (дата обращения: 15.04.2020).
41. URL: <https://fb.ru/article/285271/goticheskaya-roza-v-arhitekture> (дата обращения: 15.04.2020).
42. URL: <https://www.fenster-magazin.de/lexikon/doppelfenster/> (дата обращения: 15.04.2020).
43. URL: <http://srbu.ru/krysha/150-stropilnaya-sistema-dvukhskatnoj-kryshi.html> (дата обращения: 15.04.2020).
44. URL: <http://www.dachdeckerwiki.de/index.php/Dachkonstruktionen> (дата обращения: 15.04.2020).
45. URL: <http://www.hausjournal.net/dachstuhlkonstruktion> (дата обращения: 15.04.2020).
46. URL: <http://www.ib-rauch.de/holz/dachkons.html> (дата обращения: 15.04.2020).
47. URL: <https://de.scribd.com/document/269133378/Dachkonstruktionen> (дата обращения: 15.04.2020).
48. *Pevsner N., Honour H., Fleming J.* Lexikon der Weltarchitektur. Berlin : Prestel-Verlag, 1992. URL: https://www.researchgate.net/publication/44512719_Lexikon_der_weltarchitektur_John_Fleming_Hugh_Honour_Nikolaus_Pevsner (дата обращения: 15.04.2020).
49. URL: <https://www.baunetzwissen.de/geneigtes-dach/fachwissen/dachtragwerke/zollingerdach-4958920> (дата обращения: 15.04.2020).
50. URL: <http://deacademic.com/dic.nsf/dewiki/1311604> (дата обращения: 15.04.2020).
51. URL: <https://www.baunetzwissen.de/glossar/m/mauer--oder-schachttreppen-48183> (дата обращения: 15.04.2020).
52. *Huber R., Rieth R.* Escaliers. Glossarium Artis. Comité International d'Histoire del'Art. Berlin : Walter de Gruyter, 2011. В. 5. 278 S.
53. URL: <http://www.schapler.de/psk.html> (дата обращения: 15.04.2020).
54. URL: <https://www.jung-und-co.de/index.php/automatischetuersysteme/schiebetuersysteme/winkelschiebetueren-slv> (дата обращения: 15.04.2020).
55. URL: <https://patents.google.com/patent/EP2236716A2> (дата обращения: 15.04.2020).
56. URL: <http://www.spolia.de/fachbegriffe/z/zweifullungstur> (дата обращения: 15.04.2020).
57. URL: <https://www.baunetzwissen.de/glossar/l/leipziger-treppe-48215> (дата обращения: 15.04.2020).
58. URL: <https://www.baunetzwissen.de/glossar/w/wiener-treppe-48213> (дата обращения: 15.04.2020).
59. URL: <https://www.kr-treppen.de/de/produkte/stahlinntreppen/harfentreppe> (дата обращения: 15.04.2020).
60. URL: <https://www.treppenmeister.com/de/treppenlexikon/abgehaengte-treppen/> (дата обращения: 15.04.2020).

61. URL: <https://www.treppenmeister.com/de/55-jahre-bucher-treppe/> (дата обращения: 15.04.2020).
62. URL: <https://www.houzz.de/ideabooks/63194230/list/treppenkonstruktionen-mit-wange-holm-bolzen-und-andere-spielarten> (дата обращения: 15.04.2020).
63. URL: <http://www.seifert-treppen.de/bolzentreppen-selbsttragend.html> (дата обращения: 15.04.2020).
64. URL: <https://www.treppenmeister.com/de/buchertreppe-system/> (дата обращения: 15.04.2020).
65. URL: <https://www.treppenmeister.com/de/treppenlexikon/gelaendertragende-treppen/> (дата обращения: 15.04.2020).
66. URL: <https://www.treppenmeister.com/de/treppenlexikon/gelaendertragende-bolzen-treppen/> (дата обращения: 15.04.2020).
67. URL: <https://www.baumarkt.de/ratgeber/a/dachformen-denn-nicht-jedes-dach-ist-gleich/> (дата обращения: 15.04.2020).
68. URL: <https://www.fertighaus.de/typen/pulldach/> (дата обращения: 15.04.2020).
69. URL: <https://baubeaver.de/dachformen/> (дата обращения: 15.04.2020).
70. URL: <http://ruspravda.info/Sfericheskie-i-shlemovidnie-kupola-Vizantiysko-drevne-russkogo-tipa-4435.html> (дата обращения: 15.04.2020).
71. Baumgart F. DuMont's kleines Sachlexikon der Architektur. 11. Auflage. Köln : DuMont Literatur und Kunstverlag, 2002. 170 S.
72. URL: <http://www.enzyklo.de/Begriff/Schweifhaube> (дата обращения: 15.04.2020).
73. Zebhauser H., Hartig M. Hauben und Zwiebeln. Europäische Turmauswüchse. Merkbilder bayerischer Architektur. München : Verlag Bayerischen Bauindustrieverbandes, 1989. 75 S.
74. URL: <http://proroofer.ru/material/prochie-materialy/gont-svoimi-rukami.html> (дата обращения: 15.04.2020).
75. URL: https://dranka.su/publik_post-80.htm (дата обращения: 15.04.2020).
76. URL: <http://holzschindeln.ru/istoriya-shindelya-dranks> (дата обращения: 15.04.2020).
77. URL: <http://www.krovlirossia.ru/rubriki/materialy-i-tehnologii/moda-na-tradicii-krysha-iz-dereva-narynke-elitnyh-krovel> (дата обращения: 15.04.2020).
78. URL: <http://www.krovlirossia.ru/rubriki/materialy-i-tehnologii/slanec/krovelnyj-slanec-v-rossii-i-mire> (дата обращения: 15.04.2020).
79. URL: <http://www.wpc-store.de/Tueren> (дата обращения: 15.04.2020).
80. URL: <https://www.holzmarkt-online.com/sichtschutz-zaeune/kunststoffzaeune/wpc/wpc-sichtschutzzaeune/> (дата обращения: 15.04.2020).
81. URL: <http://www.wissen.de/lexikon/doppeldach> (дата обращения: 15.04.2020).
82. URL: <https://a-bartnick.de/ziegeldach.html> (дата обращения: 15.04.2020).
83. Кузьмина Д.Ю. О трудностях перевода английских слов-реалий на русский язык // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода : международный сборник научных статей. Н. Новгород : Альба, 2018. Т. 8. С. 123–129. URL: <https://www.alba-translating.ru/ru/ru/articles/2018/kuzmina-2018.html> (дата обращения: 15.04.2020).
84. Кузнецова Н.Г., Стетичева О.Н. Названия новых строительных материалов в архитектурно-строительной терминологии немецкого языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9 (51), ч. 2. С. 122–126. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2015/9-2/34.html> (дата обращения: 15.04.2020).
85. Казакова Т.А. Практические основы перевода. СПб. : Союз, 2004. 319 с.
86. Гутнер М. Д. Пособие по переводу с английского языка на русский общественно-политических текстов. М. : Высшая школа, 1982. 158 с.

Culture-Specific Terms: Linguistic Realities in the Architecture and Construction Terminology of German

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 67. 62–91. DOI: 10.17223/19986645/67/4

Nadezhda G. Kuznetsova, Institute for Intercultural Communication eV Berlin (Berlin, Germany). E-mail: nadeshdag@yandex.ru

Ol'ga N. Stepicheva, Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stepitscheva@mail.ru

Keywords: German language, architecture and construction terminology, culture-specific terms, classification, techniques of translation into Russian.

The aim of this article is to present a system of culture-specific terms in the architecture and construction terminology of the German language, identify the nomenclature of the corresponding units, classify them, and determine techniques of translating them into Russian. The most important of these terms are the nomenclature of municipal and rural settlements, names of residential construction facilities and structural parts of buildings. Culture-specific terms—names of residential buildings—are divided into groups by the erection type, their relation to a neighbouring facility, degree of readiness, and level of energy consumption. Culture-specific terms—names of the main architectural and structural elements of buildings—include names of roofs, windows, doors, staircases, which constitute groups with names of architectural and structural parts, specifying their construction type. Such groups consist of: (a) names denoting constructions of architectural and structural elements of buildings, not present in the Russian architecture and construction tradition; (b) names denoting unknown modifications of constructions of architectural and structural elements of buildings, known to the Russian tradition. Group (a) is small and closed, it includes names of some historical constructions of windows, roofs, and staircases. Group (b) is larger. It can be supplemented with new units, when new culture-specific denotations and corresponding names for them, unknown in Russia, appear in the German-speaking regions. Some modifications of building element constructions, unknown in Russia, are being adopted. They become known to the Russian house-building and obtain Russian fixed names that are usually translated. Among German culture-specific architecture and construction terms, there are those adopted by the Russian language and those that are not. For the former there are ready Russian equivalents. Unfamiliar linguistic realities do not have fixed matches in the target language. A translator chooses a technique to render the meaning of culture-specific terms if it is an unfamiliar unit or if the dictionary match of the adopted German term is non-informative in the Russian professional communication. To render the meanings of such terminological units, the same translation techniques can be used that are employed in the translation of linguistic realities in fiction: borrowing, calque, transposition, adaptation, interpretation, or explanatory (descriptive) translation. All these techniques, except explanatory translation, have major limitations when applying them to culture-specific terms from architecture and construction.

References

1. Bazalina, E.N. (2009) The problem of translating terms in scientific and technical texts. *Vestnik Maykovskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 1. pp. 102–107. (In Russian).
2. Volgina, I.Yu. (2013) Translation terms as the key units of the special text. *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education*. 6. pp. 170–175. (In Russian).
3. Kuznetsova, N.G., Vasil'eva, S.L. & Zaytseva, I.E. (2018) The typology of rural settlement nominations in English, German, French and Russian architectural and city-planning terminology: the problem of interlingual correspondence of terminological units. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 429. pp. 15–27. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/429/2
4. Kuznetsova, N.G., Leshman, M. & Sharypova, G.A. (2011) *Nemetskiy dlya arkhitektorov: nemetsko-russkiy terminologicheskii slovar'* [German for Architects: A German-Russian Glossary]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.

5. Kuznetsova, N.G., Stepicheva, O.N. & Minina, N.N. (2016) Culturally specific terms in the architectural terminology of the German language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 10 (64). Part 3. pp. 106–109. [Online] Available from: <http://www.gramota.net/editions/2.html>. (In Russian).
6. Kuznetsova, N.G. & Stepicheva, O.N. (2017) Typology of windows in the German architectural-building terminology. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 11–1 (77). pp. 114–118. (In Russian).
7. Kuznetsova, N.G. & Stepicheva, O.N. (2018) Typology of roofs in modern German architecture and building terminology. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 1–2 (79). pp. 319–326. (In Russian). DOI: 10.30853/filnauki.2018-1-2.28
8. Kuznetsova, N.G., Stepicheva, O.N. & Zaytseva, I.E. (2019) Typology of doors in the modern German architecture and building terminology. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 2 (12). pp. 31–39. (In Russian). DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.7
9. Kuznetsova, N.G., Stepicheva, O.N. & Zaytseva, I.E. (2019) Typology of ladders in the modern German architecture and building terminology. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 9 (12). pp. 242–250. (In Russian). DOI: 10.30853/filnauki.2019.9.50
10. Vlahov, S. & Florin, S. (1980) *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in Translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
11. Petrenko, D.A. & Chernyshova, M.V. (2015) Ways of translating German realia into the Russian language. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo Filologicheskie nauki – Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*. 4-1 (67). pp. 94–104. (In Russian).
12. Yashina, M. (2009) Priemy i metody issledovaniya kul'turno-markirovannoy leksiki [Techniques and methods for the study of culturally marked vocabulary]. *Studi Linguistici e Filologici Online*. 7.1. pp. 45–76. [Online] Available from: <http://www.humnet.unipi.it/slifo/vol7.1/Yashina7.1.pdf>. (Accessed: 15.04.2020).
13. Tomakhin, G.D. (1997) Realii v yazyke i kul'ture [Realities in language and culture]. *Inostrannye yazyki v shkole – Foreign Languages for Schools*. 3. pp. 13–18.
14. Demidova, T.A. (2015) Designing dynamic residential structures with consideration for anthropogenic and climatic factors. *Vestnik inzhenernoy shkoly DFU – FEFU: School of Engineering Bulletin*. 3 (24). pp. 54–61. (In Russian).
15. Kuznecova, N.G. & Löschmann, M. (2010) Interkulturelle Aspekte im Fachsprachenunterricht am Beispiel von Deutsch für Architekten. In: *Das Wort. Germanistisches Jahrbuch (GUS)*. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 137–149.
16. Duden. (2000) *Deutsches Universalwörterbuch*. 2nd ed. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag.
17. Kusnetsowa, N. & Löschmann, M. (2006) *Deutsch für Architekten: Lehrbuch*. Tomsk: Print Manufacture Publishers.
18. Academic. (2012) *Straßenzeile*. [Online] Available from: http://universal_lexikon.deacademic.com/355230/Straßenzeile. (Accessed: 15.04.2020).
19. Hausbau-portal.net. (n.d.) *Was ist ein Blockhaus?* [Online] Available from: <http://www.hausbau-portal.net/hausbau-katalog-service/fertighaus-massivhaus-holzhaus/blockhaus.html>. (Accessed: 15.04.2020).
20. ImmobilienScout24. (n.d.) *Massivhaus bauen*. [Online] Available from: <https://www.immobilienscout24.de/bauen/massivhaeuser.html>. (Accessed: 15.04.2020).
21. Baubeaver. (n.d.) *7 Fachwerkhäuser Lektionen*. [Online] Available from: <https://baubeaver.de/fachwerkhäuser/>. (Accessed: 15.04.2020).
22. Planungsbüro Schilling. (n.d.) *Was ist ein Ökohaus?* [Online] Available from: <http://www.pb-schilling.de/architektur/kolumne-zum-okologischen-bauen/was-ist-ein-oekohaus/>. (Accessed: 15.04.2020).

23. Lindmeier Holzbau GmbH. (n.d.) *Mobiles Wohnen – modulare Holzhäuser*. [Online] Available from: <http://www.holzbau-lindmeier.de/mobiles-wohnen/gartensauna-4.html>. (Accessed: 15.04.2020).
24. DeWiki.de – Wiki-Artikel Sammlung. (n.d.) *Alpiner Einhof*. [Online] Available from: https://dewiki.de/Lexikon/Alpiner_Einhof. (Accessed: 15.04.2020).
25. Immonet.de. (n.d.) *Doppelhaus*. [Online] Available from: <http://www.immonet.de/service/doppelhaus.html> (Accessed: 15.04.2020).
26. ImmobilienScout24. (n.d.) *Doppelhaushälfte*. [Online] Available from: <https://www.immobilienscout24.de/wissen/bauen/doppelhaushaelfte.html>. (Accessed: 15.04.2020).
27. ImmobilienScout24. (n.d.) *Reihenhaus bauen*. [Online] Available from: <https://www.immobilienscout24.de/bauen/reihenhaus.html>. (Accessed: 15.04.2020).
28. GeVestor. (n.d.) *Einliegerwohnung: Definition und Regeln*. [Online] Available from: <http://www.gevestor.de/details/einliegerwohnung-definition-und-regeln-713755.html>. (Accessed: 15.04.2020).
29. Fertighaus.de. (2018) *Was ist ein Fertighaus? – Die Grundlagen verständlich erklärt*. [Online] Available from: <https://www.fertighaus.de/ratgeber/hausbau/was-ist-ein-fertighaus-die-grundlagen-verstaendlich-erklaert/>. (Accessed: 15.04.2020).
30. Bohn Massivhaus GmbH. (n.d.) *Rohbau-Haus*. [Online] Available from: <https://www.bohn-massivhaus.de/index.php/component/seoglossary/1-lexikon-hausbau/55-rohbau-haus>. (Accessed: 15.04.2020).
31. Massivhaus.de. (n.d.) *Bausatzhaus – Selbstbauhaus – Was ist das?* [Online] Available from: <http://www.massivhaus.de/ratgeber/bausatzhaus-selbstbauhaus.html>. (Accessed: 15.04.2020).
32. Allkauf. (n.d.) *Was ist ein Ausbauhaus? Unser Ausbaukonzept*. [Online] Available from: <https://www.allkauf-ausbauhaus.de/ausbau/konzept/>. (Accessed: 15.04.2020).
33. Passipedia – Die Passivhaus-Wissensdatenbank. (2019) *Was ist ein Passivhaus?* [Online] Available from: https://passipedia.de/grundlagen/was_ist_ein_passivhaus. (Accessed: 15.04.2020).
34. ImmobilienScout24. (n.d.) *Plusenergiehaus bauen*. [Online] Available from: <https://www.immobilienscout24.de/bauen/plusenergiehaus.html>. (Accessed: 15.04.2020).
35. Town & Country Haus. (n.d.) *Nullenergiehaus*. [Online] Available from: <http://www.hausausstellung.de/nullenergiehaus.html>. (Accessed: 15.04.2020).
36. ImmobilienScout24. (n.d.) *Energiesparhaus bauen*. [Online] Available from: <https://www.immobilienscout24.de/bauen/energiesparhaus.html>. (Accessed: 15.04.2020).
37. Energie Wissen. (n.d.) *KfW Effizienzhaus 60*. [Online] Available from: <https://www.energiesparen-im-haushalt.de/energie/bauen-und-modernisieren/hausbau-regenerative-energie/energieverbrauch/kfw-60-haus.html>. (Accessed: 15.04.2020).
38. Energie Wissen. (n.d.) *KfW Effizienzhaus 40*. [Online] Available from: <http://www.energie-wissen.info/energiesparhaeuser/kfw-effizienzhaus-40.html>. (Accessed: 15.04.2020).
39. Holzbau Fichtl GmbH. (n.d.) *1,5-Liter Haus*. [Online] Available from: <http://www.holzbau-fichtl.de/lexikon/15-liter-haus/>. (Accessed: 15.04.2020).
40. Ökologisch Bauen. (n.d.) *Niedrigenergiehaus*. [Online] Available from: <https://www.oekologisch-bauen.info/hausbau/energiestatus/niedrigenergiehaus.html>. (Accessed: 15.04.2029).
41. FB. (n.d.) *Goticheskaya roza v arkhitekture* [Gothic rose in architecture]. [Online] Available from: <https://fb.ru/article/285271/goticheskaya-roza-v-arhitekture>. (Accessed: 15.04.2029).
42. Fenster-Magazin. (n.d.) *Doppelfenster*. [Online] Available from: <https://www.fenster-magazin.de/lexikon/doppelfenster/>. (Accessed: 15.04.2029).
43. SRBU.RU. (2020) *Stropil'naya sistema dvukhskatnoy kryshi i ee ustroystvo* [Gable roof truss system and its structure]. [Online] Available from: <https://srbu.ru/krysha/150-stropilnaya-sistema-dvukhskatnoj-kryshi.html>. (Accessed: 15.04.2020).

44. Dachdecker-Wiki. (2019) *Dachkonstruktionen*. [Online] Available from: <http://www.dachdeckerwiki.de/index.php/Dachkonstruktionen>. (Accessed: 15.04.2020).
45. Hausjournal. (n.d.) *Die Dachstuhlkonstruktion*. [Online] Available from: <http://www.hausjournal.net/dachstuhlkonstruktion>. (Accessed: 15.04.2020).
46. Bauratgeber24.de. (2019) *Beispiele von Dachkonstruktionen, das Pfettendach und das Sparrendach*. [Online] Available from: <http://www.ib-rauch.de/holz/dachkons.html>. (Accessed: 15.04.2020).
47. Scribd. (2000) *Dachkonstruktionen*. [Online] Available from: <https://de.scribd.com/document/269133378/Dachkonstruktionen>. (Accessed: 15.04.2020).
48. Pevsner, N., Honour, H. & Fleming, J. (1992) *Lexikon der Weltarchitektur*. Berlin: Prestel-Verlag. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/44512719_Lexikon_der_weltarchitektur_John_Fleming_Hugh_Honour_Nikolaus_Pevsner. (Accessed: 15.04.2020).
49. Baunetz Wissen. (n.d.) *Zollingerdach*. [Online] Available from: <https://www.baunetzwissen.de/geneigtes-dach/fachwissen/dachtragwerke/zollingerdach-4958920>. (Accessed: 15.04.2020).
50. Academic. (n.d.) *Spindeltreppe*. [Online] Available from: <http://deacademic.com/dic.nsf/dewiki/1311604>. (Accessed: 15.04.2020).
51. Baunetz Wissen. (n.d.) *Mauer- oder Schachttreppen*. [Online] Available from: <https://www.baunetzwissen.de/glossar/m/mauer--oder-schachttreppen-48183>. (Accessed: 15.04.2020).
52. Huber, R. & Rieth, R. (2011) *Escaliers. Glossarium Artis. Comité International d'Histoire del'Art. 5*. Berlin: Walter de Gruyter.
53. Schapler Fenster und Sonnenschutz GmbH. (n.d.) *Parallel-Schiebe-Kipptür (PSK)*. [Online] Available from: <http://www.schapler.de/psk.html>. (Accessed: 15.04.2020).
54. Jung & Co. GmbH. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.jung-und-co.de/index.php/automatischetuersysteme/schiebe-tuersysteme/winkelschiebetueren-slv>. (Accessed: 15.04.2020).
55. Google Patents. (2009) *Schiebe-Schwenktür*. [Online] Available from: <https://patents.google.com/patent/EP2236716A2>. (Accessed: 15.04.2020).
56. Spolia. (n.d.) *Zweifüllungstür*. [Online] Available from: <http://www.spolia.de/fachbegriffe/z/zweifullungstur>. (Accessed: 15.04.2020).
57. Baunetz Wissen. (n.d.) *Leipziger Treppe*. [Online] Available from: <https://www.baunetzwissen.de/glossar/l/leipziger-treppe-48215>. (Accessed: 15.04.2020).
58. Baunetz Wissen. (n.d.) *Wiener Treppe*. [Online] Available from: <https://www.baunetzwissen.de/glossar/w/wiener-treppe-48213>. (Accessed: 15.04.2020).
59. K&R Treppen. (n.d.) *Harfentreppe*. [Online] Available from: <https://www.kr-treppen.de/de/produkte/stahlinnentreppen/harfentreppe>. (Accessed: 15.04.2020).
60. Treppenmeister. (n.d.) *Abgehängte Treppen*. [Online] Available from: <https://www.treppenmeister.com/de/treppenlexikon/abgehaengte-treppen/>. (Accessed: 15.04.2020).
61. Treppenmeister. (n.d.) *55 Jahre Bucher-Treppe*. [Online] Available from: <https://www.treppenmeister.com/de/55-jahre-bucher-treppe/>. (Accessed: 15.04.2020).
62. Houzz Inc. (2016) *Treppenkonstruktionen mit Wange, Holm, Bolzen – und andere Spielarten*. [Online] Available from: <https://www.houzz.de/ideabooks/63194230/list/treppenkonstruktionen-mit-wange-holm-bolzen-und-andere-spielarten>. (Accessed: 15.04.2020).
63. Treppenbau Seifert. (n.d.) *Bolzentreppen selbsttragend*. [Online] Available from: <http://www.seifert-treppen.de/bolzentreppen-selbsttragend.html>. (Accessed: 15.04.2020).
64. Treppenmeister. (n.d.) *System Buchertreppe*. [Online] Available from: <https://www.treppenmeister.com/de/buchertreppe-system/>. (Accessed: 15.04.2020).
65. Treppenmeister. (n.d.) *Geländertragende Treppen*. [Online] Available from: <https://www.treppenmeister.com/de/treppenlexikon/gelaendertragende-treppen/>. (Accessed: 15.04.2020).

66. Treppenmeister. (n.d.) *Geländertragende Bolzentreppen*. [Online] Available from: <https://www.treppenmeister.com/de/treppenlexikon/gelaendertragende-bolzentreppen/>. (Accessed: 15.04.2020).
67. Baumarkt. (n.d.) *Dachformen – denn nicht jedes Dach ist gleich*. [Online] Available from: <https://www.baumarkt.de/ratgeber/a/dachformen-denn-nicht-jedes-dach-ist-gleich/>. (Accessed: 15.04.2020).
68. Fertighaus.de. (n.d.) *Der einfachste Weg Ihr Traumhaus mit Pultdach zu bauen*. [Online] Available from: <https://www.fertighaus.de/typen/pultdach/>. (Accessed: 15.04.2020).
69. Baubeaver. (n.d.) *12 dachformen – die komplette übersicht*. [Online] Available from: <https://baubeaver.de/dachformen/>. (Accessed: 15.04.2020).
70. Russkaya pravda [Russian Truth]. (n.d.) *Sfericheskie i shlemovidnye kupola Vizantiysko-drevnerusskogo tipa* [Spherical and helmet-shaped domes of the Byzantine-old Russian type]. [Online] Available from: <http://ruspravda.info/Sfericheskie-i-shlemovidnie-kupola-Vizantiysko-drevnerusskogo-tipa-4435.html>. (Accessed: 15.04.2020).
71. Baumgart, F. (2002) *DuMont's kleines Sachlexikon der Architektur*. 11. Köln: DuMont Literatur und Kunstverlag.
72. Enzyklo.de. Deutsche Enzyklopädie. (n.d.) *Schweifhaube*. [Online] Available from: <http://www.enzyklo.de/Begriff/Schweifhaube>. (Accessed: 15.04.2020).
73. Zebhauser, H. & Hartig, M. (1989) *Hauben und Zwiebeln. Europäische Turmauswüchse. Merkbilder bayerischer Architektur*. München: Verlag Bayerischen Bauindustrieverbandes.
74. ProRoof. (n.d.) *Gont svoimi rukami* [Do-it-yourself shingles]. [Online] Available from: <http://proroofer.ru/material/prochie-materialy/gont-svoimi-rukami.html>. (Accessed: 15.04.2020).
75. Prirodnye krovli [Natural Roofs]. (n.d.) *Istoriya krovel'nykh materialov, primenyaemykh pri ustroystve derevyannykh krysh* [History of roofing materials used in the construction of wooden roofs]. [Online] Available from: https://dranka.su/publik_post-80.htm. (Accessed: 15.04.2020).
76. Holzschindeln. (n.d.) *Derevyannye krovli i fasady* [Wooden roofs and facades]. [Online] Available from: <http://holzschindeln.ru/istoriya-shindelya-drunki>. (Accessed: 15.04.2020).
77. Krovli. Internet-izdanie [Roofs. Online publication]. (2011) *Moda na traditsii. Krysha iz dereva na rynke elitnykh krovel'* [Fashion for tradition. The roof is of wood in the market of elite roofing]. [Online] Available from: <http://www.krovlirussia.ru/rubriki/materialy-i-tehnologii/moda-na-tradicii-kry-sha-iz-dereva-narynke-ELITNYX-KROVEL>. (Accessed: 15.04.2020).
78. Krovli. Internet-izdanie [Roofs. Online publication]. (2010) *Krovel'nyy slanets v Rossii i mire* [Roofing slate in Russia and the world]. [Online] Available from: <http://www.krovlirussia.ru/rubriki/materialy-i-tehnologii/slanec/krovelnyj-slanec-v-rossii-i-mire>. (Accessed: 15.04.2020).
79. WPC-Store. Hochwertige Terrassendielen. (n.d.) *Türen*. [Online] Available from: <http://www.wpc-store.de/Tueren>. (Accessed: 15.04.2020).
80. Detlef H. Gaycken (GmbH & Co.) KG. (n.d.) *WPC Sichtschutzzäune* [Online] Available from: <https://www.holzmarkt-online.com/sichtschutz-zaeune/kunststoffzaeune/wpc/wpc-sichtschutzzaeune/>. Accessed: 15.04.2020).
81. Wissen.de. (n.d.) *Doppeldach*. [Online] Available from: <http://www.wissen.de/lexikon/doppeldach>. (Accessed: 15.04.2020).
82. Albert Bartnik GmbH. (n.d.) *Ziegeldach*. [Online] Available from: <https://a-bartnick.de/ziegeldach.html>. (Accessed: 15.04.2020).
83. Kuz'mina, D.Yu. (2018) O trudnostyakh perevoda angliyskikh slov-realiy na russkiy yazyk [On the difficulties of translating English realia words into Russian]. In: *Aktual'nye voprosy perevodovedeniya i praktiki perevoda* [Actual Problems of Translation Studies and Translation Practice]. Vol. 8. Nizhniy Novgorod: Al'ba. pp. 123–129. [Online] Available

from: <https://www.alba-translating.ru/ru/ru/articles/2018/kuzmina-2018.html>. (Accessed: 15.04.2020).

84. Kuznetsova, N.G. & Stepicheva, O.N. (2015) Names of new building materials in the architectural and building terminology of the German language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 9 (51). Part 2. pp. 122–126. [Online] Available from: <https://www.gramota.net/materials/2/2015/9-2/34.html>. (Accessed: 15.04.2020). (In Russian).

85. Kazakova, T.A. (2004) *Prakticheskie osnovy perevoda* [Practical Translation Basics]. Saint Petersburg: Soyuz.

86. Gutner, M.D. (1982) *Posobie po perevodu s angliyskogo yazyka na russkiy obshchestvenno-politicheskikh tekstov* [A Guide for Translating Social and Political Texts from English into Russian]. Moscow: Vysshaya shkola.

УДК 413 : 002.6 : 32
DOI: 10.17223/19986645/67/5

С.Л. Кушнерук

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ МИРОМОДЕЛИРОВАНИЕ В АМЕРИКАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Анализируется специфика идеологического миромоделирования в американском медиадискурсе. Дается характеристика дискурсивному миру как концептуально-сложной репрезентационной структуре, которая формирует представления об идеологическом противостоянии России и Запада в условиях информационно-психологической войны. Устанавливается ключевая новоидеологема первой четверти XXI в. «Россия – противник Запада». Выявляются когнитивный, аксиологический, прагматический, дискурсивный аспекты её реализации.

Ключевые слова: миромоделирование, дискурсивный мир, репрезентационная структура, идеологема, информационно-психологическая война, медиадискурс, массовая коммуникация, американские СМИ, язык СМИ.

Постановка проблемы

На фоне усложнения внешнеполитических взаимоотношений России и Запада в первой четверти XXI в. своевременно изучение репрезентации действительности в массовой коммуникации. Формируется потребность в знании лингвоидеологических механизмов создания концептуально-информационных моделей реальности в СМИ. Необходимость выработки лингвистических основ противодействия угрозе развязывания противоборства в информационной сфере усиливает значимость исследования особенностей идеологического миромоделирования в американских медиа, которые определяют общественно-политическую ситуацию в США и в глобальных масштабах. Неверно воспринимать журналистов как агентов, «прокачивающих» идеологические установки и «вживляющих» в сознание аудитории нужные мысли, однако во все времена они остаются оформителями и организаторами мировидения, а идеологическая ангажированность в разной степени присутствует в освещении политических событий [1. С. 76–77; 2].

США являются одним из крупнейших геополитических игроков, чьи интересы простираются по всему земному шару. В последнее время противостояние между США и Россией заметно усилилось, что находит регулярное отражение в СМИ, представляющих собой форму «медиатизированной власти» (Т. ван Дейк), реализация которой проявляется в репрезентации внешнеполитических отношений двух держав. Это, прежде всего, выражается на вербально-семиотическом уровне: выбор языковых средств предопределяется существующими политическими и идеологическими ориентирами, поскольку любой журналист, как отмечают представители профессии, «пронизан» пониманием национального интереса [3]. Наиболее

ярко феномен можно проиллюстрировать в сопоставлении, когда одно и то же событие получает противоположную оценку в американских и отечественных СМИ. Приведём примеры.

В широко распространённой американской ежедневной газете «The Washington Post» тиражируются негативные смыслы, сгущающие краски относительно действий России как политического и идеологического оппонента Запада. События «Крымской весны» 2014 г. описываются как *захват (the seizure of Crimea)*, *аннексия (annexation of Ukraine's Crimea region)*, *вторжение (the Russian invasion of Crimea)*, *военное вторжение России в Украину (Russian military incursion into Ukraine)* и др. Ср.: *The Baltic countries, as with NATO as a whole, have learned their lessons since 2014, when Russia shocked the world with its lightning-fast annexation of Ukraine's Crimean Peninsula using «little green men», troops in uniforms without insignia.* (The Washington Post, 10.09.2017). – *Страны Балтии, как и НАТО в целом, извлекли свои уроки из 2014 года, когда Россия потрясла мир своей молниеносной аннексией Крымского полуострова Украины с помощью «маленьких зелёных человечков» – военнослужащих в форме без знаков отличия.* В одной из ведущих российских общественно-политических газет это же событие рассматривается как *принятие, вхождение, воссоединение* полуострова с Россией. Ср.: *В апреле 2014 года российскую делегацию лишили права голоса в ПАСЕ из-за событий на Украине и воссоединения с Крымом* (Известия, 24.01.2019).

Очевидно, что в лингвоидеологическом плане прогнозируются противоположные интерпретации относительно того, кто несёт ответственность за происшедшее. Это подчёркивает актуальность изучения специфики идеологического миромоделирования в иноязычном медиадискурсе. Цель настоящего исследования – охарактеризовать дискурсивный мир как репрезентационную структуру, формирующую представления об информационно-психологическом противоборстве внешнеполитических оппонентов в американском медиадискурсе, выявить и проанализировать её ключевую идеологию.

Методология и базовые термины исследования

Настоящее исследование развивает **теорию когнитивно-дискурсивного миромоделирования** [4]. Это автономное направление лингвистической дискурсологии, которое объединяет под теоретико-методологическим «зонтиком» достижения зарубежной и отечественной лингвистики для изучения ментально-языковых феноменов в дискурсе и их роли в моделировании социального взаимодействия. Круг основных концепций, давших импульс развитию когнитивно-дискурсивного миромоделирования, формируют теория текстовых миров [5–8], теория ментальных пространств [9], когнитивная грамматика [10], фреймовая семантика [11], теория категоризации [12], социокогнитивная теория дискурса [1, 13], а также достижения российских учёных в области когнитивной лингвистики

[14–16], социальной философии [17], психолингвистики [18], лингвистики текста [19], теории дискурсивных картин мира [20, 21].

Отталкиваясь от положения о том, что социальная действительность существует в сознании людей в виде когнитивных моделей, а в медиадискурсе она оязыковлена совокупностью текстов, мы определяем **миромоделирование** как структурирование информации о действительности, производимой и воспроизводимой в дискурсе, которое приводит к образованию репрезентационных структур. В широком смысле **репрезентационные структуры** – это объективируемые в дискурсе ментальные конструкты разной степени концептуальной сложности, которые соотносятся с процессами и результатами представления мира и/или его фрагментов в целях коммуникации. Их основная функция – ориентировать адресата и формировать общественное мнение в соответствии с потребностями коллективов или определённых социальных групп.

Репрезентационные структуры в американских СМИ создают медиареальность в интересах политических кругов. Имея самую разную направленность (консервативную, либеральную или иную), которая в широком смысле определяется общественно-политической системой США, СМИ обслуживают властные элиты подобно тому, как в любой стране государственные органы обслуживают и поддерживают правящую бюрократию [3].

Рассматривая американский медийный дискурс с точки зрения современной коммуникативистики, правомерно говорить о его неоднородности как с точки зрения типологии, так и с позиции выражаемых мнений в системе разноразмерных средств (национальных, региональных, местных). Конечно, властные структуры не обладают рычагами прямого воздействия на журналистов, и каждое издание имеет свои политические предпочтения и взгляды, а также финансовую зависимость от владельцев медиа бизнеса. В этом контексте закономерно встаёт вопрос о том, как сами журналисты воспроизводят или противостоят существующей идеологии в случае несогласия.

В настоящей работе этот сложный и неоднозначный аспект медиакommunikации получает трактовку с опорой на **дискурс-аналитический подход** Т. ван Дейка. Рассматривая процессы репрезентации реальности на знаково-символическом уровне в новостях, учёный доказывает, что даже если журналисты не разделяют идеологии элит, фундаментальные «властные установки редко эксплицитно оспариваются в доминирующих СМИ», а «спектр споров и критики часто бывает специально организован и контролируем» [1. С. 77–78]. Важной для нашего исследования также является идея Т. ван Дейка о **власти дискурса**, разделяя которую, мы полагаем, что обладать медиадискурсом – значит обладать властью. Понятие власти трактуется как «контроль над публичным дискурсом во всех его семиотических измерениях» [Там же. С. 32].

Власть даёт возможность медиапрофессионалам не просто определять ситуацию в обществе, но при необходимости трансформировать информационную реальность так, чтобы это привело к формированию устойчивых взглядов как на внутренние проблемы, так и на внешнеполитические взаи-

моотношения, представленные под определённым углом зрения. Идеология, оправдывающая действия тех или иных социальных групп, является главным компонентом власти [1. С. 54]. В этом плане роль агентов медиадискурса нельзя недооценивать. Она заключается в конструировании оценочных «матриц» действительности, формирующих особую картину реальности в медиадискурсе, которую мы называем дискурсивным миром.

Дискурсивный мир – это многокомпонентная репрезентационная структура концептуально-сложного типа, когнитивное содержание которой объективируется в интегративной совокупности текстов, объединённых в тематическом, коммуникативном и/или функционально-целевом отношении. В современных американских СМИ оязыковлён дискурсивный мир информационно-психологической войны, который характеризуется нами как репрезентационная структура, создаваемая журналистами в медиатекстах, объединённых тематикой противоборства, и интерпретируемая читателями под воздействием совокупности контекстуальных факторов, имеющих социальный, культурный, политический, психологический и идеологический характер (ср. [22, 23]).

Учитывая контекст усугубления внешнеполитических отношений между США и Россией в последние годы, спецификой **идеологического миромоделирования** в американских медиа считаем такое структурирование информации об избранных для освещения фрагментах действительности, в результате которого на массовую аудиторию транслируются представления о России как относительно нейтральные (*democracy, president*), так и негативно маркированные (*russophobia*).

Понятие **идеологии** является одним из наиболее неоднозначно интерпретируемых в гуманитарных науках. В современной лингвистике выделяются широкое и узкое понимание идеологии. В первом случае *идеология* используется для обозначения совокупности «идей, мифов, преданий, политических лозунгов, программных документов партий, философских концепций. <...> Идеология исходит из определённым образом познанной или «сконструированной» реальности, ориентирована на человеческие практические интересы и имеет целью манипулирование и управление людьми путём воздействия на их сознание» [24. С. 302]. В узком смысле идеология рассматривается как система политических взглядов и идей, связанных с вопросами захвата, удержания и использования политической власти субъектами политики [25. С. 121–122].

Общие характеристики идеологии систематизирует Г.Г. Слышкин: а) идеология – совокупность ценностных ориентаций, образующих системное целое; б) идеология ставит своей целью удовлетворение интересов определённых социальных групп; в) идеология ориентирует своего носителя на определённые действия, которые направлены на изменение представлений о фрагменте действительности или существующего порядка вещей; г) идеологические ценности внедряются в сознание широкого круга людей целенаправленно; д) идеологические ценности реализуются в виде совокупностей идеологизированных текстов [26. С. 86–87].

В теории массовых коммуникаций аспект идеологического воздействия СМИ представлен многообразием подходов. Среди них назовём лишь некоторые: концепции сильного и минимального воздействия, незаметных долгосрочных эффектов массовых коммуникаций [27. С. 20], модель пропагандистской коммуникации [28], теория эффектов массмедиа [29]. Общим местом для них является признание того, что СМИ служат «поставщиками» коллективного знания, никогда не остаются индифферентными по отношению к тому, что продуцируют, поскольку стоят на страже общественного благосостояния [30. С. 17]. Учитывая сказанное, **идеологическое миромоделирование** в медиадискурсе мы рассматриваем в аспекте сознательных действий журналистов по формированию отношения читателей к общественно-политическим, экономическим, культурным, межнациональным и иным явлениям. Воспроизведение избранных смыслов постепенно приводит к тому, что мир начинает оцениваться сквозь умело заданную журналистами идеологическую призму. Речь идёт не о безволии читательской аудитории, а о силе печатного слова, магия которого обеспечивает доверие массового адресата к моделируемой картине мира [2].

На уровне создания причинно-следственных взаимосвязей идеологическое миромоделирование существенно отличается в американских и отечественных СМИ. Так, при чтении российских газет складывается понимание того, что в настоящее время причиной сложных отношений между Россией и Западом является политика русофобии. Ср.: Глава МИД РФ Сергей Лавров в интервью телеканалу ВВС заявил, что **отношения России и Запада хуже, чем были во времена «холодной войны». По его мнению, в те годы существовали каналы коммуникации и отсутствовала одержимость русофобией, которая сейчас похожа на «геноцид через санкции»** (Комсомольская правда. 16.04.2018). Американская пресса прививает своим читателям иную позицию, усматривая первопричину того же положения дел в аннексии Крыма. Ср.: *Relations between Moscow and Washington have soured since Russia's annexation of Crimea and accusations Russia interfered with US elections* (Deutsche Welle. 31.12.2018). – **Отношения между Москвой и Вашингтоном испортились после аннексии Россией Крыма и обвинений во вмешательстве России в выборы США.** Результатом регулярного распространения и акцентуации средствами массовой информации представлений о России, обладающих негативной оценочностью, является создание такого дискурсивного мира, в котором кристаллизуются наиболее значимые **идеологемы**.

Первоначально термин использовал М.М. Бахтин для обозначения способов репрезентации идеологии [31]. В 90-е гг. XX в. в русистике разрабатывается теория идеологем (И.Т. Вепрева, Г.Ч. Гусейнов, Е.А. Земская, Н.И. Клушина, Н.А. Купина, Е.Г. Малышева, А.А. Мирошниченко, Е.А. Нахимова, А.П. Чудинов). В общем виде идеологема представляет собой «мировоззренческую установку (предписание), облечённую в языковую форму» [32. С. 43].

В эпоху перестройки формируется **лексикологический подход**, согласно которому идеологема рассматривается как сущностная черта тоталитарно-

го (моноидеологического) дискурса [32–34]. Базовые идеологемы советского периода содержат идеологически важные признаки рассматриваемого времени, из которых формируется идеологический денотат (*диктатура пролетариата, светлое будущее, ленинизм, вождь, партия*) [25. С. 124]. Как лексемы, маркирующие политическую коммуникацию, в советское время активны идеологемы *буржуазия, пролетариат, коммунизм, свобода, социализм* [35. С. 93]. Исследованы идеологемы *террор* [36], *патриот* [37], а также идеологемы-имена собственные [38–40].

На постсоветском пространстве засвидетельствованы социальные идеологемы *человеческий фактор, общечеловеческие ценности, стратегия укоренения, новое мышление, стабилизация экономики, оптимизация бюджета, правовое государство* [35. С. 93], а также личные – *архитектор перестройки* (о Горбачёве), *царь Борис* (о Ельцине) [41]. В постперестроечное время идеологемы перестают ограничивать советизмами, признавая их существование в демократических (полиидеологических) дискурсах, что даёт основание для расширения трактовок.

Когнитивный подход рассматривает идеологему как «многоуровневый концепт», в структуре которого присутствуют идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие представление людей о власти, государстве, обществе и политике. Идеологемы разграничиваются: в связи с характером концептуализируемой информации (идеологемы-понятия, идеологемы-фреймы, идеологемы-гештальты, идеологемы-архетипы); с точки зрения сферы употребления и понимания носителями языка (идеологемы общеупотребительные и ограниченного употребления), с учётом прагматического компонента (идеологемы с положительным, отрицательным и смешанным аксиологическим модусом), в связи с актуальностью идеологемы (идеологемы-историзмы, новоидеологемы, реактуализированные идеологемы, универсальные идеологемы) [42. С. 37].

Когнитивный характер идеологем отмечает Е.А. Нахимова, указывая на то, что они формируют концептуальные схемы и категории, а их смысловое содержание может по-разному восприниматься адресатами [40. С. 154]. Ментально-стилистическую природу идеологемы подчёркивает Н.И. Клушина: «Идеологема – это сложный когнитивно-стилистический феномен, с помощью которого формируется массовое, коллективное и индивидуальное сознание конкретного социума» [43. С. 57].

Поскольку идеологемы отражают устойчивые отношения, которые возникают между языком и мышлением в результате моделирования действительности в СМИ, мы также рассматриваем идеологему как когнитивную единицу, индикатором которой могут выступать разные элементы языка – лексемы, словесные формулы (словосочетания и предложения), а также тексты и текстовые совокупности, объединённые в тематическом и коммуникативном отношении. Идеологема может актуализироваться идеологизированной лексикой (с денотативным или коннотативным компонентом значения, указывающим на то, что слово связано с системой понятий, отражающих интересы определённых социальных групп), а также значения-

ми неидеологических слов (не нагруженных политическими смыслами). Справедливо утверждение Н.И. Клушиной о том, что идеологемы можно считать универсалиями политического и медийного дискурсов как дискурсов тенденциозных и мировоззренчески ориентирующих [43. С. 54].

По нашим наблюдениям, в медиадискурсе через контексты употребления часто вводятся идеологические приращения, или «добавки», переводящие нейтральные слова и словосочетания в класс идеологически маркированных, а идеологизированную лексику в разряд идеологически акцентированной (усиленной). Так, в настоящее время в американских СМИ большое распространение имеет словосочетание *Russian propaganda* (334 контекста за период 01.01.2018–01.01.2019 по данным корпуса «News on the Web»). Ср.: *The State Department came under criticism earlier this year when news reports highlighted its failure to spend \$120 million that had been allocated to push back on **Russian propaganda** abroad* (<https://www.nbcnews.com/> 15.04.2018). – *Госдеп подвергся критике в начале этого года, когда в новостях сообщили том, что он не потратил 120 миллионов долларов, выделенных на противодействие **российской пропаганде** за рубежом.*

Propaganda – «*information, often inaccurate information, which a political organization publishes or broadcasts in order to influence people*» [44]. Сигнификативный компонент значения слова включает представления об информации, зачастую неточной, которую политическая организация публикует или транслирует с целью воздействия на людей. Лексема становится идеологически акцентированной в сочетании с *Russian*. Имплементация идеологического смысла выражается в том, что читательской аудитории навязывается идея о России как угрозе западной цивилизации. Этот смысловой «квант» является частным случаем, отражающим общую тенденцию идеологического миромоделирования в американских СМИ, специфика которого проявляется в репрезентации противостояния России и Запада в условиях информационно-психологической войны. В результате в дискурсивном мире информационно-психологической войны на регулярной основе формализуется новоидеологема первой четверти XXI в. «Россия – противник Запада».

Материал и методы исследования

Для характеристики дискурсивного мира информационно-психологической войны как репрезентационной структуры и выявления в ней ключевой идеологемы, формирующей представления о противоборстве внешнеполитических оппонентов в американском медиадискурсе, к исследованию привлекались ресурсы корпуса «News on the Web» (<https://www.english-corpora.org/now/>), который содержит 7,8 миллиарда слов из веб-газет и журналов с 2010 г. по настоящее время и пополняется на 140–160 миллионов слов каждый месяц. Представленный материал служит репрезентативной выборкой, отражающей динамику освещения проблем информационной войны в период 2010–2018 гг. (рис. 1). Данные

о частотности словосочетаний *information war* и *information warfare* (FREQ) свидетельствуют о значительном усилении информационно-психологического противостояния в мире в последние пять лет (каждый год условно разделён на две части, например 2018-1 и 2018-2), что представляет серьёзную угрозу мирному сосуществованию и цивилизационному жизнеустройству людей.

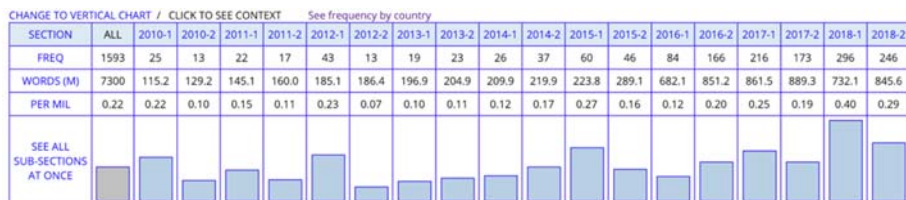

Рис. 1. Динамика освещения информационной войны

В рамках проводимого исследования были отобраны и проанализированы контексты из американских новостных, информационных и аналитических изданий, имеющих собственные веб-узлы или онлайн-версии. Крупнейшие из них: *The New York Times*, *The Washington Post*, *The Irish Times*, *War on the Rocks*, *WTOP*, *Mother Jones*, *The Atlantic*. *The New York Times* и *The Washington Post* относятся к числу влиятельнейших ежедневных газет США, представляющих качественную информацию по вопросам национальной и международной политики. Отличительным признаком второй является освещение политических событий в деятельности американского правительства. Использовались контексты из европейских качественных газет, штатные корреспонденты которых работают в США (*The Irish Times*), а также интернет-изданий, публикующих аналитические материалы и комментарии, касающиеся внешней политики и безопасности США (*War on the Rocks*). Рассматривались новости регионального ресурса *WTOP*, репортёры которого преимущественно освещают события, происходящие в столице США. В выборку вошли журналы: *Mother Jones* – журнал либеральной направленности о политике, экологии, правах человека и культуре, а также *The Atlantic* – национальный американский журнал, уделяющий внимание иностранным делам, политике, экономике, культурным тенденциям, направленный на аудиторию серьёзных американцев и «лидеров мнений».

На основе указанного материала создан виртуальный корпус (INFORMATION WAR* USA), включающий 21 текст, 50 473 слова (рис. 2).

Рис. 2. Виртуальный корпус

Для ответа на вопрос, в каких языковых феноменах реализуется идеологема «Россия – противник Запада», контексты, вошедшие в созданный виртуальный корпус, были исследованы методом лингвоидеологического анализа, под которым понимается анализ устойчивых отношений, возникающих между языковыми и когнитивными структурами в процессе моделирования мира в американском медиадискурсе. Для выявления ценностно-языковых характеристик идеологемы исследовалась семантика ключевых слов (*information war* и *information warfare*) и устанавливались особенности их синтагматических отношений (357 контекстов) с лексемами *Russia / Russian* (278 контекстов), *Kremlin* (28 контекстов), *Moscow* (20 контекстов), *Putin* (31 контекст) в речевой ткани американского медиадискурса. Для установления ключевых сем в значении лексем как индикаторов реализации идеологемы в ходе исследования применялся компонентный анализ.

Результаты исследования

Идеологизированность американских медиа проявляется в том, что положительная самопрезентация в нём сочетается с отрицательной репрезентацией России по принципу поляризации «свой – чужой». Создание идеологем для убедительного представления своей (американской) позиции на фоне сложных внешнеполитических взаимоотношений имеет обоснования, которые предопределяются событийным контекстом. К числу ключевых экстралингвистических факторов, способствующих этому, в последние годы можно отнести: 1) политическое противостояние после референдума в Крыму в 2014 г.; 2) усиление политической напряжённости между двумя странами в связи с выборами президента США в 2016 г.; 3) экономическое противостояние, вызванное введением санкций со стороны Евросоюза и США; 4) разногласия по вопросам международной политики в Сирии и Венесуэле.

Новый виток «холодного» противостояния предопределяет специфику миромоделирования в американских СМИ. Реальность, объективируемую в американском медиадискурсе совокупностью текстов СМИ, которые объединены тематикой противоборства, борьбы, вражды, подчинённую целям политики США, мы называем **дискурсивным миром информационно-психологической войны** (далее – ИПВ). Усилиями американских журналистов в нём формируется враждебное отношение к России за счёт акцентуации отрицательных сторон политических инициатив, предпринимаемых ею по самому широкому кругу вопросов. Идеологическое миромоделирование в американском медиадискурсе регулярно реализуется на уровне общей стратегии негативной репрезентации России как сильного и самостоятельного оппонента, а также на частных дискурсивных уровнях. В пространстве дискурсивного мира, создаваемого американскими СМИ, регулярно профилируется идеологема «Россия – противник Запада». Она выходит за пределы простого ментального образа. Вскрыть её наиболее существенные признаки можно лишь в совокупности взаимосвязей, уста-

навливаемых в рамках концептуально-сложной структуры взаимодействия лексических, синтаксических, риторических и экспрессивных средств, которые преимущественно реализуются на уровне содержания медиатекстов. Выделим аспекты названной идеологемы.

Актор ИПВ. Согласно американским публикациям исследуемого временного периода Россия представлена главным инициатором и действующим лицом ИПВ. Свидетельством являются многочисленные контексты, в которых распознаваемые характеристики информационной войны описываются соответствующими действиями актора. Это часто выражается глагольными лексемами: *to wage* (вести), *to prosecute* (вести, проводить), *to propagate messages* (распространять сообщения), *to mix truth with lies and misinterpretations* (смешивать ложь с неверными интерпретациями), *to retaliate* (мстить, применять репрессии), *to break into* (вторгаться), *to hack into* (взламывать), *to manipulate* (манипулировать), *to innovate cyberwarfare* (применять новые технические решения), *to develop forces and resources for information warfare* (развивать силы и ресурсы для ведения информационной войны), *to revolutionize information warfare* (революционизировать информационную войну). Приведём один из примеров.

Через несколько месяцев после событий Крымской весны 2014 года выходит статья под заголовком «*Russia and the Menace of Unreality. How Vladimir Putin is revolutionizing information warfare*». (<https://www.theatlantic.com>. 09.09.2014). – *Россия и угроза нереальности. Как Владимир Путин революционизирует информационную войну*. В сильной позиции текста выражена мысль о том, что российский президент вводит значимые изменения в характер информационной войны. Глагол *to revolutionize*, содержащий семы «радикальное изменение», «коренное изменение», усиливает идеологическое воздействие, акцентирует внимание на переломном моменте, который обычно ассоциируется с революционными событиями. Далее в статье подчёркивается, что Россия удивляет военной мощью и поражает умением молниеносного ведения информационной войны. Ср.: *At the NATO summit in Wales last week, General Philip Breedlove, the military alliance's top commander, made a bold declaration. Russia, he said, is waging «the most amazing information warfare blitzkrieg we have ever seen in the history of information warfare»* (<https://www.theatlantic.com/> 09.09.2014). – *На саммите НАТО в Уэльсе на прошлой неделе генерал Филип Бридлав, верховный главнокомандующий военным альянсом, сделал смелое заявление. По его словам, Россия ведёт «самую удивительную информационную войну на уровне блицкрига, которую мы когда-либо видели в истории»*.

Идеологема в аспекте актора ИПВ реализуется не просто как фокусирование на том, что Россия ведёт «новую» информационную войну против Запада, но нередко сопровождается апелляцией к релевантному мнению или идеологии. Ср.: «*Officials in Germany and at NATO headquarters in Brussels view the Lisa case, as it is now known, as an early strike in a new information war Russia is waging against the West*» (The New York Times,

13.09.2017). – *Официальные лица в Германии и штаб-квартире НАТО в Брюсселе рассматривают дело Лизы, как теперь известно, как ранний удар в новой информационной войне, которую Россия ведёт против Запада.* Аргументация к позиции официальных лиц Германии и НАТО играет важную роль в репрезентации сложной политической ситуации 2016 г. – нашумевшего «дела Лизы», ставшего катализатором европейской дипломатической напряжённости.

Во многих случаях нагнетаемая «русофобия» выступает оружием в американской внутривнутриполитической борьбе. Очевидно, что тема информационной войны России не теряет актуальности после выборов президента США в 2016 г. Она умело «вплетается» медиапрофессионалами в контекст других политических событий, усиливая антиамериканский настрой, поддерживаемый демократами. В действиях России усматривается сила манипуляции и вездесущего влияния на исход американских выборов. Ср: *To put it as bluntly as possible: Russian intelligence is breaking into senior officials' computers in an effort to manipulate a U.S. presidential election* (War on the Rocks. 29.09.2016). – *Говоря прямо, российская разведка взламывает компьютеры высокопоставленных чиновников в попытке манипулировать президентскими выборами в США.*

Характер ИПВ. Противоборство России и Запада носит острый характер: *to escalate* (усугубляться), *intensification of the role of information warfare* (усиление роли информационной войны). По данным американских медиа, интенсификация информационной войны напрямую связана с осуществлением внешней политики России. Ср.: *Less than 18 months later, the Kremlin released its updated military doctrine, which cemented «the intensification of the role of information warfare» in Russian foreign policy* (War on the Rocks. 29.09.2016). – *Менее чем через полтора года Кремль обнародовал обновлённую военную доктрину, закрепившую «усиление роли информационной войны» во внешней политике России.*

Цели и задачи ИПВ. Общая цель актора – облагородить внешнеполитический образ России, поскольку, по мнению американских журналистов, страна является политическим изгоем (*a rogue*). Во вторую очередь России приписывается стремление к ведению подрывной деятельности и распространению влияния за рубежом через идеологию. Ср.: *In the case of the «civilizational» discourse of the Russian information war, there are two main purposes. The more general one is to ennoble Russia's international role. In terms of interstate politics, Putin's Russia is clearly a rogue. <...> Russia's other purpose is subversion and exertion of influence abroad through ideology* (The Hill. 20.02.2017). – *В случае «цивилизованного» дискурса российской информационной войны есть две основные цели. Более общая – облагородить внешнеполитическую роль России. С точки зрения межгосударственной политики путинская Россия явно является изгоем. <...> Другая цель России – подрывная деятельность и оказание влияния за рубежом через идеологию.*

Не менее важными целеустановками, по данным американских СМИ, являются деморализация и дезориентация западных обществ. Ср.: *The Russian recipe for propaganda is to mix truth with lies and misinterpretations. The resulting cocktail is used to demoralize and disorientate the targeted societies, and gain soft power in support of Kremlin's policies* (The Hill. 20.02.2017). – *Рецепт российской пропаганды – смешивать правду с ложью и неверными толкованиями. Полученный коктейль используется для деморализации и дезориентации целевых обществ и получения мягкой власти в поддержку политики Кремля.*

В ряде контекстов указывается на подрыв доверия к западным политическим институтам. Ср.: *For example, how should we treat Russian election hacking and information warfare? <...> To retaliate, the Kremlin adapts the tactics, combining a long tradition of information warfare and propaganda with available means – social media, cable networks, troll houses – to counterattack and undermine public confidence in Western political institutions* (War on the Rocks. 06.02.2017). – *Например, как мы должны относиться к российскому вмешательству в выборы и информационной войне? <...> Чтобы отомстить, Кремль адаптирует тактику, сочетая давние традиции информационной войны и пропаганды с доступными средствами – социальными сетями, кабельными сетями, домами троллей – для контратаки и подрыва доверия общественности к западным политическим институтам.*

В год проведения американских выборов журналисты акцентируют внимание на цели России оказать определяющее влияние на политические результаты. При этом информационная война отождествляется с умело проводимой кибервойной. Ср.: *Combining a traditional form of cyber operation (the actual email hacks) with targeted releases to affect a political outcome (information warfare), the Russian government has innovated a type of cyberwarfare that is catching both the media and policymakers off guard* (War on the Rocks, 29.09.2016). – *Сочетая традиционную форму кибероперации (взлом электронной почты) с целевыми релизами для оказания влияния на политический результат (информационная война), российское правительство внедрило тип кибервойны, который заставит врасплох как СМИ, так и политиков.*

Каналы ведения ИПВ. Говоря военным языком, это театр военных действий – виртуальное пространство, в пределах которого осуществляется информационно-психологическое противоборство: *social media* (социальные сети), *cable networks* (кабельные каналы), *broadcast media* (вещательные медиа), *government-controlled media* (подконтрольные правительству медиа). Ср. заголовок: *As information warfare on social media has continued to escalate in the Trump era* (Mother Jones, 07.09.2017). – *Как информационная война в социальных сетях продолжает эскалацию в эпоху Трампа.*

Подчёркивается, что война ведётся через серверы-посредники, которые, как известно, позволяют подменить местоположение и обойти ограничения на доступ к другим сайтам и сервисам. Ср.: *Russia is prosecuting an information war – and this is a proxy war being conducted primarily over*

and through broadcast media and social media (The Irish Times. 09.03.2018). – **Россия ведёт информационную войну – и это прокси-война, которая в основном осуществляется через вещательные СМИ и социальные сети.**

Многократно предпринимаются попытки контекстуально установить тесную ассоциацию российских медиа с концептами *ложь* и *дезинформация*. Ср.: *In today's Russia, by contrast, the idea of truth is irrelevant. On Russian 'news' broadcasts, the borders between fact and fiction have become utterly blurred* (<https://www.theatlantic.com/> 09.09.2014). – **В современной России, напротив, правда не имеет значения. В российских новостях границы между фактом и вымыслом стали совершенно размытыми.**

При этом воздействие на читателей производится на психоэмоциональном уровне, что, например, отражается в семантике лексем *chaos, fears*. Ср.: *As Mother Jones has reported, during the campaign Trump and his associates ran with Russian-planted stories that appealed to chaos and fears rather than facts* (Mother Jones. 07.09.2017). – По свидетельству журнала «Mother Jones», во время предвыборной кампании Трамп и его соратники не гнушались историй, **подброшенных русскими, которые апеллировали к хаосу и страхам, а не фактам.**

Войска ИПВ. В американских СМИ отмечается, что в России созданы специальные воинские формирования – войска информационных операций. Ср.: *On 22 February, the Russian minister of defense Sergei Shoigu said that Russia had established a dedicated information warfare force (voyska informatsionnykh operatsiy: VOI) within the formal structures of the Ministry of Defence* (<http://www.janes.com>. 27.02.2017). – 22 февраля министр обороны России Сергей Шойгу заявил, что в России созданы **специальные силы информационной войны (войска информационных операций: ВИИ)** в рамках официальных структур Министерства обороны.

Операции ИПВ. К числу спланированных действий России, при помощи которых оказывается информационно-психологическое воздействие на противника, относятся: *cyber operation* (кибероперация), *cyberattacks* (кибератаки), *hacker attacks* (атаки хакеров), *cyber-sabotage* (киберсаботаж), *information operations* (информационные операции), *drone attacks* (атаки беспилотников), *email hacks* (взлом электронной почты), *attack on private correspondence* (атаки на частную переписку), *fear-mongering Russian propaganda* (вселяющая ужас российская пропаганда), *government-backed propaganda* (пропаганда, поддерживаемая правительством), *fake Russian propaganda accounts* (поддельные аккаунты российской пропаганды), *prolific spheres of disinformation* (обширные области дезинформации).

Подчёркивается целенаправленная деятельность России по ведению информационных операций, отмечается их сложность и масштабный характер. Ср.: *This use of information warfare as a primary tool of warfare was put into play during the Euromaidan crisis in Ukraine, and later during the ongoing conflict in the Donbass region of Eastern Ukraine. Russia's information operations about Ukraine have been so sophisticated and so extensive that it has*

become its own genre of research (War on the Rocks. 29.09.2016). – Это использование информационной войны как основного инструмента ведения войны было введено в действие во время кризиса Евромайдана в Украине, а затем и во время продолжающегося конфликта в Донбассе на востоке Украины. **Информационные операции России в Украине настолько сложны и обширны, что это стало самостоятельным жанром исследования.**

Признаётся факт мощного психологического воздействия на сознание людей посредством комбинации операций, которые ведут к перекраиванию реальности, созданию массовых галлюцинаций и стимулируют деструктивные политические действия. Ср.: *The new Russia doesn't just deal in the petty disinformation, forgeries, lies, leaks, and cyber-sabotage usually associated with information warfare. It reinvents reality, creating mass hallucinations that then translate into political action* (<https://www.theatlantic.com/> 09.09.2014). – **Новая Россия не просто занимается мелкой дезинформацией, фальсификациями, ложью, утечками информации и киберсаботажем, обычно связанными с информационной войной. Она перекраивает реальность, создавая массовые галлюцинации, которые затем превращаются в политические действия.**

Средства ведения ИПВ. Арсенал активных средств включает: *bots* (роботы-компьютеры, от англ. *botnet* (ботсеть) = *robot* + *network*), *trolls* (тролли, или интернет-провокаторы), *forgeries* (фальсификации), *hoaxes* (мистификации), *lies* (распространение лжи), *leaks* (утечки информации), *robocalls* (автозвонки, от англ. *robot* + *call*). В последнем случае речь идёт об автоматизированных телефонных звонках, которые передают заранее записанное сообщение политического или экономического характера. Ср.: *Whether it's robocalling people perceived as hostile to the Russian government or launching intricately scripted hoaxes, it's all believed to be a part of the Russian military's new information warfare division – designed specifically to fight the U.S. and the West* (WTOP, 20.09.2017). – **И автозвонки людям, предположительно враждебно настроенным к российскому правительству, и распространение хитроумных мистификаций – все это является частью работы нового подразделения информационной войны российских военных, созданного специально для борьбы с США и Западом.**

Заключение

Идеологическое миромоделирование в американских СМИ способствует рациональному и иррациональному усвоению читательской аудиторией негативных представлений о России. Идеологическая позиция американских журналистов преимущественно формализуется в медиадискурсе, рассматриваемом в совокупности когнитивных, социальных, культурных, исторических и политических факторов. Новостные и информационно-аналитические статьи являются основными источниками данных о дискурсивном мире информационно-психологической войны, в котором на

регулярной основе объективируется ключевая идеологема новейшей истории «Россия – противник Запада». Её значение формируется разнообразными семиотическими средствами в результате употребления в контекстах, описывающих противоборство. В *когнитивном плане* новоидеологема является ментальной схемой, влияющей на производство и понимание медиадискурса. С точки зрения *оценочного потенциала* она имеет выраженный отрицательный аксиологический модус: формируется система мировоззренческих ориентаций читателей, ядром которой является осуждение России как внешнеполитического оппонента. В *прагматическом плане* актуализация идеологемы направлена на поддержку доминирующей политической позиции США, которая в первой четверти XXI в. прочно ассоциируется с понятием русофобии. Специфика *дискурсивной реализации* идеологемы устанавливается в сложной совокупности характеристик, формирующих представления о том, что Россия ведёт информационную войну против Запада, размах которой фиксируют параметры: актор ИПВ, характер ИПВ, цели и задачи ИПВ, каналы ведения ИПВ, войска ИПВ, операции ИПВ, средства ведения ИПВ.

Представляется, что дальнейшее изучение особенностей идеологического миромоделирования в иноязычных средствах массовой коммуникации целесообразно для разработки лингвистических основ противодействия информационно-психологическим угрозам в медиасреде и обеспечения защищённости национальных интересов России в информационной сфере.

Литература

1. Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М. : ЛИБРОКОМ, 2014. 344 с.
2. Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М.Н. Володиной. М. : Академический проект, 2011. 332 с.
3. Титова А. Формирование внешнеполитической модели США // Русский переплёт. 2006. URL: <http://www.pereplet.ru/text/titova.html>
4. Кушнерук С.Л. Развитие теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования за рубежом и в России // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 115–125.
5. Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. London : Longman, 1999. 390 p.
6. Gavins J. The Text World Theory: An Introduction. Edinburgh Univ. Press, 2007. 193 p.
7. World Building: Discourse in the Mind / eds. by J. Gavins, E. Lahey. Bloomsbury, 2016. 296 p.
8. Lahey E., Cruickshank T. Building the Stages of Drama: Towards a Text World Theory Account of Dramatic Play Texts // J. of Literary Semantics. 2010. № 39 (1). P. 67–101.
9. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1994. 240 p.
10. Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. Stanford : Stanford Univ. Press, 1987. 540 p.
11. Fillmore C.J. Frame Semantics // Linguistics in the Morning Calm / ed. by The Linguistic Soc. of Korea. Seoul : Hanshin Publ., 1981. P. 111–138.
12. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1987. 373 p.

13. Dijk T. A. van. Cognitive Context Models and Discourse // Language Structures, Discourse and the Access to Consciousness. Amsterdam : John Benjamin's, 1997. P. 189–226.
14. *Интерпретация мира в языке*. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 19–81.
15. Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10–20.
16. Демьянков В.З. Трансфер знаний и когнитивная манипуляция // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 4. С. 5–13.
17. Гафурова М.Ю. Социально-философский анализ феноменов проективности языка (в пространстве между индивидуальным, социальным и общественным) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2008.
18. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М. : Смысл : Академия, 2005.
19. Ионова С.В. Проекция текста в аспекте вторичной текстовой деятельности // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 47–53.
20. *Картины русского мира: современный медиадискурс* / З.И. Резанова [и др.] ; ред. З. И. Резанова. Томск : ИД СК-С, 2011. 288 с.
21. Мишанкина Н.А. Специфика метафорического моделирования научного дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 1 (022). С. 37–46.
22. Кушнерук С.Л. Медиареальность информационно-психологической войны (на материале британских газет и новостных сайтов) // Политическая лингвистика. 2018. № 4 (70). С. 47–54.
23. Кушнерук С.Л. Дискурсивный мир информационно-психологической войны в британских интернет-СМИ // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 4 (15). С. 79–91.
24. Грицанов А.А. Идеология // Постмодернизм : энцикл. Минск : Интерпрессервис: Книжный дом, 2001. С. 302.
25. Вепрева И.Т., Шадрина Т.А. Идеологема и мифологема: интерпретация терминов // Научные труды профессоров Уральского ин-та экономики, управления и права. Екатеринбург, 2006. С. 120–131.
26. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград : Перемена, 2004. 340 с.
27. *Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов* / под ред. М.Н. Володиной. М. : Академический Проект: Альма Матер, 2008. 760 с.
28. Chomsky N. Media Control: the spectacular achievements of propaganda. New York : Seven Stories Press, 1997. 59 p.
29. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. Москва : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2001. 656 с.
30. Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов. М. : Академический Проект : Альма Матер, 2008. С. 6–24.
31. Бахтин М.М. Слово в романе // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. 504 с.
32. Кутина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург ; Пермь, 1995. 144 с.
33. Гусейнов Г.Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М. : Три квадрата, 2003. 272 с.
34. Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 23–31.
35. Чудинов А.П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2012. 256 с.
36. Торохова М.В. Идеологема «террор» в ивритоязычной палестинской периодике 1946–1948 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
37. Одесский М.П., Фельдман Д.М. Идеологема «патриот» в русской, советской и постсоветской культуре // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 109–123.

38. Нахимова Е.А. Прецедентное имя *Керенский* в современных отечественных СМИ // Политическая лингвистика. 2008. № 1. С. 48–55.
39. Нахимова Е.А. Мифологема *Александр Невский* в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2010. № 3. С. 105–108.
40. Нахимова Е.А. Идеологема «Сталин» в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2011. № 2. С. 152–156.
41. Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 62 с.
42. Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4. С. 32–40.
43. Клушина Н.И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 54–58.
44. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary. New Digital Edition, 2008. URL: <http://lingvodics.com/dics/details/679/>

Ideological World Modelling in American Media Discourse

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 67. 92–111. DOI: 10.17223/19986645/67/5

Svetlana L. Kushneruk, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: Svetlana_kush@mail.ru

Keywords: world modelling, discourse-world, representational structure, ideologeme, information and psychological warfare, media discourse, mass communication, American media, mass media language.

The article focuses on the phenomenon of ideological world modelling in American media discourse. The premise is that media managers intentionally represent a particular stance on political matters. The research draws on world modelling theory that is traced back to European and Russian theories, which emphasize the importance of studying discourse in terms of representational structures, the main being discourse-world and text-world. The author limits the study to a three-fold objective: to characterise discourse-world as a representational structure that is created in American mass media, to identify and to analyse a key ideologeme of the current time that engenders ideas about informational, psychological, and ideological confrontation of foreign policy opponents. To reach the objectives, the author follows the discourse-analytical perspective outlined by T. van Dijk. The analysis involves contexts from American high-quality press—newspapers and news sites that cover the period of 2010–2018. The most influential are *The New York Times*, *The Washington Post*, *The Irish Times*, *War on the Rocks*, *WTOP*, *Mother Jones*, *The Atlantic*. The employed methods are semiotic and corpus analysis, ideological analysis, and componential analysis. The approach to the study of media discourse is based on an assumption that in the context of deterioration of political relations between the USA and Russia, the discourse-world of information and psychological warfare serves as a background for profiling the new ideologeme of the first quarter of the 21st century, namely “Russia—opponent of the West”. The discourse-world of information and psychological warfare is textualized in an aggregate of media texts united by the theme of confrontation and war. It is treated as a conceptually complex representational structure, which reflects the balance of forces in the global world of politics and forms the idea of strong ideological confrontation between Russia and the West. It is argued that the revealed ideologeme is a mental schema possessing ideologically marked features. They comprise negative characteristics of Russia as enactor of information and psychological warfare. The systematization of the characteristics has revealed the scope of confrontation according to the following parameters of information and psychological warfare: initiator, intensity, main objectives, channels, forces, operations, weapons. The evaluation potential of the ideologeme is one-dimensional as negative axiological expression dominates in American

media discourse. The image of Russia is demonised in the eyes of the world community. In pragmatic terms, world-modelling is aimed at supporting the current political stance of the USA, which is associated with Russophobia. This results in representing Russia as a hindrance to the civilizational development of the West. The conclusion might present interest for working out measures to ensure the protection of national interests of Russia in the information sphere.

References

1. Van Dijk, T.A. (2014) *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. Moscow: LIBROKOM.
2. Volodina, M.N. (ed.) (2011) *Yazyk i diskurs sredstv massovoy informatsii v XXI veke* [Language and Discourse of the Mass Media in the 21st Century]. Moscow: Akademicheskii proekt.
3. Titova, A. (2006) Formirovanie vneshnepoliticheskoy modeli SShA [Formation of the USA foreign policy model]. *Russkiy pereplet*. [Online] Available from: <http://www.pereplet.ru/text/titova.html>.
4. Kushneruk, S.L. (2018) The development of cognitive-discourse world-modelling theory in European and Russian linguistics. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 4. pp. 115–125. (In Russian).
5. Werth, P. (1999) *Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse*. London: Longman.
6. Gavins, J. (2007) *The Text World Theory: An Introduction*. Edinburgh University Press.
7. Gavins, J. & Lahey, E. (eds) (2016) *World Building: Discourse in the Mind*. Bloomsbury.
8. Lahey, E. & Cruickshank, T. (2010) Building the Stages of Drama: Towards a Text World Theory Account of Dramatic Play Texts. *Journal of Literary Semantics*. 39 (1). pp. 67–101. DOI: 10.1515/jlse.2010.004
9. Fauconnier, G. (1994) *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Langacker, R. (1987) *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. 1. Stanford: Stanford University Press.
11. Fillmore, C.J. (1981) Frame Semantics. In: *Linguistics in the Morning Calm*. Seoul: Hanshin Publ. pp. 111–138.
12. Lakoff, G. (1987) *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: University of Chicago Press.
13. Dijk, T. A. van. (1997) Cognitive Context Models and Discourse. In: Stamenov, M.I. (ed.) *Language Structures, Discourse and the Access to Consciousness*. Amsterdam: John Benjamin's. pp. 189–226.
14. Babina, L.V. et al. (2017) *Interpretatsiya mira v yazyke* [Interpretation of the World in Language]. Tambov: Derzhavin Tambov State University. pp. 19–81.
15. Boldyrev, N.N. (2016) Cognitive schemas of linguistic interpretation. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 4. pp. 10–20. (In Russian).
16. Dem'yankov, V.Z. (2017) Knowledge transfer and cognitive manipulation. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 4. pp. 5–13. (In Russian).
17. Gafurova, M.Yu. (2008) *Sotsial'no-filosofskiy analiz fenomenov proektivnosti yazyka (v prostranstve mezhd individual'nym, sotsial'nym i obshchestvennym)* [Socio-philosophical analysis of the phenomena of language projectivity (in the space between the individual, social and public)]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Kazan.
18. Leont'ev, A.A. (2005) *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of Psycholinguistics]. Moscow: Smysl: Akademiya.
19. Ionova, S.V. (2008) Proektsiya teksta v aspekte vtorichnoy tekstovoy deyatel'nosti [Projection of the text in the aspect of secondary text activity]. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*. 7. pp. 47–53.

20. Rezanova, Z.I. (ed.) (2011) *Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs* [Pictures of the Russian World: Modern Media Discourse]. Tomsk: ID SK-S.
21. Mishankina, N.A. (2010) Specificity of metaphorical modelling of the scientific discourse. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 1 (022). pp. 37–46. (In Russian).
22. Kushneruk, S.L. (2018) Media reality of information-psychological war (on the material of British press and news sites). *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4 (70). pp. 47–54. (In Russian).
23. Kushneruk, S.L. (2018) Discourse-world of information-psychological war in the British online media. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*. 4 (15). pp. 79–91. (In Russian).
24. Gritsanov, A.A. (2001) *Postmodernizm. Entsiklopediya* [Postmodernism. Encyclopedia]. Minsk: Interpresservis; Knizhnyy dom.
25. Vepreva, I.T. & Shadrina, T.A. (2006) Ideologema i mifologema: interpretatsiya terminov [Ideologeme and mythologeme: interpretation of terms]. In: *Nauchnye trudy professorov Ural'skogo in-ta ekonomiki, upravleniya i prava* [Scientific Works of Professors of the Ural Institute of Economics, Management and Law]. 3. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 120–131.
26. Slyshkin, G.G. (2004) *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty* [Linguocultural Concepts and Meta-Concepts]. Volgograd: Peremena.
27. Volodina, M.N. (ed.) (2008) *Yazyk sredstv massovoy informatsii* [Language of the Media]. Moscow: Akademicheskii proekt; Al'ma Mater.
28. Chomsky, N. (1997) *Media Control: the spectacular achievements of propaganda*. New York: Seven Stories Press.
29. Pocheptsov, G.G. (2001) *Teoriya kommunikatsii* [Communication Theory]. Moscow: Refl-buk; Kiev: Vakler.
30. Volodina, M.N. (ed.) (2008) *Yazyk sredstv massovoy informatsii* [Language of the Media]. Moscow: Akademicheskii proekt; Al'ma Mater. pp. 6–24.
31. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 72–233.
32. Kupina, N.A. (1995) *Totalitarnyy yazyk: Slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian Language: Vocabulary and Speech Reactions]. Yekaterinburg; Perm: Ural State University.
33. Guseynov, G.Ch. (2003) *Sovetskie ideologemy v russkom diskurse 1990-kh* [Soviet Ideologemes in the Russian Discourse of the 1990s]. Moscow: Tri kvadrata.
34. Zemskaya, E.A. (1996) Klishe novoyaza i tsitatsiya v yazyke postsovetского obshchestva [Newspeak clichés and citation in the language of post-Soviet society]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1. pp. 23–31.
35. Chudinov, A.P. (2012) *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka.
36. Torokhova, M.V. (2006) *Ideologema "terror" v ivritoyazychnoy palestinskoy periodike 1946–1948 gg.* [The ideologeme "terror" in the Hebrew-speaking Palestinian periodicals 1946–1948]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
37. Odesskiy, M.P. & Fel'dman, D.M. (2008) Ideologema "patriot" v russkoy, sovetской i postsovetской kul'ture [Ideologeme "patriot" in Russian, Soviet and post-Soviet culture]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 1. pp. 109–123.
38. Nakhimova, E.A. (2008) Precedent name Kerenskiy in modern Russian mass media. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 1. pp. 48–55. (In Russian).
39. Nakhimova, E.A. (2010) Mythologem Alexander Nevsky in contemporary mass communication. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 3. pp. 105–108. (In Russian).
40. Nakhimova, E.A. (2011) Ideologem Stalin in contemporary mass media. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 2. pp. 152–156. (In Russian).

41. Klushina, N.I. (2008) *Intentsional'nye kategorii publitsisticheskogo teksta (na materiale periodicheskikh izdaniy 2000–2008 gg.)* [Intentional categories of publicistic text (based on the material of periodicals 2000–2008)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
42. Malysheva, E.G. (2009) Ideologem as lingo-cognitive phenomenon: definition and classification. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4. pp. 32–40. (In Russian).
43. Klushina, N.I. (2014) The theory of ideologeme. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4 (50). pp. 54–58. (In Russian).
44. Collins COBUILD. (2008) *Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary*. New Digital Edition. [Online] Available from: <http://lingvodics.com/dics/details/679/>.

УДК 81'366.58

DOI: 10.17223/19986645/67/6

И.П. Матханова

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДВУВИДОВЫХ ДЕАДЪЕКТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ (МОГУТ ЛИ БИАСПЕКТИВЫ БЫТЬ ПРЕДИКАТАМИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ?)¹⁴

Обсуждается проблема выделения акциональных классов двувидовых глаголов на примере группы слов, образованных от прилагательных при помощи суффикса -изирова- со значением 'обобщенное название разнородных действий, направленных на достижение цели, называемой мотивирующим словом' (американизировать, оптимизировать и др.). На основании словообразовательного, референтного и аспектуального анализа высказываний с двувидовыми деадъективными глаголами эта группа отнесена к предикатам деятельности.

Ключевые слова: русские двувидовые глаголы, предикаты деятельности, совершенный и несовершенный вид, референция.

Вводные замечания

Определение акциональных классов (семантические типы, таксономические / онтологические категории) двувидовых глаголов ставит перед исследователем сложную задачу. С одной стороны, в существующих классификациях эти глаголы специально не рассматриваются, несмотря на свою специфику, которая требует уточнения их характеристики. С другой стороны, при исследовании биаспективов недостаточно внимания уделяется семантическим основаниям сохранения двувидовости.

Описание русских биаспективов в лингвистике чаще всего затрагивает их происхождение, количественный состав, видовую коррелятивность и ее динамику, нахождение диагностических контекстов для определения видовых значений (Ю.С. Маслов, И.П. Мучник, Л.П. Бирюкова, Л.П. Демиденко, М.Ю. Чертова и П.Ч. Чанг, Е.А. Горобец, L. Janda, F. Gladney и др.). Можно отметить отдельные замечания относительно семантических групп двувидовых глаголов в работах М.А. Шелякина [1], Н.С. Авиловой [2], L. Janda [3] и некоторых префиксальных биаспективов у Г.И. Пановой [4]. Корпус русских двувидовых глаголов (по подсчетам Е.Н. Горобец [5], их около 1400, а Н.Н. Перцова [6] – более 900) с семантической точки зрения весьма неоднороден, и это подтверждается различиями их аспектуального поведения. Одни группы сохраняют свою двувидовость, другие образуют суффиксальные или префиксальные корреляты совершенного (СВ) и несо-

---

¹⁴ Отдельные фрагменты этой работы были использованы в докладе на международной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии (памяти А.А. Зализняка)». М., 2019.

вершенного вида (НСВ) наряду с двувидовостью, третьи переходят в парные, четвертые становятся одновидовыми. Представляется, что нельзя свести все разнообразие к одному семантическому типу, указать одну причину существования данного феномена. Более продуктивным может быть выделение нескольких семантических групп с общими свойствами, и это позволит перейти к аргументированным обобщениям.

В данной статье предпринимается попытка охарактеризовать одну из групп биаспективов с опорой на общие для ее членов семантические признаки и определить их семантический тип. Не все деадъективные глаголы включаются в словообразовательные типы с этим значением, многие требуют дополнительного изучения. В группу включаются глаголы, образованные от имен прилагательных со значением 'обобщенное название разнородных действий, которые в своей совокупности направлены на достижение цели, называемой мотивирующим словом', такие как: *американизировать*, *исламизировать*, *большевизировать*; *оптимизировать*, *военизировать*; *систематизировать*, *стандартизировать*. Ср.: *Ведь если за сто лет поляков не удалось ни русифицировать, ни германизировать, если за сорок пять лет советского ига из нас не удалось сделать сторонников коммунистического устройства – это о чем-то говорит* (В. Молчанов, К. Сегура); *Несвойственная нашим чиновникам быстрота в принятии решений... объясняется необходимостью... активизировать импортозамещение, а также стабилизировать цены на продовольствие* (Л. Калянина, А. Лабыкин); *Мы обобщаем, систематизируем исследования, выпускаем специальные атласы...* (М. Бронфин). Эти глаголы имеют общие лексико-грамматические характеристики, модель их образования является продуктивной, новые слова, созданные по этой модели, также являются биаспективами).

Материалом для исследования послужили высказывания с глаголами указанного типа (около 70 лексем), извлеченные из Национального корпуса русского языка и полученные путем точечного поиска в интернете, общим объемом более 1 000 примеров.

Интегральный подход, используемый в работе, опирается на теорию категориальных ситуаций, разработанную А.В. Бондарко [7], учитывает взаимодействие системы и среды, реализуемой в высказывании.

Состав класса деадъективных биаспективов, их лексико-словообразовательная характеристика

В анализируемую группу двувидовых деадъективных глаголов (далее – ДДГ) включены три продуктивные подгруппы, выделяемые на основании общности словообразовательных типов: они образованы от прилагательных при помощи суффикса *-изирова(ть)* со следующими значениями: 1) 'придать / придавать кому-чему-л. черты того образа жизни, который назван мотивирующим словом': *европеизировать*, *русифицировать*, *украинизировать*; *христианизировать*, *исламизировать*; *пролетаризировать*,

большевизировать и под.; 2) 'произвести / производить различные действия, направленные на приобретение несколькими объектами общего свойства, названного мотивирующим прилагательным': *оптимизировать, индустриализировать, криминализировать* и др.; 3) 'совершить / совершать действия, приводящие объекты к единообразию или включению в систему правил': *стандартизировать, систематизировать* и др.

Выбор данной группы обусловлен недостаточной изученностью ДДГ этого типа, обладающих общей словообразовательной, морфологической и семантической спецификой. ДДГ на *-изировать* составляют значительную долю двувидовых глаголов, их, по нашим подсчетам, около 10% от общего числа (около 140 деадъективных глаголов) словаря, зафиксированного Е.Н. Горобец; все чаще становятся более употребительными, чем их варианты на *-овать* (ср.: *популяризировать* и *популяризовать, стабилизировать* и *стабилизовать*); активно пополняются новыми глаголами, в том числе окказиональными (*цифровизировать, бананизировать*), не зафиксированными в словарях; они обладают устойчивой биаспективностью.

При характеристике деадъективных глаголов (не биаспективов) ([8, 9] и др.) основное внимание уделяется глаголам на *-е(ть)*, *-ну(ть)*, *-а(ть)*, *-нича(ть)*, *-и(ть)*, реже *-ствова(ть)*. Глаголы на *-изирова(ть)* изучены в гораздо меньшей степени, а они имеют определенные отличия. Этот суффикс по происхождению иноязычный, получивший, по выражению В.В. Виноградова, статус «полузаимствованного» [10], встречающийся как в заимствованных, так и в собственно русских словах, имеющий обобщенное значение 'действие, которое имеет отношение к тому, что названо словами, от которых соответствующий глагол образован' [11].

Одна из особенностей ДДГ заключается в том, что с точки зрения синхронного словообразования, от подобных глаголов должны образовываться однокоренные абстрактные существительные по образцу: *упрямый* → *упрямиться* → *упрямство*, *стерильный* → *стерилизовать* → *стерилизация*. Но наблюдение за современными деривационными процессами показывает, что в языке сначала появляется абстрактное существительное на *-(а)ция* а вслед за ним соответствующий глагол: *цифровизация* → *цифровизировать*, *примитивизация* → *примитивизировать*, *оптимизация* → *оптимизировать*. Иными словами, однокоренные абстрактные существительные оказывают существенное влияние на возможность образования ДДГ.

ДДГ образуются от прилагательных, соотносящихся одновременно с несколькими признаками / свойствами обозначаемой ситуации. Ср. толкование прилагательных **ЕВРОПЕЙСКИЙ** – прил. к Европа, относящийся к **народам и государствам** Западной Европы, к их **культуре** [12] (выделено мною. – И.М.); **ОПТИМАЛЬНЫЙ** – Наиболее благоприятный, наилучший, соответствующий **желательным** условиям [Там же]. Их референция во многом зависит от определяемого объекта, причем в каждом случае актуализируется какое-то одно или несколько свойств, они близки в этом плане к оценочным прилагательным типа *хороший*.

Во всех анализируемых подгруппах ДДГ появляется новый *идиоматический* компонент 'совокупность ряда актов, обладающих общей длительностью', прямо не вытекающий ни из значения мотивирующего прилагательного, ср. отсутствие подобного компонента в двувидовых глаголах *абсолютизировать* ('признавать абсолютным'), *идеализировать* ('представлять лучше, чем есть в действительности, наделять идеальными свойствами' и др. Этот идиоматический компонент в значении ДДГ содержит соотношение с несколькими имплицитными актами, в отличие от других деадъективных глаголов, у которых отсутствует способ спецификации действия, как в случае с глаголом *расширить* (яму). (См. о подобных глаголах [13].)

Рассматриваемые словообразовательные подтипы имеют не только сходные черты, но и отличия. Семантическое своеобразие каждого в значительной степени зависит от особенностей лексического значения мотивирующего прилагательного. При образовании глаголов первого подтипа важным является сложное представление об образе, укладе жизни, достижении которого предполагает совершение различных неназываемых действий: АМЕРИКАНИЗИРОВАТЬ – привить (прививать) кому- чему-л. черты американского образа жизни [12]; ЕВРОПЕИЗИРОВАТЬ, перестроить (перестраивать) на европейский лад, на европейский образец [12]. Во втором и третьем словообразовательных типах «за кадром» остается ситуация распространения действий (однородных и разнородных) на большое количество объектов, находящихся в одном или разных местах, что часто представлено в иллюстративном материале словарей, где объекты выражены существительными во мн. ч. или представляют собой какое-то сложное устройство. Напр.: ОПТИМИЗИРОВАТЬ – придать (-авать) чему-н. оптимальные свойства, показатели. *О. систему управления* [14]; СТАНДАРТИЗИРОВАТЬ – делать (сделать) стандартным. *Стандартизировать производство* [12].

Отмеченные лексико-словообразовательные свойства анализируемых ДДГ наряду с грамматическими характеристиками во многом предопределяют их способность относиться к предикатам деятельности.

Субъектно-объектная характеристика деадъективных биаспективов

В высказываниях с ДДГ можно проследить, что они соотносятся с совокупностью разнородных действий, напр.: *Мы оптимизируем (НСВ) систему оказания государственных... услуг. ...Можно, не выходя из дома, подать заявление на получение паспорта, узнать размер своих пенсионных накоплений, поставить на учет личный транспорт...* (Дм. Медведев), а также: *Предприниматель... оптимизирует (НСВ) производство: обновляет (НСВ) станковый парк, выигрывает (НСВ) тендер, внимательно следит (НСВ) за качеством...* (Д. Карцев, С. Борисов).

Таким образом, эти глаголы не имеют постоянной референтной соотнесенности и в каждой новой ситуации обобщают разные действия, но «рас-

шифровка» действий, лежащих в основе обобщения, дается в относительно немногих случаях, в большинстве высказываний конкретные акты остаются «за кадром».

Важную роль в идентификации ситуации играют **объекты**. Все ДДГ на -ировать являются переходными (другие биаспективы бывают и непереходными, напр.: *апеллировать, манкировать, мигрировать*); акты, включаемые в их семантику, воздействуют на объекты, но новое качество возникает не вследствие воздействия отдельного акта на определенный объект, а только в том случае, если результата достигает вся совокупность объектов. В большинстве анализируемых высказываний встречаются неединичные и сложносоставные объекты, например номинации групп людей как некоей общности (национальной, религиозной, социально-политической: *русифицировать поляков, исламизировать армян, военизировать рабочих, активизировать элиту, политиков*), стран / государств и территорий с населяющими людьми (*край, Россия, Турция, Кавказ*), артефактов и их совокупностей (*изделия, аппараты, оборудование*). В качестве объектов часто выступают номинации, относящиеся к сфере культуры, здравоохранения, образования, экономики и т.д. (*культура, искусство, обряды, мышление, промышленность, экономика*). Единичные объекты редки, в этом случае сохраняется соотношение с несколькими ситуациями на протяжении длительного времени: *Новая семья сильно русифицировала меня. Я научился не пить, а осаживаться водкой, научился опохмеляться так основательно, что это нередко переходило в новую пьянку... плясать русскую и польку-бабочку...* (Ю. Нагибин).

Объекты в высказываниях с ДДГ выполняют еще одну функцию: они определяют сферу референции. В этом плане для каждого из подтипов характерны свои предпочтения: для первого подтипа – культура, обряды, наука, речь, названия национальных и социальных групп, стран и территорий и под.; для второго – работа, деятельность, система, экономика, предприятия, техника, механизмы, торговля, банки; для третьего – знания и опыт, информация, теории, факты, документы и пр.

Для характеристики высказываний с ДДГ значительна роль **субъекта**. На основании характеристики этого участника ситуации выделяются два типа ситуаций: деятельности с субъектом-агентом и тенденции (по классификации Т.В. Булыгиной) с неактивным субъектом (эти высказывания не являются предметом данной работы): *Мы рассчитываем, что в течение 2010 года стабилизируем ситуацию в стране* (Ю. Тюрдьо) и: *Они [фитопатогены]... стабилизируют давление...* (О. Бочарова).

Агентами в высказываниях с ДДГ выступают представители определенных национальных, социальных, религиозных и других групп, что выражается самыми разными способами: личными местоимениями (*мы, они*), существительными-номинациями лиц, стран, организаций (*Европа, СССР, банки, милиция*), включая косвенные указания на ту или иную группу лиц. В качестве группового субъекта могут быть представлены абстрактные существительные *идеология, учение, церковь, культура, язык, поэзия* и под., соотно-

сящиеся с их адептами. К ним примыкают слова типа *стремление, старание, задача, вопрос, требование* в позиции грамматического субъекта, распространитель при которых указывает на субъекта-инициатора: *Стремление Атамюрка европеизировать Турцию не прошло бесследно* (В. Овчинников); *...Идея Илларионова создать стабилизационный фонд... призыв к **правительству** активизировать реформы уже сейчас...* (М. Блант). В этих случаях может наблюдаться различие между субъектом-инициатором (Илларионов) и субъектом-исполнителем (*правительство*). Встречаются и индивидуализированные субъекты (авторы текстов, теорий, концепций), у которых совпадают ипостаси инициатора и исполнителя, как правило: *...Гонорий мог позаимствовать отдельные описания у Амвросия, Августина, Григория Великого, Бэды Достопочтенного... однако он первым **систематизировал** их, объединив в целостную картину преисподней* (А. Гуревич).

Контролируемость ситуации проявляется и в способности образовать форму повелительного наклонения (у второй и третьей подгруппы): *Присутствуйте на заседаниях, участвуйте в покупках коллективных подарков... **оптимизируйте** труд других...* (А. Шубин); *Отпустите меня на китайскую границу... а Гремячий **пуцай** Андрюшка Размётнов **коллективизирует*** (М. Шолохов). Кроме того, могут использоваться другие способы выражения предписаний, с модальными предикативами *надо, необходимо, следует* и под.: *В настоящее время России **следует активизировать** усилия по созданию образцов вооружений и военной техники, чтобы не только не растерять прежних покупателей, но и расширить зону поставок...* (П. Захаров); *Ваши заводы работают недостаточно, вам **нужно милитаризировать** рабочих* (С. Бабаян). Нечастое употребление форм повелительного наклонения, а также неспособность глаголов первой подгруппы иметь эту форму объясняются тем, что в высказываниях не всегда совпадают субъект-инициатор и субъект-исполнитель, субъектами-исполнителями часто являются многие лица, которые совершают не одно конкретное действие, а целый их комплекс, часто разнородных и не всегда зависящих только от одного субъекта. Каждое из обобщаемых действий выполняется их субъектами осознанно, они контролируемы, целесообразность выполнения их комплекса может быть актуализирована благодаря целевым распространителям, напр.: *С этой же целью оптимизируют и профиль бортов карьера путем максимального использования прочностных свойств пород...* (Управление развитием рабочей зоны); *Для того чтобы индустриализировать промышленность, надо индустриализировать сельское хозяйство* (Ф. Панферов). Эта целесообразность может быть ясна не конкретным исполнителям, а только тому, кто квалифицирует совокупность действий как одно целое.

Аспектуальная характеристика двувидовых деадъективных глаголов

Взаимосвязь акциональных классов и аспектуальной характеристики глаголов неоднократно обсуждалась в лингвистической литературе, поэтому выявление специфики ДДГ в этом аспекте имеет особое значение.

Видовая характеристика анализируемых слов, с одной стороны, сходна с той, что свойственна парным глаголам, а с другой – имеет свои особенности. Сходство можно увидеть с подгруппой парных глаголов, выделенных Ю.С. Масловым [15. С. 83–85] (*догнал – догонял, добился – добивался*), реализующих значение 'тенденция' – 'осуществление'. Содержание СВ у них «может включать и предшествующее, подготовительное течение процесса», что, по Ю.С. Маслову, способствует сочетаемости с показателями постепенности, ступенчатости процесса (в нашем случае – *постепенно русифицировали, оптимизировали, унифицировали*). Кроме того, достижение результата может быть частичным (*Они уже в значительной степени исламизировали / криминализировали / стандартизировали общество, но после этого события процесс был прерван*).

Что касается особенностей, то они обусловлены, как уже отмечалось, семантикой ДДГ. Эти глаголы, с одной стороны, имплицитно ряд действий, а также их общую длительность, что признается типичным для несовершенного вида (НСВ). С другой стороны, обобщенная номинация представлена как целостный единый факт, и это позволяет выражать значение совершенного вида (СВ). Таким образом, двувидовость этих глаголов предопределена совмещением в одной лексеме набора семантических признаков СВ и НСВ. Реализация в высказывании значения вида или отсутствие видовой определенности зависят типа контекста: партнерского или конфликтного, блокирующего, а также их совмещения, т.е. от типа актуальной ситуации (АС).

Помимо общей характеристики двувидовости важным для ДДГ является спектр реализуемых частных видовых значений. По мнению Л.П. Бирюковой [16], двувидовые глаголы способны реализовать все частные значения, как СВ, так и НСВ. Однако у данной группы существуют определенные предпочтения и запреты в употреблении отдельных частных значений, в их модификации.

Особенности проявления у ДДГ частных видовых значений несовершенного вида. У рассматриваемой группы ДДГ весьма специфической является точка отсчета, так как у них отсутствует позиция наблюдателя в прямом смысле, она замещена субъектом сознания, который обобщает конкретные акты в единое целое. Вследствие этого меняется спектр *частных значений НСВ*, и в первую очередь отметим запрет на употребление в конкретно-процессном (актуально-длительном) значении, для которого характерны «установка высказывания на изображение ситуации в ее развитии» и «ситуация наблюдаемости (перцептивности)» [7]: **Смотри, они европеизируют / христианизируют, оптимизируют что-то*. При отсутствии непосредственной наблюдаемости у ДДГ сохраняется установка на изображение ситуации в ее развитии, синхронная точка отсчета, фиксирующая срединную фазу, – это реализуется в особом частном значении, выделяемом Е.В. Падучевой [17. С. 10], *континуальном*. Субъект сознания находится в позиции, синхронной протеканию совокупного действия. Чаще это значение выражается в формах настоящего времени и актуализиру-

ется при помощи показателей длительности / продолжительности занимаемого обобщенным действием периода, в том числе фиксации его начала или включения в однородный ряд глаголов НСВ: *Между тем АвтоВАЗ оптимизирует работу с дилерами на протяжении как минимум пяти лет* (И. Сирин); *С 2000 года компания оптимизирует управление...* (Новогодние бизнес-рецепты). Значение континуальности реализуется у инфинитивов НСВ в сочетании с фазовыми глаголами: *Когда мы начали восстанавливать промышленность, индустриализировать свою страну... все разведки западноевропейских и восточных империалистических держав направили свое острие на нашу промышленность* (Л. Заковский); *Единая Европа в рамках политики «европеизации» окраин континента продолжает активизировать свою экспансию на постсоветском пространстве...* (А. Казанцев), а также показателями со значением постепенности: *Спокойная работа Государственной думы должна постепенно... европеизировать и демократизировать Россию* (М. Горький). Гораздо реже это значение реализуется у форм прошедшего времени, так как для этого необходимо преодолеть естественную ретроспективную точку отсчета: *На протяжении столетий империя последовательно и агрессивно русифицировала Украину* (С. Кульчицкий).

ДДГ «сопротивляются» реализации типичного для НСВ ограничено- и неограниченно-кратного значения, что можно объяснить уже имеющейся семантикой множественности актов в семантике глагола. Общефактическое и потенциально-качественное значения НСВ проявляются у данных глаголов без особенностей: *Он загоняет иммиграцию в нелегальную область, тем самым криминализует ситуацию* (Е. Гайдар); *...Люди, которые строили заводы, герои строительства, те, которые коллективизировали деревню... создали государство, социалистическую страну, родину!* (Ю. Олеша). Потенциально-качественное значение, характеризующее субъекта по типичным для него действиям, тоже не противоречит семантике ДДГ и без затруднений реализуется в соответствующем контексте: *...Сначала они покупают дырки в законодательстве... а потом «оптимизируют» налоги* (Е. Примаков); *...Космополиты... смело проповедуют «патриотизм», милитаризируют страну для нужд мировой революции...* (К. Иордан).

Особенности проявления у ДДГ частных видовых значений совершенного вида. Репертуар частных значений СВ у ДДГ также имеет свою специфику. Основное частное значение – конкретно-фактическое – является самым употребительным, для его реализации достаточен минимальный контекст, отсутствие блокирующих показателей: *Традиционно в России этот корпус был на высоте. Николай I военизировал его* (Г. Шагиева); *Активизировали свою деятельность и так называемые черные археологи* (В. Гуляев). Вместе с тем можно отметить почти полное отсутствие характерных для СВ показателей неожиданности, выполнения действия в один прием (*вдруг, сразу*) и под. Единичными являются сочетания с частицей *уже*, указания на точную дату (включающую значительный отрезок вре-

мени): *На некоторых заводах... уже оптимизировали число работников в конце прошлого года* (К. Журенков, М. Портнягина).

Часто встречаются распространители, указывающие на полноту / неполноту достижения предела, охвата объектов (*на 100%, предельно / на 20%, несколько, слегка*): *...В этот срок мы не смогли **военизировать на 100%** Общество, имеющее около 200 000 членов...* (Н. Синявский); *Все, что удалось тогда полевым командирам, – так это **предельно милитаризовать** небольшое пространство...* (Ю. Богомолов) и: *По плану первой пятилетки... предполагалось за пять лет **коллективизировать 20 процентов** крестьянских хозяйств...* (Р. Медведев). Такая сочетаемость является специфичной для деадъективной группы глаголов.

В высказываниях с ДДГ может актуализироваться перфектное значение при указании на результат обобщенного действия, названного СВ: *Войско, правда, небольшое. Поскольку численность дипломатов **«оптимизировали»**. Так, что работать некому* (А. Лившиц); *Церковь **христианизовала** Масленицу... Масленица превратилась в «неделю сыропустную и мясопустную», начало Великого поста* (А. Балдин). В случае реализации перфектного значения в фокусе внимания оказывается не сама деятельность, а ее результат, поэтому можно говорить о семантическом сдвиге от деятельности к новому необратимому состоянию (см. о сложности семантических соотношений в видовых парах у Е.В. Падучевой [17. С. 91–94]).

Не удалось обнаружить высказывания, в которых было бы реализовано *наглядно-примерное* и *суммарное* значения СВ. Это обусловлено обобщенностью семантики анализируемых ДДГ, имплицитующей ряд актов, распределенных во времени, что препятствует их «считаемости».

Ситуации с ДДГ, реализующие неопределенное видовое значение. Характеристика ситуаций с ДДГ, в которых нельзя однозначно определить значения НСВ / СВ, также свидетельствует о зависимости аспектуального поведения глагола и его акционального класса. В контекстах с отсутствием актуализаторов НСВ и СВ или с двойной актуализацией, включающих распространители, типичные для обоих видов, ДДГ встречаются в альтернативных парах: обобщенно-фактическое НСВ / конкретно-фактическое СВ, континуальное НСВ / конкретно-фактическое СВ. Сопоставление со всем корпусом высказываний с *видовой неопределенностью*, выделяемых Л. П. Бирюковой [16], показывает существенное ограничение таких пар, что связано с отсутствием ряда частных значений НСВ и СВ у ДДГ, отмеченных выше.

Видовая неопределенность тесно сопряжена с особенностями темпоральных планов, в которых функционируют ДДГ: это либо высказывания с формальным совпадением настоящего НСВ – будущего СВ (в прошедшем времени видовая неопределенность у анализируемых глаголов в корпусе не встретилась), либо конструкции с инфинитивом анализируемых глаголов. В обоих случаях важным становится синхронность / несинхронность точки отсчета для актуализации частного значения вида.

Синхронная точка отсчета позволяет реализовать у ДДГ обобщенно-фактическое или континуальное НСВ, а несинхронная – конкретно-

фактическое СВ. В высказываниях с формами *настоящего НСВ* – *будущего СВ* альтернатива *общефактического НСВ* и *конкретно-фактического СВ* реализуется в минимальном контексте, без специальных показателей длительности, в фокусе внимания – совершение совокупного действия: *Вашингтон планирует уже в ближайшие годы развернуть часть ее [системы ПРО] в Европейской зоне. В связи с этим американская администрация **активизирует** (проводит / проведет активизацию) военно-политическое сотрудничество с... союзниками по НАТО... При этом США строят свои отношения с потенциальными партнёрами... преимущественно на двусторонней основе* (Особенности военно-политического курса США...). Расширенный контекст одновременно актуализирует оба видовых значения, содержит указание на план будущего времени (*планирует в ближайшее время*) и на план настоящего (*строят свои отношения*). Возможно и соотношение континуального НСВ / конкретно-фактического СВ: *В Иркутской области 42 муниципальных образования... Мы постепенно **активизируем** (оживим / оживляем) их промышленное освоение, вследствие чего жизнь на... удалённых территориях будет меняться* (С. Чернышов, С. Ерощенко). Длительность действия в настоящем поддерживается аспектуальным наречием *постепенно* и лексическим значением существительного *освоение*, возможность интерпретации действия как будущего результативного базируется на указании следствия целостного действия (*жизнь будет меняться*).

Инфинитив гораздо чаще, чем спрягаемые формы, встречается в контекстах с видовой неопределённостью. В этом случае также необходимо учитывать соотношение темпоральных планов инфинитива и главного слова, которые зависят от семантики главного слова.

У ДДГ в неопределённом видовом контексте конкурируют общефактическое значение НСВ и конкретно-фактическое СВ при расхождении темпоральных планов главного слова и инфинитива. Если в качестве главных выступают слова с модальным значением (*нужно, можно, должны, необходимость, пожелал, требуется* и под.), относящиеся к настоящему неактуальному, то инфинитив имеет футуральную перспективу, т.е. можно говорить о несинхронной точке отсчета. Напр.: *Мы должны... **военизировать** (приспособить / приспособливать к военным условиям) рабочий класс Советского Союза* (К. Ворошилов); *Голицын был первым, кто пожелал **русифицировать** (внедрить / внедрять русский образ жизни на Кавказе) Кавказ не нравственным авторитетом, не духом, а насилием и полицейскими приемами...* (С.Ю. Витте). Такое соотношение реализуется и в сочетании с другими лексемами (*обещание, намерение, планировать, рекомендовать* и под.): *...Компания планирует... **оптимизировать** (улучшить / улучшать) свой флот, отдавая предпочтение контейнеро-зам...* (Н. Мерешко); *Президентский совет... рекомендовал **активизировать** (усилить / усиливать) работу по аттестации преподавателей...* (На заседании Президентского совета). План будущего, несинхронность точки отсчета способствуют представлению действия как фактического, реа-

лизирующего лишь «идею действия», безотносительно процессности или результативности.

Если главное слово и зависимый инфинитив располагаются в общем темпоральном плане с синхронной точкой отсчета, представлено соотношение континуального / конкретно-фактического значений. Общий темпоральный план – настоящего неактуального / расширенного – обычно связан с особенностями семантики главного слова (*помогает, старается, попытки* и др.); *Сейчас в целях экономии крупные ИТ-компании пытаются стандартизировать процесс документирования, чтобы упростить его* (С. Иншаков). В таких случаях «соперничают» континуальное значение, обусловленное длительностью основного действия, выраженного глаголом НСВ (*помогает, пытаются*), наречием *сейчас*, актуализирующий имперфектный аспект ДДГ, и конкретно-фактическое, поддержанное целевым распространителем.

Таким образом, ДДГ обладают спецификой по сравнению с другими двувидовыми глаголами, которая проявляется в способности передавать ограниченный круг частных значений СВ и НСВ, вытекающих из свойств их семантического типа. Кроме того, грамматическая характеристика дает дополнительные сведения для характеристики семантического типа, объединяющего данные ДДГ.

Вопрос о месте двувидовых деадъективных глаголов в семантической классификации предикатов

Результаты изучения лексико-грамматических свойств ДДГ дают возможность более аргументировано рассмотреть вопрос об их акциональном классе (семантическом типе).

Ряд семантических признаков позволяет отнести ДДГ к предикатам деятельности в понимании Ю.Д. Апресяна: «Деятельность – это глагол, обозначающий совокупность разнородных и разновременных действий, имеющих одну конечную цель, причем время существования ситуации, называемой данным глаголом, растягивается на несколько раундов наблюдения (что соответствует понятию «сверхдолгого интервала» у Е.В. Падучевой) [18. С. 86]. Отметим, что у лингвистов нет единства и в номинации данного типа предикатов (у Ю.Д. Апресяна – деятельность, у Е.В. Падучевой – занятие, Т.В. Булыгина причисляет их к свойствам, О.Н. Селиверстова – к классу действий, З. Вендлер [19] – к generic states), и в наборе приписываемых им признаков. Характеристика этого класса глаголов зависит от принципов, которых придерживается лингвист при выделении семантических типов. В одном случае в основу положен некий теоретический конструкт, обладающий жестко заданными параметрами, понятие *деятельности* довольно условно, в другом – используются «слова естественного языка, например слова занятие или деятельность, в их основных значениях» [18. С. 77], и цель исследователя – выявить признаки, присущие языковому феномену.

К признакам предикатов деятельности, выделяемым в большинстве работ, относят: соотношение не с конкретными действиями, а с целостным образом, складывающимся из совокупности отдельных актов; неспособность «лежать на оси времени», длительность временного периода, охватываемого целостным действием. Эти особенности проявляются и у ДДГ, причем первичные акты могут быть эксплицированы в высказывании, а могут быть имплицитны, ср.: ...*Командир отряда хорошо **руководил** боем: успешно захватил... населенный пункт, уничтожил 12 полицейских и несколько взял в плен...* (В. Быков); *Для того чтобы проложить тут дороги, построить человеческие дома, начать хозяйствовать... одним словом, чтобы **европеизировать** Россию, нужно столько средств и сил...* (М. Шишкин). Эти признаки спаяны с наличием континуальности и отсутствием актуально-длительного значения НСВ. Общими свойствами глаголов деятельности и ДДГ являются контролируемость ситуации ее субъектом, а также отсутствие субъекта-наблюдателя – вместо него выступает субъект сознания, который осуществляет операцию обобщения.

Однако у ДДГ проявляются признаки, которые на первый взгляд не вписываются в параметры предикатов деятельности. Принято считать, что такие предикаты неопредельны, являются непарными по виду, а рассматриваемая группа глаголов характеризуется предельностью, их нельзя считать бесперспективными, это служит препятствием для отнесения их к глаголам деятельности. Вопрос о предельности / неопредельности предикатов деятельности требует дополнительного комментария. Различия в характеристиках основной группы предикатов деятельности и ДДГ обусловлены особенностями номинации, на основании чего можно выделить несколько групп глаголов деятельности. В *первой* группе действие называется по *профессии*, для которой характерны разнородные, но определенные целенаправленные акты, складывающиеся в общий образ совокупного действия (*врачевать, учительствовать, столярничать* и под.): ...***Плотничал** он всю жизнь, полдеревни его топором срублено, и скарб в домах выделан...* (В. Калганов). Номинация *плотничать* включает первичные акты *срубить* и *выделать*, каждое из которых направлено на результат, но совокупность актов не связана с достижением определенного эффекта. Эти номинации ориентированы на субъект, часто служат для его характеристики, а цели, которые он преследует (*вылечить, научить, построить* и др.) остаются в тени. Во *второй* группе глаголы *управления* обобщают разнородные акты, не обладающие единой матрицей, способные значительно варьироваться в зависимости от ситуации, по ведущей роли субъекта-инициатора (при нескольких субъектах-исполнителях), типа *руководить, управлять, заведовать* и под. И в этом случае глаголы ориентированы на субъекта, являются непереходными и неопредельными (одновидовыми НСВ). Ср. пример, в котором деятельность субъекта-инициатора складывается из актов субъектов-исполнителей, имеющих общую цель: ...*Амброджо, у которого был опыт дальних странствий, **руководил** приготовлениями... В подолах кафтанов паломники вишили дукаты... моне-*

ты... проложили их полосками кожи... (Е. Водолазкин). Вместе с тем и у традиционно выделяемых глаголов деятельности наблюдается тенденциивность, иногда даже имеющая внешний предел: *воспитывать, чтобы воспитать; управлять, руководить, чтобы деятельность служащих привела к нужному результату; сапожничать, чтобы заработать*. В этом ряду встречаются как парные глаголы (*воспитывать*), так и непарные, но обладающие контролируемой тенденциивностью, результативность в них выражена либо тем же глаголом, либо другим.

Другие группы глаголов обычно не квалифицируются как деятельность, они несколько отличаются от уже рассмотренных, но их можно отнести к периферии этого класса, например группу, у которой в основу обобщения отдельных разновременных актов положено название однотипных объектов, распределяющихся между разными владельцами: *компьютеризировать, телефонизировать, паспортизировать* и др. Это биаспективы, обладающие тенденциивной предельностью и переходностью, достижение предела связано с полнотой охвата объектами владельцев. И наконец, у ДДГ (анализируемых в статье) в качестве параметра обобщения выступает признак, свойственный итоговому *состоянию*, достигаемому в результате совершения разнородных и разновременных актов, которые выполняются несколькими субъектами или одним. Например: *...В текущем году оптимизировали торговлю: закрыли нерентабельные магазины и открыли три новых... предприятие «уплотнилось» и сдает часть площадей в аренду* (Новогодние бизнес-рецепты); *...Протестанты стали христианизировать массовую потребительскую культуру по стремлению к социальным благам, здоровью, к семейному достатку... Все это стало элементом церковной жизни и отчасти богословских доктрин* (Р. Лункин). Им также свойственна предельность и тенденциивность, но у ДДГ сохраняется большинство признаков деятельности, в том числе двуслойность семантики – обобщение отдельных актов в единое целое и выходящая за пределы наблюдаемости длительность.

У ДДГ помимо первичного, имплицитного предела (актов, складывающихся в новое совокупное явление) наличествует внешний предел – объект, подвергшийся воздействию: *В настоящее время он пишет японскую драму, предполагая европеизировать японский театр* (неизвестный. Вести); *...Гарри Трумен милитаризовал экономику. И вот уже полвека мы находимся в состоянии перманентной войны* (В. Молчанов). Достижение внешнего предела связано с новым состоянием / качеством объектов (*европеизированный японский театр, милитаризованная экономика*). Такой предел можно считать реальным, внешним, относительным, он проявляется чаще всего у деадъективных глаголов (ср. пример А.В. Бондарко с глаголами другого семантического класса: *Производительность труда повысилась; возможно ...и продолжает повышаться* [7. С. 397–404]). Аналогичные свойства наблюдаются и у ДДГ: *...Одни компании были вынуждены закрыться, другие переориентировали свою деятельность или как минимум ее оптимизировали. Осенью прошлого*

года... даже то, что уже было оптимизировано, пришлось **оптимизировать еще больше** (В. Суриков, С. Балдин). Тендентивная предельность не противоречит представлению деятельности в словарных толкованиях, отмечающих активность субъекта, целенаправленность и систематичность его действий, воздействие на объект.

Особенностью ДДГ является то, что потенциально в них заложена и процессуальная (имплицитующая несколько актов и несколько субъектов и объектов) и результативная разновидности тендентивной предельности. Если в высказывании в фокусе оказывается существование самого «совокупного действия» (континуальное или общефактическое значения НСВ), то актуализируется семантика деятельности, в случае акцента на результат (перфектное значение СВ) преобладает качественная семантика. Нахождение ДДГ на пересечении семантических типов деятельности и качественности создает особую конфигурацию, препятствующую переходу биаспективов в аспектуальную систему парных / одновидовых глаголов.

Итак, лексико-грамматический и референциальный анализ высказываний с ДДГ подтвердил необходимость «челночного» анализа: от семантического типа глагола — к выявлению специфических грамматических свойств и от лексико-грамматических характеристик — к обоснованию семантического типа предиката.

Характеристика ДДГ, принадлежащих семантическому типу деятельности, позволяет утверждать, что биаспективы не являются однородным феноменом, они, как и парные, и одновидовые глаголы, могут относиться к разным акциональным классам.

Литература

1. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола. Таллин : Валгус, 1983. 216 с.
2. Авилова Н.С. Двувидовые глаголы с заимствованной основой в современном русском литературном языке нового времени // Вопросы языкознания. 1968. № 5. С. 66–78.
3. Janda L. What makes Russian Bi-aspectual verbs Special // Cognitive Path into the Slavic Domain. Cognitive Linguistics Research. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2007. P. 83–109. URL: https://www.researchgate.net/publication/285848082_What_makes_Russian_bi-aspectual_verbs_special (дата обращения: 15.02.2020).
4. Панова Г.И. Морфологические категории в современном русском языке: аспекты формального выражения глагольного вида и рода существительных. Санкт-Петербург ; Абакан, 1996. 164 с.
5. Горобец Е.А. Двувидовые глаголы в современном русском языке: проблемы статуса и классификации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 26 с.
6. Перцов Н.Н. Русский вид: словоизменение или словообразование? // Типология вида: проблемы, поиски, решения : материалы Международной научной конференции, 16–19 сентября 1997 г., МГУ им. М.В. Ломоносова / отв. ред. М.Ю. Черткова. М., 1998. С. 343–355.
7. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М. : Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
8. Дьячков В.В. Типология деадъективных глаголов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 22 с.

9. Артемов А.М. Русские отадективные глаголы (семантическая характеристика) : автореф. дис. ...канд. филол. наук, 1981. 17 с.
10. Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М. : Высшая школа, 1986. 639 с.
11. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : Астрель : АСТ, 2006.
12. Словарь русского языка : в 4 т. М. : Рус.яз. ; Полиграфресурсы, 1999.
13. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М. : Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Оникс, 2010.
15. Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 71–90.
16. Бирюкова Л.П. Двувидовые глаголы русского языка. СПб. : САГА, 2009. 176 с.
17. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М. : Языки русской культуры, 1996. 464 с.
18. Апресян Ю.Д. Фундаментальная классификация предикатов // Языковая картина мира и системная лексикография. М. : Языки славянских культур, 2006. С. 75–110.
19. Vendler Z. Verbs and Times // The Philosophical Review. 1957. Vol. 66, № 2. P. 143–160. URL: <http://links.jstor.org/sici?sici=0031-8108%28195704%2966%3A2%3C143%3AVAT%3E2.0> (дата обращения: 20.02.2020).

A Semantic Characteristic of Bi-Aspectual Deadjectival Verbs (Can Bi-Aspectuals Be Activity Predicates?)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 67. 112–128. DOI: 10.17223/19986645/67/6

Irina P. Matkhanova, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: matkhanova@mail.ru

Keywords: Russian bi-aspectual verbs derived from adjectives, activity predicates, particular meanings of perfect and imperfect aspects, reference.

The article describes a semantic group of bi-aspectual verbs formed from adjectives with the suffix *-izirova(t')*, with the meaning ‘generalized nomination of diverse actions, which together are aimed at achieving a specific goal called by a motivating adjective’, such as: *evropeizirovat*’ (to Europeanize), *optimizirovat*’ (to optimize), *sistematizirovat*’ (to systematize). This group has a set of derivational, grammatical, and referential properties that allow attributing it to the semantic type of activity. The study of this group is the first step in identifying the yet unexplored semantic types of bi-aspectual verbs, although there is extensive literature on the problems of semantic types of predicates and on bi-aspectuals. This broadens the idea of the system of actional classes, their properties, as well as the role of the semantic type in maintaining/losing bi-aspectuality. About 1,000 statements have been analyzed as the material for the study, including bi-aspectual deadjectival verbs with the suffix *-izirovat*’ (70 lexemes), extracted from the Russian National Corpus. The work uses the methodology of categorical situations by Alexander V. Bondarko. The analysis of the group composition is based on the word-formation characteristic that takes into account the semantic structure of motivating adjectives, additional motivation from the nouns ending with *-atsiya*, and the semantics of the “semi-borrowed” suffix *-irova (t')*. This brings the idiomatic component into the meaning of the verbs: generalization of several implicit acts occurring simultaneously, but nominating the whole process. The description of the referential features of statements with bi-aspectual deadjectival verbs has shown that, in some cases, the extended context contains indications of action variables that are generalized, the spectrum of objects that they are aimed at, and the subjects that control, initiate, and perform these actions. In most statements, the

variety of subjects, objects, and generalized acts remains implicit, but it affects the properties of the described predicates. Particular attention is paid to the aspectual properties of this group of verbs that distinguish them from other bi-aspectual verbs. The repertoire of perfect and imperfect meanings, which are realized in statements, has been determined. The prohibition of the present continuous, limited and unlimited multiple meanings of the Imperfect aspect, the visual-approximate and total meanings of the Perfect aspect, the modification of other meanings, the types of contexts (minimal and “double”) are identified, in which a number of particular meanings of Perfect and Imperfect aspects are not differentiated. Bi-aspectual de-adjectival verbs are assigned to the class of activity verbs based on their functioning and semantic attributes and considering the description of this class in the linguistic literature: bi-layer semantics (a number of heterogeneous actions and their generalization); focus; duration of the period (the extra-long interval in which generalized actions are carried out); controllability of the situation, non-localization in time and special unobservable processuality.

References

1. Shelyakin, M.A. (1983) *Kategoriya vida i sposoby deystviya russkogo glagola* [Categories of Aspect and Aktionsart of the Russian Verb]. Tallin: Valgus.
2. Avilova, N.S. (1968) Dvuvidovye glagoly s zaimstvovannoy osnovoy v sovremennom russkom literaturnom yazyke novogo vremeni [Biaspectual verbs with borrowed stem in the modern Russian literary language]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 5. pp. 66–78.
3. Janda, L. (2007) What makes Russian Bi-aspectual verbs Special. In: Divjak, D. & Kochanska, A. (eds) *Cognitive Path into the Slavic Domain. Cognitive Linguistics Research*. Berlin; New-York: Mouton de Gruyter. pp. 83–109. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/285848082_What_makes_Russian_bi-aspectual_verbs_special. (Accessed: 15.02.2020).
4. Panova, G.I. (1996) *Morfologicheskie kategorii v sovremennom russkom yazyke: aspekty formal'nogo vyrazheniya glagol'nogo vida i roda sushchestvitel'nykh* [Morphological Categories in Modern Russian: Aspects of the formal expression of the verb aspect and the noun gender]. Saint Petersburg; Abakan: Katanov State University of Khakassia.
5. Gorobets, E.A. (2008) *Dvuvidovye glagoly v sovremennom russkom yazyke: problemy statusa i klassifikatsii* [Biaspectual verbs in modern Russian: status and classification problems]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kazan.
6. Pertsov, N.N. (1998) [Russian aspect: inflection or word formation?]. *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya* [Typology of the Aspect: Problems, searches, solutions]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 16–19 September 1997. Moscow: Shkola “Yazyki russkoy kul'tury”. pp. 343–355. (In Russian).
7. Bondarko, A.V. (2002) *Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noy grammatike. Na materiale russkogo yazyka* [The Theory of Meaning in the System of Functional Grammar. Based on the Material of the Russian Language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
8. D'yachkov, V.V. (2018) *Tipologiya dead"ektivnykh glagolov* [Typology of deadjectival verbs]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
9. Artemov, A.M. (1981) *Russkie otad"ektivnye glagoly (semanticheskaya kharakteristika)* [Russian adjective-based verbs (semantic characteristics)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad.
10. Vinogradov, V.V. (1986) *Russkiy yazyk: (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian Language: (Grammatical teaching about the word)]. Moscow: Vysshaya shkola.
11. Efremova, T.F. (2006) *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Astrel': AST.
12. Evgen'eva, A.P. (1999) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk; Poligrafresursy.
13. Kustova, G.I. (2004) *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Derived Meaning Types and Language Extension Mechanisms]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

14. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2010) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Oniks.
15. Maslov, Yu.S. (2004) *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected Works. Aspectology. General Linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 71–90.
16. Biryukova, L.P. (2009) *Dvuidovye glagoly russkogo yazyka* [Two-Species Verbs of the Russian Language]. Saint Petersburg: SAGA.
17. Paducheva, E.V. (1996) *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic Research. Semantics of Tense and Aspect in Russian. Narrative Semantics.]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
18. Apresyan, Yu.D. (2006) Fundamental'naya klassifikatsiya predikatov [Fundamental classification of predicates]. In: Apresyan, Yu.D. (ed.) *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Linguistic Picture of the World and Systemic Lexicography]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 75–110.
19. Vendler, Z. (1957) Verbs and Times. *The Philosophical Review*. 2 (66). pp. 143–160. [Online] Available from: <http://links.jstor.org/sici?sici=0031-8108%28195704%2966%3A2%3C143%3AVAT%3E2.0>. (Accessed: 20.02.2020).

УДК 81'367+81'373
DOI: 10.17223/19986645/67/7

В.Ю. Меликян

ФРАЗЕОСИНТАКСИЧЕСКИЕ СХЕМЫ «Хорош + N₁¹» И «Хорош + N₁²» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Исследуются фразеосхемы «Хорош + N₁¹» и «Хорош + N₁²» в аспекте теории синтаксической фразеологии, а также с учётом ключевых постулатов грамматики конструкций: изучаются означающее и означаемое, этимология, парадигматика и синтагматика, степень фразеологизации. Установлено, что фразеосхемы обладают определённым набором интегральных и дифференциальных (в том числе различаются по степени фразеологизации) свойств, что позволяет квалифицировать их отношения как омонимические (омоформы).

Ключевые слова: синтаксическая фразеология, грамматика конструкций, фразеосинтаксическая схема, модели построения, русский язык.

Основной сферой функционирования синтаксических фразеологических единиц (далее – СФЕ) является разговорная речь, которая занимает большую часть коммуникативной практики человека: «...разговорный синтаксис характеризуется своими специфическими синтаксическими моделями, коренным образом отличающимися от общелитературных и письменно-литературных синтаксических моделей» [1. С. 271].

При этом языковое сознание в типизированных речевых условиях стремится использовать готовые (стереотипные) языковые формы. Это детерминировано тем, что стереотип облегчает коммуникацию, позволяя экономить время, языковые и физические ресурсы, а также обеспечивает высокий уровень эффективности общения. При этом «стереотипы... исчислимы. “Стереотипно” – не значит плохо. “Стереотипно” означает быстро. Цель реализации стереотипов – затратив минимум языковых и поведенческих усилий, достигнуть нужного коммуникативного эффекта» [2. С. 5]. Устойчивые (стереотипные, стандартизированные) предложения весьма динамичны и экспрессивны.

Устойчивость синтаксической конструкции, как правило, связана с её фразеологизацией. Изучение СФЕ, составляющих мощный ресурс живой разговорной речи, имеет особую значимость для любого языка. По мнению В.Г. Белинского, фразеологический фонд или фразеологический состав языка – это «неисчерпаемое богатство идиомов», которые составляют «народную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство» [3. С. 151].

В современном языке наблюдается тенденция к увеличению количества СФЕ, что свидетельствует о стремлении языка к конвенционализации, устойчивости, системности, регулярности и объясняется такими наиболее харак-

терными их свойствами, как экономность, эмоциональность и высокой степени экспрессивность. Они выступают в качестве одного из наиболее ярких средств эмоционально-экспрессивного выражения коммуникативного смысла. Их изучение всегда остается актуальной задачей современного языкознания [4. С. 223].

Грамматика-80 дефинирует СФЕ следующим образом: «Фразеологизированными называются предложения с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой. В этих предложениях словоформы связываются друг с другом идиоматически, не по действующим синтаксическим правилам функционируют служебные и местоименные слова, частицы и междометия» [5. С. 382]. Подобные построения, по мнению Л.П. Якубинского, «... становятся как бы окаменелыми, превращаются в своего рода сложные синтаксические шаблоны; членение фразы в значительной мере стирается и говорящий почти не разлагает её на элементы. Воспроизведение, мобилизация такой фразы есть воспроизведение привычного шаблона или "речения"» [6. С. 175].

В Грамматике-80 СФЕ рассматриваются в системе простого предложения (раздел «Простое предложение») в качестве его самостоятельной структурно-семантической разновидности (подраздел «Предложения фразеологизированной структуры»). Таким образом, разграничиваются предложения, строящиеся по свободным структурным схемам, и предложения фразеологизированной структуры. Кроме того, отмечается особая роль последних как средств формирования и выражения субъективно-модальных значений (раздел «Субъективно-модальные значения»): «К числу синтаксических конструкций, специально предназначенных для выражения субъективно-модальных значений, относятся, во-первых, разнообразные синтаксические фразеологизмы, т.е. такие построения, в которых связи и отношения компонентов с точки зрения живых грамматических правил оказываются необъяснимыми...» [5. С. 216]. Однако на данном этапе развития грамматической науки еще отсутствует дифференциация синтаксических фразеологизмов по классам, по степени структурно-семантической слитности компонентов, а также по характеру синтаксической структуры предложения (сложная или простая) и т.д. Всё это связано с попыткой использования «старого» инструментария, разработанного в рамках теории предложения нефразеологизированного типа.

СФЕ многочисленны и специфичны. В современном языкознании принято различать четыре класса СФЕ: *коммуникемы* (слова-предложения), *фразеосинтаксические схемы* (*фразеосхемы*), *устойчивые модели* и *устойчивые обороты*. Данная статья посвящена исследованию *фразеосхем* [7].

Фразеологическая наука в России и за рубежом имеет различные традиции.

Методология исследования фразеосхем (как и фразеологии в целом) была разработана в отечественном языкознании во второй половине XX в. Оно развивалось по пути обособления фразеологических единиц как особого объекта, существенно отличающегося от так называемых «обычных»,

«традиционных», «правильных», «нормальных» языковых единиц: «Фразеология – это общее название для всех отступлений от правил интеграции значимых единиц в одну более сложную. Фразеологическая единица, или фразеологизм, – это такая структурная единица, строение которой не соответствует правилам интеграции значимых единиц того или иного уровня; иначе говоря, она является немоделируемым образованием» [8. С. 431].

Выделение признака «нарушение правил интеграции» между компонентами, входящими в структуру фразеологических единиц, позволяет некоторым исследователям (см., например: [9–11] и некот. др.) характеризовать их как «аграмматичные» или «незавершенные» единицы языка, «языковые излишки», которые не представляют собой системного материала языка [12], «аномалии речевой деятельности», которые «нарушают какие-либо сформулированные правила или интуитивно ощущаемые закономерности» [10. С. 437]. Данный подход вполне оправданно раскритиковал ещё И.Ф. Вардуй: «Если обнаруживаются предложения, не поддающиеся истолкованию как грамматические (т.е. необъяснимые в рамках теории), это должно рассматриваться как свидетельство неадекватности теории. Такая теория не удовлетворяет требованию объяснительности» [13. С. 316]. Таким образом, признаётся, что фразеологические единицы организованы по правилам, отличным от тех, которые распространяются на основной массив языковых единиц.

Данный факт, однако, не означает, что фразеологические единицы составляют какое-либо асистемное явление в языке. Они системны. По справедливому утверждению Ю.М. Скребнева, характер этой системности несколько иной, своеобразный. Это обусловлено, с одной стороны, спонтанным неофициальным устным общением, которое более чем другие виды языкового общения подвержено деформирующему воздействию экстралингвистических факторов. С другой стороны, разговорная речь нерегламентируема и лишь до известных пределов контролируется сознанием. Она представляет собой совокупность автоматизированных коммуникационных актов. Именно поэтому собственно языковые законы действуют в ней наиболее непосредственно, «без помех», не подвергаясь противодействиям социального регулирования [14. С. 8].

Большинство современных исследователей, в том числе зарубежных, также не склонны квалифицировать данный пласт языковых единиц в качестве «маргинальных»: *There are vast numbers of such memorized fixed expressions; these extremely crude estimates suggest that their number is about the same order of magnitude as the single words in the vocabulary. They are hardly a marginal component in our use of language* [15. P. 136] («Существует огромное количество таких содержащихся в памяти фиксированных выражений; эти весьма приблизительные оценки предполагают, что их количество составляет примерно тот же порядок величины, что и отдельных слов в словаре. Они едва ли являются маргинальным компонентом в нашем использовании языка»; перевод автора).

Таким образом, отечественное языкознание исходит из того, что при исследовании ФЕ следует использовать нестандартный, нетрадиционный,

специфический инструментарий. Такой подход обусловил бурный рост теории фразеологии в России во второй половине XX в. В начале XXI в. идея о дифференциации ФЕ на лексические и синтаксические получила подтверждение в целом ряде научных исследований, была разработана классификация СФЕ, что способствовало формированию частной теории фразеологии – теории синтаксической фразеологии.

В зарубежном языкознании проблемы ФЕ рассматривались в связи с решением других задач, например стилистики, риторики, стереолингвистики и других аспектов устройства и функционирования СФЕ. При этом неудовлетворительность теории генеративной лингвистики Н. Хомского, которая оказалась неспособной объяснить правила формирования большого количества языковых единиц, которые не вписывались в «традиционные» правила грамматики, привела к рождению так называемой «грамматики конструкций». Такие единицы языка долгое время игнорировались лингвистической наукой.

Ch. Fillmore, P. Kay и С. O'Connor [16] обратили внимание на то, что «формальные идиомы» характеризуются определённой внутренней организацией и продуктивностью и могут выступать носителями семантической информации (правда, 30 лет спустя после того как это сделали Н.Ю. Шведова [17] и Д.Н. Шмелев [18]). В рамках грамматики конструкций анализируются также семантические правила и ограничения, детерминирующие функционирование фразеологизированной конструкции того или иного типа. Конструкция предстаёт в совокупности своего синтаксического значения и частичной лексикализации (сравните с классическим определением фразеосхемы в работах Н.Ю. Шведовой [17] и Д.Н. Шмелева [19]).

Главным стимулом к появлению грамматики конструкций послужила необходимость разработки системы грамматического описания, в которой синтаксические конструкции фразеологизированного типа (в той или иной степени идиоматичные) были бы представлены в той же формальной системе, что «регулярные» («свободные», нефразеологизированные) модели и правила [20. Р. 1]. Таким образом, в грамматике конструкций отсутствует дихотомия «фразеологический – нефразеологический», так как любая синтаксическая конструкция, независимо от степени ее формальной или семантической специфичности, рассматривается как уникальное сочетание формы и значения [16].

В этой связи в рамках традиционного трансформационного синтаксиса возникло особое направление лексико-грамматических исследований, которое во главу угла ставило исследование специфики синтаксических конструкций, детерминированной их лексическим наполнением, что впоследствии и оформилось в грамматику конструкций, в которой конструкция трактуется как структурная единица языка со своей собственной семантикой и которая характеризуется определёнными лексико-семантическими ограничениями, связанными с заполнением всех возможных «мест» в такой конструкции [21].

Таким образом, в зарубежном языкознании пошли по пути не дифференциации лингвистического инструментария исследования свободных и фразеологизированных синтаксических конструкций, а полного отказа от использования существующего набора абстрактных принципов описания грамматики и разработки новых, применимых к абсолютно всем типам языковых фактов. Идеологи грамматики конструкций считают, что если разработать принципы описания «нерегулярных» конструкций (прежде всего фразеологических, «аграмматичных», например: «лексически открытые фраземы» («lexically open idioms» или «formal idioms» [16], «схематические фраземы» («schematic idioms»)) [22. Р. 248], «формальные конструкции» [21]), то данный методологический аппарат будет автоматически экстраполирован и на конструкции, формирующиеся по «традиционным» правилам [16, 23].

Однако, несмотря на все эти установки и попытки разработать единую методологию исследования «тривиальных» (т.е. соответствующих нормам грамматики) и «нетривиальных» (т.е. не соответствующих нормам грамматики) синтаксических конструкций, грамматика конструкций и теория фразеологии достаточно далеки друг от друга: «Довольно часто приходится слышать мнение, что грамматика конструкций (Construction Grammar, сокращенно CxG) и теория фразеологии – это, по сути, одно и то же. Это не так, хотя между этими двумя областями лингвистики существует немало точек пересечения» [24. С. 8].

К серьёзным недостаткам грамматики конструкций следует отнести прежде всего её ключевой принцип – унификацию методологии исследования разнородных феноменов языка. При этом данная методология разрабатывается с опорой на разнородные лингвистические направления и теории. И здесь доминирующее влияние на грамматику конструкций со стороны когнитивной лингвистики оказалось определяющим (например, единицы языка – это «когнитивные шаблоны» [25. Р. 11]). Но если в сфере когнитивной лингвистики возможны и уже разработаны единые правила описания языковых единиц различных уровней и языков (несмотря на наличие различных направлений в рамках самой когнитивной лингвистики), то в грамматике дело обстоит иначе. При этом логический и синтаксический уровни анализа синтаксической структуры имеют свою специфику и характеризуются различными подходами к описанию. Кроме того, существенно отличаются своей лингвистической природой не только фразеологизированные и нефразеологизированные единицы языка, но и сами фразеологические единицы, которые предполагают деление на лексические и синтаксические, а синтаксические, в свою очередь, на коммуникемы, фразеосхемы, устойчивые модели и устойчивые обороты. Таким образом, первый недостаток грамматики конструкций – опора на различную методологию (когнитивная лингвистика, психолингвистика, грамматика, семасиология, прагмалингвистика, теория дискурса, функциональная лингвистика в сочетании с корпусной лингвистикой), каждая из которых характеризуется специфическим объектом, предметом и инструментарием исследования.

Во-вторых, функциональная теория хороша применительно к тем феноменам языка, которые уже получили адекватное описание в структурном и семантическом аспектах. Поэтому отказ от классической грамматики и семасиологии лишает новую теорию фундамента.

В-третьих, конструктивная грамматика игнорирует категориальные признаки СФЕ, которые доминируют в них. Она пытается описать языковой феномен, по сути, с точки зрения традиционной грамматики и семантики, лишь несколько иначе расставляя исследовательские акценты, во вторую очередь обращая внимание на те или иные лексико-семантические «ограничения», игнорируя «ограничения» грамматические.

СФЕ – это языковые единицы, строящиеся с «нарушением правил интеграции». Степень и типы этих нарушений различны, что и приводит к необходимости дифференциации СФЕ на классы (типы) и фразеологические разряды. Данные нарушения детерминированы полной или частичной деактуализацией семантического и / или грамматического значений (в том числе частеречной принадлежности, а также синтаксической функции) отдельных лексических компонентов, которые превращаются в компоненты синтаксической модели. Результатом этого является полная или частичная деактуализация синтаксических отношений в составе такой конструкции и многое другое.

Рассмотрение феномена фразеологизации («ограничений») исключительно в семантической плоскости было предложено в начале 60-х гг. XX в. (см., например, [26] и [27]): «Фразеологизацию следует понимать прежде всего как семантическое явление, заключающееся в слиянии (объединении) нескольких лексических значений в одно» [27. С. 169]. В дальнейшем же учёными ([28–32] и др.) было установлено, что фразеологизация СФЕ представляет собой явление более масштабное и имеет место одновременно на синтаксическом, морфологическом, лексическом и семантическом уровнях: «Если понимать явление фразеологизации как образование воспроизводимых единиц речи, то на первый план выдвигается другая сторона фразеологических явлений – функциональная, которая корнями своими связана не только с семантическими, но и с логическими, стилистическими и грамматическими явлениями» [33. С. 9]. Таким образом, специфика процесса фразеологизации заключается в том, что он осуществляется в нескольких измерениях: семантическом, грамматическом и функциональном. Отсюда очевидна односторонность подхода грамматики конструкций.

Всё это обуславливает необходимость разработки специальной методологии исследования фразеологического фонда языка с применением специфического инструментария. В этом смысле отечественному языковедению повезло больше. Фразеология давно и активно разрабатывается в рамках различных научных школ и подходов. Возникающие частные проблемы (например, неразграничение фразеологических единиц, построенных по модели словосочетания и предложения, а также фразеосхем, построенных по модели простого и сложного предложения, и т.п.) в связи с посто-

янным накоплением исследовательских результатов разрешались естественным образом, без революций и отказа от своих «корней».

О недостатках грамматики конструкций можно судить и по тем незначительным результатам исследования СФЕ в зарубежном языкознании, о которых, на наш взгляд, вполне справедливо упоминает Д.О. Добровольский: «...подобные единицы до сих пор изучены хуже, чем «классические» фразеологизмы типа *сыграть в ящик* или *на воре шапка горит*, при том что они довольно многочисленны, встречаются в самых разных языках и отличаются достаточно высокой употребительностью» [24. С. 15]. Самая оптимистическая оценка роли грамматики конструкций в изучении СФЕ принадлежит также Д.О. Добровольскому: «...фразеология и СхG (по крайней мере, в той ее части, которая занимается нерегулярными феноменами языка) – это два разных и, видимо, взаимодополняющих подхода к изучению некомпозиционных структур: от лексикона к синтаксису и от синтаксиса к лексикону» [Там же. С. 18]. По мнению же других учёных (например: Л.Л. Иомдин, Я.Г. Тестелец и др.), которого придерживается и автор настоящей статьи, грамматика конструкций не имеет никаких перспектив в рассматриваемых аспектах.

Это подтверждается и теми, на наш взгляд, не очень удачными попытками применить инструментарий грамматики конструкций к описанию СФЕ на материале русского языка, которые предпринимаются отдельными учёными (например, [34–36]). Данные исследования не являются плохими, они вносят определённый вклад в разработку методологии исследования синтаксической фразеологии. Однако они представляются односторонними, имеют констатирующий характер, не отвечают на вопрос «почему?» (то или иное явление имеет место) в силу специфичности ключевых принципов самой грамматики конструкций: стирание граней между грамматикой и словарём, а также доминирование исключительно функционально-семантического подхода. В результате становится возможным, к примеру, вывод о том, что более раннее появление в национальном корпусе какого-нибудь языка того или иного языкового феномена свидетельствует о глобальном и всеопределяющем влиянии данного языка на русский язык; отсутствует чёткая формализация синтаксической схемы; фиксируется примерное время появления конструкции, но не устанавливается модель построения СФЕ; отмечается большое количество оттенков значения СФЕ, но не определяется его константное значение в силу неразграничения дихотомии «язык – речь»; осуществляется поиск характеристик, которые присущи и «свободным» синтаксическим конструкциям, при этом игнорируются уникальные свойства СФЕ и т.д.

Всё вышеизложенное и обусловило опору в настоящей работе на отечественный опыт описания фразеосхем. Более детальный анализ роли грамматики конструкций в изучении СФЕ требует отдельного рассмотрения.

Таким образом, методологические принципы исследования фразеосхем были заложены в начале второй половины XX в. в работах В.Л. Архангельского, В.И. Кодухова, Л.И. Ройзензона, Н.М. Шанского, Н.Ю. Шведовой,

Д.Н. Шмелева и др. В дальнейшем теория синтаксической фразеологии развивалась в трудах С.В. Андреевой, В.В. Бабайцевой, А.В. Величко, М.В. Всеволодовой, Л.Б. Матевосян, А.В. Меликян, Л.А. Пиотровской, О.Б. Сиротининой и др.

«Фразеосинтаксическая схема — это коммуникативная предикативная единица синтаксиса, представляющая собой определяемую и воспроизводимую несвободную синтаксическую схему, характеризующаяся наличием диктумной и модусной пропозиций (значений), выражающая суждение или побуждение, обладающая грамматической и лексической частичной нечленимостью, ограниченной проницаемостью и распространяемостью и выполняющая в речи экспрессивную функцию» [37. С. 161–162].

По мнению Д.Н. Шмелёва, фразеосхемы «обладают фиксированной и неизменной схемой построения, включая сюда обязательный порядок слов и наличие строго определённых, сильно ограниченных в варьировании грамматических форм, а иногда и определённых служебных слов...» [19. С. 327].

«Фразеологизированные предложения всегда неоднocomпонентны» [5. С. 383]. Структура фразеосхемы формируется двумя обязательными компонентами: неизменяемым (опорным) и изменяемым. Опорный компонент представлен лексемой (сочетанием лексем), означаемое которой полностью или частично деактуализировано: «К синтаксическим фразеологизмам относятся также построения с утраченными или ослабленными грамматическими или прямыми лексическими значениями тех компонентов, с которыми связано выражение тех или иных субъективно-модальных значений» [Там же. С. 217]. Опорный компонент фразеосхемы может быть выражен: 1) *наречием (вопросительным или невопросительным)*; 2) *местоименным словом*; 3) *частицей*; 4) *междометием*; 5) *союзом*; 6) *предлогом*; 7) *полнозначительным словом* [37. С. 166–167].

Обязательный изменяемый компонент фразеосхемы репрезентирован полнозначительной лексемой (или сочетанием таких лексем), обладающей нулевой, частичной или полной лексико-грамматической и морфологической парадигмой, а также, как правило, полной лексической парадигмой.

Наличие таких характеристик обеспечивает постоянство значения и синтаксической модели фразеосхемы [38. С. 11]. Это позволяет квалифицировать ее значение как «синтаксическое», а сами модели — как «лексико-синтаксические» [39. С. 202]. «...Включая в себя и разные формы имён, и формы глаголов, эти построения имеют одно и то же синтаксическое значение» [40. С. 12]. В связи с тем, что такое синтаксическое значение присуще самой модели предложения, выражается всей синтаксической конструкцией в целом, является устойчивым, инвариантным, не зависит от конкретно-лексического её наполнения, формируется в результате имплементации процесса фразеологизации, данный компонент значения фразеосхемы целесообразно называть фразеосинтаксическим.

В силу своего фразеологического статуса фразеосхемы совмещают в означаемом рациональное и иррациональное, объективное и субъективное начала; в терминологии Ш. Балли [41. С. 44] — фактическое содержание

(диктум) и индивидуальную оценку излагаемых фактов (модус). Диктум – это «основное сообщение, референтом которого является некоторое положение дел в той реальности, которая отображается в речи... Объективная реальность противопоставляется связанному с нею психическому переживанию, языковое выражение которого понимается как модус...» [42. С. 34]. Модус – это «фрагменты высказывания, содержащие модальную интерпретацию диктума...» [Там же. С. 35]. «Модусное событие (как семиотическое содержание, а не экстралингвистический факт) есть отражение «несубстанциональной» действительности, психической реальности, рефлексии говорящего по поводу другого события» [Там же. С. 36]. «...Модусная часть представляет специфическую пропозицию» [Там же. С. 35]. Такая интерпретация диктумной и модусной пропозиции представляется более системной с точки зрения лингвистической теории, так как коррелирует с подходом к определению структуры лексического значения: сигнификат + коннотат. Диктум и сигнификат соотнесены с единицами логики (логемой и понятием соответственно) и являются основным и обязательным компонентом значения, а модус и коннотат – факультативным (точнее – дополнительным, так как модус является обязательным компонентом значения фразеосхемы). Таким образом, содержание слова и предложения в самом широком смысле имеет статус факта – простого (предмет и т.п.) либо сложного (событие), репрезентация которого может сопровождаться выражением отношения говорящего к нему.

Противопоставление по признаку «утверждение – отрицание» имеет непосредственное отношение к диктуму. В диктум также входит фразеосинтаксическое значение в статусе его категориального значения. При этом у фразеосхем «...экспрессивно-оценочные компоненты значения заметно преобладают над информативной семантикой, употребление этих конструкций связано с определенными речевыми актами, поэтому ведущей для большинства из них является функция воздействия на адресата, проявление которой связано с выражением волеизъявления или эмоциональных оценок говорящего: «Нет чтобы помолчать!»; «Чем не жених!»; «Звери, а не люди!» [43. С. 52].

Настоящее исследование строится на основе описания двух омонимичных фразеосхем «Хорош + N₁¹» и «Хорош + N₁²».

В качестве материала выступают фразеосхемы русского языка с опорным компонентом, репрезентированным полнозначенательным словом *хорош*. Материал для анализа извлечён методом сплошной выборки из произведений художественной литературы XIX–XXI вв., а также «Словаря экспрессивных устойчивых фраз: фразеосхемы и устойчивые модели» [44]. Весь иллюстративный материал репрезентирован в условиях разговорной речи.

Лексико-грамматический поиск в Национальном корпусе русского языка [45] (условия поиска: по словоформе *хорош*, которая представляет собой прилагательное в краткой или полной форме, единственном или множественном числе, располагается в инициальном положении и контактно сочетается с личным местоимением или именем существительным в имени-

тельном падеже) не дал ни одного вхождения. Это связано с тем, что грамматика СФЕ значительно отличается от грамматики «свободных» синтаксических конструкций и правила работы с первыми не подходят для работы со вторыми в НКРЯ. Выводы, которые формулируются в настоящей статье, более подробно объясняют причины этого. В частности, лексико-грамматический поиск предполагает поиск по словоформе, что не соответствует статусу лексемы *хорош*, лексико-грамматическое значение которой при вхождении во фразеосхему подвергается полной или частичной деактуализации, что приводит к частичной лексикализации синтаксической модели, а потому речь идёт о поиске уже не словоформы, а лексемы, сходной с данной словоформой.

СФЕ, в частности фразеосхемы, можно искать в НКРЯ. Такой поиск достаточно продуктивен для тех фразеосхем, опорный компонент которых выражен неполнознаменательной лексемой или сочетанием таких лексем. Во фразеосхемах «**Хорош** + N₁¹» и «**Хорош** + N₁²» опорный компонент сформирован на основе полнознаменательной лексемы *хорош*, что формально делает данные фразеосхемы сходными с синтаксическими конструкциями нефразеологизированного типа, а потому частичная лексикализация синтаксической модели не оказывает должного содействия в таком поиске.

В качестве предмета избраны структурные, семантические, этимологические, парадигматические, синтагматические и фразеологические характеристики фразеосхем.

Фразеосхемы с опорным компонентом, выраженным полнознаменательным словом, были описаны ранее О.Г. Даллакян [46], однако представленные в настоящем исследовании фразеосхемы в указанной работе представлены не были. Кроме того, новизна настоящего исследования заключается и в том, что фразеосхемы «**Хорош** + N₁¹» и «**Хорош** + N₁²» впервые рассматриваются в качестве омонимичных на основе выявления совокупности интегральных и дифференциальных признаков.

Рассматриваемые здесь фразеосхемы ранее попадали в поле зрения отдельных учёных, однако их описание носило фрагментарный характер. Например, в работе Н.Ю. Шведовой [17] имеются указания лишь на стилистический (отнесённость к разговорной речи) и семантический аспекты фразеосхемы с опорным компонентом *хорош*: «Построения типа *Хорош жених!* обозначают отсутствие у того, кому (чему) приписывается предикативный признак, свойств, качеств, характерных для называемого; это значение обычно сочетается с иронической оценкой. В прилагательном происходит ослабление конкретного лексического значения. [1-я девушка] Стало-быть, вы барышень на голубей хотите променять! *Хорош кавалер!* (Горбунов. Самодур)» [Там же. С. 279].

Д.Н. Шмелёв при обращении к данной фразеосхеме акцентирует внимание на появлении «особого» значения высказывания в специфическом синтаксическом контексте: «Проиллюстрировать, как на основе частого экспрессивно-иронического употребления отдельных слов в определённых

синтаксических условиях формируется их особое значение, может также прилагательное хороший (в краткой форме). Находясь в препозиции к имени, оно нередко употребляется для отрицательной оценки. При этом, однако, оно получает не только «обратное значение» («плохой, нехороший»), но и служит вообще для отрицания значения последующего существительного (или субстантивированного прилагательного)» [18. С. 68].

Итак, перейдём к системному описанию объекта исследования.

В системе русского языка функционируют две сходные синтаксические конструкции фразеологизированного типа **«Хорош + N₁!»**. Данные СФЕ обладают целым рядом интегральных и дифференциальных признаков и соотносятся как омонимичные. Настоящая статья посвящена изучению их языковых и речевых свойств, а также установлению их языкового статуса и характера взаимоотношений в системе языка.

В результате проведённого исследования было установлено, что обе синтаксические конструкции относятся к классу фразеосхем.

Фразеосхема **«Хорош + N₁!¹»** в системе языка имеет два значения:

1) «выражает негативную оценку предмета, который формально оценивается положительно; в сочетании с неодобрением, порицанием, возмущением, иронией и т.п.», например:

– *Хорош друг!* – говорил Тарантьев. – Я слышал, он и невесту у тебя поддел; благодетель, нечего сказать! (1) фразеосинтаксическое значение: «негативная оценка предмета»; 2) диктум: «Плохой друг»; 3) модус: «выражение иронии, неодобрения, порицания и т.п. в отношении друга») (И. Гончаров. Обломов);

2) «выражает высокую степень проявления качества предмета в сочетании с разнообразными эмоциями», например:

– *Так ты говоришь, полиция за восемь тысяч дом-то продала? – переспросила она. – Так точно. – Это родительское-то благословение! Хорош... мерзавец!* (М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

Фразеосхема **«Хорош + N₁!²»** производна. Она сформирована на основе простого предложения с прямым порядком слов: «подлежащее + сказуемое». Например:

Книга хороша потому, что учит редактора быть художником (А. Мильчин. В лаборатории редактора Лидии Чуковской).

На первом этапе формирования фразеосхемы происходит переосмысление лексемы с оценочной семантикой (имени прилагательного в полной или краткой форме) на противоположное. Такое явление называется энантиосемией. Условием переосмысления выступает «специфическое» контекстуальное окружение преимущественно лексико-семантического плана. При этом высказывание в целом приобретает иронический, разговорный характер. Например:

– *Ты-то хорош,* – нахмурился Васька. – Сам убежал, а меня оставил. (А. Гайдар. Дальние страны).

Однако чаще всего переосмысление энантиосемического характера происходит под влиянием дополнительных контекстуальных факторов,

имеющих системный характер, облегчающих такую трансформацию и предрасполагающих к ней. В роли такого контекстуального актуализатора энантиосемического значения выступает какой-либо грамматический показатель, в частности изменение нейтрального словопорядка в предложении: «...изменением нейтрального словорасположения могут выражаться те или иные субъективно-модальные значения. Это чаще всего значения отрицательного отношения, недоверия, иронии. В начальную позицию в предложении при этом выносятся предикативно значимый член предложения; такие выносы всегда выделяются центром ИК-2. Предложение часто имеет форму прош. или буд. вр.: *Поймет (понял) он тебя!* ((конечно, не поймет)); *Поедет (поехала) она с тобой (как же)!*; *Дадут (дали) тебе премию (дождидся)!*; *Охота ему (была) ехать в такую погоду!*; *Друг он тебе (прямо уж)!*; *Хорош мальчик!* ...Конситуативно обусловленное значение так вынесенных слов оказывается обратным их прямому значению...» [5. С. 223]. Например:

– *Хорош друг*, – безразлично сказал Один. – А я тебе верил (В. Токарева. Глубокие родственники).

По мнению Д.Н. Шмелёва, «...именно данный порядок слов, закрепляя их ироническое значение, как это ни покажется с первого взгляда парадоксальным, в значительной мере освобождает их от иронической (в узком смысле этого слова) интонации» [18. С. 67]. С другой стороны, для придания фразе типа *Стану я читать!* утвердительного значения требуется какое-то большее напряжение интонации, какой-то «особый» контекст, а вот отрицательное значение является более естественным [Там же. С. 64], так как оно синтаксически обусловлено: «...экспрессивно-ироническое переосмысление утвердительных по лексическому составу конструкций... связано с... более или менее устойчивой моделью соответствующих конструкций...» [Там же. С. 75].

«Субъективный» порядок слов в высказывании позволяет говорящему акцентировать внимание адресата на предмете речи и придаёт высказыванию экспрессивность.

Таким образом, формирование синтаксической модели предложения, специализирующейся на выражении энантиосемического значения, можно рассматривать в качестве второго этапа образования фразеосхемы «**Хорош** + N₁!¹». «Специализация» синтаксической модели означает появление у синтаксической конструкции первых признаков фразеологизации.

Изменению её языкового статуса способствует также специфика значения лексемы *хороший*, которая заключается в высокой степени обобщённости значения признака: «1. Обладающий положительными качествами, свойствами, вполне отвечающий своему назначению» [47. Т. 4. С. 620]. Таким образом, дейктический характер семантики слова *хороший* (самое общее значение «положительной оценки») выступает в качестве дополнительного фактора, способствующего формированию фразеосхемы. Можно сказать, что значение данной лексемы уже в системе языка частично деактуализировано, лишено конкретно-лексического характера. Дело в том, что

при исследовании фразеосхем различных групп, структурируемых по лексико-грамматическому статусу опорного компонента, было установлено, что лексемы с максимально обобщённым, абстрактным (частицы, междометия и союзы) или дейктическим (местоимения) значением более активно и продуктивно участвуют в процессе фразеологизации свободных синтаксических конструкций и их трансформации в синтаксические фразеологические единицы, в частности во фразеосхемы. Например:

– ...*Всё-таки перегибает, значит, Ворopaев, не знает вашего дела? А? Вот и угоди на вас!* (П. Павленко. Чья-то жизнь); – *А мой отец подвернулся под горячую руку. – Да почему? – Специально дождался меня у магазина. Ну не подхалим!* (В. Шукшин. Обида).

Именно данная специфика значения лексемы *хороший* способствовала тому, что на следующем этапе фразеологизации данной синтаксической конструкции лексическое значение данного слова было полностью деактуализировано, в результате чего была сформирована фразеосхема «Хорош + N₁!²» (об этом см. ниже).

При фразеологизации свободных синтаксических конструкций часто отмечаются элиминации различного типа. Таким образом, переход от полной к краткой форме лексемы *хорош* также сопутствует фразеологической трансформации рассматриваемой синтаксической конструкции. К слову сказать, другие имена прилагательные в таких грамматических условиях практически не функционируют.

В процессе фразеологизации исследуемой синтаксической конструкции лексема *хорош* утрачивает категориальное значение краткой формы прилагательного, которая призвана обозначать «временный признак предмета». В анализируемых речевых реализациях фразеосхемы данная сема не обнаружена, что свидетельствует о частичной деактуализации грамматического значения опорного компонента фразеосхемы. Например:

– *А наемднн обращается ко мне и спрашивает: «В чем это у тебя рыло? Пойди к Макару, пусть он тебе шваброй вымоет!» Хорошиш шутки!* («Это плохие шутки (всегда) + негативное отношение к собеседнику и т.п.») (А. Чехов. Депутат, или повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало).

В качестве дополнительного признака фразеологизации данной синтаксической конструкции следует отметить тот факт, что лексема *хорош*, формально выполняющая функцию сказуемого, как правило, не подвергается распространению в речи, что является типичным признаком обязательного неизменяемого компонента фразеосхемы, например:

– *Разве можно давать детям деньги? И разве можно позволять им играть в азартные игры? Хороша педагогия, нечего сказать!* (А. Чехов. Девтора).

При формировании второго значения фразеосхемы появляется дополнительный признак фразеологизации, что свидетельствует о его вторичном производном статусе, например:

– *Так ты говоришь, полиция за восемь тысяч дом-то продала? – переспросила она. – Так точно. – Это родительское-то благословение! Хо-*

рош... мерзавец! (1) фразеосинтаксическое значение: «высокая степень проявления качества предмета»; (2) диктум: «Он мерзавец»; (3) модус: «выражение возмущения, порицания, огорчения и т.п. в отношении мерзавца») (М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы). Как видим, лексическое значение «*негативной оценки предмета речи*» деактуализируется в части обозначения конкретного знака оценки и сохраняется лишь значение «*степени проявления свойства / качества*». Таким образом, процесс фразеологизации данной синтаксической модели является непрерывным и динамичным: степень её фразеологизации постоянно увеличивается от первого ко второму значению фразеосхемы «**Хорош + N₁¹**» и при формировании фразеосхемы «**Хорош + N₁²**» на основе фразеосхемы «**Хорош + N₁¹**» (об этом см. ниже).

Опорный компонент *хорош* является простым, не имеет полной формы, а потому не изменяется по падежам, при этом обладает полной парадигмой рода и числа, например:

[Анна Павловна:] *Да, кажется, теперь успокоилась. [Няня:] Хорош^о спокойствие. Смотреть тошно* (Л. Толстой. Живой труп); – *Значит, Арман заболел? – Хорош^а болезнь*, – сказал он с презрением (Р. Мерль. Мальвиль); – *Ах так! – Эдуард встал и подошёл к Олегу. – Хорош^и дружок, нечего сказать* (В. Аксёнов. Пора, мой друг, пора); – *Нечего сказать, хороши^и порядки!* – сказал он, бросая папиросу (А. Чехов. Двое в одном).

Таким образом, опорный компонент фразеосхемы «**Хорош + N₁¹**» в первом значении характеризуется частичной деактуализацией грамматического значения, во втором – добавляется частичная деактуализация лексического значения.

Такой подход к интерпретации языкового статуса лексемы *хорош* в составе фразеосхемы «**Хорош + N₁¹**» вполне коррелирует с определением места данной синтаксической конструкции в системе фразеологических ресурсов русского языка: «В третью группу входят конструкции, образованные в соответствии с действующими синтаксическими нормами, но включающие в свой состав в качестве незаменимого компонента такие слова или сочетания, в которых, при сохранении категориальных значений, в той или иной степени ослабляется конкретное лексическое значение; такие слова и сочетания становятся обязательным формантом предикативной единицы определённого модального значения. Подобные образования лишь условно могут быть отнесены к фразеологизмам. Таковы построения типа: *Какая его жизнь! Хорош^и друг!..*» [17. С. 278]. В соответствии с традиционной шкалой разрядов фразеологических единиц фразеосхему «**Хорош + N₁¹**» следует отнести к фразеосхемам-сочетаниям [37. С. 182–184; 48].

Обязательный изменяемый компонент фразеосхемы «**Хорош + N₁¹**» репрезентирован двумя лексико-грамматическими разрядами слов: именем существительным (N₁) и личным местоимением (Pron₁) в именительном падеже. С учётом данного обстоятельства план выражения данной фразеосхемы следует несколько расширить за счёт вариативного компонента: «**Хорош(-а, -о, -и) + N₁ [Pron₁]¹**». Таким образом, его лексико-

грамматическая парадигма дефектна, морфологическая парадигма падежа – нулевая (только форма именительного падежа), рода (для им. сущ.), лица (для мест.) и числа – полная. Например:

– *Воображаю – **хорош гусь!** – сказал генерал, смеясь. – Ну да, управитель так и оторопел, говорит: «Что вам угодно?»*» (Н. Гоголь. Мертвые души); – *Из поповен прямо в чиновницы. **Хороша чиновница!** Дай ты ей наше дело, так она тебе и впишет входящую в исходящие* (А. Чехов. Женское счастье); *Когда после кадрили к вдовушке подошел ее давнишний семнадцатилетний обожатель, она приняла его холодно. – **Хороши вы,** – сказала она ему, глядя в это время на спину Турбина, – **хороши вы:** обещали за мной заехать кататься и конфет мне привезти* (Л. Толстой. Два гусара).

По роду и числу обязательный неизменяемый и изменяемый компоненты фразеосхемы согласовываются, что свидетельствует об актуальности синтаксических связей и о низкой степени фразеологизации синтаксической конструкции в целом. Низкий уровень фразеологизации частично компенсируется ограниченными парадигматическими возможностями обязательного изменяемого компонента, отсутствием синтаксической парадигмы в связи с необратимостью порядка следования обязательного неизменяемого и изменяемого компонентов, а также отсутствием факультативных компонентов структуры фразеосхемы. Последнее является весьма нетипичным для фразеосхем. К этому можно добавить практически полное отсутствие распространения синтаксической структуры фразеосхемы, несмотря на то, что обязательный изменяемый компонент не обладает какими-либо ограничениями в данном аспекте. Распространение синтаксической структуры фразеосхемы разрушает её целостный и устойчивый характер, актуализирует семантическое наполнение лексемы *хорош* и в результате ведёт к изменению статуса синтаксической конструкции (переводит в разряд «свободных»). Это связано с низким уровнем её фразеологизации. Например:

– *Откуда валюту взял? – В руках никогда не держал! Брал, но брал нашими советскими!.. **Хорош и наш секретарь Пролежнев.** Прямо скажем, все воры в домоуправлении* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Тоже самое можно сказать и о варьировании форм времени, например:

– *Сколько я наделал глупостей по их милости! – бормотал он на бегу. **Хорош же я буду теперь.** Ах, какой урок! Какой урок!* (Э. Золя. Карьера Ругонов).

Фразеосхема «**Хорош(-а, -о, -и) + N₁ [Pron₁]!¹**» обладает всеми фразеологическими признаками.

Воспроизводимость фразеосхемы проявляется в том, что коммуниканты используют данную синтаксическую конструкцию в качестве готовой.

Структурная устойчивость обусловлена наличием обязательных неизменяемого и изменяемого компонентов структурной схемы, в отсутствии лексико-грамматической и лексико-семантической парадигмы опорного компонента, в ограничении морфологического варьирования; в наличии

дефектной лексико-семантической парадигмы обязательного изменяемого компонента, в отсутствии у него морфологической парадигмы; в необратимости порядка следования обязательных неизменяемого и изменяемого компонентов. Семантическая устойчивость – наличием «стереотипного» фразеосинтаксического значения («негативной оценки» / «высокой степени проявления качества предмета»).

Структурная целостность связана с невозможностью опущения одного из обязательных компонентов фразеосхемы, семантическая целостность – с наличием фразеосинтаксического значения, которое представляет собой не сумму значений структурных компонентов предложения, а обусловлено совокупностью факторов, детерминированных процессом его фразеологизации и закреплено за синтаксической моделью предложения в целом.

Идиоматичность данной фразеосхемы проявляется в следующем.

В первом значении у фразеосхемы эксплицитно не представлено фразеосинтаксическое значение «негативной оценки предмета», структурирующее диктумный аспект её значения, например:

– *Что это была за странная история с одеждой? – Это была ошибка. – Хороша ошибка! К этой девочке ты больше не лезь: тебя ее сестра не любит.* («1) фразеосинтаксическое значение: «негативная оценка предмета»; 2) диктум: «Плохая ошибка»; 3) модус: «выражение удивления, возмущения, порицания и т.п. в отношении собеседника») (А. Гайдар. Тимур и его команда). Кроме того, здесь формально не репрезентировано модусное значение, представленное разнообразными семами субъективно-эмоционального плана.

Во втором значении у фразеосхемы идиоматичным является фразеосинтаксическое значение «высокой степени проявления качества предмета», а также модусное значение, например:

– *Я, – говорит, – надеялась, когда он туда ездил, – договорятся, а она, видать, получше нашла. Побогаче! Американца, не из наших дураков, – в голосе тётки Зины, только что таком сладком, неожиданно появилась ярость. – Также хороша стерва. А Катюха, может, так никогда и не выйдет замуж.* (1) фразеосинтаксическое значение: «высокая степень проявления качества предмета»; 2) диктум: «Она стерва»; 3) модус: «выражение возмущения, порицания, огорчения и т.п. в отношении стервы») (Н. Катерли. Дневник сломанной куклы).

В структуре фразеосхемы имеется признак аграмматичности, например:

Трёх-четырёхмесячной давности «Караван историй», свежий номер которого стоит 50 рублей, продавался там... по 46 рублей. Хороша уценка, не правда ли? Специально три недели ежедневно ходил к киоску и без удивления обнаруживал, что ни один из «уценённых» номеров так и не был продан («Плохая уценка...») (Кот в целлофановом мешке (2002) // «Витрина читающей России». 2002.08.02). В значении данного высказывания отсутствует сема «временный признак предмета», репрезентируемая краткой формой прилагательного: «Такая (маленькая) уценка всегда и вообще является плохой, а не только в данном случае». Это свидетельствует о том,

что грамматическое значение лексемы *хорош* также является частично идиоматичным.

Разговорная стилистическая маркированность появляется ещё на одном из этапов формирования фразеосхемы, поэтому к идиоматичным её отнести нельзя, как это, как правило, бывает у единиц данного класса. Вынос на первое место лексемы *хороша*, даже в её прямом положительном значении придаёт высказыванию разговорный характер за счёт появления экспрессивности, продуцируемой семой «интенсивности» («акцентуации»), например:

– Нет, не шиньон, а собственные мои волосы. Я когда-нибудь их перед вами распушу, дядя. – Да, **хороша коса**, – похвалил Иудушка (М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

Таким образом, фразеосхема «Хорош(-а, -о, -и) + N₁ [Pron₁]¹» обладает минимальным по сравнению с другими фразеосхемами набором признаков идиоматичности и по степени фразеологизации относится к фразеосхемам-сочетаниям.

При этом она способна продуцировать несколько СФЕ более высокого класса (более высокой степени фразеологизации) – коммуникем [49]: **Хорошенькая [хорошая] история!**, **Хорош!**, **Хорошенькое [хорошее] дело [дельце]!** Например:

1) **Хорош!**¹ 2. Ирон. Выражение упрёка, насмешки, осуждения, негат. оц. и т.п. – Болтанка сильная была, когда прыгали. У меня валенок и слетел... ещё в воздухе. – **Хорош!** Как это ты ещё штаны не потерял (В. Кожевников. Март-апрель);

2) **Хорошенькое [хорошее] дело [дельце]!** 1. Выражение одобрения, похвалы и т.п.

– Всё играешь, Славка? – спросил дядя Володя. – Играет! – встряла мать. <...> – **Хорошее дело**, – сказал дядя Володя (В. Шукшин. Вянет, пропадает...).

2. Ирон. Выражение возмущения, неодобрения, огорчения, досады, порицания и т.п.

– Кулака надо вырывать с корнем! – Полька не корень. Она моя жена... почесть. – “Почесть?” **Хорошенькое дело!**... (М. Алексеев. Вишнёвый омут).

Рассмотрим фразеосхему «Хорош + N₁!²», сделав акцент на дифференциальных признаках. Данная фразеосхема в системе языка имеет одно значение: «выражает несогласие, отрицание факта, который формально утверждается и положительно оценивается; в сочетании с удивлением, недоверием, неодобрением, пренебрежением, возмущением, насмешкой, иронией и т.п. (обычно при повторе в ответной реплике ключевого по смыслу слова)», например:

– **Хорошо добро**: ни с того ни с сего взять чужие деньги, бриллианты, да ещё какую-нибудь Голендуху Парамоновну, впридачу! («Это не добро + удивление, неодобрение, ирония и т.п.») (И. Гончаров. Обрыв). Актуализатором значения отрицания в данном примере выступает содержание экзи-

стенциальной пресуппозиции, связанное с негативной оценкой («такой поступок – это зло, т.е. не добро») всеми коммуникантами поступка, описываемого в правом контексте («ни с того ни с сего взять чужие деньги, бриллианты»). Сравните:

– *Хорош абрек, – говорю, – который по мышам пальбу подымает!* (1) фразеосинтаксическое значение: «негативная оценка предмета»; 2) диктум: «Плохой абрек»; 3) модус: «выражение иронии, неодобрения, порицания и т.п. в отношении абрека») (Ф. Искандер. Чик чит обычаи). Во втором примере контекстуальные условия имеют сходный характер: всем известно, что «настоящий (т.е. хороший) абрек по мышам палить не будет»; при этом абрек, который по мышам пальбу подымает, не перестаёт по этой причине быть абреком, но становится абреком порицаемым, т.е. негативно оцениваемым (плохим) своими собратьями («**Абрек**. В период присоединения Кавказа к России: горец, ведший борьбу против царской администрации и русских войск (первоначально: изгнанник из рода; разбойник)» [50. С. 23]). Поэтому содержание данной пресуппозиции актуализирует именно значение негативной оценки, а не отрицания.

Сравнительный анализ означаемого обеих фразеосхем свидетельствует о том, что их план содержания существенно различается. Фразеосхема «**Хорош + N₁!**¹» выражает два категориальных значения: «негативной оценки» и «высокой степени проявления качества предмета». Фразеосхема «**Хорош + N₁!**²» выражает значение «отрицания». Данные виды значений в теории семантики традиционно относятся к различным группам. В целом обе фразеосхемы тесно связаны со значением негативной оценки, однако для первой фразеосхемы в первом значении оно является категориальным и относится к диктуму, а для второй – дополнительным и репрезентирует модус. Второе значение фразеосхемы «**Хорош + N₁!**¹» также связано со значением оценки (модус), однако данная оценка может быть как негативной, так и положительной.

Данная фразеосхема производна и сформирована на основе фразеосхемы «**Хорош + N₁!**¹». Таким образом, она представляет собой дальнейшее развитие процесса фразеологизации исходной синтаксической конструкции, который выражается в следующем.

Опорный компонент *хорош* фразеосхемы «**Хорош + N₁!**¹» в результате её реализации в новом значении («отрицания») полностью деактуализируется: утрачивает актуальность своего лексико-семантического наполнения, а также грамматического статуса (фразеосхема имеет статус отрицательно-го, а не оценочного).

Благодаря «укреплению» фразеологического статуса фразеосхемы опорный компонент *хорош* получил дополнительную парадигму по признаку полная / краткая форма: «**Хорош(-а, -и, -о, -ий, -ая, -ие, -ое, -ее) + N₁!**²». Морфологическая парадигма имени прилагательного в полной форме такая же, как и в краткой форме (рода и числа). Например:

*Я говорю: – Пустяки, Марья Васильевна Блохина. Еще продержатся. – А деверь нажрался арбуза и отвечает: – То есть как это пустяки? **Хорошие пустяки!** Вдова их в гости приглашает, а они у вдовы предметы тю-*

кают. – А Марья Васильевна осматривает стакан и все больше расстраивается. («1) фразеосинтаксическое значение: «отрицание»; 2) диктум: «Это не пустяки»; 3) модус: «выражение удивления, неодобрения, возмущения, иронии и т.п.») (М. Зощенко. Стакан).

Таким образом, опорный компонент фразеосхемы «Хорош(-а, -и, -о, -ий, -ая, -ие, -ое, -ее) + N₁!²» полностью деактуализирован в лексико-семантическом аспекте и частично (в значительной степени) – в грамматическом: утрачен частеречный статус (категориальное значение «признаковости»), но сохранено морфологическое значение.

Лексико-грамматическая парадигма обязательного изменяемого компонента стала нулевой: только имя существительное (N₁).

В связи с полной деактуализацией опорного компонента к разряду идиоматичных следует отнести фразеосинтаксическое значение «отрицания», а также модусное значение.

Полная деактуализация опорного компонента значительно повысила степень фразеологизации данной фразеосхемы, что позволяет отнести её к разряду фразеосхем-единств.

Проведённое исследование показало, что, во-первых, обе синтаксические конструкции имеют статус фразеосхемы. Во-вторых, данные фразеосхемы соотносятся как омонимичные (омоформы): они находятся в отношениях деривации, имеют существенные различия во фразеологическом статусе опорного компонента, в репрезентативности обязательного изменяемого компонента, в семантике, а также относятся к различным фразеологическим разрядам. В-третьих, описываемые единицы языка отличаются противоречивой природой: одновременно находятся под воздействием двух противоположных принципов устройства языка – экономии и избыточности, а также совмещают в себе два противоположных свойства – стереотипность и эмоциональность. В-четвёртых, несмотря на низкую степень фразеологизации, фразеосхема «Хорош + N₁!¹» является весьма динамичной во фразеологическом аспекте: на её основе сформирована фразеосхема «Хорош + N₁!²», а также несколько СФЕ (коммуникем) с более высоким уровнем фразеологизации. Это свидетельствует о высоком фразеологическом потенциале фразеосхемы «Хорош + N₁!¹». В-пятых, процесс фразеологизации описываемой синтаксической модели является непрерывным и поступательным: степень её фразеологизации постоянно увеличивается от первого ко второму значению фразеосхемы «Хорош + N₁!¹» и при формировании фразеосхемы «Хорош + N₁!²» на основе фразеосхемы «Хорош + N₁!¹».

Литература

1. Лантева О.А. Нерешенные задачи изучения структуры современного русского литературного языка и устной литературной речи в его составе // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003. С. 270–274.

2. Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г., Прохоров Ю.Е. Национально-культурные единицы общения в современном культурном пространстве – лингвометодический аспект // Русский язык в Армении. 2003. № 3. С. 3–5.

3. *Белинский В.Г.* Басни Ивана Крылова // Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 4. 889 с.
4. *Русская разговорная речь* / отв. ред. Е.А. Земская. М., 1973. 485 с.
5. *Русская грамматика* : в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980. Т. 2. 717 с.
6. *Якубинский Л.П.* О диалогической речи // *Русская речь* / под ред. Л.В. Щербы. Л., 1923. Вып. 1. С. 171–178.
7. *Шмелёв Д.Н.* Синтаксически связанные конструкции-фразеосхемы // Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976. 152 с.
8. *Янко-Триницкая Н.А.* Фразеологичность языковых единиц разных уровней языка // *Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1969. Вып. 5, т. 28. С. 429–436.
9. *Фортунатов Ф.Ф.* Сравнительное языковедение. Общий курс // Академик Ф.Ф. Фортунатов. Избранные труды. М., 1956. Т. 1. 220 с.
10. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Языки русской культуры, 1997. 576 с.
11. *Тестелец Я.Г.* Введение в общий синтаксис. М. : Изд-во РГГУ, 2001. 798 с.
12. *Никитин М.В.* О семантике метафоры // *Вопросы языкознания*. 1979. № 1. С. 91–103.
13. *Вардуль И.Ф.* Основы описательной лингвистики: Синтаксис и супрасинтаксис. М. : Наука, 1977. 350 с.
14. *Скребнев Ю.М.* Введение в коллоквиалистику. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 206 с.
15. *Jackendoff R.* The boundaries of the lexicon // *Idioms: Structural and psychological perspectives*. Hillsdale ; New Jersey ; Hove (UK), 1995.
16. *Fillmore Ch.J., Kay P., O'Connor C.* Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of let alone // *Language*. 1988. Vol. 64. P. 501–538.
17. *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960. 378 с.
18. *Шмелёв Д.Н.* Экспрессивно-ироническое выражение отрицания // *Вопросы языкознания*. 1958. № 6. С. 63–75.
19. *Шмелёв Д.Н.* Современный русский язык: Лексика. М., 1977. 335 с.
20. *Kay P.* An Informal Sketch of a Formal Architecture for Construction Grammar // *Grammars*. 2002. Vol. 5, is. 1. P. 1–19.
21. *Fillmore Ch., Kay P.* Construction Grammar Coursebook: manuscript. University of California at Berkeley, Department of linguistics, 1993.
22. *Croft W., Cruse D.A.* Cognitive linguistics. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004.
23. *Hoffmann T., Trousdale G.* Construction grammar: Introduction. The Oxford handbook of construction grammar. Oxford : Oxford Univ. Press, 2013. P. 1–14.
24. *Добровольский Д.О.* Грамматика конструкций и фразеология // *Вопросы языкознания*. 2016. № 3. С. 7–21.
25. *Langacker R.W.* An overview of cognitive grammar // *Topics in Cognitive Linguistics* / ed. by Brygida Rudzka-Ostyn. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1988. P. 49–89.
26. *Ройзензон Л.И.* Фразеологизация как лингвистическое явление // *Труды Самарканд. гос. ун-та. Новая серия*. 1961. № 113. С. 46–53.
27. *Озаровский О.* К характеристике безлично-предикативных фразеологизмов в современном русском языке // *Учёные записки Киргизского университета. Славянский сборник* II. 1963. Вып. 10. С. 163–172.
28. *Кодухов В.И.* Синтаксическая фразеологизация // *Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе* / ред. Р.Н. Попов. Вологда, 1967. С. 123–136.
29. *Новикова Л.И.* О структурно-семантических свойствах сложных предложений с устойчивым сочетанием типа «стоило... как», «стоило... чтобы» // *Учёные записки Пермского государственного педагогического института*. 1974. Т. 123. С. 122–136.
30. *Сиротина О.Б.* Порядок слов в русском языке. Саратов, 1965. 172 с.

31. Слепцова А.М. Фразеологизация и фразеологизм (к вопросу о синтаксических фразеологизмах) // Вопросы грамматики и лексики русского языка. Известия Воронежского государственного педагогического института. 1972. Т. 126. С. 69–74.
32. Эстрина Л.С. Фразеологизация обобщенно-уступительных придаточных предложений // Известия Воронежского государственного педагогического института. 1969. Т. 68. С. 89–93.
33. Гаврин С.Г. Проблема систематизации устойчивых сочетаний современного русского языка в функциональном аспекте // Ученые записки МОПИ. 1966. Вып. 11, т. 160. С. 260–273.
34. Копотев М.В. Принципы синтаксической идиоматизации. Хельсинки : Helsinki University Press, 2008. 52 с.
35. Вилинбахова Е.Л., Копотев М.В. «Х есть Х» значит «Х это Х»? Ищем ответ в синхронии и диахронии // Вопросы языкознания. 2017. № 3. С. 110–124.
36. Никунласси А. Синтаксис фокусной частицы только и // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 7–30.
37. Меликян В.Ю. Современный русский язык: Синтаксическая фразеология : учеб. пособие для студентов. 3-е изд. М. : Флинта : Наука, 2017. 232 с.
38. Гаврин С.Г. Фразеологизация элементов речевого потока как лингвистическое явление: (В связи с проблемой развития фразеологического состава) // Вопросы русского языка и методики его преподавания. Ученые записки Пермского государственного педагогического университета. Пермь, 1966. Вып. 34. С. 9–34.
39. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов н/Д, 1964. 316 с.
40. Шмелёв Д.Н. О синтаксической членимости предложения // Русский язык в школе. 1965. № 2. С. 6–12.
41. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : URSS, 2001. 416 с.
42. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск : Наука, 1987. 197 с.
43. Николина Н.А. Современный русский синтаксис: предложение и его членимость // Межвузовский научный сборник. Владимир, 1994. С. 47–54.
44. Меликян В.Ю. Словарь экспрессивных устойчивых фраз: фразеосхемы и устойчивые модели. 3-е изд. М. : Флинта : Наука, 2017. 336 с.
45. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
46. Даллакян О.Г. Фразеосинтаксические схемы с опорными компонентами *дался, нашел, нашел кто, нашелся, надо же, нужно, охота*: язык и речь : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2010. 185 с.
47. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985. Т. 4. 790 с.
48. Меликян В.Ю., Меликян А.В., Посиделова В.В. Classification of English fixed phrase schemes according to phraseological hierarchy // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 145–151.
49. Меликян В.Ю. Синтаксический фразеологический словарь русского языка. М. : Флинта : Наука, 2013. 400 с.
50. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2006. 1536 с.

Fixed Phrase Schemes “Khorosh + N₁!¹” and “Khorosh + N₁!²” in the Contemporary Russian Language

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 67. 129–153. DOI: 10.17223/19986645/67/7

Vadim Yu. Melikyan, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: melikyanv@mail.ru / melikyanv@sfedu.ru

Keywords: syntactic phraseology, construction grammar, fixed phrase scheme, construction models, Russian language.

The article aims to determine the linguistic status of syntactic constructions “Khorosh + N₁!” and “Khorosh + N₁!”: their signifier and signified, etymology, paradigmatics, and syntagmatics are studied; the phraseological status (fixed phrase scheme) and the degree of idiomaticity are established. The study was fulfilled within the framework of the syntactic phraseology theory. Its significance is determined by the high efficiency (a large array and frequency in speech) of “ready” linguistic forms (stable, stereotyped, standardized, idiomatic sentences) in specialized speech conditions due to their dynamism and expressivity. The aim is the systematization of the fixed phrase schemes inventory in the Russian language that will contribute to further formation of the syntactic phraseology theory and to the solution of a number of particular problems: the distribution of the fixed phrase schemes by their types, etc. The study examines the key tenets of Construction Grammar (CxG): compares the methodology of two approaches, identifies the shortcomings of CxG; the current practice of the fixed phrase schemes studying on the basis of different languages is analyzed, and the fact that there are no meaningful results of the fixed-phrase schemes study within the CxG framework is stated; it is concluded that a special toolkit should be developed to study free and idiomatic structures. The descriptive and transformational methods as well as the method of componential analysis of the propositional sentence structure, syntactic modelling, and phraseological, etymological, contextual, and discursive analysis are used. The illustrative material was extracted from the Russian National Corpus, phraseological and explanatory dictionaries, fiction literature of the 19th–21st centuries, and oral speech recordings using continuous sampling method. It has been established that the studied syntactic constructions refer to the fixed phrase schemes rank; the given fixed phrase schemes correlate as derivative ones, they have considerable differences in the idiomatic status of the compulsory component, in the representativeness of the compulsory changeable component, and in semantics, and they refer to different idiomatic ranks (combination and unity), that is why they are homonymous; the described idioms have a controversial nature: they are simultaneously influenced by two opposite principles of language arrangement—economy and redundancy, and they also combine two opposite qualities—stereotyping and emotionalism; despite the low phraseologization degree, the fixed phrase scheme “Khorosh + N₁!” has a high idiomatic potential: it is a base for the fixed phrase scheme “Khorosh + N₁!”, as well as several syntactic idioms with a higher idiomatic degree (communicemes).

References

1. Lapteva, O.A. (2003) Nereshennye zadachi izucheniya struktury sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka i ustnoy literaturnoy rechi v ego sostave [Unsolved problems of studying the structure of the modern Russian literary language and oral literary speech in its composition]. In: *Problemy rechevoy kommunikatsii* [Problems of Speech Communication]. Saratov: Saratov State University. pp. 270–274.
2. Burvikova, N.D., Kostomarov, V.G. & Prokhorov, Yu.E. (2003) Natsional'no-kul'turnye edinye obshcheniya v sovremennom kul'turnom prostranstve – lingvometodicheskiy aspekt [National-cultural units of communication in the modern cultural space – the linguamethodological aspect]. *Russkiy yazyk v Armenii*. 3. pp. 3–5.
3. Belinskiy, V.G. (1954) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. IV. Moscow: USSR AS.
4. Zemskaya, E.A. (ed.) (1973) *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian Colloquial Speech]. Moscow: Nauka.
5. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. 2. Moscow: Nauka.

6. Yakubinskiy, L.P. (1923) O dialogicheskoy rechi [On dialogical speech]. In: Shcherba, L.V. (ed.) *Russkaya rech'* [Russian Speech]. Vol. 1. Petrograd: Izdatel'stvo foneticheskogo instituta prakticheskogo izucheniya yazykov. pp. 171–178.
7. Shmelev, D.N. (1976) *Sintaksicheskaya chlenimost' vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke* [Syntactic Divisibility of Utterances in Modern Russian]. Moscow: Nauka.
8. Yanko-Trinitskaya, N.A. (1969) Frazеologichnost' yazykovykh edinit raznykh urovney yazyka [Phraseology of linguistic units of different levels of language]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 5 (28). pp. 429–436.
9. Fortunatov, F.F. (1956) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo.
10. Bulygina, T.V. & Shmelev, A.D. (1997) *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* [Linguistic Conceptualization of the World (Based on the material of Russian grammar)]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
11. Testeleys, Ya.G. (2001) *Vvedenie v obshchiy sintaksis* [An Introduction to General Syntax]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
12. Nikitin, M.V. (1979) O semantike metafory [On the semantics of metaphor]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1. pp. 91–103.
13. Vardul', I.F. (1977) *Osnovy opisatel'noy lingvistiki: Sintaksis i suprasintaksis* [Fundamentals of Descriptive Linguistics: Syntax and Suprasyntax]. Moscow: Nauka.
14. Skrebnev, Yu.M. (1985) *Vvedenie v kollokvialistiku* [Introduction to Colloquial Studies]. Saratov: Saratov State University.
15. Jackendoff, R. (1995) The boundaries of the lexicon. In: Everaert, M. et al. (eds) *Idioms: Structural and psychological perspectives*. Hillsdale; New Jersey; Hove (UK): Erlbaum.
16. Fillmore, Ch.J., Kay, P. & O'Connor, C. (1988) Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of let alone. *Language*. 3 (64). pp. 501–538. DOI: 10.2307/414531
17. Shvedova, N.Yu. (1960) *Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi* [Essays on the Syntax of Russian Colloquial Speech]. Moscow: USSR AS.
18. Shmelev, D.N. (1958) Ekspressivno-ironicheskoe vyrazhenie otritsaniya [Expressive-ironic expression of negation]. *Voprosy yazykoznaniya*. 6. pp. 63–75.
19. Shmelev, D.N. (1977) *Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika* [Modern Russian language. Lexis]. Moscow: Prosveshchenie.
20. Kay, P. (2002) An Informal Sketch of a Formal Architecture for Construction Grammar. *Grammars*. 1 (5). pp. 1–19.
21. Fillmore, Ch. & Kay, P. (1993) *Construction Grammar Coursebook: manuscript*. Berkeley: University of California at Berkeley, Department of linguistics.
22. Croft, W. & Cruse, D.A. (2004) *Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
23. Hoffmann, T. & Trousdale, G. (2013) *The Oxford Handbook of Construction Grammar*. Oxford: Oxford University Press. pp. 1–14.
24. Dobrovol'skiy, D.O. (2016) Construction grammar and phraseology. *Voprosy yazykoznaniya*. 3. pp. 7–21. (In Russian). DOI: 10.31857/S0373658X0000999-7
25. Langacker, R.W. (1988) An overview of cognitive grammar. In: Rudzka-Ostyn, B. (ed.) *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. pp. 49–89.
26. Royzenzon, L.I. (1961) Frazеologizatsiya kak lingvisticheskoe yavlenie [Phraseologization as a linguistic phenomenon]. *Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta. Novaya seriya*. 113. pp. 46–53.
27. Ozarovskiy, O. (1963) K kharakteristike bezlichno-predikativnykh frazeologizmov v sovremennom russkom yazyke [On the characteristic of impersonal-predicative phraseological units in modern Russian]. *Uchenye zapiski Kirgizskogo universiteta. Slavyanskiy sbornik II*. 10. pp. 163–172.

28. Kodukhov, V.I. (1967) Sintaksicheskaya frazeologizatsiya [Syntactic phraseologization]. In: Popov, R.N. (ed.) *Problemy frazeologii i zadachi ee izucheniya v vysshey i sredney shkole* [Problems of Phraseology and the Objectives of Its Study in Higher and Secondary Schools]. Vologda: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo. pp. 123–136.
29. Novikova, L.I. (1974) O strukturno-semanticheskikh svoystvakh slozhnykh predlozheniy s ustoychivym sochetaniem tipa “stoilo... kak”, “stoilo... chtoby” [On the structural and semantic properties of complex sentences with a fixed combination of the type “stoilo... kak”, “stoilo... chtoby”]. *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 123. pp. 122–136.
30. Sirotinina, O.B. (1965) *Poryadok slov v russkom yazyke* [Word Order in Russian]. Saratov: Saratov State University.
31. Sleptsova, A.M. (1972) Frazeologizatsiya i frazeologizm (k voprosu o sintaksicheskikh frazeologizmakh) [Phraseologization and phraseological unit (on the issue of syntactic phraseological units)]. *Voprosy grammatiki i leksiki russkogo yazyka. Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 126. pp. 69–74.
32. Estrina, L.S. (1969) Frazeologizatsiya obobshchenno-ustupitel'nykh pridatochnykh predlozheniy [Phraseologization of generalized concessional clauses]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 68. pp. 89–93.
33. Gavrin, S.G. (1966) Problema sistematizatsii ustoychivyykh sochetaniy sovremennogo russkogo yazyka v funktsional'nom aspekte [The problem of systematizing fixed combinations of the modern Russian language in the functional aspect]. *Uchenye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta*. 11 (160). pp. 260–273.
34. Kopotev, M.V. (2008) *Printsipy sintaksicheskoy idiomatizatsii* [The Principles of Syntactic Idiomatization]. Helsinki: Helsinki University Press.
35. Vilinbakhova, E.L. & Kopotev, M.V. (2017) Does “X est' X” mean “X eto X”? Looking for an answer in synchrony and diachrony. *Voprosy yazykoznaniya*. 3. pp. 110–124. (In Russian). DOI: 10.31857/S0373658X0001003-2
36. Nikunlassi, A. (2019) Syntax of the Focus Particle tol'ko i. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 7–30. (In Russian). DOI: 10.31857/S0373658X0004300-9
37. Melikyan, V.Yu. (2017) *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksicheskaya frazeologiya* [Modern Russian Language. Syntactic phraseology]. 3d ed. Moscow: Flinta: Nauka.
38. Gavrin, S.G. (1966) Frazeologizatsiya elementov rechevogo potoka kak lingvisticheskoe yavlenie (V svyazi s problemoy razvitiya frazeologicheskogo sostava) [Phraseologization of elements of the speech stream as a linguistic phenomenon (In connection with the problem of the development of phraseological composition)]. *Voprosy russkogo yazyka i metodiki ego prepodavaniya. Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 34. pp. 9–34.
39. Arkhangel'skiy, V.L. (1964) *Ustoychivye frazy v sovremennom russkom yazyke* [Fixed Phrases in Modern Russian]. Rostov-on-Don.
40. Shmelev, D.N. (1965) O sintaksicheskoy chlenimosti predlozheniya [On the syntactic divisibility of a sentence]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian Language at School*. 2. pp. 6–12.
41. Balli, Sh. (2001) *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General Linguistics and Questions of the French Language]. Moscow: URSS.
42. Cheremisina, M.I. & Kolosova, T.A. (1987) *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* [Essays on the Theory of Complex Sentences]. Novosibirsk: Nauka.
43. Nikolina, N.A. (1994) Sovremennyy russkiy sintaksis: predlozhenie i ego chlenimost' [Modern Russian syntax: sentence and its divisibility]. In: *Mezhvuzovskiy nauchnyy sbornik* [Interuniversity Scientific Collection]. Vladimir: [s.n.]. pp. 47–54.
44. *Russian National Corpus*. (n.d.) [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru>. (In Russian).
45. Melikyan, V.Yu. (2017) *Slovar' ekspressivnykh ustoychivyykh fraz: frazeoskhemy i ustoychivye modeli* [Dictionary of Expressive Fixed Phrases: Phrase Schemes and Stable Models]. 3d ed. Moscow: Flinta: Nauka.

46. Dallakyan, O.G. (2010) *Frazeosintaksicheskie skhemy s opornymi komponentami dalsya, nashel, nashel kto, nashelsya, nado zhe, nuzhno, okhota: yazyk i rech'* [Fixed phrase schemes with supporting components dalsya, nashel, nashel kto, nashelsya, nado zhe, nuzhno, okhota: language and speech]. Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.

47. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1985) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk; Poligrafresursy.

48. Melikyan, V.Yu., Melikyan, A.V. & Posidelova, V.V. (2018) Classification of English fixed phrase schemes according to phraseological hierarchy. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 2. pp. 145–151. (In Russian).

49. Melikyan, V.Yu. (2013) *Sintaksicheskiy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Syntactic Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Flinta: Nauka.

50. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2006) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint.

УДК 81'221

DOI: 10.17223/19986645/67/8

К.С. Шилияев, Е.А. Шлотгауэр

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В ПЕЧАТНЫХ РЕКЛАМАХ ВИНА

Исследование посвящено выявлению принципов и приемов визуализации концептуальной метафоры в печатных рекламах вина. С помощью инструментария мультимодального анализа и теории концептуальной метафоры описан набор первичных концептуальных метафор, лежащих в основе визуальных метафор в мультимодальном рекламном дискурсе. Выявлены три направления визуальной метафоризации свойств вина: сочетаемость с пищей, описание свойств напитка через уподобление человеку (визуализация антропоморфной метафоры) и описание свойств напитка через визуализацию синестетической метафоры.

Ключевые слова: визуальная метафора, мультимодальный анализ, первичная метафора, вино, печатная реклама.

В настоящее время количество исследований в области визуальной метафоры и мультимодального дискурса увеличивается не только в связи с «визуальным поворотом» современной западной культуры, но и в связи с необходимостью поиска невербальных проявлений концептуальной метафоры в качестве доказательства ее реального функционирования как механизма мышления, не ограниченного только языковой коммуникацией [1–2].

Одним из первых теоретиков визуальной метафоры является Ч. Форсвилль. В своих работах он выдвинул понятие визуальной метафоры, предложил одну из первых классификаций этого явления и описал различия между мономодальной и мультимодальной метафорой. Модальность в интерпретации Ч. Форсвилля является не отдельным видом восприятия (визуальное, аудиальное, осязательное, вкусовое, обонятельное), а отдельным источником информации. Например, изображение и написанный текст воспринимаются с помощью визуальной перцепции, но обрабатывается данная информация по-разному. Разграничивая источники информации, Ч. Форсвилль выделяет восемь модальностей: устная речь, письменная речь, изображение, музыка, невербальный звук, запах, вкус и осязание [3. Р. 22–25].

Мономодальное сообщение представлено только в одной модальности. Мономодальность является типичной характеристикой вербальных текстов, рисунка, фотографии. В изображении может быть визуализирована метафора, которая в таком случае является мономодальной визуальной метафорой (pictorial metaphor). Мономодальная визуальная метафора представлена четырьмя типами:

1) гибридная метафора (hybrid pictorial metaphor) – в изображении один объект образован посредством двух разных частей, которые обычно при-

надлежат разным концептуальным сферам. Интерпретация происходит за счет понимания одной части в терминах другой части;

2) контекстуальная метафора (contextual pictorial metaphor) – сфера-источник не представлена на изображении, но становится понятна благодаря визуальному контексту;

3) метафора-сравнение (pictorial simile) – сфера-цель и сфера-источник представлены на изображении и расположены рядом друг с другом или наложены друг на друга;

4.) интегрированная метафора (integrated metaphor) – сфера-цель представлена в позе или в форме, напоминающей сферу-источник [4].

Визуальные метафоры, где сфера-цель и сфера-источник представлены в разных модальностях, являются мультимодальными. Например, метафоры, где сфера-цель вербальна, а сфера-источник визуализирована, или наоборот.

Визуальная метафора рождается непосредственно в результате визуализации, т.е. в изображении. В силу нелинейного характера изображения и его отличий от естественного языка интерпретация изображения адресатом носит необходимо более свободный характер. Однако в рамках формального анализа визуального искусства и социальной семиотики существуют подходы, позволяющие применить методы структурного анализа к изображениям. С момента появления знаковой работы Р. Барта [5] предпринимаются попытки выявления и описания инвентаря визуальных структур, знаков и способов их комбинирования [6–8], в основном в рекламных изображениях. Для данного исследования нами использованы принципы построения изображения, изложенные в рамках концепции визуальной грамматики Гюнтера Кресса и Тео ван Левена и служащие основой для многих исследований в области мультимодального анализа [9].

По мнению Кресса и ван Левена, интеграция различных семиотических систем в статичном изображении происходит за счет применения общего кода пространственной композиции, правила и значения которого придают логику мультимодальному тексту. Исследователи, работающие в рамках мультимодального анализа, отмечают, что подобные принципы помогают выявить набор потенциальных интерпретаций, но не являются строго обязывающими по отношению к интерпретатору или создателю визуального сообщения. Подобная свобода интерпретации присутствует и в сообщениях на естественном языке, однако в меньшей степени. Подобно тому как процесс интерпретации вербального текста может быть ограничен или уточнен наличием контекста в широком (ожиданий, фоновых знаний читателя, интертекста, традиции и т.п.) и узком (непосредственное текстовое окружение) смысле, процесс интерпретации изображения подвержен контекстным влияниям [10. Р. 13–36].

В рамках грамматики визуального дизайна рассматриваются три взаимосвязанных типа значения, на основании которых выделяются принципы композиции. Информационное значение (information value) относится к размещению элементов в зависимости от различных зон изображения:

«право–лево», «верх–низ», «центр–периферия». Выраженность (*salience*) относится к степени привлечения внимания зрителя каким-либо элементом: расположение на переднем / заднем плане, размер, контраст, резкость. Обрамление (*framing*) касается наличия или отсутствия рамок — подразумеваемых или реальных разделительных линий, объединяющих или разделяющих элементы изображения [9. Р. 177]. Данные принципы применимы не только к обычным изображениям, но и к продукции, сочетающей текст, фотографию или рисунок и другие графические элементы.

В изображениях, где используется горизонтальная ось, т.е. объекты располагаются справа и слева от центра, элементы, расположенные слева, представляют данную информацию, тогда как объекты, расположенные справа, представляют информацию новую. В широком смысле значение Нового рассматривается как нечто проблематичное, спорное, некая рассматриваемая информация, а Данное — как очевидное. Если в изображении использована вертикальная ось, то часть изображения сверху может интерпретироваться как Идеальное, а находящаяся внизу — как Реальное. Элемент, расположенный в Центре визуальной композиции, как правило, содержит наиболее важную информацию, а расположенные вокруг него имеют подчиненный статус и считаются Периферией [Ibid. Р. 179–200].

Помимо расположения на изображении объекты обладают степенью выраженности. Независимо от расположения выраженность может задавать важность одних элементов по отношению к другим. Так, Данное может стать более выраженным, чем Новое [Ibid. Р. 201–203], что наблюдается и в исследованном нами материале. Выраженность носит градуальный характер и обусловлена различными визуальными факторами: размером, резкостью, контрастом, расположением относительно зрителя (передний или задний план, характер наложения объектов).

В изображении элементы или группы элементов могут быть либо связанными, объединенными, либо несвязанными, отграниченными друг от друга. Это достигается созданием рамок и обрамления, которые имеют свою степень выраженности.

Исследователи в области когнитивной лингвистики и мультимодального анализа выявили [3, 11–13], что структура изображения во многом обусловлена первичными метафорами (*primary metaphors*), выделенными Дж. Грейди [14] на языковом материале.

В то время как типичная концептуальная метафора структурирует более абстрактную сферу с помощью концептуальных переносов с более конкретной, первичная метафора соединяет два *базовых* концепта, т.е. таких, которые *непосредственно* переживаются и воспринимаются человеком. В первичной метафоре различие между сферой-источником и сферой-мишенью основывается на степени субъективности. Первичные метафоры формируют часть когнитивного бессознательного, формируются в раннем возрасте на основе телесного опыта. Сферы-источники первичных метафор имеют более богатый образный компонент (в смысле психологического образа, формируемого опытом чувственного взаимодействия с миром в

целом, т.е. перцептивной основы); сферы-мишени первичных метафор не имеют богатого образного компонента, но являются базовыми единицами или параметрами когнитивных функций [11. С. 164]. Так, в первичной метафоре *CHANGE IS MOTION* / ИЗМЕНЕНИЕ – ЭТО ДВИЖЕНИЕ («Ситуация никак не сдвинется с мертвой точки») концепту сферы-мишени (*CHANGE*) недостает той перцептивной основы, которая есть у концепта сферы-источника. Человек воспринимает изменение и в нефизическом смысле (например, изменение эмоционального тона разговора), в то время как концепт *MOTION* основан непосредственно на физическом восприятии. Связь возникает благодаря тому, что изменение нашего окружения в опыте часто коррелирует с физическим движением – перемещением в пространстве [14. Р. 106–107]. Аналогичным образом возникает первичная метафора *SIMILARITY IS PROXIMITY* / СХОДСТВО – ЭТО БЛИЗОСТЬ («Это не очень близкие понятия»). Восприятие сходства происходит неосознанно, в то время как концепт сферы-источника *PROXIMITY* (БЛИЗОСТЬ) происходит из чувственного опыта и может быть квантифицирован [Ibid. Р. 155–156]. Обширный список первичных метафор, предложенных Грейди, находится в приложении его диссертации [Ibid. Р. 281–299].

В работах [3, 11, 12] были выделены первичные метафоры, применяемые для создания визуальных метафор: *SIMILARITY IS ALIGNMENT*, *SIMILARITY IS PROXIMITY*, *THE NATURE OF AN ENTITY IS ITS SHAPE*, *CONSTITUENTS ARE CONTENTS*, *CATEGORIES/SETS ARE BOUNDED SPATIAL REGIONS*, *GOOD IS BRIGHT/BAD IS DARK*, *BEING IN CONTROL IS BEING ABOVE*, *EMOTIONAL INTIMACY IS PROXIMITY*, *A SITUATION IS A LOCATION*, *IMPORTANCE IS SIZE/VOLUME*, *THE NECESSARY MATERIAL FOR A PROCESS IS FOOD*, *KNOWING/UNDERSTANDING IS SEEING*. Данные работы носили инновационный характер и выявляли роль первичных метафор на разнородной выборке визуального материала: рекламных плакатах, стоп-кадрах из фильмов, комиксах и книжных иллюстраций. На момент написания статьи одним из наиболее проработанных в аспекте охвата материала является исследование [15], однако оно слабо затрагивает роль первичной метафоры в структуре изображения. Специфика визуальной метафоры относительно рекламируемого продукта исследована на крупных группах [Ibid. Р. 157–173], без подробного изложения специфики каждой группы и вне соотнесения с языковым описанием продуктов.

В настоящем исследовании предпринимается попытка систематического анализа визуальных метафор в печатной рекламе вина. Исследование также ставит своей целью выявить, насколько вербальный винный дискурс, представленный в первую очередь в виде разноформатных описаний вин, соотносится с визуальным рекламным дискурсом, направленным на продвижение продуктов виноделия. Метафоры, в первую очередь синестетические, играют значительную роль в текстах описаний вин, что было неоднократно доказано [16–21]. Приведенные исследования составляют пресуппозицию данной статьи в аспекте сравнения изображений с языковыми описаниями вин.

Для анализа печатной рекламы вина были отобраны 38 изображений из сервисов-агрегаторов изображений AdsOfTheWorld, Adeevue и Behance [22–24], содержащих визуальную метафору. Помимо тематического компонента и наличия визуальной метафоры критерием отбора послужило вхождение изображения в серию, состоящую хотя бы из двух печатных реклам, выполненных в одном стиле для одной рекламной кампании вина. Изображения были созданы и обнародованы в период с 2008 по 2015 г. Каждое изображение рассматривалось на предмет принципов композиции, типа визуализированных метафор, а также первичных метафор, на которых основывается изображение. В некоторых случаях из соображений экономии были приведены не все изображения конкретной рекламной кампании. Читатель легко найдет полный набор изображений на указанных сайтах.

Первую группу визуальных метафор составили метафоры, иллюстрирующие сочетаемость вина с различными продуктами.

Рекламная кампания вина Vinicola Aurora:

Рис. 1. Реклама вина Vinicola Aurora

В рекламе Vinicola Aurora (рис. 1) изображены два бокала в процессе соударения. Бокалы наполнены вином, при этом из одного бокала в другой совершает прыжок креветка или рыба, состоящая из вина; из красного вина составлены детализированные образы петуха и быка. Бокалы смещены влево относительно центра изображения, так как правая часть занята вертикально расположенной бутылкой рекламируемого вина с текстовым сопровождением. Изображение бокалов именно в левой части обуславливает их статус как данного: процесс соприкосновения бокалов является быто-

вой, знакомой адресату сценой, тогда как бутылка репрезентирует информацию новую. Внимание адресата сосредоточено на бокалах. Этот эффект достигается благодаря такому принципу композиции, как выраженность (salience). Большей выраженности бокалов способствуют высветление фона на месте их изображения, а также более крупный размер. Последнее является визуальной реализацией первичной метафоры ЗНАЧИМОСТЬ – ЭТО РАЗМЕР / ОБЪЕМ (IMPORTANCE IS SIZE / VOLUME).

Поскольку животные, возникающие из бокала и состоящие из вина, не являются предметом повседневности, адресат способен заметить в рекламном изображении *аномальность*, которая склоняет его к метафорическому прочтению. Посредством визуальной метафоры создатели рекламы описывают вкусовые свойства рекламируемого объекта, выделяя сочетаемость данного вина с определенными пищевыми продуктами: морепродуктами и рыбой, курицей, говядиной. Визуализируется метафора ВИНО – ЭТО ПИЩЕВОЙ ПРОДУКТ в четырех ипостасях: ВИНО – ЭТО КРЕВЕТКА, ВИНО – ЭТО РЫБА, ВИНО – ЭТО ПЕТУХ, ВИНО – ЭТО БЫК. Подобный перенос основан на первичной метафоре ПРИРОДА СУЩНОСТИ – ЭТО ЕЕ ФОРМА (THE NATURE OF AN ENTITY IS ITS SHAPE). Связь первичного предмета (вино) и вторичного (животные) создается путем визуализации первичной метафоры ВЗАИМОСВЯЗАННОСТЬ – ЭТО ФИЗИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ (INTERRELATEDNESS IS PHYSICAL INTERCONNECTEDNESS).

В классификации Ч. Форсвилля данная визуальная метафора является интегрированной, поскольку сфера-цель представлена в форме сферы-источника. Кроме того, рекламный посыл усиливается за счет соположения первичного и вторичного объектов: вино в бокалах располагается в непосредственной близости с животным. Визуализация концептуальной метафоры использует концептуальную метонимию ЧЛЕН КОЛЛЕКТИВА ВМЕСТО ВСЕГО КОЛЛЕКТИВА (разновидность метонимий типа ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ), так как креветка репрезентирует морепродукты в целом, конкретная рыба, петух или бык – рыбу, птицу или красное мясо в целом.

После рассмотрения метафорической композиции, наиболее визуально выделенной и занимающей большую площадь, адресат предположительно переходит к новой информации – марке вина, которую метонимически замещает бутылка (ПРОДУКТ ВМЕСТО ПРОИЗВОДИТЕЛЯ). Изображения содержат вербальный компонент: «Sparkling wine / Riesling / Cabernet Sauvignon / Merlot goes well with seafood / fish / red meat / poultry. Marcus James goes well with you» («Игристое вино / Рислинг / Каберне Совиньон / Мерло хорошо сочетается с морепродуктами / рыбой / красным мясом / птицей. Marcus James хорошо сочетается с Вами») Компонент не является обязательным для понимания визуальной метафоры, поскольку визуальный контекст в качестве бокалов снимает неоднозначность первичного и вторичного предметов; в данном случае вербальный компонент является фасилитатором и подтверждает метонимическую интерпретацию животных как репрезентантов целого класса продуктов.

Рекламная кампания вина Miguel Torres:

Рис. 2. Реклама вина Miguel Torres

В рекламе вин Miguel Torres сочетаемость вин с различным мясом иллюстрируется с помощью других приемов. На рис. 2 представлены виноградные лозы, которые располагаются таким образом, что напоминают скелет свиньи, коровы или рыбы. «Скелет» является главным элементом изображения: он находится в центре на контрастно белом фоне и привлекает внимание адресата. Визуализируется первичная метафора ЗНАЧИМОСТЬ – РАСПОЛОЖЕНИЕ ПО ЦЕНТРУ (IMPORTANT IS CENTRAL). В правом нижнем углу горизонтально располагается бутылка. Её горлышко указывает на текстовый элемент – наименование вина. Значимость центрального элемента также выражена посредством размера: размер скелета из виноградной лозы в четыре-шесть раз превышает размер бутылки и текста. Тем самым визуализируется первичная метафора ЗНАЧИМОСТЬ – ЭТО РАЗМЕР / ОБЪЕМ (IMPORTANCE IS SIZE / VOLUME).

Аномальность изображения, которая склоняет адресата к метафорическому прочтению изображения, состоит в неестественной форме виноградной лозы, подсказывающей гештальт определенного животного. Реклама основывается на визуализации метафоры СКЕЛЕТ ЖИВОТНОГО – ЭТО ЛОЗА, которая, в свою очередь, является визуализацией первичной метафоры ПРИРОДА СУЩНОСТИ – ЭТО ЕЕ ФОРМА, поскольку скелет представлен в форме тела животного. Данная метафора, по Ч. Форсвиллю, является интегрированной: вторичный предмет (лоза) изображен в форме первичного (скелет). Изображение животного посредством виноградной лозы отсылает адресата к рекламируемому продукту с помощью метонимии СЫРЬЕ ВМЕСТО ГОТОВОГО ПРОДУКТА, где лоза замещает изображение винограда, из которого делается вино, то есть имеет место цепочка концептуальных метонимий РАСТЕНИЕ ВМЕСТО ПЛОДА и СЫРЬЕ ВМЕСТО ПРОДУКТА. Для фасилитации прочтения метафоры изображение дополнено бутылкой вина. Посредством данных метафор, как и в предыдущей кампании, выражается сочетаемость данного вина с определенным видом мяса. В анализируемых изображениях помимо концептуальных метафор присутствует концептуальная метонимия ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ, поскольку подразумевается сочетаемость с мясом животного, а не с самим животным.

Вербальный компонент «Gran Sangre de Toro / Gran Coronas / Gran Viña Sol» эксплицирует марку рекламируемого вина, но не является обязательным для понимания метафоры.

Рекламная кампания вина El Porvenir:

Рис. 3. Реклама вина El Porvenir

Следующая серия реклам, основанная на сочетаемости вина с различными видами мяса, – реклама вина Bodegas El Porvenir de Los Andes. В этой рекламе (рис. 3) изображен рычажной штопор с оставшейся на винтовой части винной пробкой. На пробку нанесен текстовый элемент в виде марки вина. Штопор зафиксирован в форме, напоминающей рыбу, птицу и кролика. Другой объект на изображениях в уменьшенном масштабе – бутылка вина. Она расположена вертикально, нижняя часть бутылки уходит за границу кадра, а рядом с бутылкой – текстовый элемент. Главная составляющая изображения – штопор: он обладает большей выраженностью за счет большего размера. Данное изображение построено путем актуализации первичных метафор **ЗНАЧИМОСТЬ – ЭТО РАЗМЕР / ОБЪЕМ** и **ЗНАЧИМОСТЬ – ЭТО РАСПОЛОЖЕНИЕ ПО ЦЕНТРУ**. Бутылка и текст, в свою очередь, располагаются в левом нижнем углу.

Данная реклама строится на интегрированной визуальной метафоре **ШТОПОР – ЭТО ЖИВОТНОЕ**: штопор своей формой напоминает адресату рыбу, птицу или кролика, но переноса свойств с рыбы на штопор не происходит, связь имеет ассоциативный характер. Визуализируется первичная метафора **ПРИРОДА СУЩНОСТИ – ЭТО ЕЕ ФОРМА**. Рекламное изображение также использует концептуальную метонимию **ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ**: винная пробка со штопором замещает бутылку вина. Таким образом подчеркивается сочетаемость вина с данным продуктом.

Текстовый компонент «Perfect to accompany fish / poultry / rabbit» («Идеально подходит для рыбы / птицы / кролика») упрощает восприятие визуальной метафоры, которое может быть затруднено абстрактным характером изображения: штопор лишь общим контуром напоминает животное, его детали не нивелированы и могут отвлекать адресата от восприятия интенции дизайнера. Обратившись за разгадкой визуальной композиции к вербальному компоненту, адресат будет вынужден обратить внимание и на расположенную рядом с ним бутылку вина.

В рекламе вина Freschello (рис. 4) изображены животные, украшенные венком и свадебной фатой. На конечностях животных – обручальные кольца. Два из трех животных располагаются на полу, усыпанном рисом и лепестками белых роз. Вся композиция представляет животное в качестве невесты. Как и в предыдущих кампаниях, на изображении присутствует бутылка вина. Животное является главным объектом: оно расположено в центре (**ЗНАЧИМОСТЬ – РАСПОЛОЖЕНИЕ ПО ЦЕНТРУ**), значительно превосходит по размеру остальные элементы (**ЗНАЧИМОСТЬ – ЭТО РАЗМЕР / ОБЪЕМ**),

находится на высветленном фоне. Бутылка вина расположена вертикально в левом нижнем углу. Рядом с бутылкой помещен вербальный компонент.

Рис. 4. Реклама вина Freschello

Животное в качестве невесты является отклонением от представлений повседневной жизни, поэтому адресат вынужден искать метафорическое значение в этом изображении. Визуализируется метафора ЖИВОТНОЕ – ЭТО НЕВЕСТА и, поскольку на изображении присутствует бутылка вина, можно предположить, что в данной визуальной метафоре «жених» – вино. Метафора является гибридной, поскольку первичный и вторичный предметы составляют целое.

Вербальная составляющая «Happily wedded to everything» (букв. «Счастливо замужем за всем») в данной рекламе – ключевой элемент, без которого понимание визуальной метафоры невозможно или чрезвычайно затруднено. Текстовый компонент основан на метафорическом переосмыслении значения слова *wedded*: «замужний» как подходящий, выступающий в качестве «второй половины». В данном случае вкус вина идеально дополняет вкус блюда. Данная метафора определенно может быть отнесена к категории мультимодальных, поскольку направление метафоризации и общий посыл рекламного изображения становятся понятными только из вербальной составляющей изображения.

Во всех трех проанализированных выше кампаниях реализован схожий принцип композиции, первоначально смещающий внимание адресата на метафорическую составляющую и лишь затем предполагающий рассмотрение марки вина. Данное дизайнерское решение, вероятно, мотивировано стратегией захвата и удержания внимания адресата.

В рекламе вина марки Estampa (рис. 5) бутылка вина занимает важное место: она расположена во всю высоту кадра и смещена влево, что призвано обеспечить ее восприятие в первую очередь при чтении изображения слева направо. Позади и с левой стороны от бутылки изображена часть одного животного (утка, рыба, овца) от головы до середины туловища, с

правой – часть другого (свинья, гусь, корова) от середины туловища до хвоста. Части тела расположены таким образом, что составляют единое тело, разделенное бутылкой вина. Текстовый элемент в правой части сообщает адресату новую, дополнительную информацию. К ней относятся название сорта винограда, из которого сделан рекламируемый продукт, а также сама марка вина.

Рис. 5. Реклама вина Estampa

Изображение построено на концептуальной метонимии ЧАСТЬ – ЧАСТЬ: части животных замещают мясо данных животных. Визуализация такого качества вина, как его универсальность в сочетании с разными блюдами, достигается путем слияния животных в единое тело. Визуальная метафора животных в изображении является гибридной, а метафора, связывающая вино и животное, в классификации Ч. Форсвилля будет отнесена к метафоре-сравнению: вино и животное расположены на симметричной оси, но визуально не смешиваются. Такая композиция подчеркивает параллелизм в качестве вина и блюд. Рекламируемые в данной кампании вина произведены путем смешения виноматериалов двух сортов: подобно тому, как визуально соединены животные, соединяются два сорта винограда. Сообщение «рекламируемое вино сочетается с данным видом мяса» передается адресату путем близкого расположения объектов на изображении, актуализируя первичную метафору ОБЪЕДИНЕНИЕ – ЭТО БЛИЗОСТЬ (PAIRING IS CLOSENESS).

Для полноценного восприятия данной рекламы вербальный компонент, указывающий два сорта винограда, является обязательным, что делает метафору мультимодальной.

Следующая серия рекламных плакатов создана с помощью приема визуальной антропоморфизации вина. Подобный прием часто применяется в профессиональном винном дискурсе на разных языках [16; 21. Р. 9–12].

В рекламе вин Bodegas Bilbainas (рис. 6) изображены обнаженные молодые женщины, цвет тел которых варьируется от тёмно-фиолетового до красно-розового. На месте головы изображены ягоды (малина и ежевика) или фрукты (сливы, чернослив); ушки представлены листьями или стручками. Женщины держат в руках предметы: палочки корицы, яблоко, сигару и плетку. Талию одной из женщин обвивают сливы и стручки ванили, шею другой – карандашные стружки. Две из четырех женских фигур имеют больше чем две ноги. Тип композиции подобен выбранному в предыдущих кампаниях: визуальная метафора находится в левой части изображения,

Текстовый элемент в данной кампании – важный компонент для понимания метафоры, но метафорическое прочтение возможно и без него, поскольку визуальный контекст в качестве бутылки вина снимает коммуникативную неопределенность.

В рекламе вина Rosemount (рис. 7) также используется образ женщины, но представленной в виде фотографического изображения (использована техника подводной фотографии; всего в коллекции шесть изображений). Женщины облачены в пышные платья соломенного, молочного или красного цвета. Подол платья уходит в бутылку вина. Текстовый элемент расположен в области подола платья и изогнут параллельно складкам. Женщина является центральным элементом рекламного изображения, она обладает большей выраженностью за счет размера (ЗНАЧИМОСТЬ – ЭТО РАЗМЕР / ОБЪЕМ), центрального расположения (ЗНАЧИМОСТЬ – РАСПОЛОЖЕНИЕ ПО ЦЕНТРУ) и высветления фона.

Рис. 7. Реклама вина Rosemount

Данное изображение строится на визуализации первичной метафоры ДОСТУПНОЕ ВОСПРИЯТИЮ – ЭТО РАСПОЛОЖЕННОЕ ВОВНЕ (PERCEPTIBLE IS OUT). Адресат не знает, какие свойства имеет вино в бутылке, поскольку бутылка является контейнером, делающим эту информацию недостижимой для восприятия. Связь женского образа и вина визуализирует первичную метафору ВЗАИМОСВЯЗАННОСТЬ – ЭТО ФИЗИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ (INTERRELATEDNESS IS PHYSICAL INTERCONNECTEDNESS). Так как свойства вина передаются посредством женского образа, данная реклама также основана на концептуальной метафоре ВИНО – ЭТО ЧЕЛОВЕК. Визуальная метафора является метафорой-сравнением, поскольку изображены первичный и вторичный объекты. С женщины на вино переносится элегантность, пышность; цвет платья соответствует цвету вина. Это коррелирует с вербальным винным дискурсом, где вино нередко описывается как «элегантное».

Текстовый элемент «Pinot Grigio / Chardonnay / Sauvignon Blanc / Wine over ice / Shiraz / Merlot created by Rosemount», сообщающий о сорте винограда и марке вина, не является обязательным для понимания метафоры,

так как визуальный контекст в качестве бутылки вина является достаточным для прочтения.

В рекламе молодого вина A Bela Sintra (рис. 8) изображены пожилые мужчина и женщина. Мужчина широко улыбается, благодаря чему адресат может видеть, что в его ротовой полости есть только два передних зуба, на которых установлена брекет-система. Мужчина является главным элементом изображения, о чем свидетельствует его размер (ЗНАЧИМОСТЬ – ЭТО РАЗМЕР / ОБЪЕМ). Он расположен в левой части изображения на высветленном фоне, что способствует первичной фиксации внимания на нем. Рекламная информация расположена в правой части: это марка вина, которую можно видеть на винной пробке.

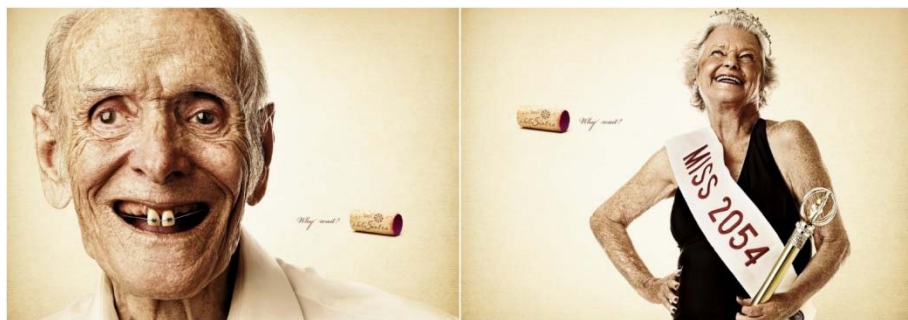

Рис. 8. Реклама вина A Bela Sintra

На другом изображении представлена пожилая женщина с атрибутами победительницы конкурса красоты, композиция аналогична изображению с мужчиной. При прочтении изображения слева направо внимание будет обращено на пробку. Тем не менее выделенность женского образа на фотографии и его значительный размер могут способствовать первоначальному обращению внимания именно на него.

Аномальность рекламных изображений заключается в нарушении ожиданий, касающихся возраста изображенных людей: брекет-система, как правило, устанавливается сравнительно молодым людям и в конкурсах красоты, как правило, принимают участие сравнительно молодые женщины. Метафорическому прочтению изображения способствуют текстовый компонент «Why wait?» («Зачем ждать?»), а также винная пробка, которая посредством метонимии ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ замещает вино. Таким образом адресат может понять, что рекламируется молодое вино и создатели рекламы призывают не ждать, пока вино «постареет», а пить его молодым. Изображая людей в несвойственном, абсурдном положении, дизайнеры подчеркивают бессмысленность ожидания. Визуализируется метафора ВИНО – ЭТО ЧЕЛОВЕК: в данной кампании вину приписываются этапы взросления, присущие человеку, что регулярно актуализируется в вербальном винном дискурсе. Данная метафора является метафорой-сравнением в классификации Ч. Форсвилля, поскольку первичный (вино посредством концептуальной

метонимии) и вторичный (человек) предметы визуализированы полностью и представлены параллельно.

Производитель вина 2НА использует в рекламе изображение винограда (рис. 9). Благодаря визуальному контексту адресат может понять, что ягода замещает собой лицо / голову, поскольку она визуально окружена шляпой, пенсне, усами или париком. Продолжает изображение костюм, символизирующий благородное происхождение и достоинство: бабочка, манишка и раф. Метафорическая композиция является главным элементом изображения, что достигается посредством визуализации уже упомянутых в данном исследовании первичных метафор. В нижней части расположены текстовый элемент и бутылка рекламируемого продукта. Ввиду аномальности изображения адресат склонен прочитывать изображение метафорически.

Рис. 9. Реклама вина 2НА

Описание свойств вина в данной рекламе происходит посредством описания свойств продукта, из которого сделано вино. В рекламе присутствует метафора ВИНОГРАД – ЭТО ЧЕЛОВЕК и посредством метонимии ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ реализуется метафора ВИНО – ЭТО ЧЕЛОВЕК. Данная метафора является контекстуальной: человек как таковой на изображении не присутствует, однако присутствуют элементы одежды, отсылающие к концепту ЧЕЛОВЕК. Благодаря текстовому элементу «Grapes from a noble house» («Виноград из благородного дома») создатели изображения дополнительно проясняют адресату, что перед ним представитель высшего общества. Винограду и вину приписывается обладание положениями и качествами, свойственными человеку, а именно: благородство, знатность, величие. Благородство как характеристика вина регулярно встречается в винном дискурсе.

Последнюю группу изображений объединяет принцип визуализации вкусовых синестетических метафор, которыми особенно изобилует винный дискурс [17, 18].

В рекламе вина Septima (рис. 10) на белом фоне изображены две одинаковые бутылки. Их горлышки вытянуты и переплетаются. Горлышко левой

бутылки с розовым вином завершается веточкой с ягодами малины, черешни и ежевики, а правой – бутонем розы и ягодой клубники (абрикосом и виноградом с вишней, перцем и ягодами малины, вишни, ежевики в случае бутылок с красным вином). Текстовый компонент располагается в нижней части изображения. Оба плаката центрированы относительно вертикальной оси, бутылки расположены симметрично и благодаря контрастному белому фону выступают центральным элементом. Изображения ягод и фруктов, напротив, уступают в размере, насыщенности и контрастности бутылкам. Они представлены в виде рисунка, а не фотореалистичного изображения, что увеличивает аномальность изображения.

Рис. 10. Реклама вина Septima

Для описания вкуса вина в данной рекламе визуализируется первичная метафора ДОСТУПНОЕ ВОСПРИЯТИЮ – ЭТО РАСПОЛОЖЕННОЕ ВОВНЕ (PERCEPTIBLE IS OUT). Бутылка с вином является контейнером, содержания которого адресат не знает, поэтому, чтобы раскрыть вкусовые качества вина, создатели рекламы показывают элементы, которые «наполняют» этот «контейнер», создавая вкусовую и ароматическую композицию. Для того чтобы подчеркнуть во вкусе сочетаемость, некую связанность кислого привкуса ягод и нежности цветов, горлышки бутылок изображены переплетенными, что визуализирует первичную метафору ВЗАИМОСВЯЗАННОСТЬ – ЭТО ФИЗИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ (INTERRELATEDNESS IS PHYSICAL INTERCONNECTEDNESS).

Текстовый элемент содержит информацию о сорте винограда в линейке данной марки вина и не является необходимым для понимания метафоры.

В рекламе вина Salton (рис. 11) изображено горлышко бутылки вина. Различные элементы: кофейные зерна, лепестки цветов, ягоды и травы продолжают это горлышко, располагаясь в форме, напоминающей бутылку вина, что подчеркивает продолговатый блик в левой части предполагаемой бутылки. Метафорическая композиция находится по центру (ЗНАЧИМОСТЬ – РАСПОЛОЖЕНИЕ ПО ЦЕНТРУ), ее значимость определяется также

размером (ЗНАЧИМОСТЬ – ЭТО РАЗМЕР / ОБЪЕМ). В правом нижнем углу или по центру располагаются марка вина и текстовый элемент.

Рис. 11. Реклама вина Salton

В данной рекламе можно отметить визуализацию метафоры ПРИРОДА СУЩНОСТИ – ЭТО ЕЕ ФОРМА (THE NATURE OF AN ENTITY IS ITS SHAPE). Адресат понимает, что речь идет о вине, так как ягоды и травы выложены именно в форме винной бутылки. Реализуется метонимия ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ: бутылка вина заменяет вино. Также визуализируется метафора СОСТАВЛЯЮЩИЕ – ЭТО СОДЕРЖИМОЕ (CONSTITUENTS ARE CONTENTS), поскольку ягоды и травы изображены внутри метафорической бутылки и представляют собой ароматические составляющие вина. Визуальная метафора в данной рекламе совмещает признаки контекстуальной – горлышко и отблеск «создают» бутылку – и интегрированной: ягоды принимают форму бутылки вина. Вкусовые качества данных объектов метафорически присваиваются вину, что характерно для вербальных описаний вин.

Текстовый элемент «There's a lot to discover in Salton Talento / Volpi Merlot / Volpi Sauvignon Blanc» («В Salton Talento / Volpi Мерло / Volpi Совиньон Бланк есть, что посмотреть») акцентирует внимание на неких скрытых элементах «внутри» вина Salton Talento и поддерживает метафорическое прочтение изображения.

Проведенный анализ печатных реклам вина свидетельствует, что большинство представленных метафор являются мономодальными (сфера-цель и сфера-источник представлены в одной модальности). Одна серия реклам использует вербальный компонент как необходимый для конструирования метафоры (вино Freschello, рис. 4) – в таком случае метафора является подлинно мультимодальной. Вербальный компонент нескольких реклам не является строго обязательным, но служит для направления интерпретационной деятельности адресата в сторону метафорического прочтения изображения.

Рекламы, строящиеся на визуализации антропоморфной концептуальной метафоры, обязательно включают в себя два элемента: бутылку вина или ее метонимический заместитель и человека, с которым сравнивается данное вино, т.е. используют визуальную метафору-сравнение. В одной из рассмотренных реклам наблюдается отклонение от этой тенденции: вербальная метафора представлена гибридной метафорой (2НА, рис. 9). Чаще свойства вина визуализируются посредством женского образа. Текстовый элемент, сопровождающий данные изображения, оказывает влияние на метафорическое прочтение: он эксплицирует свойства, которые переносятся со сферы-источника на сферу-цель. В данном случае такие свойства, как стройность тела, длина ног, этапы взросления, элегантность, пышность, цвет, страсть, загадочность, благородство.

Посредством визуализации актуализируется сочетаемость вина с различными видами пищи. Все рассмотренные рекламы данного вида в той или иной форме изображают животное, с мясом которого сочетается вино. Для визуализации повсеместно используется метонимия ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ: под животным подразумевается мясо животного. Метафоры, используемые в рекламах такого типа, являются интегрированными или гибридными. Все изображения сопровождаются текстом, в котором сообщается о хорошей сочетаемости рекламируемого продукта.

Третья группа реклам делает акцент на визуализации синестетических метафор, традиционно используемых профессионалами для описания вкусовых и ароматических свойств вина. На изображении представлены элементы, которые метафорически передают вину свои вкусовые и ароматические свойства (ягоды, фрукты, цветы). Визуальные метафоры в такого рода рекламах являются гибридными и интегрированными.

Рекламные изображения вин построены таким образом, чтобы элементы визуальной метафоры занимали доминирующее положение и привлекали внимание адресата. Такой эффект достигается благодаря реализации принципов композиции, задействующих первичные метафоры ЗНАЧИМОСТЬ – ЭТО РАЗМЕР / ОБЪЕМ, ЗНАЧИМОСТЬ – РАСПОЛОЖЕНИЕ ПО ЦЕНТРУ. В проанализированных рекламах вина не используются такие принципы композиции, как информационное значение верха и низа или обрамления. Расположение элементов относительно левой и правой сторон чаще всего подчиняется привычному для европейца направлению чтения. Проведенный анализ не позволил в полной мере применить предположение Кресса и ван Левена об их тема-рематическом потенциале. Тем не менее, если допустить, что именно последний элемент, на который обратит внимание адресат, задержится в его памяти, его трактовка в качестве «нового», ремы, представляется нам возможной.

В основе построения выделенных визуальных метафор находятся следующие первичные метафоры: ЗНАЧИМОСТЬ – РАСПОЛОЖЕНИЕ ПО ЦЕНТРУ, ЗНАЧИМОСТЬ – ЭТО РАЗМЕР / ОБЪЕМ, СУЩЕСТВЕННОЕ – ТО, ЧТО ВНУТРИ, ВЗАИМОСВЯЗАННОСТЬ – ЭТО ФИЗИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ, ПРИРОДА СУЩНОСТИ – ЭТО ЕЕ ФОРМА, СХОДСТВО – ЭТО БЛИЗОСТЬ, СОСТАВЛЯЮЩИЕ – ЭТО СОДЕРЖИМОЕ, ДОСТУПНОЕ

ВОСПРИЯТИЮ — ЭТО РАСПОЛОЖЕННОЕ ВОВНЕ. Получившийся список расширяет список первичных метафор, выделенных М. Ортис, Ч. Форсвиллем и другими исследователями, и может служить дополнительным доказательством роли первичной метафоры в визуальной продукции и перцепции.

Данное исследование позволило также проследить обусловленность визуального рекламного дискурса, нацеленного на профессионалов и любителей в области вин, вербальным винным дискурсом. Персонификация вина, синестетическая метафора и сочетаемость вин с различными видами пищи постоянно присутствуют в описаниях вин как в специализированной литературе по энологии, так и в книгах, написанных для потребителей вина.

Литература

1. Forceville C.J. The identification of target and source in pictorial metaphors // *Journal of Pragmatics*. 2002. № 3. P. 1–14.
2. Gibbs R.W. Jr. Evaluating Conceptual Metaphor Theory // *Discourse Processes*. 2011. № 48-8. P. 529–562.
3. Forceville C.J. Non-verbal and multimodal metaphor in a cognitivist framework: Agendas for research // *Applications of Cognitive Linguistics 11: Multimodal metaphor* / eds. Charles J. Forceville, Eduardo Urios-Aparisi, De Gruyter Mouton. 2009. 470 p.
4. Forceville C.J. Pictorial and multimodal metaphor in commercials // *Go Figure! New Directions in Advertising Rhetoric*. Armonk : M.E. Sharpe Inc, 2008. P. 272–310.
5. Барт П. Риторика образа // *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М., 1994. С. 297–318.
6. Jewitt C., van Leeuwen T. *Handbook of visual analysis*. London : SAGE, 2013. 224 p.
7. Wildfeuer J. et al. (ed.) *Multimodality: Disciplinary Thoughts and the Challenge of Diversity*. Berlin : Boston De Gruyter, 2019. 332 p.
8. Josephson S., Kelly J., Smith K. (ed.) *Handbook of Visual Communication: Theory, Methods, and Media*. New York : Routledge, 2020.
9. Kress G., Van Leeuwen T. *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. New York : Routledge, 2006. 204 p.
10. Machin D. *Introduction to Multimodal Analysis*. Bloomsbury Academic, 2007. 206 p.
11. Ortiz M.J. Visual rhetoric: Primary metaphors and symmetric object alignment // *Metaphor and Symbol*. 2010. Vol. 25, № 3. P. 162–180.
12. Ortiz M.J. Primary metaphors and monomodal visual metaphors // *Journal of Pragmatics*. 2011. № 43. P. 1568–1580.
13. El Refaie E. Analysing metaphors in multimodal texts // *The Routledge handbook of metaphor and language* / eds. by E. Semino, Z. Demjén. Abingdon, Oxon : Routledge, 2017. P. 148–160.
14. Grady J. *Foundations of meaning: Primary metaphors and primary scenes: doctoral dissertation*. Berkeley, 1997. 300 p.
15. Pérez Sobrino P. *Multimodal Metaphor and Metonymy in Advertising*. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2017. 232 p.
16. Шляев К.С., Шлотгауэр Е.А. Концептуальная метафора и метонимия в русскоязычных обзорах вин и коньяков // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2019. № 61. С. 113–134. DOI: 10.17223/19986645/61/7
17. Paradis C., Eeg-Olofsson M. Describing sensory experience: The genre of wine reviews // *Metaphor and Symbol*. 2013. Vol. 28, № 1. P. 22–40.
18. Стариченко Н.С. Сенсорные характеристики вина как объект синестетической метафоры в интернет-пространстве // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2017. № 4. С. 35–43.

19. Логинова П.Г. Лингвокультурный концепт «вино» и его отражение в языках романской группы // Вестник Тверского государственного университета. Филология. 2016. № 2. С. 244–250.

20. Caballero R. Manner-of-motion verbs in wine description // Journal of Pragmatics. 2007. Vol. 39, № 12. P. 2095–2114.

21. Lehrer A. Wine and conversation. Oxford : Oxford University Press, 2009. 317 p.

22. Adeeve // Adevee. Only selected creativity – Ads. URL: <https://www.adeevee.com> (дата обращения: 1.05.2020).

23. Ads of the World // Ads of the World™ – Part of The Clio Network. URL: <https://www.adsoftheworld.com> (дата обращения: 01.05.2020).

24. Behance // Behance – Best of Behance. URL: <https://www.behance.net> (дата обращения: 01.05.2020).

Visualizing Conceptual Metaphors in Print Wine Advertising

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 67. 154–173. DOI: 10.17223/19986645/67/8

Konstantin S. Shilyaev, Elena A. Shlotgauer, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shilyaevc@gmail.com / lenmad666@gmail.com

Keywords: pictorial metaphor, multimodal analysis, primary metaphor, wine, print advertising.

The study is aimed at discovering the principles and means of visualizing conceptual metaphors in print wine advertising. Using the toolkit of multimodal analysis and conceptual metaphor theory, the authors describe primary metaphors involved in the production of visual metaphor in multimodal advertising discourse. In accordance with Charles Forceville's classification of pictorial metaphors, the authors separate their metaphor types into hybrid metaphors, contextual metaphors, metaphoric similes, and integrated metaphors. For the analysis of image composition and structure, a social semiotics approach (Gunther Kress, Theo van Leeuwen) is used, particularly the informational value of image zones (left and right, up and down, center and periphery), salience (foregrounding, size, contrast, sharpness), and framing. The authors studied 38 images of print wine advertisements which contain visual metaphor in order to discover primary metaphors (Joseph Grady) as a means of visualizing the conceptual metaphor and creating a structure in print wine ads. The authors discover three principal ways of visualizing wine properties using metaphor: food and wine combinations, describing wine by ascribing human properties to it (resulting in pictorial anthropomorphic metaphor), and visualizing the synesthetic metaphor, typical of wine discourse in general. The conceptual metaphor 'wine is human' describes such wine properties as slender body, length and number of legs, stages of aging, elegance, pomposity, color, passion, enigmatic character, and nobility. A female image is used almost exclusively to map these properties visually. In images used to advertise the compatibility of wine with certain kinds of food, the viewer always finds an animal image, which metonymically stands for the meat of the animal. The part for whole conceptual metonymy is frequent in all advertisements, especially those that imply animal meat. The visualization of synesthetic metaphors, traditionally found in professional discourse of wine tasters and vendors, maps the taste and aroma of fruit, berries and flowers onto the taste and aroma of wine. The results of multimodal analysis reveal that the majority of pictorial metaphors in wine ads are to be considered monomodal (both source and target domains are in the same modality). The verbal component in some of the ads is not strictly necessary. However, it serves to direct the interpretation of the image towards a metaphorical reading related to wine and its properties. The following primary metaphors were found to lie at the basis of visual metaphorical mappings: important is central, importance is size/volume, essential is internal, interrelatedness is physical interconnectedness, the nature of entity is its shape, similarity is proximity, constituents are contents, perceptible is out. The resulting list adds to the lists of primary metaphors that underlie visual metaphors and composition created by Maria J. Ortiz, Charles Forceville, and other researchers, and serves as an additional proof of primary metaphor functioning in visual production and perception.

References

1. Forceville, C.J. (2002) The identification of target and source in pictorial metaphors. *Journal of Pragmatics*. 3. pp. 1–14.
2. Gibbs, R.W. Jr. (2011) Evaluating Conceptual Metaphor Theory. *Discourse Processes*. 48-8. pp. 529–562.
3. Forceville, C.J. (2009) Non-verbal and multimodal metaphor in a cognitivist framework: Agendas for research. In: Forceville, C.J. & Urios-Aparisi, E. (eds) *Applications of Cognitive Linguistics II: Multimodal metaphor*. De Gruyter Mouton.
4. Forceville, C.J. (2008) Pictorial and multimodal metaphor in commercials. In: McQuarrie, E.F. & Phillips, B.J. (eds) *Go Figure! New Directions in Advertising Rhetoric*. Armonk: M.E. Sharpe Inc. pp. 272–310.
5. Bart, R. (1994) *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Ripol Klassik. pp. 297–318.
6. Jewitt, C. & van Leeuwen, T. (2013) *Handbook of Visual Analysis*. London: SAGE.
7. Wildfeuer, J. et al. (ed.) (2019) *Multimodality: Disciplinary Thoughts and the Challenge of Diversity*. Berlin: Boston De Gruyter.
8. Josephson, S., Kelly, J. & Smith, K. (ed.) (2020) *Handbook of Visual Communication: Theory, Methods, and Media*. New York: Routledge.
9. Kress, G. & Van Leeuwen, T. (2006) *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. New York: Routledge.
10. Machin, D. (2007) *Introduction to Multimodal Analysis*. Bloomsbury Academic.
11. Ortiz, M.J. (2010) Visual rhetoric: Primary metaphors and symmetric object alignment. *Metaphor and Symbol*. 3 (25). pp. 162–180.
12. Ortiz, M.J. (2011) Primary metaphors and monomodal visual metaphors. *Journal of Pragmatics*. 43. pp. 1568–1580.
13. El Refaie, E. (2017) Analysing metaphors in multimodal texts. In: Semino, E. & Demjén, Z. (eds) *The Routledge Handbook of Metaphor and Language*. Abingdon, Oxon: Routledge. pp. 148–160.
14. Grady, J. (1997) *Foundations of Meaning: Primary metaphors and primary scenes*. Linguistics Dr. Diss. Berkeley.
15. Pérez Sobrino, P. (2017) *Multimodal Metaphor and Metonymy in Advertising*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
16. Shilyaev, K.S. & Shlotgauer, E.A. (2019) Conceptual Metaphor and Metonymy in Russian Wine and Cognac Reviews. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 61. pp. 113–134. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/61/7
17. Paradis, C. & Eeg-Olofsson, M. (2013) Describing sensory experience: The genre of wine reviews. *Metaphor and Symbol*. 1 (28). pp. 22–40.
18. Starichenko, N.S. (2017) Sensory characteristics of wine as a subject of synesthetic metaphor in the Internet. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika – Bulletin of the MSRU. Series: Linguistics*. 4. pp. 35–43. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-712X-2017-4-35-43
19. Loginova, P.G. (2016) Cultural concept “wine” and its representation in linguistic consciousness of native speakers in Romance languages. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2. pp. 244–250. (In Russian).
20. Caballero, R. (2007) Manner-of-motion verbs in wine description. *Journal of Pragmatics*. 12 (39). pp. 2095–2114.
21. Lehrer, A. (2009) *Wine and Conversation*. Oxford: Oxford University Press.
22. Adevee. *Only selected creativity – Ads*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.adeevee.com>. (Accessed: 01.05.2020).
23. *Ads of the World™ – Part of The Clio Network*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.adsoftheworld.com>. (Accessed: 01.05.2020).
24. Behance – *Best of Behance*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.behance.net>. (Accessed: 01.05.2020).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-43

DOI: 10.17223/19986645/67/9

И.А. Айзикова

ОБРАЗ СИБИРСКОГО ГОРОДА В ОЧЕРКАХ Н.А. КОСТРОВА¹⁵

Анализируются образы ряда сибирских городов, созданные российским, сибирским историком и этнографом Н.А. Костровым в очерках 1860–1870-х гг., в которых создавалось достаточно оригинальное представление о сибирском городском пространстве. Рассматриваются объективированные в очерковых текстах, созданных Костровым в соответствии с важнейшими принципами этого жанра, свидетельства его рецепции сибирских городов, выявляется их уникальность, инаковость по сравнению с городами Европы и европейской части России.

Ключевые слова: Н.А. Костров, очерк, сибирский город, восприятие, образ.

Междисциплинарный интерес к феномену сибирского города очевиден, что подтверждают труды современных историков, социологов, культурологов. Отдельно выделим литературоведческие исследования, посвященные данной теме. Они стали появляться в начале XXI в., вписываясь в актуальную проблематику «локального текста», «городского текста», основоположниками которой являются Н.П. Анциферов, В.Н. Топоров, Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский. Эти пока еще немногочисленные работы посвящены либо образу «сибирского города» в целом, либо образам некоторых крупных сибирских городов, приводимых, как правило, к «общему знаменателю» – образу сибирского города.

Так, например, И.Ю. Кудинова рассматривает образ Красноярска в творчестве В.П. Астафьева, Э.М. Русакова, А.М. Буровского, Р.Х. Солнцева [1]. При этом автор ставит своей целью «построение целостного и релевантного образа сибирского города» [Там же. С. 26]. Образ сибирского города в восприятии и изображении Ф.М. Достоевского реконструируется в статье В.И. Габдуллиной «“Сибирский текст“ Достоевского: образ провинции» [2]. Исследователь, исходя из осмысления феномена «сибирского текста», приходит к выводу, что писатель создает образ сибирского города как типичного провинциального, хотя и вкладывает в него свои воспоминания о конкретных городах, в частности Омске, Барнауле, Кузнецке. «Думается, что, создавая „обобщенный, типический образ провинции“, Достоевский

---

¹⁵ Статья написана в рамках научного проекта № 8.1.10.2020 «Подготовка контента для электронной энциклопедии „Словесная культура Сибири“» (институциональные уровни функционирования словесной культуры в регионе), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

воспроизводит не столько „общепроvincialный, стандартный колорит“, сколько свои личные впечатления от сибирской провинции, которые, в конечном счете, во многом совпали с традиционным изображением провинции вообще», – делает вывод автор [2. С. 104]. Отдельный раздел, посвященный сибирскому городу в русской прозе рубежа XIX–XX вв., вошел в докторскую диссертацию Е.Н. Эртнер [3]. В нем анализируется дискурс города в произведениях М. Знаменского, Н. Ядринцева, М. Пришвина. «Опыт познания места свидетельствует о том, что реальность противоречит веками создаваемой символике сибирского города – „города на краю света“ <...>. Смысловая парадигматика сибирского города, определяемая его географическим положением, климатом, историей, общественно-архитектурным устройством и т. д., строится на преодолении приоритета эсхатологической мифологии, в конфликте „своего“ и „чужого“, что и обуславливает сложную, динамичную природу взаимодействия ее реалий в произведениях» [Там же. С. 26].

Образам сибирских городов в очерковой литературе литературоведами уделено еще меньшее внимание. Здесь можно назвать, например, раздел кандидатской диссертации И.Б. Гладковой, посвященный топосам Омска и Иркутска в аспекте мифопоэтики и семиотики «городского пространства» в очерковых книгах и циклах Л.Н. Мартынова и В.Г. Распутина в связи с топосом сибирского города и его эволюции в очерковой прозе 60–80-х гг. XX в. [4]. Образ Томска XIX – начала XX в. в сравнении с Омском, Иркутском и Тобольском в очерках Г.Н. Потанина «Сибирские города» осмыслен в статье Т.Ф. Ляпкиной «Гений места: образы городов глазами «печальника» Сибири» [5].

Завершая свою диссертацию, Е.Н. Эртнер обозначает, пожалуй, общий подход в перечисленных нами исследованиях: «На основании представления „сверх-текста“ русской провинции... можно говорить не только об авторской интенции, но и об экспликации этнокультурного или этнохудожественного сознания» [3. С. 29]. Вместе с тем, думается, что осмысление проблемы изображения сибирских городов в литературе может быть актуализировано и в другом аспекте: не от общей модели к проекции на творчество писателя, а от индивидуальных интерпретаций общепринятой семантики сибирского города, его «имиджа»¹ к сверхтексту «сибирского города».

---

¹ Ср. у *Достоевского*: «маленький... деревянный, невзрачный... похожий более на хорошее подмосковное село, чем на город» [6. С. 5], с дичью, которая летает по улицам и «сама натывается на охотника» [Там же]; город-острог, населенный богатыми купцами, инородцами и ссыльными поселенцами; город со старыми порядками, провинциальными нравами и бытом; и у *Астафьева*: город как противостояние селу, пространство несправедливости к человеку, угрозы природе, кризиса патерналистских ценностей, характерных для сибирского менталитета, место ссылки и тюрьмы; ср. также у *Потанина*: скучный, мещанский, купеческий город, у которого, однако, есть большое будущее, связываемое с сильным культурным воздействием на город и горожан ссыльной интеллигенции, с развитием образования и науки; город как «живой организм, по-

Представляется целесообразным в рамках обозначенной исследовательской парадигмы обратиться к опубликованным на протяжении многих лет в столичных и сибирских периодических изданиях очеркам Н.А. Кострова (1823–1881)¹ о сибирских городах. Значение этих очерков, в свете поставленной проблемы, видится в том, что в них был создан образ сибирского города второй половины XIX в., в значительной мере необычный для своего времени, складывавшийся из восприятия ряда конкретных городов региона.

Имя российского, сибирского историка и этнографа Н.А. Кострова, автора множества трудов по истории, социологии, этнографии Сибири, филологами до сих пор не вписано в историю осмысления и репрезентации региона. Очерковое наследие Кострова, по сути, не изучено, а его сочинения не введены в научный оборот. Между тем его очерки (около 200)² дают большой репрезентативный материал для рассмотрения имагологических и жанровых аспектов проблемы создания образа Сибири в очерковой региональной прозе, одной из центральных тем которой является образ сибирского города.

Попытаемся заполнить данный пробел и в первую очередь обратимся к такой особенности очерков Кострова: они во многом создаются на базе трудов предшественников и современников автора, что сказывается на многогранности представленных им образов сибирских городов. Эти образы рождаются на пересечении разных, уже существовавших «имиджей» сибирских городских поселений, в соответствии с собственными философско-художественными устремлениями очеркиста и поисками русской литературы и культуры, региональной и столичной, второй половины XIX в. Собственно, эти вопросы как конкретизацию общей проблемы, обозначенной в начале статьи, мы и ставим на материале очерковой прозы Кострова, посвященной теме «города Сибири».

Анализ начнем с важного замечания об интересе Кострова к подлинным фактам, достоверным, документально подтвержденным материалам, к созданию у читателя обязательного впечатления правдивости очеркового повествования как невымышленного. Интересующие нас образы сибирских городов находим в следующих публикациях: «Заштатный город Туруханск» (Москвитянин. 1851), «Качинский городок» (Записки Императорского археологического общества. 1853), «Город Минусинск» (Записки Сибирского отдела ИРГО. 1856), «Город Колывань», «Город Нарым», «Город Томск», «Город Кузнецк», «Город Бийск» (Томские губернские ведомости.

стоянно наполняющийся новым содержанием», в том числе благодаря плодотворному синтезу западной и восточной культуры, и вместе с тем сохраняющий целостность своей «сущности», согласуемой «с историко-культурной средой» [5. С. 101]; у Г. Распутина, Л.Н. Мартынова: авторское восприятие сосредоточено на «духе» города, формирующем духовность горожан и их неразрывную связь с ним как малой родиной; сибирский город трактуется как рубеж между прошлым и будущим, как уникальное единство природного и человеческого начал.

¹ О биографии Н.А. Кострова см.: [7. С. 143–154].

² См.: [8].

1866), «Город Каинск», «Город Барнаул», «Город Мариинск» (Там же. 1867)¹, «Город Кузнецк (Историко-статистический очерк)» (Томские губернские ведомости. 1879, 1880). Отдельно выделим «Заметки для истории» Кузнецка, Томска (Там же. 1867), «Города Томской губернии в 1804 и 1805 годах», «Томск сто лет тому назад», «Город Нарым с 1806 по 1818 г.» и т.п. (Томские губернские ведомости. 1869 и 1872), («Поездка в Нарым» (Памятная книжка Томской губернии на 1871 год), «Город Кузнецк (историко-статистический очерк)» (Томские губернские ведомости. 1879), а также статьи об отдельных достопримечательностях того или иного города (например, «Томский Алексеевский монастырь», опубликовано в «Томских губернских ведомостях» в 1873 г.).

Во всех этих публикациях подчеркивается их документальная основа: это факты, добытые самим очеркистом в его поездках по Сибири, совершавшихся по долгу службы, либо почерпнутые им из авторитетных источников. Так, очерк о Кузнецке написан в опоре на сведения о возведении города, взятые Костровым из «Истории Сибири» (СПб., 1787) русско-немецкого историографа, естествоиспытателя, путешественника, члена Императорской Академии наук и художеств в Петербурге, исследователя Сибири Г.Ф. Миллера. Названное сочинение – это первый научный труд по истории региона, созданный на основе многочисленных документов, устной информации, летописей, этнографических, лингвистических, археологических материалов, которые были собраны знаменитым сухопутным Академическим отрядом, входившим в Великую северную экспедицию и занимавшимся обследованием Сибири. Сведения о первых жителях Кузнецка Костров приводит из «Актв исторических» (СПб., 1841–1842), собранных и изданных Императорской археографической комиссией, занимавшейся научным описанием и изданием письменных исторических источников, и из «Записок об Енисейской губернии» И.С. Пестова (М., 1833). Он цитирует архивные царские грамоты кузнецким воеводам, ссылается на издаваемое Императорской академией наук «Полное собрание ученых путешествий по России», в частности т. 6, содержащий «Записки путешествия» естествоиспытателя, академика И.П. Фалька, начальника Оренбургской экспедиции, охватившей Сибирь (СПб., 1824), «Геологическое путешествие по Алтаю» русского геолога, палеонтолога, профессора Московского университета Г.Е. Щуровского (М., 1816), на «Заметки Кузнецкого старожила, г. Конюхова» и др.

В очерке о Минусинске Костров обращается к «Описанию Енисейской губернии» А.П. Степанова, русского писателя и чиновника, первого енисейского губернатора. Очерк «Города Томской губернии в 1804 и 1805 годах» строится на архивных делах 1804 и 1805 гг. Томского губернского ар-

---

¹ Эти очерки, за исключением «Заштатного города Туруханска» и «Качинского городка», сопровождалась статьями под названием «Статистика г. Барнаула в 1866 г.», «Статистика г. Мариинска в 1866 г.» и т.д., публиковавшимися в тех же «Томских губернских ведомостях» в 1868 г.

хива. Сведения о том, каким был Томск в 1774 г., в год его 170-летия, очеркист берет из т. 3 «Путешествия по разным провинциям Российского государства» (СПб., 1786) крупнейшего естествоиспытателя, немецкого ученого П.С. Палласа, которому Петербургской академией наук было поручено руководить отрядом Оренбургской экспедиции, занимавшейся исследованием европейской части России, Урала и Сибири в естественно-историческом, экономическом и культурном аспектах. Палласом был собран огромный фактический материал, который и вошел в его «Путешествие». В предисловии к своему труду Паллас подчеркивает достоверность как главное свойство его описания путешествия. Примеры источниковой базы Кострова, весьма авторитетной, можно продолжать. В целом же следует отметить, что столь настойчивое акцентирование Костровым объективности и достоверности своих рассказов о сибирских городах объясняет авторские принципы отбора материала для конструирования их образов, определяет механизм их формирования и в полной мере соответствует выбранному автором жанру очерка.

Обозначенный контекст, к которому активно обращался очеркист, заставлял его описывать сибирское городское пространство как некий тип, но он же приводил Кострова, знакомящегося с этим пространством в его конкретных воплощениях, к необходимости обозначить место каждого сибирского города в общем сибирском и, отчасти, российском пространстве. При этом важно отметить, что Костров, окончивший юридический факультет Московского университета и проработавший несколько лет в Московской межевой канцелярии, был перемещен в Сибирь по службе, на должность чиновника особых поручений при Енисейском губернаторе. Через год он уже исправлял должность начальника 3-го отделения Енисейского губернского правления, впоследствии выполнял обязанности делопроизводителя Енисейского губернского статистического комитета, минусинского окружного начальника, советника Енисейского губернского суда, секретаря Томского губернского статистического комитета и т.п. По замечанию Н.В. Васенькина, назначения Кострова на должности, дававшие ему свободу перемещения по Сибири и свободный доступ к документам, в том числе и архивным, были «тем счастливым случаем, когда должностные обязанности удачно совпадали с его увлечением научными изысканиями» [8. С. 36–37], что позволяло очеркисту видеть конкретные лики общих образов, в частности образа сибирского города и его общепринятых толкований.

Типичность и вместе с тем уникальность каждого из представляемых городов Костров прежде всего усматривал в истории их возникновения. Так, он подчеркивает, что сибирские города возникали как крепости, остроги, временные укрепленные населенные пункты на трансграничных территориях. Их история и развитие, как правило, были связаны с освоением Сибири и с разнообразными взаимоотношениями переселенцев из европейской части России с инородческими сибирскими племенами и жителями соседних государств – Китая и Монголии. Вместе с тем Костров под-

черкивает, что у каждого города формировалась своя история, создавались неповторимые предания и легенды.

Например, в упомянутом очерке «Город Кузнецк» (1879–1880), названном автором «историческо-статистическим очерком», подробно описаны столкновения татар и пришедших им на помощь киргизов с русскими казаками, с которыми был связан выбор местоположения Кузнецкого острога. Историческое, документальное повествование Костров считает необходимым сопроводить изложением преданий татар о постройке Кузнецкого острога. Согласно этим преданиям на месте острога раньше жили абинцы. Когда русские не смогли взять их укрепление, то прибегли к хитрости: через подкоп проникли в укрепление, и абинцы признали их власть над собой. Русского царя заинтересовало, каким ремеслом занимается завоеванный народ. Узнав, что большая его часть – кузнецы, он повелел, чтобы выстроенный на их земле город назывался Кузнецком. Сами же абинцы стали называть город Аба-тура, Абинский город или Отец-город. Иностранцы не желали селиться в Кузнецке, бунтовали, пытались освободиться от русской власти. Согласно преданиям, теленгуты, поддерживаемые татарами, не раз нападали на Кузнецк, проникали в город обманом, убивали горожан, вывозили многие товары, разносили слухи о подходе большого китайского войска к Кузнецку с целью покорить, подвергая в ужас и городское начальство, и горожан.

Костров приводит несколько преданий о попытках иностранцев завоевать Кузнецк. Среди них рассказ о нападении загадочного народа чудь на город, о спасении города двенадцатилетним мальчиком, один на один сразившимся с тюркским племенем тукалцев. Есть и предания, повествующие о победах русских в борьбе за Кузнецк. Костров приводит предание о телеуте Алаганчике, о некоем Серебрянникове, отличившемся при набеге калмыков на Кузнецк. Во многих иностранческих преданиях бытует мотив предводительства русским войском седым стариком на белом коне, осеняемым огненным столбом высотой до неба. Позднее русские признали, что в иностранческих преданиях речь шла об Илье-пророке, имя которого стало почтаться в Кузнецке и его окрестностях.

В «Путешествии по Томской губернии Великого Князя Владимира Александровича» (1868) описывается знаменитая Иртышская укрепленная линия, которая должна была обеспечить защиту южных границ Сибири от набегов кочевников. Одна из ее крепостей, Усть-Каменогорская, в 1868 г. получила статус города. Такова же история Змеиногорска, выросшего из крепости, входившей в Колывано-Кузнецкую оборонительную линию, построенную в 1757 г., чтобы защищать серебро-свинцовые рудники у Змеёвой горы. Крупнейшая крепость Иртышской линии – Бахтурминская – была описана Костровым в «Путешествии» так: «Из статистических сведений видно, что в настоящее время число жителей этой крепости простирается только до 500 душ обоего пола: духовного звания 11 душ, штаб- и обер-офицеров 21, а затем остальные – казаки, мещане и разночинцы. Всех домов до 150, из которых два казенных, до 10 принадлежащих разночинцам, а

остальные казакам. Кроме того, в Бухтарминской крепости находится здание военного лазарета, казармы для помещения нижних чинов, провиантский магазин, артиллерийский склад и пороховой подвал, из которого пользуются порохом все занимающиеся зверопромышленностью. Церковь деревянная, на каменном фундаменте» [9. С. 8]. При крепости, построенной для охраны Зыряновского рудника в 1791 г., возникло одноименное село, которое на момент описания его Костровым имело «до 700 домов и до 5 тысяч жителей обоего пола» [Там же. С. 14], оно получило статус города только в 1941 г.

Из острога, построенного в 1633 г., «чтобы утвердить русское владычество над кочевавшими там племенами и обезопасить край от набегов калмыков» [Там же. С. 36], родился Бийск. Появление Томска Костров описывает, также подчеркивая образ крепости, рождающей город: «В начале XVII в. местность нынешнего Томска была обитаема татарскими племенами, из которых главным считало себя племя Еушта, или просто еуштинцы. <...> В 1604 году, князец их, по имени Тоян, видя, что русские более и более покоряют туземные племена и что та же самая участь предстоит и его племени, счел за лучшее покориться добровольно более сильному пришлецу. С этою целью он отправился в Москву и 25 Марта подал царю Борису Феодоровичу челобитную, в силу которой принял наше подданство сам со всем своим родом и со всем подвластным ему племенем в числе 300 человек. Такое предложение не могло быть не принято царским двором и, вследствие этого, казачьему голове Гавриле Писемскому и сыну боярскому Василью Тыркову тогда же приказано было во владениях еуштинских татар построить город. Этот город был Томск» [Там же. С. 53–54].

Рождение Барнаула на фоне истории возникновения многих сибирских городов отличается тем, что связано с постройкой Акинфием Демидовым, основателем горного промысла на Алтае, деревни, «в которой поселились преимущественно рабочие, составлявшие его поисковые партии. Вслед за тем, именно в 1739 году, он устроил уже здесь завод, начавший свое действие в 1744 году, названный Барнаульским от речки Барнаулки, впадающей здесь в Обь. В 1771 году Барнаул переименован городом, и в нем сосредоточено управление всеми заводами и рудниками нынешнего Алтайского горного округа» [Там же. С. 30].

Идентификация описываемых Костровым городов как сибирских осуществляется также через их отождествление с рядом других популярных клише. Так, Минусинск представляется Костровым прежде всего городом, находящимся далеко от Европейской России. Очерк «Город Минусинск» открывается красноречивым сообщением о том, что от Санкт-Петербурга Минусинск отделяют 5428 верст, от Москвы – 4 355, а от китайской границы, ближайшего пограничного знака – 445 верст. Описание многих других городов Сибири Костров также начинает с указания на их крайнюю удаленность от Европейской России, от Москвы и Петербурга как ее центральных точек.

Кроме того, Минусинск описан абсолютно неблагоустроенным, маленьким, деревянным городком (с единственным каменным домом), в котором отсутствуют мостовые и тротуары, многие улицы засыпаны песком, так что ходить по ним очень неудобно. Береговая улица, прилегающая к притоку Енисея, заливается водой. Городская больница не имеет своего здания и размещается в доме для городских преступников, остающемся свободным. В городе дома перемежаются огородами и выгонами для домашних животных. «Зданий, особенно замечательных по красоте своей, здесь нельзя указать ни одного» [10. С. 11]. Минусинск застраивается хаотично, в нем всего 2 квартала, 8 больших улиц и 8 переулков, есть «ничем не замечательная» церковь, «довольно ветхий гостинный двор», 7 лавок, 4 винных подвала, 2 соляных и 2 хлебных магазина, казарма для военных дезертиров. Город малонаселенный, большая часть его жителей – купцы и мещане, что вовсе не означает расцвет торговли или промышленности в Минусинске, где нет ни одной фабрики, не проводится ни одной ярмарки, базары работают только по воскресеньям. Главное занятие минусинцев – земледелие и скотоводство. Вместе с тем в этом описании, дополненном указанием на здоровый климат, одинаково «хорошие» все без исключения времена года, на пустующий дом для преступников, на то, что самым частым и тяжким преступлением минусинцев является воровство, на молодость города, который еще «почти не имеет своей истории» [Там же. С. 10], прочитываются и мысли об органичной близости Минусинска к природе, к патриархальным нравам и быту и о его истории, которая пока еще только начинается.

Таким же малонаселенным, деревянным небольшим городком представлена Колывань. В ней отсутствует какая бы то ни было промышленность, главные занятия горожан – земледелие, скотоводство, пчеловодство и особенно рыболовство в Оби и в озерах, лежащих близ города. Причем очеркист отмечает жалобы колыванцев на «уменьшение улова рыбы», которое они «приписывают пароходству на Оби» [11. С. 9]. Однако оборотной стороной этого является активное развитие торговли в городе, рост купеческого сословия, выдачи им торговых свидетельств. В Колывани проводится Екатерининская ярмарка, правда, продолжается она не более двух недель в году, удовлетворяя потребности горожан в «сельских произведениях окрестных жителей» [Там же].

Близкий к Колывани, Минусинску по многим характеристикам, Нарым отличается наличием ссыльных поселенцев, которые занимаются «ремесленной промышленностью» (однако в цифрах, которыми так любит оперировать Костров, эта «ремесленная промышленность» выглядит практически отсутствующей: в 1864 г. «число ремесленников простиралось только до 10 человек», среди них «1 красильщик, 3 кузнеца, 2 сапожника, 1 портной, 1 плотник, 2 печника»). Основная масса городского населения, как и туземцы, считают занятие ремеслом «как будто бы несколько предосудительным», «обращают все свое внимание только на промысел рыбы» и «улов зверя» [12. С. 8]. Нарымские купцы и мещане заняты торговлей

пушным товаром, который они выменивают у инородцев на хлеб и продают потом в Томске, Ирбите и на Нижегородской ярмарке, а охотники рассчитываются с ними в следующую зиму новыми партиями пушнины.

И в этом очерке отмечается заметное уменьшение «улова», в данном случае лесного зверя, что объясняется лесными пожарами, возникающими из-за небрежности самих зверопромышленников. Торговля рыбой, кедровым орехом, брусникой и проч. также происходит путем перекупки этих товаров оптом, вследствие чего дело доходит до парадокса: в Нарыме бывает невозможно купить несколько фунтов стерляди, осетрины, налима, которые пудами отправляются на перепродажу в Томск.

Бийск также живет в основном торговлей: с инородцами идет обмен табака на пушнину, кроме того, горожане, прежде всего купцы, довольно активно торгуют с китайцами, привозящими из приграничных пикетов чай, хлопчатобумажные изделия и покупающими у бийских торговцев пушнину и лошадей. В самом городе ежегодно проводится всё та же Екатерининская ярмарка, переезжающая из одного сибирского города в другой. Бийск выделяется также наличием двух училищ, для мальчиков и для девочек. Заведения содержатся за счет города, пожертвований и денег, вырученных от розыгрыша лотерейных билетов.

На этом фоне выделяется Мариинск. Такой же молодой, как Минусинск, Мариинск между тем уверенно идет в сторону промышленного города. Костров связывает это в первую очередь с тем, что он стоит на большом сибирском тракте, «в местности довольно населенной и хлебородной» [13. С. 5]. Отличительной чертой Мариинска называется и то, что более половины его населения относится собственно к городским сословиям, остальные, однако, как и в других сибирских городах, крестьяне, военные, дворяне, духовенство. На момент написания очерка в Мариинске работало 4 завода: мыловаренный, кожевенный, 2 кирпичных, 51 человек занимается ремеслами, это – хлебники, булочники, мясники, портные, сапожники, печники, столяры, медники, шорники, коновалы.

Лучшим, «образцовым» сибирским городом в публикациях второй половины 1860-х гг. Костров называет Барнаул. Критериями такой оценки является, прежде всего, развитие города как промышленного центра. «В 1867 году в Барнауле, – указывает Костров в «Путешествии по Томской губернии Великого Князя Владимира Александровича», – считалось заводов 25, фабрик 2, промышленных и хозяйственных заведений 25» [9. С. 31]. Кроме того, в Барнауле сосредоточено управление всеми заводами и рудниками Алтайского горного округа. Барнаул, собственно, возводился А. Демидовым как промышленный город, его основным населением изначально были горнорабочие.

Показателем развитости, по сибирским меркам, Барнаула, по Кострову, является, кроме промышленных предприятий, сезонная Введенская ярмарка, наличие около 2 тысяч домов, 5 церквей (одна из них, Дмитриевская, особо выделяется прекрасной живописью), 91 лавки, театра. Кроме того, в упомянутом выше «Путешествии по Томской губернии Великого Князя

Владимира Александровича» Костров пишет о наличии в городе Горного училища, 2 библиотек и «метеорологической обсерватории, устроенной по мысли Гумбольдта, стараниями графа Канкрин» [Там же]. Особенно выделяются, по мнению Кострова, здания горного ведомства: горного правления, завода, училища, химической лаборатории, а также памятник основателю Барнаула, Демидову, на главной площади города. Однако наряду с этим в Барнауле, отмечает очеркист, насчитывается 3 винных магазина, 8 питейных домов (при 2 богоугодных заведениях), 2 места заключения, 15 полицейских будок.

Многие публикации Кострова посвящены Томску, его истории. Так, в «Заметках для истории г. Томска» Костров представляет историю заселения острога, превратившегося со временем в город. Этот процесс представляется в духе современных Кострову идей колонизации Сибири как важнейшего фактора ее развития: в острог привезли «служилых людей и на пашни» из Верхотурья, из зырян. Царской грамотой воеводе Плещееву и голове Хлопову постановлено было выбирать для отправки в Томск молодых, сильных, умеющих стрелять (для обороны от кочующих киргизов, угрожающих новопостроенному городу). Пашенных крестьян следовало выбирать для переселения в Томск «добрых, прожиточных и семьянитых», «лучших людей», со всем «пашенным заводом», они составили «некоторого рода аристократию местного населения». Местные власти поддерживали переселенцев небольшой суммой денег и зерном. В результате к середине XVII в. Томск «заведывал уже довольно обширную страну. В подчинении ему состояли города Енисейск, Кетск, Нарым, Красноярск и Кузнецк» [14. С. 7].

В «Путешествии по Томской губернии Великого Князя Владимира Александровича» Томск представлен Костровым не только городом с богатой историей, которую во многом определяли переселенческое движение из Центральной России и отношения с инородческими племенами, но и с развитой промышленностью. По сравнению со многими сибирскими городами Томск довольно плотно, как отмечает очеркист, заселен. Жители города работают на 62 заводах и 27 фабриках, в 68 промышленных и хозяйственных заведениях. Во время своего пребывания в Томске великий князь посетил воинский госпиталь, казармы, арестантскую роту, заведения Приказа общественного презрения, острог, детский тюремный приют и находящуюся при нем мастерскую, мужскую и женскую гимназии, Мариинский приют г. Асташева, еврейскую синагогу и учрежденную при ней богадельню [9. С. 60]. Важной характеристикой города, по Кострову, является наличие в нем 14 православных и 7 иноверческих церквей.

Кроме того, очеркист называет Томск «рынком целой Сибири». Ежегодно в городе проводится Томская ярмарка, на которой «торгуют, большей частью, местные купцы. Предметы торговли – хлеб, соль, скот и мясо, рыба, мед, воск и разные крестьянские изделия» [Там же]. В одной из публикаций, составленной Костровым из фрагментов «Воспоминаний о путешествии по Сибири» норвежского астронома, физика Х. Ханстена (1784–1873), который провел в Западной Сибири 1828–1830 гг. в поисках магнит-

ного полюса Земли, находим описание устройства дома одного из томских купцов, куда ученых отправили на постой. Первое, что отмечено в описании Ханстена, – большая кухня с английской печью (хотя еда приготавливалась в русской печи), с покрытым коврами полом, с выскобленными добела столами и лавками. Хозяйка обратила на себя внимание гостей не только крайней чистоплотностью и гостеприимством, но и тем, например, что она обедает с прислугой и забирается на печь, чтобы в свободное время вести разговоры с нею. Зал, по наблюдению Ханстена, тоже составлял странный контраст, по сравнению с простотой нравов: «...там стояла мебель из орехового дерева и два великолепных... зеркала от самого потолка почти до полу. Образа были украшены драгоценными камнями» [15. С. 11]. Не умея ни читать, ни писать и тем более говорить по-немецки (однако дети хозяйки учатся и чтению, и письму по литографированным прописям), добродушная Степанида проявила талант общения со своими иностранными гостями с помощью жестов. Она удивила их многими деталями своего поведения: в ответ на то, что они, прощаясь, поцеловали ей руку, поцеловала их в щеку, потом, набросив на себя меховую накидку, вышла провожать их на улицу и стояла у дороги, пока их повозка не скрылась из глаз, и др. Гости оценили хозяйку и за «совершенство в делах житейских». Так, например, в течение двух часов в тридцатиградусный мороз эта неграмотная женщина приняла товар, отправленный мужем их Кяхты и отправила его далее, в Нижний Новгород: речь шла о шести троичных возах, нагруженных ящиками чая. В целом Ханстен делает вывод о жизни сибирской купеческой семьи как «странной смеси роскоши и простоты», в которой «проглядывает» всюду «что-то здоровое и могучее» [Там же].

Особенностью описаний сибирских городов, сделанных Костровым в «Путешествии по Томской губернии Великого Князя Владимира Александровича» (1868), является пристальное внимание очеркиста к их окрестностям. Именно здесь можно встретить достопримечательности, отсутствующие в городе. Так, например, окрестности Бухтарминска «замечательны в археологическом отношении. На одной из скал р. Бухтармы есть следы как бы конского копыта и человеческой ступни», указывает Костров и далее приводит предания, связанные с этим изображением: «...будто бы какой-то богатырь, преследуемый врагами, поднялся сюда на лошади и совершил счастливый скачок чрез широкую Бухтарминскую долину; напротив, некоторые утверждают, что эти следы иссечены в недавнее время при постройке крепости» [9. С. 11]. «Киргизы, – продолжает Костров, расширяя и углубляя культурологические и исторические контексты своего повествования, – называли это „Адамовым шагом“ и оказывали особое почитание памятнику, который казался им столь же древним, как и самое верование» [Там же]. И далее: «На равнине, между гранитными горами, есть также много старинных чудских могил, свидетельствующих о прежней густоте народонаселения здешнего края в древнейшие времена». Костров указывает также на некоторые, открытые Е.Е. Мейером камни «с грубо на них иссеченными и, впро-

чем, едва приметными человеческими лицами», и на описанные Г.И. Спасским пещеры «с неизвестными письменами» [Там же. С. 12].

Необычайной природной красотой, переданной очеркистом весьма поэтически, отличаются окрестности Змеиногорска, особенно дорога до деревни Саушки: «...все это пространство представляет на каждом шагу самые разнообразные и восхитительные виды. С левой стороны на голой степи близ самой деревни лежат группами огромные гранитные массы, изображая то хижины, то стога сена, то башни, замки и т.п. В 8 верстах от деревни Саушкиной, вправо от большой дороги, заблистало зеркало Колыванского озера. Горы, обступающие его, как нельзя более живописны. Мягкие вечерние лучи солнца представляли чудную игру на них света и тени. Зелень, которою покрыты горы, казалась то темною, то ярко-голубою. Легкий туман висел над этим чудным амфитеатром гор. Какой вид должен быть ночью при луне!» [9. С. 22]. Свой пейзаж Костров подтверждает описанием Колыванского озера, сделанным профессором Г.Е. Щуровским, оно не менее поэтично: «Колывань – озеро, как огромное круглое зеркало, лежало в весьма фантастической раме, между самыми живописными гранитными скалами. Без всякого преувеличения, найдете тут всевозможные сравнения с древними замками, с развалинами готических зданий, с падающими башнями, со многими искусными произведениями, с некоторыми животными и человеческими фигурами. При первом взгляде на Колывань-озеро, на эту величественную картину, невольно обращается к нему все внимание. Перебегая взорами от одного предмета к другому, ни на чем не можешь остановиться; хотелось бы одним разом все впечатлеть в своей памяти» [Там же. С. 23].

Достопримечательностью описываемых окрестностей являются знаменитые курганы, признаваемые многими как древние могилы или маяки, возле которых «находятся иногда истуканы из камня, грубой работы, называемые русскими и инородцами *старухами, девками, богатырями*» [Там же. С. 24]. В связи с курганами – древними могилами Костров вновь приводит предание о «неизвестном народе чудь»: «Перед пришествием русских, в Сибири вдруг стала произрастать береза, о которой до той поры никто и не слыхал. Удивленные белым цветом коры этого дерева, чудаки создали своих шаманов и стали спрашивать их, чтобы это значило! Шаманы отвечали, что появление белого дерева значит то, что скоро придут воины белого царя и покорят их. Чудаки пришли от этого в такой ужас, что вырыли ямы и заживо погребли себя в них» [Там же. С. 28–29]¹.

---

¹ Далее Костров описывает музей, существующий при Горном училище Барнаула – «с зоологическими, минералогическими и этнографическими коллекциями и собраниями моделей разных рудников Алтайского округа. В музее особенно обращают на себя внимание различные вещи, добытые из чудских могил и относящиеся к далекой древности Сибири; множество гербариев, заключающих в себе образцы всей флоры Алтая, и чучелы животных, водящихся на Алтае, в том числе чучелы двух тигров, убитых в горном округе» [Там же. С. 31].

«Чудно хороши» в описании Кострова и окрестности Томска, примыкающая почти к черте города тайга: «Чудно хороша эта тайга... в хорошую погоду, при ярком утреннем или мягком вечернем освещении солнца. Около самой дороги толпятся огромные кусты акации, черемухи и боярки, и все это в цвету, то желтеет, то белеет, а несколько шагов далее – и темно-зеленая стена тайги» [9. С. 44–45].

Таким образом, обобщая сказанное, подчеркнем, что в образах сибирских городов, созданных Костровым в очерках, сформировался такой тип пространства, которое находится в процессе сложного развития, более или менее успешного и динамичного. История того или иного города органично дополняется описанием их настоящего статуса и состояния. Поддерживая такие черты сложившегося к середине XIX в. общероссийского и европейского имиджа сибирских городов, как удаленность от Центральной России, от цивилизации, малонаселенность, неотделенность еще, по существу, от сельского пространства, Костров подчеркивает тем самым их «инаковость», заключающуюся в тесном переплетении здесь прошлого (иногда совсем недалекого, по меркам европейских городов, а иногда уходящего в древность гораздо более глубокими корнями, чем в центральной России и Европе) и настоящего, которое пока робко высвечивает их будущее. Как «иную» представляет Костров и культуру сибирских городов: не накопившие собственно городских достопримечательностей, они окружены широким уникальным пластом древнейших культурных памятников, рукотворных и словесных, и вечных природных ценностей. Это определило угол зрения очеркиста на сибирских горожан, также не совсем еще отделившихся от земледельцев и скотоводов, рыболовов и охотников, но уже устремивших свои усилия в промышленность, торговлю, в цивилизацию, не теряя при этом исконных черт своей ментальности. В центре внимания автора многоликость, многословность, многонациональность и многослойность социокультурного пространства сибирских городов, что связано с происходящей по объективным причинам встречей на этих территориях коренных народов края и переселенцев из Центральной России. В рамках этих представлений Костров высоко оценивает процесс колонизации Сибири, практически не допуская в своих очерках каких бы то ни было критических интонаций в трактовке темы покорения Сибири, которая интерпретируется им, в отличие от областников, скорее как цивилизаторская.

Литература

1. Кудинова И.Ю. Сибирский город в художественной литературе // Дискуссия: журнал научных публикаций. 2012. № 6 (24).
2. Габдуллина В.И. «Сибирский текст» Достоевского: образ провинции» // Культура и текст. 2016. № 3 (26). С. 93–106.
3. Эртнер Е.Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2005.
4. Гладкова И.Б. Топос Сибири в русской очерковой прозе 1960–1980-х годов (Л.Н. Мартынова, В.Г. Распутина, П.Н. Ребрина, И.Ф. Петрова): семантика, генезис, эволюция : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004.

5. Ляпкина Т.Ф. «Гений места: образы городов глазами «печальника» Сибири» // *Studia culturae*. 2016. № 1 (27). С. 93–106.
6. Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома // Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1972. Т. 4.
7. Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск, 2012.
8. Васенькин Н.В. Князь Николай Алексеевич Костров и его архив в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 2000. Т. 10. 47 с.
9. Костров Н.А. Путешествие по Томской губернии Великого Князя Владимира Александровича. Томск, 1868.
10. Костров Н.А. Город Минусинск» // Записки Сибирского отдела ИРГО. 1856. Кн. 2.
11. Костров Н.А. Город Колывань // Томские губернские ведомости. 1866. № 40.
12. Костров Н.А. Город Нарым // Томские губернские ведомости. 1866. № 42.
13. Костров Н.А. Город Мариинск // Томские губернские ведомости. 1867. № 6.
14. Костров Н.А. Заметка для истории г. Томска // Томские губернские ведомости. 1867. № 41.
15. Костров Н.А. Из «Воспоминаний о путешествии по Сибири», соч. Ганстеена // Томские губернские ведомости. 1868. № 18.

The Image of a Siberian City in Nikolay Kostrov's Essays

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 67. 174–188. DOI: 10.17223/19986645/67/9

Irina A. Ayzikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

Keywords: Nikolay Kostrov, essay, Siberian city, perception, image.

The article is supported by the TSU Competitiveness Improvement Programme, Project No. 8.1.10.2020.

The article analyses the images of Siberian cities created by Nikolay Kostrov, a Russian Siberian historian and ethnographer, in his essays of the 1860s–1870s. The essays created a fairly original idea of the Siberian urban space. The article examines the evidence of Kostrov's reception of Siberian cities, objectified in essay texts written in accordance with the most important principles of this genre, and thus reveals the cities' uniqueness in comparison with the cities of Europe and the European part of Russia. Kostrov builds his images of Siberian cities at the intersection of their different "images" created by their predecessors, and through the prism of his own ideas about Siberia and the ways of its development. The essayist represents a type of space that is developing in a more or less successful and dynamic complex way. The desire to understand the history of a particular city organically complements city portraits with descriptions of their current status and condition. Supporting the features of the all-Russian and European image of a Siberian city established by the middle of the 19th century: remote from Central Russia, from civilization, sparsely populated, and still essentially inseparable from rural space, Kostrov thus emphasizes their "otherness", which consists in the close intertwining of the past (sometimes not far away, by the standards of European cities, and sometimes going back to antiquity with its roots much deeper than in Central Russia and Europe) and the present that timidly highlights their future. Kostrov also presents the culture of Siberian cities as "other": the cities are surrounded by a wide unique layer of ancient man-made and verbal cultural monuments and eternal natural values. This determined Kostrov's point of view on the Siberian townspeople, also not yet completely separated from farmers and cattle breeders, fishermen and hunters, but already directing their efforts to industry, trade, and civilization, without losing the original features of their mentali-

ty. Kostrov focuses on the diverse, multi-class, multi-ethnic, and multi-layered sociocultural space of Siberian cities, which is the result of a meeting of the indigenous peoples of the region with migrants from Central Russia, which is taking place for objective reasons. Within the framework of these ideas, Kostrov highly evaluates the process of colonization of Siberia; in his essays, he practically does not allow any critical intonations in the interpretation of the theme of the conquest of Siberia, which he, in contrast to Siberian regionalists, interprets as civilizing.

References

1. Kudinova, I.Yu. (2012) Siberian city in fiction. *Diskussiya*. 6 (24). (In Russian).
2. Gabdullina, V.I. (2016) The “Siberian text” of Dostoevsky: the image of the province. *Kul'tura i tekst*. 3 (26). pp. 93–106. (In Russian).
3. Ertner, E.N. (2005) *Fenomenologiya provintsii v russkoy proze kontsa XIX – nachala XX veka* [Phenomenology of the province in Russian prose of the late 19th – early 20th centuries]. Abstract of Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.
4. Gladkova, I.B. (2004) *Topos Sibiri v russkoy ocherkovoy proze 1960–1980-kh godov (L.N. Martynova, V.G. Rasputina, P.N. Rebrina, I.F. Petrova): semantika, genezis, evoltsiya* [Topos of Siberia in Russian essay prose of the 1960s – 1980s (L.N. Martynova, V.G. Rasputin, P.N. Rebrin, I.F. Petrov): semantics, genesis, evolution]. Abstract of Philology Cand. Diss. Omsk.
5. Lyapkina, T.F. (2016) Genius loci: views of cities in the look of Siberian “pechalnik”. *Studia culturae*. 1 (27). pp. 93–106. (In Russian).
6. Dostoevskiy, F.M. (1972) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 4. Leningrad: Nauka.
7. Shevtsov, V.V. (2012) “*Tomskie gubernskie vedomosti*” (1857–1917) v sotsiokul'turnom i informatsionnom prostranstve Sibiri [Tomskie gubernskie vedomosti (1857–1917) in the sociocultural and informational space of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Vasen'kin, N.V. (2000) Knyaz' Nikolay Alekseevich Kostrov i ego arkhiv v fondakh Nauchnoy biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Prince Nikolai Alekseevich Kostrov and his archive in the funds of the Scientific Library of Tomsk State University]. In: *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Vol. X. Tomsk: [s.n.].
9. Kostrov, N.A. (1868) *Puteshestvie po Tomskoy gubernii Velikogo Knyazya Vladimira Aleksandrovicha* [A Journey of Grand Duke Vladimir Alexandrovich through the Tomsk Province]. Tomsk: [s.n.].
10. Kostrov, N.A. (1856) Gorod Minusinsk [City of Minusinsk]. *Zapiski Sibirskogo otdela IRGO*. 2.
11. Kostrov, N.A. (1866) Gorod Kolyvan' [The city of Kolyvan]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 40.
12. Kostrov, N.A. (1866) Gorod Narym [City of Narym]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 42.
13. Kostrov, N.A. (1867) Gorod Mariinsk [City of Mariinsk]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 6.
14. Kostrov, N.A. (1867) Zametka dlya istorii g. Tomsk [A note for the history of Tomsk]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 41.
15. Kostrov, N.A. (1868) Iz “Vospominaniy o puteshestvii po Sibiri”, soch. Gansteena [From “Memoirs of a Travel in Siberia” by Hansteen]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 18.

UDC 82.091

DOI: 10.17223/19986645/67/10

Pavel V. Alekseev

Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation)

E-mail: pavel.alekseev.gasu@gmail.com

NOTES ON RUSSIAN ORIENTALISM AS A PHENOMENON OF CULTURAL TRANSFERS¹

Russian Orientalism as a phenomenon of cultural transfer based on the material of the Russian literature of the 19th century is considered in this article. The author offers to look at the processes of invention the East in Russia not only as a complex of various transformations of European ideas, texts, ideologies, and symbolic structures planted to the Russian soil, but also as an important process of convergence and mixing of Russian, American, and European methodology for studying the Eastern "Otherness".

Keywords: Russian Orientalism, East, self-Orientalization, the other, national identity, Russian literature.

Over the past four decades, the Orientalist approach to literature has been supplied by a great deal of factual content: thousands of texts in dozens of languages have been analyzed in terms of their ability to reflect the colonial and postcolonial processes of the invention of an imaginary division of the world into the West and the East. This approach integrated regional varieties that are not always directly in line with Edward Said's description of an opposition between European oriental knowledge and European imperial power. Among the numerous followers and opponents of Said's book [1; 2; 3] we find works on German and French Orientalism, on Orientalism in Asian literature in America [4; 5; 6; 7], on the peculiarities of China's Orientalism (namely the problematic relationship between the imperial center and the periphery, also the formation of the images of external and internal Others in imperial China [8]), etc. It is clear that each national scientific discourse is associated with different colonial experiences, has generated its own type of Orientalism, and is associated with peculiar interactions with internal and external Others, but the methods used to analyze this phenomenon also differ from each other. This article offers some reflections on Russian Orientalism and the Russian position in Orientalist discourse, it is therefore useful to all scholars working in this field in the wake of the famous works of Susan Layton, David Schimmelpenninck van der Oye, and others [9; 10].

1. In a broad sense, Orientalism is a way of speaking about the East as some typological unity opposite to the West, but, at the same time, Oriental-

---

¹ The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-412-040004.

ism is a conglomerate of different concepts, different ideas, and discourses, each of them with their own history, their own evolution, their own successes, and difficulties. For example, on the one hand, European and American Orientalist discourse is centered around the ideas of nationalism, sexism, racism, demonization of the Other, the justification of slavery and colonial conquests, the formation of different types of identity (racial, national, territorial, etc.), the opposition between civilized and barbaric peoples, Eurocentrism, Westernization. On the other hand, we find the ideas of decolonization, humanization, abolitionism, the struggle for the independence of the oppressed peoples. If for some Western authors Orientalism is a way to assert their superiority over the so-called backward peoples of the East, for others it is a way to expand the narrow framework of the white man's world in order to reach the origins of world civilization (as Goethe's poem "Hijra" from *West-Eastern Diwan*). How can such different phenomena be part of the same process? What do they have in common? What is the status of the Russian variant of Orientalism?

In our study of the reflection made by Western art of all these kinds of Eastern representations made, we must understand that Said's *Orientalism* (1978) proposed only one of the many possible ways by which we can explain the proximity, interdependence, and mutual permeability of all these phenomena. Indeed, we can well admit that it is no accident if cultural and civilizational distinctions between the West and the East appeared within the European languages in the 18th and 19th centuries. National identity also emerges to replace religious identity as European imperialism reached its apogee. And it is quite natural that during this period the Russian Empire appeared on the map of European imagination as a new ambitious player claiming an exceptional position and exceptional dividends.

At the same time, nationalism, racism, and the justification of slavery and colonization can all be thematized without involving the concept of Orientalism if the material allows it. Nonetheless, Orientalism is very often the best explanation for most Eastern depictions and subjects in literature. Essentially, there is a unifying feature that ensures such diverse discourses work together—it is the East or the Eastern Other (it can be imagined as a sexual Egyptian odalisque, or something quite specific and threatening, like Turks, Arabs, or Circassians). Frequently, this Eastern Other indeed arises precisely in the colonial context. Thus, Orientalism is a convenient way to describe the mindset of the people who created these discourses in that period of human history when European people felt themselves to be dominant against all the others, and when they have invented many semiotic methods to fixate and propagate this status of superiority. When we feel that a European civilizational idea is hidden behind depictions of savages, we realize that neither the Soviet model of "friendship of peoples" nor the approaches of traditional comparative studies are able to provide us with all the necessary tools to analyze it.

For example, as the English traveler Lucy Atkinson is describing the Siberian Kalmuks in her *Recollections of Tartar Steppes and Their Inhabitants* (1848), she relied on the rich experience of English colonial prose in which savages are children, full of anger and cruelty, and share a naive view of life:

...we had a visit from some ferocious-looking fellows, although they were only Kalmuks. It was night when they arrived; there were about twenty, and, when seated around the blazing fires, - with their arms slipped out of their fur coats, which were hanging loosely around them, leaving the upper part of their greasy muscular and brawny bodies perfectly naked, and nearly black from exposure to the air and sun, and with pigtails, like those of the Chinese, - their aspect was most fierce; and still more so, when they all commenced quarreling about a few ribbons and pieces of silk I had given to our men. They had tied strips of red around their necks; but I satisfied all parties, as I thought, by giving some to the new comers; it did appear very ridiculous to see these great strong men taking delight in things which would only have given pleasure to a child at home. And yet I do not know whether we ought to look upon their doing this with contempt; how many men in a civilised country take pride in adorning their persons with the view of looking fine, and these simple creatures were doing the same, only in a ruder manner! Still the quarreling continued, and then it turned out that the fellows were drunk. [11. P. 68-69].

Despite the generally friendly intentions of the traveler, and the ironic and warmhearted tone of the descriptions, it is impossible not to notice that the intent behind Mrs. Atkinson's description is to depict an orientalized dangerous place inhabited by savages, where an English lady must educate to the superiority of European civilization over the barbaric way of life. According to Steve Clark, "the strong model of travel writing and empire would insist that their texts promote, confirm and lament the exercise of imperial power; and that this ideology pervades their representational practices at every level" [12. P. 3]. Furthermore, in Mrs. Atkinson's case, the label of Orientalism becomes more than appropriate when we also consider its views in relation to gender and race. Discriminated against by European society, it is only surrounded by savages that the European woman feels overwhelmingly superior, and it is our understanding that savages are needed just for that in any colonial narrative.

2. The conceptual complex of Russian Orientalism is structured by the ideological problem of self-identification of Russia as West, East, or Eurasia (in the early 20th century), but it is the same Orientalist problem of identifying the dominant and the subaltern. The principle of dominance in the discourse of Orientalism is sometimes explicit, as in Montesquieu's *The Spirit of Laws* (1748), sometimes it is hidden behind friendly phrases about the closeness of cultures. For example, in the preface to *The Citizen of the World, or Letters of a Chinese Philosopher Living in London, to His Friends in the East* (1762), the author portrays his work as a metaphor for gentle friendship between a knight and his horse: "The horse most usually bore the knight; but in cases of extraordinary dispatch, the knight returned the favour, and carried his horse" [13. P. ii-iii]. Despite the fact that Goldsmith refers here to the style and eloquence of the book, and that he before confidently proclaimed that Europeans were very similar to Chinese people, Orientalist overtones of this metaphor are obvious. The partners in love and friendship that Goldsmith initially chose are not equal: the task of a horse (contextual metaphor of Chinese people), as defined by its nature, is to be under the saddle and not to be free to ride on a European knight's back.

Incidentally, in the context of Russian Orientalism, the use of the depiction of a horse is a very interesting case in which the dominant status of a European is fixed in relation to an Eastern girl. In Lermontov's *The Hero of Our Time* (1839), the protagonist, a Russian officer and a participant in the colonial seizure of the Caucasus, organizes the abduction of a Circassian girl. The ransom for the girl is revealed to be the best horse in the whole district. Later, Pechorin domesticates a savage as if she was a horse. In Nikolai Leskov's *The Enchanted Wanderer* (1873), Russian noblemen are attempting the same kind of domestication with a Gypsy girl with the help of a horse specialist named Ivan Flyagin. Both cases end with tragic outcomes—both savages die.

The fact is: the Russian officer himself does not know why he is doing this and is also unable to clearly establish the status of his object—is it a sexual slave or wife? After the complete domestication of the wild beauty, the Russian officer does not know what to do next, he gets bored, and he searches for new avenues. As an Orientalist case, these stories could be described as a reflection of Russia's colonial policy. If Britain conquered and plundered its colonies, everyone understood that these territories were thereafter the land of Britain, but they were not Britain itself (as in the subaltern status of a sexual slave). In another way, as Russia seized its colonies, it convinced everyone that they were not colonies but the growing Russia. However, what to do with these new lands, and why so many of them were acquired—no one could tell.

It has been repeatedly noted that, in pursuit for self-knowledge, every nation should have an ontological Other in relation to whom it will develop the criteria and aspects of its self-determination. In the case of Russian literature, this statement is true and instrumentally applicable only if both the West and the East are considered as the Other. The invention of the Russian image of the East is a process leading to dual directions: to the internal and to the external Other. The internal Other of the classical literary period is not only the space of the colonial frontiers (Crimea, Caucasus, Siberia, Central Asia) but also the culture of the Russian peasantry, which was opposed to the culture of westernized Russian nobility. The external Other can be identified according to the locations of traditional colonial and cultural interests of the Russian Empire: the countries of the Balkans, the Mediterranean Basin, China, India, etc. Any space, any people, any aesthetic or natural object can be orientalized.

Consequently, Russian literary Orientalism must be defined as a style of thinking based on such distinction between the West, Russia and the East in colonial and postcolonial discourses. In such discourses, the Russian image of the East is artistically depicted as opposed to civilized entities (both the West and Russia). For a systematic interdisciplinary study of its genesis in the area of Russian literature, these three major temporal layers are significant. The first stage can be identified as the preparatory period, or the pre-oriental discourse, which is characterized by the accumulation of oriental material in the genres of travel, mythological (dogmatic and apocryphal), and diplomatic narrative (15th–18th centuries). The second stage consists in the development of close ties with Western European literature (18th century) without which the birth of the Rus-

sian Orientalist discourse would in principle be impossible. The third stage is the most important. Within it were generated the main conceptual and genre-thematic laws of Russian Orientalism which still determine the specificity of Russian culture today. The first half of the 19th century was the time of an extremely increasing influence of the concept of the East in Russian culture and politics. Based on the research of Mark Bassin, Vera Tolz rightly points out that “in the 1840s the idea of Russia’s civilizing mission in the East became a central feature of Russian national ideology” [14. P. 27].

The West and the East are fundamental concepts in the identification processes of the 19th-century Russian literature. Acting as the East for the West and the West for the East, Russian culture formed a special discourse of self-understanding reflected in numerous literary genres. Within this discourse, the question of national identity, specifics of Russian literature and of the “Russian soul”, and the three centuries-old world significance of Russian culture have all always been considered, and continue to be considered, in this imaginary geography which divides the world map into the developed West on the one hand and the barbaric East on the other. The West and the East are two categories of deep roots of Russian culture, and none of them can subsist without the other. Because of the imperial past of Russia, this symbolic opposition represents both a colonizing and a colonized type of consciousness. Speaking about the conceptual sphere of Russian Orientalism, I wish to signify a living and dynamic system composed of all textual manifestations of the Russian invention of the East: each concept is necessarily associated with another in a multi-level grid of relationships that are continuously transformed, creating more and more new connections while maintaining the basic contours. Within this system, each concept acquires new content, and this content can be reconstructed only by identifying links between individual concepts and the total system.

Since the formation of the Russian centralized state at the end of the 15th century, the countries of Europe and of the Ottoman Empire acted as key images of the ontological Others in the Russian mind. The development of diplomatic relations, military clashes, and trade promoted intercultural exchange, the formation of language, and cultural bilingualism in the frontiers (as contact zones of cultural transfer). Meanwhile, in the central zone, the national narrative was developed in relation to two fundamentally different cultural poles: the simultaneous rejection and interest in the Catholic and Muslim worlds, and the forming of the system of relations with the East as an object of close geopolitical and cultural interest. The term “contact zone” is quite clearly defined in the work of Mary Louise Pratt as “social spaces where disparate cultures meet, clash, and grapple with each other, often in highly asymmetrical relations of domination and subordination—like colonialism, slavery, or their aftermaths” [15. P. 4].

After Peter the Great proclaimed the Russian Empire in 1721, and the state was modeled in the trend of the European colonial powers with the pathos of constant expansion, the national narrative underwent significant changes. For the successful imperial construction there emerged the concept of civilization, which implied compulsory knowledge of European languages and awareness of

Russian superiority over the less developed nations located to the south and east of the metropolis. In the 18th century, through translations, Russian literature was first involved in Orientalist discourse as a new ideology based on this distinction between the West and the East. Within the Russian mind, the West, as well as Russia, became a small island of civilization in the boundless ocean of the East where the barbarian populations should certainly be organized by the conquest and the imposition of foundations for morality and culture.

Speaking of these ideas, we must determine the genre model of Russian Orientalism, or, in other words, raise the question about what genres of Russian Orientalism emerged as important parts of the national literature and what genres will continue to influence the development of Russian national identity. The ideas of Orientalism were articulated in most genres of Russian literature, but we can distinguish those that make up the source: small prose, poetry, travelogues, and journalism. From the translated oriental stories of the 18th century to Osip Senkovsky's and Alexander Bestuzhev-Marlinsky's Eastern and Caucasian stories, Russian literature mastered narrative ways of reflecting on the East. In Pushkin's and Lermontov's poetry, the East was legitimized as an important concept in which the ideas of the personal and the national intersected. An incredible number of travelogues describing world travel, the history of Turkish prisoners, travels to the Balkan peninsula, China, Steppe, Crimea, and Siberia enriched the Russian imaginary geography. In the period of international tension and of Westernizers and Slavophiles' disputes, both the philosophical essays by Vladimir Solovyov and Dostoevsky's *The Writer's Diary* reflected the principal means of including the East in a variety of contexts of the national discourse about the fate of Russia and Russian culture.

3. Not every Otherness should be identified as Orientalism, and not every oriental motif should be studied with an Orientalist approach. French descriptions of the Egyptians, English descriptions of the Indian and Russian descriptions of the Caucasus are all typologically and structurally similar to the beliefs of the Chinese and the ancient Greeks about the surrounding barbarians. In scientific literature, we may come across terms such as "Orientalism of the Orientals" to describe the Chinese invention of its Western domains (西域, Xi-yu) [16; 17]. We may come across the term "double colonization" to describe the case of an Eastern woman who is subject to double discrimination by colonizers and by local patriarchal communities. We can also find the term "secondary orientalization" to describe the process of inventing images of Siberian aborigines in the missionary practice of the Russian Church. However, neither Chinese nor ancient Greek discourses can be identified as Orientalism, because Orientalism is a discourse specifically about the invention of the East originating during the colonialist period by Europeans and only for Europeans.

Every time we begin to study a particular literary text, we consider that Orientalism is only a tool for its understanding. Discerning that the East is anything that is described as the East we sort out contradictory phenomena on different shelves, and explain all this with the complex idea of imaginary geography: here we put the West, which began to describe itself as a systemic unity, here we put the East,

which was invented by the West, and here is Russia, which itself does not know what it is: the West or the East. The irony of this situation is that the very formulation of the question “what is Russia?”—the West or the East—suggests that Russian culture selflessly joined the discourse in which it was not a subject, but an object of European colonial imagination. The reason is that throughout the nineteenth century, despite the status of the empire, Russia was “the East” for European travelers, writers, and politicians. In various completely different genres, ranging from fairy tales of Rudolf Raspe’s *Baron Munchausen’s Travels* to Marquis de Custine’s *Description of Russia in 1839* and Rudyard Kipling’s stories, we can uncover thousands of examples of the orientalization of Russia.

However, at the same time, the Orientalist approach will not be able to offer anything to other literary problems. We can mention the questions concerning the author’s psychology, the questions surrounding the transfer of Eastern ideas into the Russian cultural environment (for more information about this term and its application in relation to Russian culture, see [18; 19; 20; 21]), as well as interrogations on the development of the artistic language. For example, we cannot consider a postcolonial problem the study of the “poet-prophet” concept as it was formed in the mind of Alexander Pushkin during his work with the French and Russian translations of the Koran. Similarly, postcolonial is neither the problem of fatalism and its Muslim roots in Mikhail Lermontov’s mind nor the study of the receptive history of Persian, Japanese, or Chinese poetry, its genre forms and conventional language.

Sometimes, the Russian feeling of domination over Asia (or over the Asian part of Russia) is not only correlated with the transference of Western European Orientalism. In the story *On the Edge of the World* (1875), Leskov described a case that at first glance may seem like a typical example of the arrogant attitude of a colonial official towards natives. However, it is not so simple. We read that the Irkutsk bishop, while sitting on a sleigh deftly ruled by a Siberian aborigine who did not want to be baptized into the Orthodox faith, pondered over this “child of nature” and reasoned:

Nothing could be done for him—either with Massillon or Bourdaloue, or Eckartshausen. There he was poking his stick into the snow or cracking it—his face like a lump of soapsuds—there was no expression in his peep-holes (it would be a shame to call them eyes); there was not a spark of the soul’s fire; even the sound of the words that issued from his throat seemed somehow dead: in grief or in joy there was always the same intonation—slow and passionless—half the words were swallowed in his gullet, half were squeezed by his teeth. How was he with these means to seek for abstract truths, and what could he do with them? They would be a burden to him: he must only die out with his whole race as the Aztecs have died, or the Red Indians are dying. — A terrible law!” [22].

Orthodox missionaries among foreigners also saw themselves as the dominant force, and foreigners themselves as savages. However, this was not directly related to English or French colonial arrogance, it was due to the peculiarities of Christian mythology in Russia. The missionaries imagined that they were en-

gaged in an enlightenment, but this enlightenment had a completely different meaning which was the opposite of secular ideas (for example, comparing the concept of enlightenment between on one side Voltaire and D. Diderot, and on the other side the late N. Gogol and F. Dostoevsky during the period of his *A Writer's Diary*). In part, this problem was examined in an article by Oxana Karnaukhova, who suggests using the term “secondary Orientalism” to describe the missionary strategies of the Orthodox Church within the empire [23].

Typologically, these arguments made by the bishop herein above are comparable with descriptions of Eastern savages found in numerous Russian and European travelogues, but one should be aware that Russian arrogance towards wild peoples has its own origins dating back to the pre-imperial period. This is especially true during the 15th and 16th centuries when the Moscow kingdom was strengthening and establishing its strong contacts with the Eastern peoples, while the idea of a Third Rome was emerging, and when Siberia was seized. As an example, we can recall the 15th-century descriptions of the aborigines in *A Journey Beyond the Three Seas* by Afanasy Nikitin or the early 17th-century Persian travelogue of Fedot Kotov. Consequently, it must be remembered that the discourse of Russian Orientalism existed along (in parallel or intersecting) with other forms of Russian-aboriginal interaction and other constitutions of images of the Other.

4. The question *What is Russia?* has deep Orientalist roots and is a cultural transfer fact. In Kipling's heritage, we find a story titled *The Man who Was* (1890), which is not very affectionate towards Russian nationalists. It is attested at the very beginning of the story, where the main receptive dilemma of the 19th-century Russian civilizational paradox is formulated:

It should be clearly understood that the Russian is a delightful person till he tucks in his shirt [he means, until the Russian begins to imagine that he is a European and begins to imitate European behavior]. As an Oriental he is charming. It is only when he insists upon being treated as the most easterly of western peoples instead of the most westerly of easterns that he becomes a racial anomaly extremely difficult to handle. The host never knows which side of his nature is going to turn up next [24. P. 166].

Thus, is Russia an Eastern barbarian (or wild bear) in a European suit or maybe a European with the bad manners of a barbarian? This ideological problem is that the Ghost of Russian military power (and its manic desire to expand its borders in all directions) is present in European eyes every time they picture these contradictory images. These European ideas are the basis for descriptions of the post-Petrine Russian state, and, ironically, they also formed the basis for Russian self-knowledge in its progressive overcoming of Eastern roots and competition with the West to take a worthy place in the European family of Nations. That is why Russian Orientalism has this remarkable peculiarity that the depictions of the Eastern Others and the methods of their scientific interpretations are both largely related to the transfer of ideas, words, texts, cultural practice, etc. originating from Europe and, later, from North America.

Likely, in Russian political consciousness, the actual very popular representation of Russia as a bear belongs as well to both Europeans and Russians: just look at political cartoons during periods of aggravation of Russian-European relations (especially during the Crimean war, the Balkan crisis, the Russo-Turkish war of 1877–1878, the period of the First World War, etc.) in which Russia is depicted as a ridiculous or fierce Bear, Octopus, or Cossack: *Neueste Komische Karte Von Europa* (1870), *A Humorous Diplomatic Atlas of Europe and Asia* (1904), *European Revue. Kill That Eagle* (1914) and others [25].

While analyzing Russian Orientalism as a phenomenon of cultural transfer, it is necessary to pay attention to the fact that cultural transfer is possible only if there is a readiness for it in the receiving culture. Such readiness can be exemplified by the creation of zones of cultural contact and contexts where numerous agents of cultural influence are able to bring and adapt new cultural information. It is also extremely important to note that the formation of depictions of an Eastern Other took place in Russia and Western Europe nearly simultaneously. While each culture had its reasons for this formation, the leading cultural and political role of Western Europe, however, predetermined who the donor culture and the recipient culture would be.

It is during the 18th century that the systemic interest of Western European authors (e.g., William Jones, Voltaire, Montesquieu, William Beckford, and others) originates in *The Koran*, *Arabian Nights*, the pre-Islamic poetry of *The Mu'allaqat* and Persian Sufi thought as a consequence of the colonial presence of Europeans in the countries of the East. During this period, Russian thought acquired skills of orientalizing. This is mainly due to the influence of French fiction and non-fiction literature (it is impossible not to mention d'Herbelot's *Bibliothèque Orientale*) on the Russian one, in addition to depictions of Mohammed as a dervish, as a caliph and many other wonderful oriental attributes in the context of paradoxical ancient wisdom and sociopolitical problems in terms of Eastern savage. Relying on information from the Orient, authors of literary texts, travelogues, and journalism all helped to consolidate the idea of their cultural superiority over other nations in the collective consciousness of Europeans (without any doubt, Pushkin as a Westernizer and Dostoevsky as a nationalist both positioned themselves as Europeans in the process of the invention the East).

The myths of the Third Rome and the “Greek” and “Oriental” projects of Catherine the Great both grew in the Russian culture which adopted such successful models of colonial thinking. Of course, this “Oriental project” perfectly illustrates the connection between the concepts of the Russian Empire and the East: Layton rightly notes that Catherine's project of 1796 “called for full-scale invasion of the Caucasus and Persia, the seizure of trade stations between Turkey and Tibet, the consequent opening of a direct route to India and the isolation of Constantinople from the East” [26. P. 5]. According to Harsha Ram, there was “a specifically Russian tradition of relating poetics, rhetoric, and politics” which can be called “the imperial sublime”, he rightly believes that it “was a melding of the Baroque traditions of late Muscovy with the newer literary codes

and cultural fashions imported from France and Germany under the monarchs Peter, Anna, and Elizabeth” [27. P. 5].

Depictions of the East in Russia in a process of cultural assimilation of European fiction and non-fiction literature fall into contradictory conditions: the mechanisms of image formation go back to European tradition, and the tasks they serve fundamentally contradict it. Western European Orientalism has developed a scale for civilization on which, as the enlightened West, it is initially located. From this position, the West believes in its right to interpret and legalize violence at various distances—including towards the Eastern peoples who have no such rights. Russia was in the list of these orientalized countries. There were more than enough objective reasons behind this: the obvious underdevelopment of state and cultural institutions, the lag in scientific advancement, the Byzantine roots of Russian religion, absolutism, the powerlessness of the population, the serf system, etc. But the main reason was a purely geographical one. The development or underdevelopment of St. Petersburg had no decisive signification when the main part of the imperial body was located in Asia, this boundless, little-known ocean of anthropologically and confessionally alien tribes. In theory, authors should have repudiated this rather offensive way of working with Eastern images and should have challenged and strongly rejected it. However, the post-Petrine culture of the Russian Empire did not know any other way to become equal to the West, except to become the West for the East.

Thus, the main message of Orientalism is significantly transformed on Russian soil and in time inevitably takes the most bizarre forms based on the already existing dense nationalism and religious messianism, based on the geopolitical ambitions of the establishment, in the context of the Westernizers and Slavophiles’ dispute and, later, in the complex of Eurasian ideas. So far, any conversation about a particular Russian specificity in artistic or public discourse, despite a completely different geopolitical and cultural alignment in the world, is inevitably associated with the vocabulary and mythology of Russian Orientalism.

5. The cultural transfer fact is not only the emergence, but also the methodology of Orientalism studies after 2006 when Said’s book was translated into Russian. Like any transferred idea, the Orientalist approach was strongly transformed on the rich soil of Russian studies of literary representations of space and Eastern cultures. In the 2000s, numerous translations of works based on theories of post-colonial criticism and nationalism poured into Russia, for example, the new *Ab Imperio* journal established in Kazan, the Novoe Literaturnoe Obozrenie publisher launching the “Historia Rossica” series, etc. From the point of view of the cultural transfers theory, these transfer agents contributed to a reorientation of domestic literary critics from the problems of poetic enthusiasm for the exotic Eastern towards numerous problems: national identity; national narrative; constructivist perception of internal and external orientalized Others; various interconnections between the individual take on Orientalism of individual authors and the general Orientalist discourse of the educated strata of Russian society; national myth-making; and finally the problems of literary manifestations of the so-called Eastern Question.

To date, there has been an accumulation of many interesting works on Russian imperial myth-making in relation to the aspects of the invention of the East and the West. Plenty of works have been published on the various connections between the colonial policy of the Russian empire beyond the Urals and the achievements of Oriental studies. There are also plenty of works on the Orientalist deconstruction of classical texts [14; 26; 27; 28; 29]. At the same time, a new methodology began to take form within the new Russian literary scholarship, which already had a complex network of local texts (mythological representations of space in literature). The local texts of St. Petersburg, Moscow, Siberia, Crimea, and many others were initially based on the problematic principle of the opposition between the European and the Asian, between center and periphery, between overt and covert, and between progressive and barbaric. This means that Orientalism penetrates Russia to find a preexisting rich Russian analytical tradition, and, confronted with it, begins to transform into an interdisciplinary Orientalist approach that, in near future, will remain the leading role in studies of Eastern images.

The relevance of such an approach to the Eastern content of Russian literature is due to the general interest of Russian scholars in the questions of imagology, comparative studies, and intercultural communication in the context of the “post-colonial explosion” in Western humanitarian thought. The key concepts of Russian Orientalism were repeatedly considered in works of Soviet and post-Soviet scholars within the framework of the West-Eastern influences in Russian literature. However, in the past decade, these concepts were applied to new content and became involved in a completely new actualization of the imperial experience of Russia and the problematic complex of its literary reflection.

An important result of this methodological transference is an understanding of the constructivist nature of the East: this culturological and civilizational concept was invented in Western Europe as a response to the geopolitical challenges of the active colonial era. Because of the successes of the colonial empires, the principles and mechanisms they developed for submission, management, description, and classification of the peoples of the world became viral: despite significant differences in the development of non-European territories, similar principles and mechanisms were used by countries that were not empires like the United States, or continental empires like Russia.

When analyzing Eastern images, another important point to understand is that it is more correct to refer not to Eastern influence, but to the fact that Russian culture invented the image of the East because it is needed for the development of national, civic, and cultural identity. Thus, Russian Orientalism is not only a certain grouping of eastern images, but it is also a manner of describing any object as an Eastern, like Lermontov’s Caucasians, Leskov’s Russian peasants, or Pushkin’s Arabs. Moreover, many of these images are connected not so much with each other individually, but are rather united with a single referent discourse which provides them a collective and impersonal instance of interpretation.

6. The main difference between Russian Orientalism and its European and American related discourses is the role that the idea of the East plays in

the formation of national identity. During the 19th century, the dual status of the Russian Empire as the subject and object of European Orientalism led to the supplementation, in Russian culture, of orientalization as the main tool for the creation of the East by another important idea called *self-orientalization*. This applies when the Russian state, its people and its culture can be described as a kind of East by Russian thinkers. Arif Dirlik calls this case “Orientalism of Orientals” [8. P. 99]. Unfortunately, notwithstanding all the perspective of the term, it is little used by Russian humanities, in contrast to Western humanities.

The piquancy of the theory of Russian Orientalism lies in the fact that the process of Europeanization of Russia was based on the idea that Russia was originally a non-European country and that in order to become one it needed to overcome its Asian backwardness (Asian laziness, aggressiveness, despotism, servility, voluptuousness, inability to enlightenment, deaf religiosity, etc.). Alexander Griboyedov, Alexander Pushkin, Vissarion Belinsky, Nikolay Nekrasov, and others understood this perfectly well, but the Slavophiles and Dostoevsky already turned the question in such a way that pre-Petrine Russia was not a triumph of the Asiatic, but a storehouse of national culture and true faith. The apotheosis of the development of Russian Orientalism was the emergence of the ideology and mythology of Eurasianism in the 1920s, which is still actively involved in national self-determination and state-building. For Western European Orientalism and European identity, Eurasianism is unthinkable because their only task was and remains limited to the civilizational opposition of the West and the East.

The closest related term is “internal colonization”, used in the works of Alexander Etkind [30]. According to Dirk Uffelman, the terms “self-orientalization” and “internal colonization” form a single formula for the destructive development of national identity. Uffelman explains it this way: the external orientalization of culture can trigger self-colonization. In this case, inevitably, separation from one’s own culture occurs and internal Orientalism arises involving the “Others” within this culture. This internal Orientalism can remain at a negative distance, or take a distantly reformatory attitude, that is the colonialist attitude, towards “regrettable Others”, which will result in internal colonization [31. P. 64]. It should be noted that the case described by Uffelman does not quite suit Russian Orientalism. Self-orientalization in Russia does not arise as a result of external colonization but as a result of the thrill of “cultural inferiority” in the face of more developed Western cultures and state institutions. Equally important is the process of understanding and rethinking the role of Russia in the intrigues and provocations of the Eastern Question and the colonial policy of Russia in Siberia and the North Caucasus.

However, the self-orientalization described by Uffelman was a kind of a common place in the disputes of the Westernizers and Slavophiles, but Dostoevsky added a special meaning to this problem. Ewa Thomson rightly noted that Dostoevsky never felt the irony in the fact that he wrote novels about moral dilemmas while his readers were involved in violence abroad [32. P. 54]. In many years of reasoning about the “Russian world” (*Russky mir*) and its place in world

culture, Dostoevsky did not attach negative values to some parameters described as “Eastern” and backward in the Orientalism discourse. For example, with his conscious and experienced affiliation to the Eastern Church (Orthodoxy), for Dostoevsky, the readiness to sacrifice European freedoms and values for the sake of the monarchical structure established by God was equivalent to the concept of “Russianness”. On the contrary, for Russian Westernizers like Belinsky, it was a sign of “Asianness” (see the famous Zaltsbrunn letter of Belinsky to Gogol in 1847, for the reading of which Dostoevsky, in fact, went in Siberian exile). Apparently, in Russian culture, the controversial idea of the East is and will remain a chronic disease that cannot be cured without the appearance of new ideas of post-nation states and destroying of the imaginary separation of the world into the West and the East.

References

1. Warraq, ibn. (2007) *Defending the West: A Critique of Edward Said's Orientalism*. New York: Prometheus Books.
2. Hamdi, T. (2013) Edward Said and Recent Orientalist Critiques. *Arab Studies Quarterly*. 35 (2). pp. 130–148.
3. Al-Dabbagh, A. (2010). *Literary Orientalism, Postcolonialism, and Universalism*. New York: Peter Lang Publishing.
4. Marchand, S.L. (2009) *German Orientalism in the Age of Empire: Religion, Race, and Scholarship*. New York; Washington, D.C.: Cambridge University Press; German Historical Institute.
5. Cannadine, D. (2001) *Ornamentalism: How the British Saw their Empire*. London: Penguin Press.
6. Little, D. (2001) *American Orientalism: The United States and the Middle East Since 1945*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press.
7. Dew, N. (2009) *Orientalism in Louis XIV's France*. Oxford: Oxford University Press.
8. Dirlik, A. (1996). Chinese History and the Question of Orientalism. *History and Theory*. 35 (4). pp. 96–118.
9. Layton, S., Kelly, C., Cross, A., Emerson, C., & Heldt, B. (2009). *Russian Literature and Empire*. Cambridge, GBR: Cambridge University Press.
10. Schimmelpenninck, van der O. (2011). *Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*. New Haven: Yale University Press.
11. Atkinson, L. (1863) *Recollections of Tartar Steppes and Their Inhabitants*. London : J. Murray.
12. Clark, S.H. (ed.) (1999) *Travel Writing and Empire: Postcolonial Theory in Transit*. London: Zed Books.
13. Goldsmith, O. (1820) *The Citizen of the World*. Bungay: J. and R. Childs.
14. Tolz, V. (2011) *Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods*. Oxford: Oxford University Press.
15. Pratt, M. L. (1992) *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation*. London; New York: Routledge.
16. Zhao, Gang. (2006) Reinventing China: Imperial Qing Ideology and the Rise of Modern Chinese National Identity in the Early Twentieth Century. *Modern China*. 32 (1). pp. 3–30.
17. Newby, L. (1999). The Chinese Literary Conquest of Xinjiang. *Modern China*. 25 (4). pp. 451–474.
18. Rossini, M. & Toggweiler, M. (2014) Cultural Transfer: An Introduction. *Word and Text A Journal of Literary Studies and Linguistics*. IV (2). pp. 5–9.

19. Dmitrieva, K. & Espagne, M. (eds) (1996) *Transferts culturels triangulaires. France-Allemagne-Russie*. Paris: Edition de la MSH.
20. Lagutina, I.N. (2008) *Rossiya i Germaniya na perekrestke kul'tur: Kul'turnyy transfer v sisteme russko-nemetskikh literaturnykh vzaimodeystviy kontsa XVIII – pervoy treti XX veka* [Russia and Germany at the Crossroads of Cultures: Cultural Transfer in the System of Russian-German Literary Interactions of the late 18th – first third of the 20th centuries]. Moscow: Nauka.
21. Mustafaev, Sh. et al. (eds) (2013) *Kul'turnyy transfer na perekrestkakh Tsentral'noy Azii: do, vo vremya i posle velikogo shelkovogo puti* [Cultural Transfer in Central Asia: Before, During and After the Silk Road]. Paris; Samarkand: IICAS.
22. Leskov, N. (1923) *The Sentry and Other Stories by Nicolai Lyeskov*. Translated from Russian by A.E. Chamot. New York: Alfred A. Knopf.
23. Karnaukhova, O. (2015). Tracing the Roots of Colonial History and Orientology in Russia. *Cultura. International Journal of Philosophy of Culture and Axiology* 12(1). pp. 99–114. DOI: 10.5840/cultura20151218
24. Kipling, R. (1891) *Life's Handicap: Being Stories of Mine Own People*. London: Macmillan and Co.
25. Barron, R. (2008). Bringing the Map to Life: European Satirical Maps 1845–1945. *Belgeo*. 3. pp. 445–464.
26. Layton, S. (1994) *Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy*. Cambridge: Cambridge University Press.
27. Ram, H. (2003) *The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire*. Madison: University of Wisconsin Press.
28. Barrett, T. (1999) *At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700–1860*. Boulder: Westview Press.
29. Tlostanova, M. (2008) The Janus-faced Empire Distorting Orientalist Discourses: Gender, Race, and Religion in the Russian/(post) Soviet Constructions of the Orient. *Worlds & Knowledges Otherwise*. 2. pp. 1–11.
30. Etkind, A. (2011) *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge: Polity Press.
31. Uffelman, D. (2013) The Pitfalls of Russia's Internal (De-)Colonisation. Translated from English. *Politicheskaya kontseptologiya – Political Conceptology*. 2. pp. 57–84. (In Russian).
32. Thompson, E. (2007) Imperial knowledge: Russian literature and colonialism. Translated from English by Tatiana Nedbaeva. *Perekryostki*. 1–2. pp. 32–75. (In Russian).

РУССКИЙ ОРИЕНТАЛИЗМ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА **Алексеев П.В.**

В статье ставится вопрос о русском ориентализме как феномене культурного трансфера на материале русской литературы XIX в. Автор предлагает взглянуть на процессы изобретения и освоения Востока в России не только как на комплекс разнообразных трансформаций европейских идей, текстов, идеологий и символических структур на русской почве, но как на важный процесс сближения и смешения русской, американской и европейской методологии изучения восточного «Другого». Актуальность статьи определяется тем, что несмотря на ряд влиятельных публикаций отечественных и западных русистов, в настоящее время требуется уточнение дефиниции и содержания термина «русский ориентализм» в связи с компаративистской теорией культурного трансфера. В статье последовательно рассматриваются шесть основных аспектов проблемы. Во-первых, автор предлагает определить русский ориентализм не только как дискурс о Востоке как некоем типе цивилизации, противоположном Западу и России. Главная мысль заключается в том, что русский ориентализм – это не одна идея, а комплекс различных идей и дискурсов гетерогенного происхождения. Именно

это объясняет как внутреннюю противоречивость русской идеи Востока, так и ее способность существовать независимо от политических и культурных конъюнктур в имперский и постимперский периоды. Во-вторых, автор обращает внимание на важнейшую особенность русского ориентализма: этот дискурс возник и до сих пор существует для решения главной задачи – самоопределения культуры, сгенерированной и развивающейся в буферной зоне Запада и Востока. В-третьих, автор ставит вопрос о том, что ориенталистская методология имеет очевидные пределы: не всякую идею «Другого» в России следует отождествлять с ориентализмом и не каждый восточный мотив нужно изучать при помощи ориенталистского подхода. Четвертый блок статьи, наоборот, ставит вопрос о том, что главный вопрос русской идентичности «Что такое Россия?» восходит к дискурсам европейских ориентализмов и на материале русской словесности не только может, но и должен изучаться при помощи ориенталистского подхода. Пятый и шестой блоки посвящены рассмотрению базовых отличий ориентализма и методологии его изучения в России от европейских и американских вариантов. Таким образом в статье доказывается мысль, что комплекс идей, объединяемый дефиницией «русский ориентализм», а также способы его изучения, основанные на постколониальном подходе, должны учитывать специфику их русской адаптации.

Ключевые слова: *русский ориентализм, Восток, Другой, национальная идентичность.*

УДК 882.09-2

DOI: 10.17223/19986645/67/11

Ю.М. Брюханова, Н.Н. Подрезова

ХРОНОТОП ПОЧТЫ В «НОВОЙ ДРАМЕ» 1990-х гг.

Обосновывается хронотоп почты, выявленный в пьесах Н. Коляды «Персидская сирень» и О. Богаева «Русская народная почта». Доказывается сюжетообразующая роль данного хронотопа, его связь с типом героя, выделяются общие характеристики. Проводится граница между эпистолярными мотивами в литературе и хронотопом почты как пространственно-временной характеристикой самого места передачи (доставки) письма. Именно последнее актуализирует мотив встречи и не-встречи героев и связывается с мотивом преобразования окружающего пространства.

Ключевые слова: новая драма, О. Богаев, Н. Коляда, хронотоп почты, хронотоп кризиса и жизненного перелома.

В современной гуманитарной науке понятие хронотопа расширяет свое семантическое поле ([1. С. 20–31; 2. С. 52–59; 3. С. 69] и др.), что связано с осознанием его когнитивного потенциала. Однако ключевое понимание литературно-художественного хронотопа, в котором «имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом» [4. С. 235] и которое было сформулировано М.М. Бахтиным, остается базисным. В качестве главных характеристик хронотопа М.М. Бахтин выделял сюжетообразующее начало и эмоционально-ценностную интенсивность. Эти особенности раскрывают организующие и упорядочивающие свойства хронотопа, что делает его «генератором структуры и смысла» и в результате чего хронотоп «выступает как пространственно-временная структура произведения и как манифестация духовного состояния» [5. С. 14].

Объектом изучения в данной статье выбраны пьесы Олега Богаева «Русская народная почта» (1994) и Николая Коляды «Персидская сирень» (1995). Основное сюжетообразующее значение в этих произведениях связано с пространственными и временными характеристиками почты. Почта как специальное учреждение, ведающее пересылкой писем, посылок и т.д., может быть представлена в художественном мире текста в своем прямо-реалистическом значении (у Н. Коляды) или в условно-метафорическом (у О. Богаева), но при этом сохраняется общая сюжетная структура: несостоявшаяся (или нарушенная) коммуникация с ожидаемым адресатом приводит к неожиданному узнаванию другого как своего (будь то сосед по подъезду или дарящая «вечную жизнь» смерть).

Цель исследования заключается в выявлении семантики хронотопа почты, актуального для отражения российской действительности в 90-е гг. XX в. Целевая установка требует решения ряда задач: 1) охарактеризовать хронотоп почты в пьесах Н. Коляды и О. Богаева как элемент антиномич-

ной системы – почта как пространство мнимого общения и квартира / жилище как пространство одиночества героев; 2) обозначить соотношение понятий «почтовая коммуникация» и «хронотоп почты»; 3) установить взаимосвязь хронотопа почты с более крупными хронотопическими структурами (хронотопами дороги и жизненного кризиса); 4) обосновать концептуализацию в хронотопе почты логоцентрической картины мира, свойственной русскому сознанию.

Дом-хрущёвка и почта: бегство от одиночества. Творчество драматургов Николая Коляды (1957 г. р.) и его ученика Олега Богаева (1970 г. р.) прочно вошло в театральный контекст как новое слово современной драматургии ([6–9] и др.). Пьеса «Русская народная почта» была написана О. Богаевым в 1994 г., впервые поставлена в 1998 г. на сцене Екатеринбургского театра драмы (режиссер Н. Коляда) и в Московском театре Олега Табакова (режиссер Кама Гинкас, в главной роли О. Табаков). Н. Коляда пишет пьесу «Персидская сирень» в 1995 г. Самая известная ее постановка в частной антрепризе Ефима Спектора с актерами театра «Современник» (Лией Ахеджаковой и Михаилом Жигаловым) принадлежит режиссеру Борису Мильграму.

Общее пространство памяти и единая безысходная ситуация крушения социальных, культурных, ценностных основ, связанная с перестроечным и постперестроечным временем, вызвали к жизни почти одновременно пьесы, чье смысловое пространство задается доминантным хронотопом почты.

Локальный континуум обеих пьес строится на отчетливой оппозиции почты и квартиры-хрущёвки, реальная граница между которыми намечена в пьесе Коляды, где есть сценическое пространство почты и внесценическое – хрущёвки, и условно-иллюзорная – в пьесе Богаева, где сценическое пространство квартиры периодически наделяется почтовыми функциями. Мотивация присутствия героев в пространстве почты как реального социального учреждения, так и воображаемого связана с семантикой приватно-бытового локуса (хрущёвки) и определяется желанием героев вырваться из зоны одиночества и попасть в зону общения.

Реалистическое описание условий существования героев во многом совпадает в пьесах Коляды и Богаева. В «Персидской сирени» из разговора действующих лиц мы узнаем, что они живут в хрущёвке (более того, Н. Коляда помещает свою одноактную пьесу в цикл «Хрущёвка»). В пьесе «Русская народная почта» прямого упоминания типа постройки нет, но по описаниям однокомнатной квартиры, в которой обитает Иван Сидорович Жуков, легко отнести его дом также к советским типовым жилым домам с малогабаритными квартирами, массовое строительство которых началось в годы правления Н.С. Хрущёва.

Квартиру, которую героиня «Персидской сирени» получила со своей матерью 25 лет назад (т.е. около 1970 г.) в шлакоблочном доме, была непригодна для жилья: через щели в стене можно было наблюдать, как едут по улице машины. Но своя жилплощадь – это значимое пространство в ценностной системе советского человека. Поэтому даже в таком состоянии

квартира была дорога героине, она вместе с матерью обустроивает ее, ремонтирует, красит, нежно называет «наш уголок», что может прочитываться как аллюзия на романс «Уголок» («Дышала ночь восторгом сладострастья...»), текстом для которого послужило стихотворение В.А. Мазуркевича «Письмо (Монолог)». Стилистически и эмоционально романс близок характеристике главной героине. В сюжетном плане эта аллюзия поддерживает мотив ожидания и не-встречи («Наш уголок я убрала цветами, / К вам одному неслись мечты мои, / Мгновенья мне казались часами, / Я вас ждала; но вы... Вы не пришли» [10]).

У героев пьесы «Персидская сирень» в уголке-«вагончике» неспешно, замкнуто, невидимо протекала жизнь, привычный ход которой нарушается смертью: умирает мать героини, гибнет страна, в доме открывается салон похоронных услуг «Ритуал».

Схожие приметы судьбы мы видим в жизненном пути Ивана Сидоровича из пьесы О. Богаева «Русская народная почта». Неспешность и устроенность его простой жизни подчеркивается метафорой течения бытия: «Жизнь текла непонятно откуда и куда, да и думать особенно ни о чем и не хотелось: реки не выходили из берегов, ровно тукала вода в водосточной трубе» [11. С. 50]. Даже смерть жены не смогла сломать привычный уклад жизни; уход близкого человека воспринимался героем как трещина на потолке, «которая сама по себе, а Иван Сидорович сам по себе» [Там же. С. 49]. Изъяны жилища зеркально отображаются в изъянах души – нельзя сказать, что бесчувственной, но в какой-то мере «упрощенной», как планировка хрущёвок. Однако так же, как и в «Персидской сирени», в этой пьесе внешнее пространство из привычного и домашнего превращается в чуждое и незнакомое после переживания распада привычной системы ценностей: «Но неожиданно в начале осени, врасплох, молочный магазин перенесли в район новостроек, приятели (словно сговорившись) покинули его и вознеслись на “небесную скамеечку” к супруге, телевизор и радио безнадежно поломались. Скучно стало» [Там же. С. 50].

Жизнь редуцируется до существования-выживания: герой «Персидской сирени» ходит в куртке, сшитой из старых джинсов, Она – в штопанных чулках, Иван Жуков из «Русской народной почты» жалуется на низкую пенсию, которой хватает «ровнехонько на два кэгэ с мешочком» фарша для «коклет» [Там же. С. 62]. Приметы скудного существования отпечатываются как на внешнем виде героев, так и в описании окружающего быта. Как отмечает С.Я. Гончарова-Грабовская, «образ дома становится ключевым в художественном пространстве пьес 90-х гг. Однако это дом разрушающийся или разрушенный, *дом-пристанище*, в котором доживают, но не живут» [12. С. 43].

Потеря родных людей, выпадение из сферы социальной занятости (выход на пенсию), слом традиционных форм общественной жизни в постсоветское время лишают обитателей хрущёвок привычного поля общения и погружают в пространство одинокого существования. Образ хрущёвки, коррелируя с хронотопом родного дома, фиксирует негативные изменения

в жизни персонажей, для которых приватное пространство стало одиночной камерой, по словам героя «Персидской сирени», «шлакоблочным застенком», что намечает тенденцию его семантического сближения с образами могилы, склепа. Конфликт с привычным пространством, ставшим вдруг чужим, — это не только конфликт с новым временем (1990-е гг.), которое не может быть осознано и принято героями Н. Коляды и О. Богаева, но и конфликт отчужденности маленького человека от мира других людей, имеющий в своей основе не только социальную природу, но и экзистенциальную. Этот мотив экзистенциального одиночества как изоляции героев внутри собственного существования отчетливо проявляется в ситуации столкновения с фактом смерти Другого и наивной попытки спрятаться от осознания своей смертности (переехать в другой дом, где нет ритуального салона, или получить гарантию бессмертия от самой Смерти в форме письма).

Ю.М. Лотман утверждал, что «каждому пространству соответствует особый тип отношений функционирующих в нем персонажей» [13. С. 265]. Маленький человек хрущёвки — это человек с атрофированными коммуникативными потребностями и навыками. Открывается его неспособность к естественному, непринужденному контакту с Другим. В обеих пьесах этим другим представлен сосед, случайная встреча с которым происходит в «Персидской сирени» за границами хрущёвки и раздражающие знаки присутствия которого осознаются героем в «Русской народной почте». Однако потребность преодолеть одинокое существование толкает героев к поиску общения через письмо, в результате чего они заведомо выбирают адресатами своих писем идеализированных персонажей, не вписывающихся в окружающий мир.

Дистанцированность почтовой коммуникации. В толковом словаре русского языка фиксируются три современных значения слова «почта»: 1) учреждение для пересылки писем, посылок, бандеролей, денег, а также здание, где помещается такое учреждение; 2) пересылка, доставка средствами этого учреждения; 3) то, что доставлено этим учреждением, а также вообще доставленные адресату письма, посылки, бандероли [14. С. 575]. Все указанные значения реализуются в художественном образе почты в пьесах Коляды и Богаева, аккумулируя в себе временные и пространственные признаки, имеющие структурообразующие и смыслопорождающие функции, что позволяет классифицировать данный образ как хронотоп.

Бытовое пространство хрущёвки, препятствующее общению с Другим, антагонистично «коммуникативному» пространству почты, в границах которой пытаются осуществить свою потребность контакта с другими людьми герои рассматриваемых пьес. Хронотоп почты, имея разные варианты реализации: почтовое отделение как место встречи героев Коляды или доставка писем самому себе в границах квартиры Ивана Жукова в пьесе Богаева, — актуализирует семантику особой коммуникации.

Главной характеристикой почтовой коммуникации является дистанцированность. Во-первых, потому что отсутствует непосредственный, прямой контакт между адресантом и адресатом, предполагается простран-

ственная дистанция между отправившим письмо и получившим его. Во-вторых, потому что задается дистанция между временем написания и временем получения сообщения.

Именно дистанцированность почтового общения оказывается щадящим форматом встречи с другим для человека хрущёвки, потому что эпистолярный контакт, во-первых, дает возможность партнерам по коммуникации оставаться незримыми друг для друга (совет Его Ей не вкладывать в письмо фотографию в «Персидской сирени»), снимая оппозицию «достоверность – фикция» и открывая свободу выстраивания иллюзорной альтернативной реальности собственного существования. Во-вторых, эпистолярная форма общения имеет большую заданность (шаблонность высказывания), так как лишена импровизационного начала, предполагающего непосредственную реакцию на реплики Другого. Эта эпистолярная шаблонность позволяет герою «Персидской сирени» «читать» нераспечатанное письмо, а Ивану Сидоровичу – создавать иллюзию достоверности письма через закрепленные маркеры формы (приветствие, заключительные формулы, логика развертывания сообщения и т.д.). Даже за границами эпистолярного контакта героиня «Персидской сирени» прибегает к принципам дистанцированного общения и заранее подготавливает сценарий разговора с неизвестным, однако забывает его дома и, воспринимая болезненно отход от речевой заготовки встречи, выстраивает свой диалог на «готовом» слове литературы, кинематографа, городского фольклора: «Акелла промахнулся! Чека не дремлет!» [15. С. 122], «...я, как Данко, – положу конец издевательствам над простыми советскими работницами» [Там же. С. 123], «Дурочка с переулочка» [Там же. С. 126] и т.д.

Таким образом, эпистолярная коммуникация в этих пьесах предстает как естественный выбор человека с атрофированными коммуникативными навыками, оказываясь квазикоммуникацией, потому что настоящая встреча с Другим не происходит в ее границах. Так, реальная встреча с соседом в «Персидской сирени» состоялась не благодаря опосредованному контакту, а вопреки ему: встречаются не адресант с адресатом, а те, кто решил нарушить почтовый принцип дистанцированной коммуникации: Она желает поймать «с поличным», Он – подменяя получателя, ворует чужие письма.

По-другому нарушен принцип почтовой коммуникации в пьесе Богаева, где герой оказывается одновременно адресатом и адресантом, вольно или невольно разыгрывая роль того и другого поочередно. Как отмечает И.И. Плеханова, Жуков «...играет сам с собой, восстанавливая смысл существования» [16. С. 88]. Возможно, ключ к разгадке театра почты в пьесе Богаева лежит в том единственном письме от реального другого («обычный конверт с маркой и чужим почерком»), которое остается без прямого ответа. Но именно оно, пришедшее извне, содержащее унижения адресата и тотальное обесценивание его существования, провоцирует альтернативную квазикоммуникацию Ивана Сидоровича.

Агрессивность внешнего мира, маркером которой становится реальное письмо в «Русской народной почте», в «Персидской сирени» проявляется в

наполненном взаимных оскорблений диалоге двух незнакомых людей. Оскорбительно агрессивна и реальная зона контакта – почтовое помещение, где «в одной из стен дверь на замке, а рядом окно выдачи почты, которое тоже на замке», где размещено объявление: «Если кто-то не заплатит за а/я, у того а/я будет отрезан, выварен сварочным агрегатом!!! А больше просить платить за а/я не будем!!! Отдел доставки в а/я!!!!», где написано «углем или губной помадой» матерное слово [15. С. 121]. Все это дополняет образ «металлических ящиков от потолка и до пола – одни прорезы, бойницы» [Там же. С. 121]. В таком мире человек может либо нападать, либо обороняться. И герои пьесы Н. Коляды с первой сцены выбирают тактику поведения, диктуемую пространством. Для них защититься от враждебности окружающего мира можно только при общении, опосредованном письмом. Поэтому выбор дистанцированного контакта с коммуникантом в формате письма становится способом самозащиты маленького человека хрущёвки от агрессивной действительности.

Однако речь идет не просто о воображаемой текстовой реальности, которую создают герои драматургических произведений. Сюжет согласуется не столько с мотивом написания письма (имеющим широчайший контекст в мировой литературе), сколько с процессом отправления – получения письма, связанного с мотивом встречи (не-встречи). Эта линия имеет генеалогию в истории мировой литературы, и русской в частности. Так, например, в «Дубровском» и «Барышне-крестянке» А.С. Пушкина значимыми в сюжетном плане становятся сама передача послания и связанное с ней место («Почтовая контора учреждена была в дупле старого дуба» [17. С. 115]); в рассказе «Ванька» А.П. Чехова, несмотря на всю семантическую нагруженность текста письма, кульминация приходится на финальный момент, когда читатель понимает невозможность получения письма адресатом. В текстах же эпистолярных (или близких к ним), где на первый план выходит сам процесс написания и / или его результат (Шарль Луи Монтескье «Персидские письма», Ф.М. Достоевский «Бедные люди», М.П. Шишкин «Письмовник» и др.), значимость доставки корреспонденции обнуляется (она оказывается сама собой разумеющейся и не вызывает сомнений или же становится несущественной для читателя). Поэтому, говоря о хронотопе почты, важно актуализировать взаимодействие временного и пространственного начала, имеющего определенную локализацию, т.е. места, где происходит передача письма. В этом отношении реалистическое почтовое отделение в пьесе Н. Коляды «Персидская сирень» аналогично метафорически условному в пьесе О. Богаева «Русская народная почта» по своей функциональной значимости.

Взаимодействие настоящего и прошлого в пространстве почты. Мы уже указали, что традиционно главной особенностью почтовой коммуникации является дистанцированность, которая проявляется в отношении не только к пространству, но и ко времени. Дистанция между временем написания и временем получения письма открывает возможность прикоснуться к прошлому, которое благодаря вещественности обычного (бумажного)

письма переживается эмоционально и физически. Однако в пьесах Н. Коляды и О. Богаева возможность погрузиться в прошлое выявляется благодаря сокращению или разрушению временной дистанции в коммуникации: героиня пьесы «Персидская сирень» хочет забрать свое письмо, чтобы оно не было прочитано, и в результате контакт между отправителем и мнимым получателем разворачивается в реальном времени; а временная дистанция между написанием и получением письма в пьесе «Русская народная почта» не имеет никакого значения, поскольку подчиняется правилам не физического мира, а мира иллюзий главного героя.

Прикосновение к прошлому осуществляется не посредством письма как артефакта, а посредством контакта с пространством почтового отделения, которое четко ассоциируется с советским временем. Почтовые отделения оказались самыми «немобильными» в условиях перестройки государства. Модернизация затронула эту сферу социальной жизни позднее, чем все остальное; здесь как будто «законсервировано» прошлое. Поэтому неслучайно на героев, помещенных в реальное пространство почты («Персидская сирень») или симитированное («Русская народная почта»), мощной волной накатывают воспоминания, стирающие внешние барьеры повседневной жизни между людьми. Даже ущербное и враждебное, это пространство еще сохраняет отпечаток прошлого, идеализированного в сознании героев, так как прошлое – это молодость, надежды и мечты. Так, три измерения пространства подвергаются воздействию четвертого – времени (согласно теории относительности), и это «искривление» имеет вполне осязаемые, материальные показатели.

Прежде всего, память пробуждает запах, о чем скажет герой пьесы Н. Коляды, узнавший знакомый, но давно исчезнувший аромат духов «Персидская сирень»: «Ну, из двери, из форточки, от одежды, духи, от прохожих запахи, от цветов, от конфет – чего угодно и вдруг – вылетаешь из этой жизни, в отключке вдруг и что-то наваливается. Да, да. Уволакивает, обволакивая, волочет воспоминание» [15. С. 125–126]. Аккумуляция общей памяти позволяет разрывать временные границы и возвращаться в прошлое здесь и сейчас. Переход из враждебной действительности, актуализирующей разрыв коммуникации между людьми, во внутреннее пространство воспоминаний, объединяющее и дающее возможность общения, отмечено в «Персидской сирени» сменой тональности разговора героев: от грубых и резких характеристик «дурко» и «бухарик» Он и Она переходят к вежливой форме обращения на «Вы». Это «облагораживание» поведения героев объясняется именно пониманием общего внутреннего пространства памяти, а вовсе не неожиданным открытием того, что герои 25 лет жили друг над другом в одном доме, одном подъезде. Возникает антитеза пространства внешнего (реально-материального) и внутреннего (памяти), которая реализуется в рамках хронотопа почты.

Жуков из пьесы О. Богаева, огражденный от контакта с Другим исключением последнего из коммуникантов, также актуализирует иное, внутреннее пространство, где медиатором между внешним и внутренним ста-

новится почта. И не удивительно, что в границах этого пространства образы самых невероятных адресатов и адресантов (Ленин, королева Англии, клопы и т.д.), порожденные сознанием пишущего героя, принадлежат его снам. Сюрреалистический алогизм их встречи во снах оказывается уподоблен принципу почтовой связи (т. е. дистанцированной, «заочной»).

В пьесе Богаева хронотоп почты как коммуникативное пространство оказывается сопряжен с хронотопом дороги, где возможно пересечение всех со всеми. «На дороге пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути многообразных людей – представителей всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов. Здесь могут случайно встретиться те, кто нормально разьединен социальной иерархией и пространственной далью» [4. С. 392]. Типичная реализация хронотопа дороги воплощается в жизненном пути героя «Русской народной почты». Движение от письма к письму прочерчивает линию жизни Ивана Жукова: письма от друзей детства открывают переписку в пьесе, письмо от Смерти завершает ее. В отличие от героев пьесы Н. Коляды, четко осознающих временную дистанцию между прошлым и будущим, для Жукова реальные и псевдовоспоминания стирают временные границы, однако в обоих текстах актуализация памяти связана с местом и / или процессом отправления – получения письма.

Антагонизм внешнего и внутреннего подчеркивается в обеих пьесах семантикой сна. В пьесе Н. Коляды будничная жизнь ассоциируется со сном как пространством условным, неярым, монотонным. Герои обмениваются репликами: «ОН. Ну – до свидания тогда? Встретимся, ага? Мы же – друг над другом. Всю жизнь друг над другом спали, оказывается. ОНА. Да, да, спали, оказывается. До свидания» [15. С. 133]. Мотив «жизнь есть сон» является не единичным в творчестве драматурга (см., например, пьесу «Рогатка», 1989). У Олега Богаева, напротив, именно сон Ивана Сидоровича оживляет всех персонажей и расцветивает красками тусклое существование главного героя. Значимыми оказываются ремарки, отделяющие пространство существования-здесь и существования-во-сне. Мы слышим шелест листьев, затем комната наполняется разноцветными лучами света, всё начинает переливаться сотнями сверкающих пылинок / снежинок / песчинок, и появляются во плоти адресаты писем Жукова (Ленин, Елизавета II, Робинзон Крузо, Чапаев и др.). Таким образом, у Коляды реальная жизнь персонажей проходит как сон, а прорыв в настоящее, живое и осязаемое происходит с помощью воспоминаний героев, в результате чего реально обозначенное время действия (осень) рвется, как ткань, и наполняется душистым запахом цветущей повсюду сирени. У Богаева грань между миром реальным и миром иллюзий, возникающим в голове героя, страдающего одиночеством и старческим маразмом, с развитием действия становится все менее и менее осязаема. Иван Сидорович все чаще впадает в состояние дремоты, а в конце засыпает вечным сном. В художественном пространстве пьесы «Персидская сирень» общие воспоминания героев сосредоточиваются на частных, личных маркерах времени

(запах духов, рисунки на конвертах, мотивы песен и т.д.), а сознание Ивана Жукова воссоздает иллюзорный мир героев, знаковых для советского общества и советской культуры.

Соотношение хронотопа почты и хронотопа жизненного перелома.

Смена тональности окружающего пространства в пьесе «Персидская сирень» – от грубо-реалистической к неосентиментальной – продиктована хронотопом почты. Именно на почтовом отделении происходит не просто встреча героев, но пересечение линий жизни, объединенных общими координатами прошлого. В «Русской народной почте» квартира Ивана Сидоровича Жукова быстро становится похожа на гротескное изображение почты: торчащие отовсюду почтовые бланки и письма, в конце пьесы потоком вываливающиеся из комода. Набирающая интенсивность переписка Жукова со своими собеседниками заканчивается прорывом в иную реальность: герой получает письмо от самой смерти. Таким образом, в обоих произведениях хронотоп почты обозначает некое рубежное пространство, что подчеркивает его соотнесенность с хронотопом кризиса и жизненного перелома.

Говоря о соотношении хронотопа почты с базовыми хронотопами (дороги, кризиса и жизненного перелома), мы опираемся на положение М.М. Бахтина о «больших объемлющих и существенных хронотопах»; ученый подчеркивает, что «каждый такой хронотоп может включать в себя неограниченное количество мелких хронотопов, ведь каждый мотив может иметь свой особый хронотоп» [4. С. 400].

Семантика переломного момента реализуется с помощью различных художественных деталей. Героиня «Персидской сирени» замечает: «Магнитный день *переехал* мою жизнь» (курсив наш. – Ю.Б., Н.П.) [15. С. 121]. Рубежные моменты фиксируются с помощью привычных маркеров времени, сезонного цикла или цикла человеческой жизни: герои пьесы Н. Коляды встречаются на почте осенней порой в обеденный перерыв («перерыв с один до два»). Иван Сидорович Жуков из произведения О. Богаева отмечает свой День рождения в Новый год – совпадение личного и всеобщего поворотного момента. Новый год (как один из главных советских праздников, сместивших Рождество) упоминается и в «Персидской сирени». Именно в Новый год героиня со своей матерью переезжают в новую квартиру, и конверт с зайчиком, елочной веточкой, шариком и надписью «С Новым Годом!» ищет Она среди вывалившихся из почтового ящика писем (как окажется потом, она перепутала, и конверт был вовсе не с зайчиком, а с персидской сиренью).

Знаковые художественные детали, обозначающие рубежный момент, актуализируют значение кризиса и жизненного перелома – как личного, так и всеобщего. Потери частные приравниваются к потерям целого поколения, общества, страны. Не случайно Ю. Казарин замечает, характеризуя главного героя пьесы О. Богаева: «Время Ивана в виде прогоревшего торта – это овеществленное представление о времени-катастрофе» [18. С. 768]. Переживание времени-катастрофы простым человеком становится основой гуманистического посыла пьес Н. Коляды и О. Богаева.

В своих теоретических выкладках М.М. Бахтин рассматривал хронотоп кризиса и жизненного перелома в непосредственной связи с хронотопом порога. И хотя художественной детали, напрямую отсылающей к семантике порога, нет в анализируемых нами пьесах, следует помнить, что «в литературе хронотоп порога всегда метафоричен и символичен, иногда в открытой, но чаще в имплицитной форме» [4. С. 397]. В этом смысле ситуация порога может быть связана с переходом героев от череды потерь к обретению – взаимопонимания, прошлого и т.д. («Персидская сирень») или от одиночества и трагикомичной борьбы за существование к освобождению в смерти («Русская народная почта»).

Кроме того, в хронотопе порога, по М.М. Бахтину, время как будто сокращается до мгновения [Там же]. Действительно, спрессованность времени формально отмечена в рубежных координатах обедненного перерыва, Дня рождения и Нового года. Но не эти темпоральные характеристики являются смыслообразующими в хронотопе почты. Значимо, что настоящее как будто выпадает из линейного процесса текучего времени, само время оказывается четвертым измерением пространства. Три измерения пространства фиксируют существование вещи, время же дает им возможность развиваться и меняться. Прошрое, настоящее и будущее являют себя каждое в своих пространственных координатах, т.е. все возможности существуют одновременно.

Хронотоп почты как отражение логоцентризма сознания героя. Итак, пространство почты достраивает четвертое измерение, открывая все перспективы (и ретроспективы) разом. Но важнейшей особенностью этого феномена является то, что объективизация четвертого измерения времени-пространства являет себя в слове. Обратим внимание, как герой «Персидской сирени» заговаривает реальность, пытаясь прорваться в то место и в то время, которое зафиксировалось на старой фотографии: «Одна мечта. Бредовое желание. Просьба к Богу. Что, как на старой фотографии, пусть всё будет вокруг. Пусть всё вернётся назад, на фотографию, но только не жёлтое, как бумага, а цветное, как прежде, как тогда: всё так же, всё хорошо, всё впереди, все живы... (Пауза.) И все живы, и все живы, и все живы, и мама молодая, и папа молодой, и колонны идут на демонстрацию, и знамена, и радость, и весна, и первый май, и сирень цветёт, и радость, и покой, и все живы, и все живы...» [15. С. 131]. Повторы и ритмизация речи создают суггестивный эффект – герой пытается заговорить время. Владение словом оценила и собеседница, признав за этим откровением безусловную значимость: «Вы хоть и шофер, но в вас умер поэт. Писатель» [Там же]. Героя мучает осознание того, что где-то все осталось, где-то все живы. Ему стихийно открываются законы четырехмерно-го пространства, но он оказывается бессилем перед временем.

Не отрефлексированное, но естественно ощущаемое желание подчинить время-пространство выражается в самой доступной для человека форме – письме. Письмо становится разновидностью заговора бытия, а скорее – небытия. Герой из пьесы Н. Коляды «читает» нераскрытое письмо, воссоздавая причинно-следственные связи, которые заставили «на старости лет» писать незнакомому мужчине по объявлению в газете: «...она

пишет – решила обмануть и их, и себя, и *Смерть*, которая рядом сидит, в письмо заглядывает, обмануть всех, завести себе на стороне друга, любовника, навтирать ему что-то, что артистка, в отставке, что интересы, что много всего и вдруг выйдет, вдруг получится, хоть попробовать, хоть заглянуть за *занавес* этот, потому что скучно, тоскливо, одиноко с людьми этими в шлакоблочном застенке, всё позади, всё!» (курсив наш. – Ю.Б., Н.П.) [15. С. 131]. Скучно и тоскливо становится и Ивану Сидоровичу Жукову, который, оставшись в одиночестве, старается перехитрить (со свойственной русскому сказочному герою смекалкой) смерть, ведя переписку со своими умершими друзьями, Лениным, Елизаветой II, марсианами и другими «адресатами». Юрий Казарин даже называет его «человекописьмом», конкретизируя: «Топос, в котором пишмуются Иван, и примитивен, и чрезвычайно сложен: он как бы загнан внутрь Ивана и не дает ему покоя, приводя простого мужика к эпистолярной горячке. Здесь, в Иване, полосуется топосы войны, любви, жизни, страны, идеи, насильственно внедренной в нас Лениным-Сталиным-Ужасом» [18. С. 768].

Не дающее герою покоя желание писать – это не попытка воскресить то, чего уже нет, так как для Жукова все его собеседники являются зримыми и осязаемыми – через письма. Он даже на День рождения всех «рассаживает» за столом, расставляя чашки с чаем на конверты. Истоки самообмана кроются в простом человеческом желании утверждения своего бытия. Недаром герой подписывает одно из своих писем «Ваш настоящий Иван Жуков», отстаивая свое право на существование. Однако горькая ирония заключается в том, что свое бытие Жуков может ощутить не в реальных координатах жизни (с которой уже не осталось почти никаких связей), а в пространстве письма. Даже смерть с ним общается, посылая письмо на День рождения. Эти детали художественного пространства пьесы, а также очевидная параллель главного героя с чеховским Ванькой Жуковым, писавшим письмо на деревню дедушке («Ванька», 1886), подчеркивают логоцентричность русской картины мира, что концептуализируется в ряде тем и мотивов русской литературы, а также является значимым для хронотопа почты.

Выводы

Пьесы О. Богоева «Русская народная почта» и Н. Коляды «Персидская сирень», написанные в 1990-е гг., проявляют реализацию хронотопа почты, имеющего отношение к традиционным хронотопам дороги и жизненного перелома, но представляющего самостоятельную систему пространственно-временных отношений.

Целостность выявленного хронотопа доказывается его сюжетообразующей ролью, связью с типом героя, а также общими характеристиками, что позволяет говорить о конкретных воплощениях инвариантной структуры в художественных текстах.

Персонажи рассмотренных пьес – это актуализация литературного типа маленького человека. Они помещены в замкнутое пространство хрущёвки,

испытывают давление окружающей действительности, лишены способностей к свободной коммуникации, что заставляет их искать более щадящую форму вхождения в диалог с Другим – посредством письма. Так выстраивается логоцентрическая картина мира персонажа, в которой большое значение имеет не только написание письма, но и его отправление – получение. Именно сам процесс передачи и доставки (своеобразный путь письма, метафора дороги) актуализирует неразрывность временного и пространственного определения: встретятся ли адресат и адресант в одно время в одном месте? Однако запланированная встреча с Другим оказывается ложной, коммуникация выходит из-под контроля, а не-встреча оборачивается истинным открытием, значимым в жизни героев.

В границах рассмотренных пьес базовые характеристики почтовой коммуникации искажаются, не соблюдаются. Так, герои «Персидской сирени» пренебрегают условием пространственной и временной дистанцированности между адресатом и адресантом, а герой «Русской народной почты» вовсе игнорирует эту характеристику. Привычные рамки эпистолярной коммуникации разрушаются, что заставляет героев снова искать поле взаимодействия с Другим-чужим в агрессивном мире, и обнаруживается оно во внутреннем пространстве, которое актуализируется хронотопом почты, связывающим внешнее и внутреннее посредством памяти. Почта получает характеристики, указывающие на ее фиктивность, симулятивность, так как функция связи между людьми остается неосуществленной. И тогда письмо становится не только и не столько средством коммуникации (или квазикоммуникации), сколько возможностью побороть экзистенциальный страх смерти и жизни, утрат, одиночества, пусть и примитивно, но все же ощущаемый главными героями пьес. В письме человек отстаивает свое право на существование и право на свой голос, поскольку в реальной жизни он уже выброшен за границу бытия. Поэтому хронотоп почты в указанных пьесах связан с преобразованием действительности и переключением ее восприятия из физического в метафизический план, что подчеркивается финальным выходом за границы реалистичного пространства: «На всем белом свете цветет сирень. Темнота» [15. С. 133]; «Открылась входная дверь. Сквозняк гоняет по комнате комочки писем» [11. С. 84]. Конфликт с миром не разрешается, безысходность существования не истребляется, но свое слово найдено и, главное, прочитано / услышано Другим.

Литература

1. Бурлина Е.Я., Иливицкая Л.Г. Хронотопия: хронотоп и хронотип // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2015. № 3. С. 20–31.
2. Дронова Т.А. Хронотопичность стиля мышления в контексте образа // Мир психологии. 2009. № 4. С. 52–59.
3. Марова Н.Д. Парадигмы интерпретации текста. Екатеринбург, 2006.
4. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975. С. 234–407.
5. Котович Т.В. Хронотоп театрального произведения. Витебск, 2011.

6. Лейдерман Н.Л. Драматургия Николая Коляды: критический очерк. Каменск-Уральский, 1997.
7. Липовецкий М., Боймерс Б. Николай Коляда: мелодраматическая альтернатива // Перформансы насилия: Литературные и театральные эксперименты «новой драмы». М., 2012. С. 230–249.
8. Старова Е.А. Драматургия Николая Коляды как сверхтекстовое единство: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2015.
9. Пилат В. В орбите творческих влияний Николая Коляды // Балтийский филологический курьер. 2005. № 5. С. 387–396.
10. Мазуркевич В.А. Стихотворения. URL: http://az.lib.ru/m/mazurkewich_w_a/text_0050.shtml (дата обращения: 08.08.2019).
11. Богаев О.А. Русская народная почта : 13 комедий. Екатеринбург, 2012.
12. Гончарова-Грабовская С.Я. Поэтика современной русской драмы (конец XX – начало XXI века) : учебно-методическое пособие. Минск, 2003.
13. Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова : Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 251–293.
14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003. 944 с.
15. Коляда Н. Персидская сирень // Современная драматургия. 1995. № 1–2. С. 120–133.
16. Плеханова И.И. Новая драма: имена и тенденции : учеб. пособие. Иркутск, 2017.
17. Пушкин А.С. Барышня-крестьянка // Собр. соч. : в 10 т. М., 1960. Т. 5. С. 98–118.
18. Казарин Ю. Письмо. О пьесах Олега Богаева // Богаев О.А. Русская народная почта : 13 комедий. Екатеринбург, 2012. С. 761–770.

The Chronotope of Post Office in the New Russian Drama of the 1990s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 67. 204–217. DOI: 10.17223/19986645/67/11

Yulia M. Bryukhanova, Natal'ya N. Podrezova, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: okt28@yandex.ru / koine@list.ru

Keywords: New Russian Drama, Oleg Bogayev, Nikolay Kolyada, chronotope of post office; chronotope of crisis.

The article aims to analyse the chronotope of post office as represented in the New Russian Drama of the 1990s: *Persidskaya siren'* [Persian Lilac] by Nikolay Kolyada and *Russkaya narodnaya pochta* [Russian People's Post] by Oleg Bogayev. The authors characterise the chronotope of post office in the aspects of plot, emotion, and character, establish the relationship between the chronotope of post office and the chronotope of road and crisis, argue that the logocentric consciousness of Russian man is conceptualized by the chronotope of post office. The invariant structure of the chronotope is determined by the historical and social conditions of the emergence of Kolyada's and Bogayev's plays. The post office illustrates the feelings of a "little man" who experiences a temporal and spatial shift. Represented in different ways, the structure of the chronotope has common features: functional significance and correlation with a certain literary type of hero. It is a humiliated man with his rights infringed and with his life forgotten by history. He chooses postal communication because distancing (subjects are in different time and space) allows avoiding direct contact which is very painful for the heroes. Epistolary communication is the only accessible way for a disadvantaged person to engage in dialogue with the world and to save his rights to speak and be heard. Therefore, the chronotope of post office contrasts to the chronotope of house (to be more accurate, that of khrushchevka) in Kolyada's and Bogayev's plays. In the former, the space of understanding and safety transforms into the space of estrangement and aggression. At the same time, postal communication also does not bring confidence and calm to the heroes because the post office rules are violated (stealing letters in Kolyada's play or the same addressee and

addresser in Bogayev's play). The crisis of private and social life is illustrated in different ways in the plays, including in the chronotope. In this case, the chronotope of post office can be considered as a variant of the chronotope of road (where people who would hardly meet in another space meet) and the chronotope of crisis (the feeling of crisis and disaster becomes the basis of the comic, farcical, and tragic unity). Nevertheless, the chronotope of post office represents a special four-dimensional space where heroes can feel connection with the past and assert their importance and right to exist in the written word, which directly correlates with the logocentric tradition of Russian culture.

References

1. Burlina, E.Ya. & Ilivitskaya, L.G. (2015) Chronotopia: chronotope and chronotype. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*. 3. pp. 20–31. (In Russian).
2. Dronova, T.A. (2009) Khronotopichnost' stilya myshleniya v kontekste obraza [Chronotopic style of thinking in the context of the image]. *Mir psikhologii*. 4. pp. 52–59.
3. Marova, N.D. (2006) *Paradigmy interpretatsii teksta* [Paradigms of Text Interpretation]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
4. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Literature and Aesthetics. Research over the years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 234–407.
5. Kotovich, T.V. (2011) *Khronotop teatral'nogo proizvedeniya* [Chronotope of Theatrical Work]. Vitebsk: Vitebsk State University.
6. Leyderman, N.L. (1997) *Dramaturgiya Nikolaya Kolyady: Kriticheskiy ocherk* [The Dramaturgy of Nikolai Kolyada: A critical sketch]. Kamensk-Ural'skiy: Kalan.
7. Lipovetskiy, M. & Boymers, B. (2012) *Performansy nasiliya: Literaturnye i teatral'nye eksperimenty "novoy dramy"* [Performances of Violence: Literary and theatrical experiments of the "new drama"]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 230–249.
8. Starova, E.A. (2015) *Dramaturgiya Nikolaya Kolyady kak sverkhkhtestovoe edinstvo* [The dramaturgy of Nikolai Kolyada as a supertext unity]. Abstract of Philology Cand. Diss. Samara.
9. Pilat, V. (2005) V orbite tvorcheskikh vliyaniy Nikolaya Kolyady [In the orbit of Nikolai Kolyada's creative influences]. *Baltiyskiy filologicheskiy kur'er*. 5. pp. 387–396.
10. Mazurkevich, V.A. (2019) *Stikhotvoreniya* [Poems]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/m/mazurkevich_w_a/text_0050.shtml. (Accessed: 08.08.2019).
11. Bogaev, O.A. (2012) *Russkaya narodnaya pochta: 13 komediy* [Russian People's Post: 13 Comedies]. Yekaterinburg: Zhurnal "Ural".
12. Goncharova-Grabovskaya, S.Ya. (2003) *Poetika sovremennoy russkoy dramy (konets XX – nachalo XXI veka)* [Poetics of Modern Russian Drama (Late 20th – Early 21st Centuries)]. Minsk: Belarusian State University.
13. Lotman, Yu.M. (1988) *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol'* [At the School of the Poetic Word: Pushkin. Lermontov. Gogol']. Moscow: Prosveshchenie. pp. 251–293.
14. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2003) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions]. 4th ed. Moscow: ITI TEKhNOLOGII.
15. Kolyada, N. (1995) Persidskaya siren' [Persian lilac]. *Sovremennaya dramaturgiya*. 1–2. pp. 120–133.
16. Plekhanova, I.I. (2017) *Novaya drama: imena i tendentsii* [New Drama: Names and Trends]. Irkutsk: Irkutsk State University.
17. Pushkin, A.S. (1960) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow: GIKhL. pp. 98–118.
18. Kazarin, Yu. (2012) Pis'mo. O p'esakh Olega Bogaeva [Letter. About the plays by Oleg Bogaev]. In: *Russkaya narodnaya pochta: 13 komediy* [Russian People's Post: 13 Comedies]. Yekaterinburg: Zhurnal "Ural". pp. 761–770.

УДК 821.161.1+821.111
DOI: 10.17223/19986645/67/12

И.О. Волков, Э.М. Жиликова

**РОМАН В. СКОТТА «ПИРАТ» В ТВОРЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ
И.С. ТУРГЕНЕВА: ОТ ЧТЕНИЯ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ БИБЛИОТЕКИ ПИСАТЕЛЯ)²**

В статье впервые подвергаются анализу пометы И.С. Тургенева на романе В. Скотта «Пират», что позволяет поставить проблему рецепции русским писателем вальтер-скоттовского историзма и просветительской концепции. От интерпретации помет исследовательское внимание движется к роману «Отцы и дети», в котором обнаруживается традиция Скотта. Главным аспектом сопоставления двух романов оказывается драма противоречий сильной личности, ставшей выразителем культурно-исторического и нравственно-философского кризиса.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, В. Скотт, «Отцы и дети», «Пират», герой-индивидуалист.

Роман «Пират» был написан В. Скоттом в 1821 г., хотя сбор материала для него относится к 1814 г. В это время писатель, совершив путешествие по восточным и северным берегам Шотландии, в составе экспедиции «особой комиссии службы северных маяков» [1. С. 7] посетил Оркнейские и Шетлендские острова. Время действия в романе относится к концу XVII столетия, когда коренное шетлендское население, ведущее свое родство от норвежцев, испытывало давление со стороны Шотландии и выражало недовольство растущим чувством национальной независимости.

Историзм Скотта проявился во внутренней организации материала. Рассказ о событиях XVII в. пронизан идеями современности, связанными с событиями революции 1789 г. и наполеоновской эпохой. Характерно, что даты создания «Пирата» напрямую связаны с биографией Наполеона: 1814 г. – Бонапарт отрекся от престола в Фонтенбло и был заключен на о. Эльба близ Корсики, 1821 г. – смерть императора после его вторичного отречения от престола и шестилетней ссылки на о. Св. Елены в Атлантическом океане. Эти семь лет выявили мощные тенденции наполеоновской эпохи: Европа двигалась по пути буржуазного развития, ломая патриархальные традиции. В центре внимания оказался тип героя-индивидуалиста, порождение Нового времени. Роман Скотта посвящен исследованию этого типа, изучению его исторической силы и слабости, анализу характера взаимодействия с патриархальной средой.

---

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00219 «И.С. Тургенев и проблемы западноевропейской литературы (по материалам родовой библиотеки писателя)».

Появление «чужеземцев», «джентльменов удачи», таких как Клемент Кливленд, в среде мирного патриархального юдаллера Магнуса Тройла и его дочерей Минны и Бренды воспринималось поначалу как романтическая история о других народах и о битвах в далеких и неизведанных краях» [1. С. 125]. Кливленд говорит о Минне, которая «смешала <...> роковую профессию пирата «с подвигами <...> древних героев» [Там же. С. 563]:

Она была воспитана в таком уединении и простоте, в таком совершенном незнании зла, что считает нас чем-то вроде тех древних норманнов, что бороздили моря на своих победоносных галерах, заходили в чужие гавани, основывали колонии, завоевывали целые страны и назывались королями морей, или викингами [Там же. С. 444].

Сама Минна, настроенная на восстание против шотландцев, признается Кливленду:

Мой отец – шетлендец – вернее даже норвежец, он сам принадлежит к угнетенному народу, и ему безразлично, сражались ли вы с испанцами, пиратами Нового Света, или с голландцами и англичанами, к которым перешли захваченные ими владения. Его собственные предки подерживали и защищали свободу морей на славных судах, чьи флаги служили грозой для всей Европы [Там же. С. 319].

Но шетлендцев постигло разочарование в действиях пиратов: «Мне казалось, – говорила Минна, – что в войне против жестоких извергов испанцев есть что-то облагораживающее, что-то возвышающее то ужасное ремесло, которое вы только что называли настоящим и странным огнем» [Там же. С. 331]. Это крушение иллюзий и сожаление оказались созвучными внутренним колебаниям Кливленда:

Порой мне кажется, что во мне – два совершенно различных человека, и я с трудом могу поверить, что тот, кто шагает сейчас по пустынному побережью <...> был когда-то дерзким предводителем бесстрашной шайки... [Там же. С. 323].

Исследование психологии двойственности героя-индивидуалиста поставило имя Скотта в ряд с писателями, занимавшимися изучением этого феномена. Английский романист проявил глубокий интерес к самой природе этого явления, приложил усилия к выяснению его причин и воссозданию исторической достоверности образа. Масштаб такой художественной разработки не мог не привлечь внимание И.С. Тургенева.

Первоначальное знакомство русского писателя с художественным миром Скотта вообще и романом «Пират» в частности относится к 1840-м гг. Оно происходило по многотомному собранию сочинений английского писателя (из 23 книг) на языке оригинала³. На первых сорока страницах ро-

---

³ Это собрание в 1831–1838 гг. выпускал парижский книготорговец и издатель Клод Луи Бодри (Claude Louis Baudry, 1793–1853) в общей серии английской литературы, озаглавленной его именем.

мана «Пират» [2] Тургеневым сделаны отчеркивания ногтем в тексте и авторских подстрочных сносках.

Пометы этого раннего чтения можно распределить на несколько групп. Первые из них [Ibid. P. 1, 3] обнаруживают описание острова, на котором будут происходить события. Тургенев отмечает отличительную черту о. Мейленд – утес (обрыв), которым завершаются его южные очертания, и «мощное и чрезвычайно стремительное морское течение, которое, возникая между оркнейскими и Шетлендскими островами, несется с силой, уступающей лишь течению в проливе Пентленд-ферт»⁴ [Ibid. P. 1].

Следующие пометы относятся к описанию деревушки Ярлсхоф, раскинувшейся на самом берегу моря, «где небольшая бухта образует нечто вроде естественной гавани – постоянного прибежища трех или четырех рыбацких суденышек», около которых «примостились несколько убогих коттеджей селения Ярлсхоф» [Ibid. P. 3]. «Простолюдины, – отмечает Тургенев в тексте, – в большинстве своем бывшие <...> потомками древних норвежцев» [Ibidem].

Объединенные вместе, эти пометы ведут к теме, необычайно важной для русского писателя. Он подчеркивает в тексте и сносках мысль Скотта о единстве духовного и природного мира норвежцев – коренных обитателей острова. Две родственные стихии – мир суеверий, сказаний и мир суровой природы северных морей – определяют психологию рыбаков. В памяти народа сохранились «удивительные легенды о берсеркерах, викингах, гномах, великанах и чародеях», жизнь которых была связана с природой:

Рыбаки часто указывали <...> на бухту, куда они шли, как на место кровавого морского боя; едва заметная груда бесформенных камней на высоком мысе оказывалась домом-замком могучего в свое время ярла как знаменитого пирата; одинокое вздымавшийся на пустынном болоте серый камень отмечал могилу героя; мрачная пещера, в глубину которой море стремил свои тяжелые, длинные, непрерывно катящиеся волны, оказывалась жилищем прославленной колдуньи [Ibid. P. 17].

За этими подчеркнутыми словами следовала сноска, которая внимательно была прочитана Тургеневым. В ней Скотт передает рассказ Mr. Vaikie, самого почтенного жителя Керкуола, о врожденной или долговечной памяти норвежцев, отклоняющих современные поэтические образы в пользу старых легенд:

Священник, который недавно скончался, хорошо помнил, как некоторые остатки норвежцев еще говорили на острове, называемом Норт-Роналдин. Когда Ода Грея⁵, названная «Фатальные (роковые) сестры», была впервые опубликована и достигла отдаленного острова, уважаемый

⁴ Здесь и далее подчеркивания в тексте романа «Пират» принадлежат И.С. Тургеневу.

⁵ Томас Грей (1716–1775), английский поэт-сентименталист. Ода «Фатальные сестры» написана по мотивам скандинавского фольклора.

джентльмен современник прочитал ее некоторым старым людям острова как поэму, в которой рассматриваются события, применимые к их собственной родине. Они слушали с большим вниманием предварительные стансы⁶:

Now the storm begins to lour,
Haste, the loom of Hell prepare.
 Iron sleet of arrowy shower
Hurtles in the darken'd air⁷ [2. P. 20].

«Но услышав стихи во второй раз, старожилы острова прервали читающего и стали убеждать его, что хорошо знали песню еще на норвежском языке». Когда же «уважаемый джентльмен» спрашивал их о более древних песнях, они часто пели именно ее, «называя “Магической” или “Волшебной”»⁸ [Ibid. P. 20]. Отчеркивания, сделанные Тургеневым, свидетельствуют о его интересе как к мифологической поэзии скандинавов, так и к строю стиха самого Грея, близкого к суровому народному языку.

Океан, омывающий своими водами архипелаг, в изображении Скотта имеет значение не только описания суровой и величественной обстановки событий, но полон мифологического смысла в качестве хранителя тайн:

Его бездонные глубины и неведомые пещеры таили, по уверению Суэйна и прочих рыбаков, искушенных в преданиях старины, такие чудеса, которые с презрением отвергаются современными мореплавателями [Ibid. P. 17].

С интересом прочитав текст Скотта «об этих и о других не столь известных чудесах» [Ibid. P. 18], Тургенев делает помету в авторской сноске к нему, где говорилось о древних останках, принятых моряками за чудовище, морского змея. Писатель отчеркивает замечание автора:

Часть костей была отправлена в Лондон, и сэр Джозеф Бэнкс объявил их костями гигантской акулы; тем не менее, кажется, что животное, столь известное, должно было быть немедленно опознано северными рыбаками⁹ [Ibid. P. 22].

Русский писатель разделяет восхищение Скотта народной «верой, такой фантастической и приятной», в чудеса, связанные с океаном, он продолжа-

⁶ Перевод английского текста, отсутствующий в русском издании, принадлежит нам. – И.В., Э.Ж.

⁷ Гром палящий ударяет!
 Адский стан у нас в руках;
 Дождь железный упадет,
 Брань восстала в облаках [3. С. 65].

⁸ Перевод английского текста, отсутствующий в русском издании, принадлежит нам. – И.В., Э.Ж.

⁹ Перевод английского текста, отсутствующий в русском издании, принадлежит нам. – И.В., Э.Ж.

ет подчеркивать представленные в тексте описания морских чудовищ, входящих в арсенал норвежских саг:

До сих пор еще полагали, что в подводных убежищах Северного океана скрывается кракен – величайший из всех живущих созданий [2. Р. 18].

Порой, когда дымчатая гряда покрывала морскую даль, глаз искусственного моряка различал рога чудовищного левиафана, то исчезающие, то вновь появлявшиеся в клубках тумана [Ibidem].

Рыбаки рассказывали и про морского змея: поднимаясь из глубины океана, он вытягивал до самого неба бесконечно длинную шею, покрытую гривой, как у боевого коня, и глядел вниз словно с вершины мачты, широко открытыми глазами, как будто выбирая себе добычу или жертву [Ibidem].

Обращаясь к диалогу Магнуса Тройла, представителя древнего норвежского рода, с чужеземцем Бэзилем Мертоном, который хочет поселиться вдали от людей в замке Ярлсхофа, Тургенев отчеркивает отдельные фрагменты в репликах шетлендского юдаллера. В ходе всего разговора вырисовывается обстановка этого сурового северного края и психология живущих здесь людей. Тройл убеждает Мертона, что в Ярлсхофе его ожидают лишь «одинокчество и неудобства», а в поиске аргументов он обращается к природному миру:

Соседей – ни души на много миль в окружности. Из съестного вы одну только соленую треску там и получите, а гостями вашими только и будут, что чайки да глупыши [Ibid. Р. 7].

Вы, пожалуй, думаете, что там такая же удобная бухта, как здесь, и дом стоит на берегу закрытого воу, так что сельди к самому порогу подходят; <...> В Ярлсхофе вы увидите только бурные волны, что бьются о голые скалы, да течение Руст-оф-Самборо, что несется со скоростью пятнадцать миль в час [Ibid. Р. 8].

И услышите вы там одни только вопли и крики больших бакланов, буревестников да чаек, и так с самого рассвета и до заката [Ibid. Р. 9].

При этом Магнус Тройл дорожит и гордится своим краем, выражая недовольство захватчиками-шотландцами, которых сравнивает с дикими гусями, что отмечает Тургенев:

...только должен сказать, вас я как раз за то и люблю, что вы не шотландец, я просто уверен, что не шотландец. Налетели они к нам сюда, как дикие гуси. Каждый управитель притащил за собой целую стаю сородичей, да еще и свой собственный выводок в придачу [Ibid. Р. 7].

Особую группу помет в романе составляют отчеркивания текста в главе II, где дана характеристика дочерей юдаллера – Минны и Бренды, двух прелестных сестер, которые были для старого отца «радостью сердца и светом очей» [1. С. 36]. Тургенев особенно занимает образ Минны, возвышенный и торжественный строй ее души:

...нельзя не признать, что в строгой красоте девушки, сдержанной и вместе с тем изящной свободе движений, в музыке ее голоса и невинной чистоте взгляда было нечто, говорившее, что Минна Тройл – существо иного, высшего и лучшего мира и лишь случайный гость на нашей не достойной ее земле [2. Р. 24].

Далее Тургенев подчеркивает слова автора о страстной любви и знании Минны природы родного края:

...бесчисленные пернатые племена, гнездящиеся на неприступных утесах, были так же хорошо знакомы Минне Тройл, как и самому опытному охотнику [Ibid. Р. 25].

Отчеркиванием Тургенев выделяет двух героев-чужеземцев: Мордонта Мертон и Триптолемуса Йеллоули. Первый – молодой шотландец «глубокой и пылкой восторженности» с «веселыми и непосредственными порывами юности» [1. С. 42]. Он стал другом для дочерей Магнуса Тройла и хорошо вписался в быт шетлендцев, проникся любовью к их национальной культуре, а обитатели острова в ответ одарили его дружеским отношением, поведали «множество старинных норвежских баллад и страшных рассказов» [Там же. С. 27].

Тургенев отмечает ловкость и смелость Мордонта, когда он признается: «Тому, кто, как я, наострился лазать по скалам, не страшны ни огонь, ни вода, ни буря на море, ни трясина на суше» [2. Р. 33]. Именно при описании Мертон Скотт использует цитату из «Короля Лира» У. Шекспира – слова, которые также подчеркивает Тургенев:

Вместе с юношами ближнего поселка нередко занимался он тем опасным видом охоты, по сравнению с которым “страшное ремесло собирателей серпника” может быть названо приятной прогулкой по ровной местности [2. Р. 16].

Как известно, несколько позже этот отрывок из шекспировской трагедии (фрагмент 6-й сцены IV акта – Эдгар и Глостер в поле близ Дувра) Тургенев переведет в статье о «Записках ружейного охотника...» С.Т. Аксакова (1853)¹⁰.

Второй герой, заинтересовавший Тургенева, – шотланец-агроном, посланный «новым губернатором», чтобы «научить нас, шетлендских дикарей, всяким новшествам» [2. Р. 31]. Его появление на острове с новым оружием для обработки земли было враждебно встречено шетлендцами. Тургенев отмечает слова Магнуса Тройла, выражавшие общее мнение жителей: «А хотел бы я знать, как это его новый плуг справится с нашими шетлендскими скалами!» [Ibidrm].

В написанной Скоттом с юмором истории воспитания Триптолемуса Тургенев выделяет значимые моменты расхождения личного и эпохального ха-

¹⁰ См.: [4. С. 100–108].

рактера, ставшие причиной того, что добрый по натуре человек превратился в никчемного и неприспособленного к жизни в реальных обстоятельствах.

Его мать из рода Клинксейлов, «славящегося шотландской заносчивостью <...> и шотландской скупостью», она мечтала вырастить сына «для служения церкви» [1. С. 53], «воспитав последнего в духе, не допускающем и мысли о каких-то там лемехах, резаках, рукоятках, отвалах и всем прочем, связанном с презренной и тяжелой работой пахаря» [2. Р. 37]. Тургенев отмечает особо текст, в котором рассказано о споре двух ее приятельниц, за которым стоят противоречия между пресвитерианством и епископальной церковью. Согласно с матерью в выборе назначения Триптолемуса, они непримиримы в конкретном приложении сил:

Что он только говорит! – завопила старая деревенская ковенантка. – Что он говорит! Носится со своими быками ну прямо как язычник с вефилским тельцом! Но только не за земным плугом пойдет славный мальчик, – что новорожденный будет мальчиком, можете не сомневаться, – а за плугом Духа. И сама я надеюсь еще увидеть, как станет он проповедовать да качать головой с кафедры, а то, еще того лучше, прямо с высокого холма [Ibid. Р. 36].

– К черту Ваши ковенантские штучки! – воскликнула престарелая леди Гленпрозинг. – <...> Нет уж, он пойдет куда более верной дорогой и станет себе таким хорошеньким приходским священником, а там, глядишь, достигнет и сана епископа [Ibidem].

Тургенев также отмечает слова об эмоциональной напряженности в споре «между пресвитерианством и епископальной церковью», который «разгорелся с такой яростью и сопровождался таким криком или, вернее, визгом» [Ibidem]. Отец же Триптолемуса, хитрый йоркширец Джаспер, «потихоньку посмеивался себе в кулак, видя, что яблочко, пожалуй, упадет недалеко от старой яблони» [Ibid. Р. 37].

Следующие отчеркивания Тургенева касаются описания занятий Триптолемуса в колледже Сент-Эндрюса, куда его отправили для дальнейшего образования в лоне церкви. Остановливаясь на круге излюбленной литературы Триптолемуса, выдающей его пристрастие к сельскохозяйственной тематике и полное равнодушие к религиозной, а также светской, Тургенев отмечает, что он не оставил «без внимания и разглагольствований “Пастуха Солсберийской долины”»¹¹ [Ibid. 39]. «Что касается отечественной поэзии, то Триптолемуса с трудом можно было уговорить прочесть хоть одно английское двустишие; единственное исключение делал он <...> для старика Тассера, чьи “Сто добрых советов по сельскому хозяйству”¹² он выучил наизусть. Исключение герой сделал также для

¹¹ «Пастух Солсберийской долины» – произведение английской писательницы Ханны Мор (1745–1833). Герой книги в течение года был пастухом.

¹² «Сто добрых советов доброму земледельцу» – сочинение Томаса Тассера (1524–1580), переизданное в 1810 г. В. Скоттом.

“Видения Петра-пахаря”¹³. Прельстись заглавием, Триптолемус поспешил купить книжку у коробейника, но, прочитав первые две страницы, бросил ее в огонь как бесстыдный и обманчиво озаглавленный политический пасквиль» [Ibid. P. 40].

Тургенев отмечает иронически поданное В. Скоттом замечание ректора колледжа святого Леонарда, который «в общем был доволен своим спокойным, трудолюбивым и прилежным воспитанником Триптолемусом», однако «далеко не одобрял столь исключительного пристрастия <...> к его любимым авторам» [1. С. 56]:

Постоянно думать о земле <...> все равно – удобренной или неудобренной, – это слишком уж пахнет черноземом, если не чем-нибудь еще того хуже [2. P. 40].

Наконец, отчеркивания Тургенева обнаруживают интерес писателя к собственно художественной стороне романа. Так, в IV главе, начиная с эпиграфа, Тургенев отмечает описание природы приближающейся бури. В эпиграфе он отчеркивает две поэтические строки:

Туман одел холмы, поля и рощи.
Как серый плат – недавнюю вдову [Ibid. P. 29].

В этих стихах передано печальное настроение («туман», «серый плат»), внезапно охватившее («недавняя вдова») и окутавшее огромное пространство («холмы, поля и рощи»). Этот мотив получает развитие в словах Минны: «О, утренний туман тяжелой пеленой накрыл ту гряду острова. <...> Чувствуешь, как душен и зноен воздух, хотя еще весна, и так тихо, что ни одна былинка не дрогнет на вересковой пустоши» [Ibid. P. 30]. Здесь же Тургеневым отчеркнуты описания птиц, которые «держат путь к берегу, а утка-пеганка нынче кажется сквозь туман не меньше большого баклана. Посмотри, даже буревестники ищут убежища в скалах» [Ibidem].

Тургенев дорожит как поэтическим свойством в способах оформления пейзажа, умением создать настроение, так и достоверностью картины, достигаемой с помощью указаний самого автора. Так, писатель отчеркивает сделанную Вальтером Скоттом сноску:

Часто можно видеть, как эти большие бакланы смело летают над бурными водами Шетлендского архипелага, но еще чаще – как они рядами сидят на каком-нибудь рифе или скале, подобно черным брауншвейгцам в 1815 году [Ibidem].

Таким образом, отчеркивания в романе «Пират», оставленные Тургеневым в начале 1840-х гг., позволяют сделать вывод, что заинтересовало русского писателя в эстетике и поэтике Вальтера Скотта. Прежде всего, это

---

¹³ «Видение Петра-Пахаря» – аллегорическая поэма средневекового английского поэта Уильяма Лэнгленда (1332–1400). Рассказывает о бедствиях крестьян под гнетом феодалов.

выбор романтического места действия – Шетлендские острова, а утес и море как визитная карточка сурового края. Отделенные морем от материковой Шотландии, жители архипелага сохранили особую патриархальную психологию, сильный характер, глубинную связь с норвежской мифологией, сознание обожествленной сущности северной природы.

Тургенев усвоил историзм Скотта как изображение процесса начавшейся неизбежной ломки патриархальных нравов Шетлендии в результате внедрения в ее жизнь чужеземцев-шотландцев. Его заинтересовали взаимоотношения коренных романтических типов (Магнус Тройл, его дочери), дорожащих укладом и национальной независимостью, и поселившихся на острове чужеземцев: Мордонта Мертона, его отца и Триптолемуса, пытающегося в корне изменить быт шетлендцев.

Внимание Тургенева к юмористическим и лирико-патетическим пластам текста как о коренных обитателях, так и о чужеземцах свидетельствует о понимании писателем вальтер-скоттовской концепции конфликта, в котором победы и поражения настигают оба лагеря. Жители архипелага – это народ с самобытной культурой, сложившимся укладом, четкими нравственными правилами, прямо влияющими на всех пришельцев. Шотландцы же вносят в жизнь северного народа новые этические ценности, идеи необходимости развития, которые на первый взгляд не всегда имеют осмысленную и справедливую форму.

Новый интерес Тургенева к роману, по всей видимости, падает на 1860-й г., и связан он с возникновением и оформлением собственного замысла – «Отцов и детей». Роман, завершенный в 1861 г., оказался в центре общественной борьбы, развернувшейся между демократами и либерально-консервативным лагерем. Тургенев вывел в произведении тип «нигилиста», поразившего общество новизной своих жизненных установок, необычностью поведения, нравственным превосходством здоровой натуры и глубиной душевных переживаний. Бурю вопросов и дискуссии вызвала авторская позиция: несомненная симпатия писателя к новому герою времени, духовно связанному с поколением людей герценовского типа, и песимистическая оценка исторической перспективы героя.

Масштаб противоречий в характере Базарова – между устойчивостью общественной позиции и колебаниями в сфере нравственно-философских вопросов возводил его к общечеловеческим основам личности, описанной в европейской литературе У. Шекспиром, И. В. Гете, Дж. Байроном и, конечно, В. Скоттом. В образе молодого нигилиста Тургенев на русском материале решал проблему, рожденную эпохой буржуазного развития, – проблему индивидуализма как сложнейшего общественного и нравственно-психологического комплекса.

Россия середины XIX в. оказалась в водовороте проблем, ранее вставших перед Европой, по которой прокатились революции. Исторически точно воспроизводя русскую действительность, Тургенев опирается на имеющийся опыт мировой литературы, в котором на первый план для него вышли В. Скотт и его роман «Пират».

В статье «По поводу “Отцов и детей”» (1869) он писал: «Я брал морские ванны в Вентноре, маленьком городке на острове Уайте, – дело было в августе месяце 1860 года, когда мне пришла в голову первая мысль “Отцов и детей”» [5. Т. 11. С. 86]. Островная Англия как место авторского пребывания и живая атмосфера творчества, а также дата 1860 г., упомянутые в письмах из Вентнора, дают знаменательный повод к тому, чтобы выстроить пространство диалога Тургенева с традицией Скотта.

Упомянутый остров Уайт находится на самом юге Англии, от которой он отделен проливом Солент, и омывается водами Ла-Манша, соединяющего Северное море и Атлантический океан. В письме от 1 (13) августа 1860 г. к М.А. Маркович Тургенев передает очарование морской стихии: «Со вчерашнего дня я здесь – и с сегодняшнего в прелестном домике над морем. Погода, как нарочно, чудная – и что за прелесть этот остров – этого пересказать нельзя!» [6. Т. 4. С. 114]. В письме от 6 (18) августа к Е.Е. Ламберт он сообщает уже контрастное изображение: «Погода только продолжается дурная – и именно сегодня такая буря, что невозможно купаться. Море перед моими окнами все темно и бело от пены. Ветер ужасный» [Там же. С. 116].

Описание бури и темного моря с «белой пеной» вызывает в памяти картины, нарисованные В. Скоттом в «Пирате». Например, изображение мейлендского утеса Самборо-Хэда, который «образует крайнюю юго-восточную оконечность острова и непрерывно подвергается воздействию мощного и чрезвычайно стремительного течения» [1. С. 13]. Возможно, именно реальность морского пейзажа, окружающая Англию в самой южной ее части, воскресила в памяти Тургенева северные ландшафты Скотта. Наблюдение штиля и бури могло обратить внимание писателя к роману, в котором два десятилетия назад его чрезвычайно впечатлил образ водной стихии, обладающий многогранностью и огромным символическим смыслом. В том же письме к Е.Е. Ламберт Тургенев продолжает: «Я начал понемногу работать; задумал новую большую повесть – что-то выйдет?» [6. Т. 4. С. 116]. Речь идет о романе «Отцы и дети».

В упомянутой статье «По поводу “Отцов и детей”» Тургенев признавался:

...я <...> никогда не покушался “создавать образ”, если не имел исходною точкою не идею, а живое лицо, к которому постепенно примешивались и прикладывались подходящие элементы. Не обладая большою долею свободной изобретательности, я всегда нуждался в данной почве, по которой я бы мог твердо ступать ногами. Точно так же произошло и с “Отцами и детьми”; в основании главной фигуры, Базарове, легла одна поразившая меня личность молодого провинциального врача. (Он умер задолго до 1860 года) В этом замечательном человеке воплотилось на моих глазах то едва народившееся, еще бродившее начало, которое потом получило название нигилизма. Впечатление, произведенное на меня этой личностью, было сильно и в то же время не совсем ясно <...> меня смущал следующий факт: ни в одном произведении

нашей литературы я даже намека не встречал на то, что мне чудилось повсюду; поневоле возникло сомнение: уж не за призраком ли я гонюсь? [5. Т. 11. С. 86].

В этом признании чрезвычайно важным является указание Тургенева на то, что «живое лицо», тип нигилиста к 1860 г. был им найден, и требовался только «намеки» на развертывание подробного мотива, связанного с исследованием типа героя-индивидуалиста, порождения новых буржуазных отношений.

В «Пирате» такой важный исторический образ получил развитие в истории Клементя Кливленда, душа которого стала полем сражения законов «черного пиратства» и «книгой природы», по которой протекала шетлендская жизнь. Именно этот аспект влияния Скотта на Тургенева имел в виду Д.С. Гутман, когда говорил о том, что «воплощение концепции действительности – истории – в структуре романа и функциональное назначение персонажей, в сущности, и есть самое главное для творческой технологии романиста» [7. С. 92]. Русский писатель в своем восприятии романа Вальтера Скотта, с одной стороны, шел по пути понимания переломных моментов культурно-исторического развития, уяснения их причин и следствий, а с другой – двигался к выявлению особенностей неординарной личности, которая становилась своеобразным «слепок» эпохальных перемен, носителем и выразителем кризиса национальной истории.

Кливленд – «черный пират», овеянный морскими ветрами и разбойничьими подвигами, – своим появлением на шетлендских островах нарушает привычную жизнь их обитателей. Само пришествие героя необычно: его, тонущего во время кораблекрушения, спасает от неминуемой гибели сын Бэзила Мертон. В момент самого спасения Мордонт отмечает внешнюю привлекательность Кливленда: «...лицо его было молодо и красиво» [1. С. 112]. А во время новой встречи он заключает: его «энергичное, загорелое, красивое лицо <...> говорило, что он побывал под различными широтами, а простое и открытое обращение отличало в нем моряка» [Там же. С. 125].

Неожиданным и необычным оказывается и появление Базарова в романе Тургенева. Эта фигура «высокого роста в длинном балахоне с кистями» [5. Т. 7. С. 11] внезапно вторгается в намеченную идиллию встречи отца и сына, приносит в нее неловкость. Тургенев не придает внешности своего героя откровенной приятности, но рисует портрет человека с примечательными и явно вызывающими чертами, внося в описание анатомический признак: «длинное и худое» лицо, «с широким лбом,верху плоским, книзу заостренным носом, большими зеленоватыми глазами и висячими бакенбардами песочного цвету», «темно-белокурые волосы, длинные и густые, не скрывали крупных выпуклостей просторного черепа» [Там же. С. 116].

Как и шотландский пират, Базаров так же стремительно нарушает своим появлением спокойствие кирсановского дома. Устоявшийся, хотя и не слишком устойчивый, уклад размеренной жизни в Марьино¹ терпит натиск

---

¹ Атмосферу жизни в Марьино нельзя полностью назвать патриархальной, хотя ей присущи признаки постоянства, повторяемости, относительной тишины и общего по-

натиск столь же решительного и энергичного героя, в результате чего каждый его обитатель испытывает на себе воздействие «чужестранца»: от братьев Кирсановых до Дуняши, Петра и Прокофьяча.

Влияние на окружающих вызывающего облика Базарова качественно продолжается в манерах его поведения. Подчеркнутые Тургеневым «самоуверенность и ум», которые выражало лицо героя, далее проявляют себя в бесцеремонности обращения и гордой небрежности высказывания. Эти особенности писатель вкладывает в детали базаровских движений уже на начальных страницах романа. Так, он «не сразу подал» Николаю Петровичу «обнаженную красную руку», отвечал «ленивым, но мужественным голосом», «потягиваясь <...> опустился на диван» [5. Т. 7. С. 18]. Развязность и непосредственность, проявляемые Базаровым уже при знакомстве и первом вхождении в жизненное пространство Кирсановых, скоро получают большую дерзость и даже циничность, что увеличит их сходство с той безосновательной «нарочитой, вызывающей грубостью или резкостью» [1. С. 126], которую Мордонт изначально отметил в Кливленде и которая не раз возмутит его своей несправедливостью. В обоих случаях указания на гордую, самоуверенную и дерзкую натуру – это один из способов авторского воплощения индивидуализма личности. Тургенев, как и Вальтер Скотт, в дальнейшем идет по пути постепенного акцентирования в главном образе эгоистических черт и связанной с ними тайной зловещей силы.

Неблагодарностью Кливленда по отношению к Мордону и порожденная ею ревность делают последнего чутким относительно «истинного характера дерзкого и самоуверенного чужестранца» [Там же. С. 197]. Юноше начало даже казаться, что в этом человеке таится что-то отталкивающее. Мертон чувствует в пирате – несмотря на то, что для всех «он был красив, держался просто и обладал располагающими к себе манерами» – недобрую силу его «высокомерия и сознания собственного превосходства» [Там же. С. 132].

В «Пирате» ключевой в этом плане является сцена неудачной охоты на кита, во время которой совершается вторичное спасение из воды, и уже Кливленд помогает молодому Мордону избежать опасности утопления. Оказавшись на берегу и придя в себя, Мертон заметил, что на лице соперника «было написано странное выражение». Ему бросились в глаза «пренебрежительная улыбка капитана и его надменный взгляд», которые, «казалось, говорили, что он сбросил тяготившую его прежде сдержанность», а лицо «выражало теперь нечто похожее на презрительное удовлетворение» [Там же. С. 249]. Избавившись от довлеющего над

коя. Время здесь не остановилось, а повседневное существование движется по знакомой дороге, с которой его пытаются сбить новшества Николая Петровича, но безуспешно. Отец Аркадия стремится модернизировать хозяйство, однако каждая его попытка оборачивается против него и приносит убыток. Неудачи младшего из братьев Кирсановых в устройстве «фермы» параллельны провалам Триптолемуса при искреннем желании преобразовать хозяйственный быт шетлендцев. Тургенев и Скотт показывают, с одной стороны, безвременность этих нововведений, а с другой – отсутствие практического опыта.

ним чувства долга¹ по отношению к Мертону, Кливленд словно снимает с себя навязанную ему маску любезности и учтивости («вежливой терпимости»), с которой встретил своего врага в доме Магнуса Тройла. В новом обращении пирата юному герою появляется отчетливый оттенок прямой враждебности и угрозы. Представляя свою жизнь в окружении опасностей и «тысячи еще более страшных приключений» [1. С. 344], Кливленд в последующем разговоре с Мордонтом недвусмысленно намекает последнему на возможность разрешить их разногласия поединком: «...что же до ружей, то у меня их имеется достаточно, и если хотите, то можно испытать, кто из нас лучше умеет владеть ими» [Там же. С. 250]. Здесь же автор замечает, что в тоне сказанных корсаром слов «звучало нечто, чрезвычайно глубоко задевшее Мордонта: они “таили зло”, как говорит Гамлет...» [Там же. С. 249–250].

Описание «странный выражения» на лице Кливленда, его позы, а затем тон речи, с указанием на Гамлета, – все это воссоздает романтическую идеализацию гордого человека-индивидуалиста, с которой Скотт вступает в диалог и которую переосмысливает. Предельным выражением надменной природы капитана могут служить слова Норны: «...ты смел, высокомерен, тебя не страшат и не сдерживают никакие нравственные основы, вместо них тобой руководит чувство неукротимой гордыни» [Там же. С. 537]. В русло диалога с традицией встраивает свой художественный образ и Тургенев. Лишая героя романтического ореола, писатель внутреннюю мощь его фигуры сосредоточивает именно в гордом сознании своего личного достоинства, не лишенном скрытого самолюбия и тщеславия. «Тайное зло», пошекспировски отмечаемое Скоттом у Кливленда, находит пути явного проявления и в природе тургеневского героя. Не случайно Павел Петрович одним из чувств, руководящих Базаровым и подобными ему людьми, называет «гордость почти сатанинскую» [5. Т. 7. С. 52]. Показателен эпизод философского разговора «на сене, в такой идиллической обстановке» [Там же. С. 122] Евгения с Аркадием, в котором звучат гамлетовские рассуждения об антагонизме человека и вечности. Шуточная ссора, возникшая из-за того, что Базаров называет Павла Петровича «идиотом», перерастает в шуточную же драку, однако в самый момент несерьезной борьбы Аркадию лицо его друга внезапно показалось «таким зловещим, такая нешуточная угроза почувствовалась ему в кривой усмешке его губ, в загоревшихся глазах, что он почувствовал невольную робость...» [Там же. С. 122–123].

«Недобрая» сущность Базарова – это сильный и властный характер в отсутствие принципов, проявляющийся несколько раз и в разных формах на всем протяжении романа. Его проводниками или маркерами становятся глаза («сверкнули на мгновение из-под темных его бровей», «вспыхнули» [Там же. С. 100, 140]), ощущения другого человека («Я боюсь этого человека», «Он хищный» [Там же. С. 100, 156]), изменения собственного со-

---

¹ «Услуга, которой он связал меня, сдерживала мою неприязнь, словно узда, но она так раздражала меня, что я до крови на губах готов был грызть ее железо» [Там же. С. 318].

стояния («кровь его загоралась», «его гордость так и поднялась на дыбы», «возмущало всю его гордость» [Там же. С. 87, 142]) и др.

Злобная мощь базаровской природы проявляет себя именно в тех случаях, когда его гордость подвергается своеобразной проверке, когда затрагивается самолюбие нигилиста – человека, который «сам себя воспитал» [Там же. С. 34]. То есть в момент испытания идейной, «теоретической» целостности и самодостаточности его мировоззрения реальностью жизни, что, в свою очередь, открывает глубину существующих в герое противоречий. Таким образом, изображение Базарова идет по пути расщепления – когда изначально цельная и крепкая натура под воздействием внешних и рядом возникающих внутренних обстоятельств раздваивается, оказываясь в ситуации сомнения и необходимости выбора.

Такой способ моделирования образа Тургенев во многом наследует у Скотта, представившего подобное раскрытие противоречий в характере Кливленда. Сначала это происходит в романе извне – в споре сестер Минны и Бренды. Первая увлечена Кливлендом, она в его дерзости, в стремлении властвовать, в поисках опасностей, непостоянстве буйной натуры видит викинга: «Мой возлюбленный должен презирать те мнимые подвиги, в которых стремится проявить себя наше выродившееся поколение...» [1. С. 293]. Но тут же ей словами из «Дон Кихота» возражает сестра: «...разве умнее принять ветряную мельницу за великана, чем капитана какого-то жалкого каперского судна – за норвежского богатыря или викинга?» [Там же. С. 284].

Решающей для обрисовки характера Кливленда становится глава XXII, эпиграфом к которой Скотт взял строки из «Корсара» Байрона:

Усмешка дьявольская на устах
Внушает бешенство и тайный страх,
А если гневно изогнется бровь,
Беги, надежда, и прости, любовь! [Там же. С. 311].

Под влиянием любви к старшей дочери Тройла Кливленд осознает собственную двойственность: он, вождь и предводитель пиратов, разочаровывается в разбойничьей жизни. Ему вторит Минна своим горьким признанием в завладевших ею иллюзиях: «Меня обманули мои мечты» [Там же. С. 331].

Скотт вступает в спор с романтической концепцией Байрона, опоэтизировавшего одинокого и презирающего мир корсара. Позже, в главе XXXI, Кливленд прямо охарактеризует свою позицию:

...когда я перевожу свою подозрную трубу с одного из этих парусников на другой, я думаю лишь о том, что предпочел бы всю свою жизнь быть гребцом на самом жалком из них, чем продолжать то, что я сделал до сих пор. Для этих бедняков море служит источником чистого существования и средством для дружеских сношений между одним берегом и другим к обоюдной пользе жителей, – мы же превратили море в дорогу бедствий для честных людей и в дорогу гибели для нас самих как здесь, так и в вечности [Там же. С. 440–441].

В основу образа Кливленда и его развития В. Скотт заложил просветительскую концепцию личности, построенную на доверии к человеческой натуре. Помимо собственно исповеди героя, которая призвана объяснить драму контраста его жизни («выковал для себя железную маску» [1. С. 328]), автор также дал развернутое толкование природы человеческих поступков, куда включил и своего героя:

Есть два разряда людей, которых преступное окружение, ужасы и смуты выдвигают на поприще активных деятелей. Одни по самой своей природе словно созданы и предназначены для страшных деяний: они выползают на свет из своих потаенных убежищ, точно истые демоны, и чувствуют себя среди преступлений как в своей родной стихии. Таков был Бородатый Человек, появившийся в Версале в памятную ночь 5 октября 1789 года, добровольный палач бесчисленных жертв, отданных ему на растерзание жаждущей крови чернью. Но Кливленд принадлежал к другому разряду этих несчастных существ, которые становятся орудием зла скорее в силу внешних обстоятельств, чем по внутренней склонности [Там же. С. 545].

Тургенев разделял просветительскую концепцию английского романиста: образ Базарова строится им как история сильного и волевого человека, оказавшегося заложником ложной идеи. Однако русский писатель не соглашался с антиисторическим скепсисом В. Скотта в отношении Французской революции, когда тот писал о природной греховности Марата – «Бородатого Человека, появившегося в Версале в памятную ночь 5 октября 1789 года». По мнению Тургенева, источником появления людей, подобных нигилисту Базарову, являются в конечном счете идеи Французской революции, запустившие процесс рождения и развития индивидуалистического сознания как важнейшей особенности времени [8].

У Скотта образ Кливленда художественно завершен. Некоторое время герой вынужденно колеблется между долгом вожака «черных пиратов» и пониманием той правды жизни шетлендцев, олицетворением которой для него стала Минна Тройл. Но итогом становится отплытие «в Новую Испанию ввиду ожидающейся с этой страной войны», на которой Кливленд хочет искупить свою вину и встать на честный путь, применив «знание побережья и местных особенностей <...> во славу отечества» [1. С. 585]. Он пишет об этом в последнем письме к Минне, где также оставляет для себя лишь два пути: «...имя мое будут произносить с уважением, или никогда больше обо мне не услышите» [Там же]. А в самом финале автор сообщает, что Кливленд «...пал со славой в честном бою, возглавляя отряд храбрецов, которые доблестно завершили дело, на которое он их вел» [Там же. С. 589].

В романе Тургенева образ Базарова принципиально не завершён, поскольку сам автор не видит для героя выхода из мучительного противоречия, основы которого уже не во внешних обстоятельствах, но коренятся глубоко внутри в самой «самоломаной» личности. Совершенно очевидное наполнение образа тургеневского героя-индивидуалиста в аспекте идейно-типологической параллели с Вальтером Скоттом закрепляется также через

структурное оформление его ролевых позиций. Подобно роману Скотта в «Отцах и детях» герои, в поле действия которых входит Базаров, либо очаровываются им, либо настороженно приглядываются к нему, а затем оказываются враждебно настроены. Сравнивая своего Евгения с Кливлендом, писатель ставит его в качественно сходное положение, определяемое двумя главными оппозициями: нравственно-философской и любовной. В случае с шотландским пиратом обе антитезы заложены в его противостоянии с Мордонтон, у Тургенева же они представлены во взаимоотношениях героя с Павлом Петровичем и Аркадием.

В обрисовке конфликта между Базаровым и старшим Кирсановым автор стремится сделать предельно выпуклой ту внутреннюю неприязнь, что возникла при первом знакомстве. По примеру Скотта Тургенев использует для этого значимую деталь поведения. Так, Кливленд в ответ на благодарность Мордонта за свое спасение «отступил на шаг или два, скрестил руки на груди и не взял протянутой ему руки» [1. С. 249]. Эти телодвижения отзываются подобными же жестами в действиях Павла Петровича. В тот момент, когда брат представил его прибывшему Базарову, он «слегка наклонил свой гибкий стан и слегка улынулся, но руки не подал и даже položил ее обратно в карман» [5. Т. 7. С. 19].

Так же, как и у Скотта, антагонизм тургеневских героев постепенно нарастает и доходит до рокового предела – прямого столкновения. У Базарова со старшим Кирсановым происходит дуэль¹, причину которой последний объясняет словами, обращенными к противнику: «...я вас терпеть не могу, я вас презираю...» и «Мы друг друга терпеть не можем» [Там же. С. 140–141]. Это открытое признание родственно оправданию Кливленда своей антипатии к Мордонтон: «...мы испытываем обоюдную природную неприязнь, инстинктивное отвращение, нечто вроде взаимного отталкивания, и это делает нас ненавистными друг другу» [1. С. 317]. Их взаимная ненависть также грозит вылиться в дуэль: сначала Мордонт ожидает, что после конфликта из-за табакерки получит вызов, а затем подобный намек исходит от Кливленда в уже упомянутой выше сцене спасения. Поединка по всем правилам между ними так и не происходит, однако герои непримиримо «схватились врукопашную», результатом чего стало ранение Мордонта [Там же. С. 447]. Последствие нанесенного кинжалом удара заставляет Кливленда «тотчас раскаться» и далее – мучиться от неизвестности судьбы раненого юноши («...мне, несмотря ни на что, жаль парнишку» [Там же. С. 446]). Мгновенное сожаление по поводу всей дуэльной истории с Павлом Петровичем, который получил пулю в ногу, возникает и у Базарова. Его знаком становится решение «немедленно улизнуть» из Марьино, которым он «утешает» Кирсанова. Примечательно ироничное срав-

---

¹ Не называя прямо Скотта, Тургенев использует опыт английского писателя в описании дуэли между Базаровым и Павлом Петровичем. Это изображение значительно напоминает картину произошедшего в романе «Антикварий» поединка – между Ловелем и капитаном Мак-Интайром.

нение героем произошедшего дуэльного поединка с «рыцарским турниром» [5. Т. 7. С. 160]: вероятно, это память автора о другом романе Скотта – «Айвенго», на страницах которого подробно и живописно воссозданы жестокие и доблестные состязания Средневековья².

Любовная сторона конфликта Кливленда и Мордонта находит в романе Тургенева более обширный материал для сопоставления. Здесь возникают очевидные параллели в персонажном составе произведений: помимо главных героев, это пары Одинцова / Минна и Катя / Бренда.

Кливленд, по авторской характеристике, «...обладал свойственным морякам простодушием, большой природной сообразительностью, немалой долей остроумия, безграничной уверенностью в себе и той предприимчивою дерзостью, которая даже при отсутствии иных привлекательных качеств нередко обеспечивает успех у прекрасного пола» [1. С. 192]. Он завладевает вниманием и доверием дочерей Тройла, несмотря на свои «простые и даже несколько грубоватые манеры» – вполне оправданные в стране, «населенной столь простыми и нетребовательными людьми» [Там же. С. 194]. Базарову свойственны подобные же самоуверенность и прямота в манере общения, небрежность и дерзость в обращении. Но, как и Кливленд, он не отталкивает этим от себя представительниц прекрасного пола, даже напротив: в него влюбляется Дуняша, а Фенечка проникается симпатией и доверием, наконец, он «поразил воображение Одинцовой» [5. Т. 7. С. 88]. Герой Тургенева «любовь в смысле идеальном, или, как он выражался, романтическом, называл белибердой, непростительною дурью, считал рыцарские чувства чем-то вроде уродства или болезни» [Там же. С. 87]. В разговоре с Аркадием Евгений открыто высказывает свою развязную и грубую «бесчувственность» к женщинам, отвергая таинственность сердечных отношений. Их романтику он заменяет предельно нивелированным пониманием: «Мы, физиологи, знаем, какие это отношения» [Там же. С. 34]. Здесь угадывается столь же пренебрежительное высказывание Кливленда, в котором он пытается скрыть истину собственного самочувствия: «Да ведь я над подобными вещами особенно не задумываюсь. Я еще не встречал женщины, о которой стоило вспомнить еще раз после того, как поднят якорь» [1. С. 180]. Но от своего внешнего цинизма капитан скоро отказывается, признавая благотворное влияние Минны, а Базаров, напротив, углубляется в него, стремясь заглушить проявление чувств, возникших при первой встрече с Одинцовой: «Сам себя не сломал, так и бабенка меня не ломает. Аминь! Кончено!» [5. Т. 7. С. 119].

Для Кливленда любовь к Минне и её ответное страстное чувство, истоки которого – в «любви к своей родине, желании видеть ее независимой, какой она была в древние времена» [9. С. 221], становится средством к спасению души. Пират, поставленный перед выбором, в итоге решительно отказывает-

---

² Не случайным является в «Отцах и детях» также упоминание о том, что «круг чтения» Фенечки составляет «разрозненный том Стрельцов Масальского» – исторического романа в духе Скотта.

ся от своего тягостного прошлого, изначально чувствуя внутреннюю готовность к тому, чтобы порвать с ремеслом морского разбойника. В случае с Базаровым любовь также имеет спасительное значение – это возможность откинуть предрассудки и заблуждения, в новом качестве которых предстала его жизненная теория. Но отказаться от своей идеи, основы которой пошатнуло обыкновенное человеческое чувство, герой Тургенева не в силах. Любовь к Одинцовой оказалась сильным ударом по гордости Базарова – он теряет твердость в собственном ориентире, столь высоко поставленном, а двойным оскорблением его самолюбия стала безответность непреодолимой страсти, прежде сводимой им лишь к физиологии. Так же, как и Скотт, Тургенев через любовное чувство своего героя, возникшее стихийно и завладевшее всем его существом, делает зримой пропасть, которая зияет между его устремлениями и действительностью. Однако если для Кливленда автор предполагает путь преобразования в раскаянии и лучшем стремлении, то для Базарова все оказывается гораздо сложнее и трагичней.

Самоуверенный, исполненный гордости Базаров влюбляется в женщину, не уступающую ему по чувству собственного превосходства, Одинцова сама признается: «...я слишком горда» [5. Т. 7. С. 92]. Анну Сергеевну занимает знакомство, а затем и общение с Евгением, «она много о нем думала», «его появление тотчас ее оживляло» [Там же. С. 100, 88]. Тургенев показывает существующее между ними родство, которое обнаружилось в сходстве базаровского нигилизма с равнодушием ума Одинцовой, в общности его непризнания авторитетов и отсутствия в ней «сильных верований» («ни перед чем не отступала и никуда не шла» [Там же. С. 83]). Не случайно она же и замечает: «...я понимаю, почему мы сошлись с вами; ведь и вы такой же, как я» [Там же. С. 92]. Однако эта «чистая и холодная» женщина оказывается более сильна в своем личном спокойствии, чем Базаров – в масштабном отрицании. Одинцова, дорожа тишиной и независимостью размеренного существования, не отступает от собственных принципов. Эта приверженность жизненным правилам сближает ее с Минной Тройл. Героиня Скотта «подарила свою привязанность» Кливленду «вследствие уединенного воспитания и слишком малого знакомства с современным миром» [1. С. 583]. Но как только ей открылась негероическая сторона пиратского ремесла, ее иллюзии «погибли и рассеялись навсегда» [Там же]. Жертвуя любовью, она остается верна себе и тем нравственным основам, что были воспитаны в ней отцом.

Минна похожа на тургеневскую героиню общим складом своего необычного характера: «внутренняя спокойная сосредоточенность», «серьезность и сдержанность», гордость [Там же. С. 37]. Интересно, что оба автора почти одними и теми же словами обозначают в умеренной и внешне бесстрастной натуре присутствие пламенных порывов:

В. Скотт

И.С. Тургенев

Стоило, однако, Минне Тройл услышать рассказ о человеческом горе или ...она замечается о ничтожности жизни, об ее горе, труде и зле... Душа

какой-нибудь несправедливости, как кровь тотчас же прилиwała к ее щекам, показывая, как горячо бьется сердце девушки... [1. С. 37].

ее наполнится внезапною смелостию, закипит благородным стремлением... [5. Т. 5. С. 84].

Однако проявление этого «благородного стремления» имеет кардинальное различие. В Минне его искренность, воспитанная героическими сагами и любовью к природе, получает полную силу осуществления и исчезает естественным образом, исчерпав себя. Для Одинцовой это душевное движение, как и вообще любое сильное чувство («...спокойствие все-таки лучше всего на свете» [Там же. С. 99]), было пугающим, и она стремилась скорее подавить его: «...сквозной ветер подует из полузакрытого окна, и Анна Сергеевна вся сожмется, и жалуется, и почти сердится, и только одно ей нужно в это мгновение: чтобы не дул на нее этот гадкий ветер» [Там же. С. 84].

Кратко рассказывая дальнейшую судьбу своих героинь, каждый из писателей представляет обретенное ими спокойствие после перенесенной бури новых ощущений и даже открывает для них возможность счастья. «Выполненный долг» стал для Минны способом обретения «душевного мира и нравственного удовлетворения» [1. С. 149]. Смирение и непрестанное внимание «ко всем тем, кто мог рассчитывать на ее участие» вместе с «истинным и благочестивым отношением к миру» составили счастье девушки [Там же. С. 589]. Примечательно, что утешение в религии и забота о людях сделались предметом тихой радости и другой героини Вальтера Скотта – Ревекки из уже упомянутого романа «Айвенго». Тургенев же после сцены прощального свидания Базарова и Одинцовой, во время которой последняя «испугалась каким-то холодным и томительным испугом» [5. Т. 7. С. 182] и этим вновь убедилась в своей нелюбви к нему, показывает Анну Сергеевну уже замужнюю – рядом с человеком, во всем подобным ей: «молодым, добрым и холодным как лед» [Там же. С. 185]. При этом писатель неоднозначно и с долей иронии замечает, что они «доживутся, пожалуй, до счастья... пожалуй, до любви» [Там же].

Любовная драма Кливленда, заключающаяся, с одной стороны, в том, что Минна полюбила в нем воображаемый образ древнего норвежца, а с другой – в противоречии его собственной жизни: жестокое ремесло прошлого делает невозможным будущее счастье, – любовная драма Кливленда осложняется отношением мнимого соперничества с Мордентом. Молодой Мертон, подозревая недобрые намерения в «дерзком и самоуверенном чужестранце», нарушившем гармонию его дружбы с дочерьми Тройла, ставит своим долгом «разоблачить Кливленда и спасти подруг своего детства» [1. С. 197]. Это чистосердечное желание оградить Минну и Бренду от возможной опасности пират справедливо принимает на свой счет, но в ином русле. Сам Кливленд признается, что «не думал о Мертоне как о сопернике» [Там же. С. 537], заняв его место в Боро-Уестре. Но настойчивость юноши и молва заставляют его подозревать, что «этот безусый птицелов» стоит между ним и самым дорогим для него – любовью Минны Тройл» [Там же. С. 316–317]. Мысль об этом в сознании Кливленда была упрочена и «фантастиче-

ским» убеждением Норны в том, что «Минна предназначена тому, кого здесь зовут Мордонтом Мертоном» [Там же. С. 538].

В романе Тургенева столь же мнимым соперником Базарову поначалу поставлен Аркадий, который свое стойкое впечатление от прелестного облика Одинцовой («...решил, что он еще никогда не встречал такой прелестной женщины» [5. Т. 7. С. 69]) долгое время принимает за влюбленность. Сам образ молодого Кирсанова писатель моделирует с очевидным ориентиром на скоттовского Мордонта. Особенно бросается в глаза то, что оба автора противопоставляют сильным и гордым героям-индивидуалистам натуру совершенно отличную – юношу, «в чьем характере глубокая и пылкая восторженность сочеталась с веселыми и непосредственными порывами юности» [1. С. 42]. Нежная чувствительность Мертона лежит на поверхности, а у Аркадия она пробивается сквозь напускное равнодушие, перенятое от Базарова. Его истинная природа постепенно и с каждым разом сильнее проявляет себя в атмосфере родного дома и в окружении знакомой, горячо любимой природы. Тургенев показывает свойственные ему естественность и непосредственность чувств в очаровании весенней природой, жалости к крестьянской бедности, разговорах о Пушкине и т.д. Довершает внутреннее пробуждение или освобождение Аркадия сердечная симпатия к Кате, о которой сам он долго не догадывается. Растущей близости и привязанности между молодыми людьми не замечает и Базаров, сначала пораженный необъяснимой властью собственного равнодушия к женщине, а затем оскорбленный в результате отвергнутого чувства.

В страстном порыве самообмана Евгений, как и Кливленд, находит себе соперника, которого превосходит силой и опытностью. Поводом к этому у Тургенева служит, с одной стороны, кажущаяся влюбленность Аркадия в Одинцову («Ты такой свеженький да чистенький... должно быть, твои дела с Анной Сергеевной идут отлично» [5. Т. 7. С. 160]), а с другой – понимание того, что ей льстит внимание юноши и она с удовольствием его принимает³ (особенно после того, как она узнает от Базарова: «он был в вас влюблен» [Там же. С. 162]). Базаров, который «с негодованием сознавал романтика в самом себе» [Там же. С. 87], невольно ощущает и растущую ревность к Аркадию: «...я чувствую только скуку да злость» [Там же. С. 119]. Не случайно юноше почудилась угроза и что-то недоброе, когда его приятель «растопырил свои длинные и жесткие пальцы» [Там же. С. 122], чтобы в шутливой борьбе схватить его за горло. Собственный «романтизм» Базаров пытается опровергнуть тем, что «лучше камни бить на мостовой, чем позволить женщине завладеть хотя бы кончиком пальца» [Там же. С. 104]. А при беседе с Одинцовой, когда она признается, что «стала чаще думать» об Аркадии, «кипение желчи слышалось в его спокойном, но глухом голосе» [Там же. С. 166]. Наконец, знаменательно то злорадное чувство, объединяющее героев Скотта и Тургенева, которое

---

³ «...Никогда сестра так не была расположена к вам, как именно теперь, гораздо больше, чем в первый ваш приезд» [1. Т. 7. С. 156].

«мгновенно вспыхнуло» в груди Базарова во время чтения признательного письма Аркадия.

В тени большой и страстной (ср. у Тургенева: «...это страсть в нем билась, сильная и тяжелая – страсть, похожая на злобу и, быть может, сродни ей...») [Там же. С. 97]) любви главных героев тихо и незаметно расцветает любовь «малая». Так, описывая встречу Мордонта с Брендой в уединенной беседке вблизи прибрежных скал, Вальтер Скотт показывает, как меняется самочувствие юноши. Свидание с девушкой наполняло Мертона «таким счастьем, какого он, хотя много раз оставался с ней наедине, никогда не ощущал раньше» [1. С. 234]. Не меньшее смущение испытывала и Бренда, хотя писатель не разворачивает его, лишь намекает: «Она протянула ему руку, но вдруг, как бы смутившись, отдернула ее, засмеялась и покраснела...» [Там же. С. 233]. Подобным же образом Тургенев рисует «доверчивое сближение» Аркадия и Кати, которые «в саду, в тени высокого ясеня, сидели на дерновой скамейке» [5. Т. 7. С. 154]. В этот момент у обоих внутри совершается «странный процесс» – робкое, но верное осознание «безымянного чувства». Его полное понимание и признание совершается во время последующего свидания в портике, где Аркадий уже открыто произносит: «Я люблю... я люблю вас...» [Там же. С. 167].

При этом сцены, в которых происходит преобразование чувственного мира героев Скотт и Тургенев сопровождают лирически настроенным пейзажем. В случае Мордонта и Бренды – это берег озера, который раскинулся перед замком:

Небольшие легкие волны сверкали и переливались в свете полной луны, которая, присоединяя свои лучи к ясным сумеркам летней северной ночи, делала совершенно нечувствительным отсутствие солнца: на западе след от его захода еще виден был на волнах, тогда как восточная часть горизонта уже загоралась утренней зарей [1. С. 226].

В «Отцах и детях» чувству героев аккомпанирует природа никольского сада:

Слабый ветер, шевеля в листьях ясеня, тихонько двигал взад и вперед, и по темной дорожке, и по желтой спине Фифи, бледно-золотые пятна света; ровная тень обливала Аркадия и Катю; только изредка в ее волосах зажигалась яркая полоска [5. Т. 7. С. 155].

Сами пейзажи родственны как своей функцией, так и принципом оформления. Это своеобразные наброски, которые минимальностью своего наполнения разворачиваются в осязаемую картину. Они подвижны и изменчивы, но их постоянная динамика – не в смене разных состояний, а в общем преобладании внутренне единых процессов. Тургенев и Скотт дают завершенные и целостные рисунки, изображающие природу в положении полной ясности, легкости и покоя. Но эта очевидная гармония достигается именно в естественном и согласованном движении – поэтому человеку дано ощущать малейшие колебания, в то время как вся полнота пейзажа представлена в его законченном виде.

Здесь природа не резко вмешивается в обстоятельства человеческой жизни, но плавно входит в них и словно сливается с ними. У Скотта живопись моря естественным образом оказывается спутником Мордонта, который следует за зовущей его Брендой. Описание морского берега открывается как бы само собой, по ходу движения героя. Вместе с тем автор не преподносит природную зарисовку в прямой текстовой параллели с чувственной метаморфозой Мертона. Контрастный пейзаж, доминантой которого является свет, предвещает дальнейшее преображение героя. Лишь после писатель замечает, что «известное воздействие на Мордонта могла оказать и окружающая природа» [1. С. 234]. Тургенев, также органично совмещающий природное и человеческое (причем именно последнее находится «в объятиях» первого), достигает в описании уже абсолютного синтеза. Аркадий и Катя предстают полностью погруженными в атмосферу летнего сада – их описание неотделимо от обозначенного несколькими штрихами пейзажа. В таком же непосредственном присутствии природы, по замыслу автора, приоткрывается и тайна их взаимной симпатии.

Создавая грандиозный образ гордого героя-индивидуалиста, Вальтер Скотт, как и Тургенев, вкладывает в него огромную потенциальную нравственную силу, которая могла бы развиться, если бы человек действовал в ином направлении. Так, Кливленда и Базарова объединяет присущее им чувство благородства. У первого оно проявлено, например, в старании удерживать «ярость своих спутников»: «...сколько раз я спасал людей от верной смерти и сколько раз возвращал по принадлежности имущество, которое <...> было бы бессмысленно уничтожено» [1. С. 443]. Сам герой признается, что обладал «слишком большим человеколюбием для избранной... профессии», но он ни при каком случае не отступал от него («кажущаяся моя свирепость лучше служила делу человеколюбия, чем если бы я открыто вставал на его защиту» [Там же. С. 325, 330]).

В отдельных деталях свою возвышенную природу раскрывает и Базаров. Он, например, лечит маленького Митю, подталкивает Аркадия к семейному счастью, пытается быть деликатным по отношению к безграничной любви своих родителей, в страхе за человеческую жизнь отбрасывает предрассудки и оказывает помощь раненому Павлу Кирсанову («Теперь я уже не дуэлист, а доктор» [5. Т. 7. С. 145]). В то же время Тургенев укореняет фигуру главного героя, делает его изначально связанным с миром обыденного и национально значимого («Мой дед землю пахал» [Там же. С. 50]). Во многом это происходит за счет эпической проработки «старомосковского» образа матери Базарова. Писатель не случайно выводит в романе «гомеровский список», характеризующий суеверную природу и патриархальность сознания «настоящей русской дворяночки прежнего времени» [Там же. С. 113] – Арины Власьевны:

Она была очень набожна и чувствительна, верила во всевозможные приметы, гаданья, заговоры, сны; верила в юродивых, в домовых, в леших, в дурные встречи, в порчу, в народные лекарства, в четверговую

соль, в скорый конец света; верила, что если в светлое воскресение на всенощной не погаснут свечи, то гречиха хорошо уродится, и что гриб больше не растет, если его человеческий глаз увидит; верила, что чёрт любит быть там, где вода, и что у каждого жиды на груди кровавое пятнышко; боялась мышей, ужей, лягушек, воробьев, пиявок, грома, холодной воды, сквозного ветра, лошадей, козлов, рыжих людей и чёрных кошек и почитала сверчков и собак нечистыми животными; не ела ни телятины, ни голубей, ни раков, ни сыру, ни спаржи, ни земляных груш, ни зайца, ни арбузов, потому что взрезанный арбуз напоминает голову Иоанна Предтечи; а об устрицах говорила не иначе, как с содроганием... [5. С. 134–114].

Так в роман проникает стихия народного, которую можно сопоставить с той атмосферой легенд, преданий и верований у Скотта, которая организует наряду с исторической темой норвежского прошлого Шетлендии исключительный пласт самобытной культуры. При этом своего героя романист также включает в культурно-историческое пространство, делает его потомком древних норвежцев.

В результате внутреннее благородство и культурная укорененность Кливленда и Базарова несколько примиряет их личности с «демонизмом» характера – безудержной волевой природой. Очевидная этическая двойственность связывает героев-индивидуалистов с шекспировским Гамлетом в собственно тургеневской трактовке образа, которая была дана в статье-речи «Гамлет и Дон-Кихот», появившейся в год оформления замысла «Отцов и детей». Тургенев, задумываясь о скептицизме шекспировского принца и природе его нигилизма, приходит к выводу, что гамлетовское отрицание «сомневается в добре, но во зле оно не сомневается и вступает с ним в ожесточенный бой» [Там же. Т. 5. С. 340].

Евгений Базаров, во многом соответствуя шекспировской образности, и погибает словно по гамлетовской схеме – от отравленного железа и с загадочной фразой: «Теперь... темнота» [Там же. С. 183] (ср. у Шекспира: «The rest is silence» (Остальное – тишина / безвестность)). В череде его последних слов во время беседы с Одинцовой – «А ведь тоже думал: обломаю дел много, не умру, куда! Задача есть, ведь я гигант! А теперь задача гиганта – как бы умереть прилично, хотя никому до этого дела нет...» [Там же] – слышится отголосок предостерегающей речи Норны: «Посмотрите – вот он стоит, гордо выпрямившись: как он смел, как уверен в своих молодых силах и мужестве! <...> Глаза мои затуманиваются при мысли о том, во что превратится этот молодой, полный сил человек, прежде чем солнце зайдет дважды» [1. С. 539]. Но если в устах Норны слова о ложном «великане», которого ожидает бесславная смерть, звучат Кливленду обвинением, то для Базарова они оказываются драматическим признанием несвершившегося дела⁴. Здесь же сам он не случайно добавляет: «Все равно ви-

---

⁴ В течение всего романа Базаров несколько раз в разговоре с разными людьми говорит об уготованном ему призвании – быть деревенским доктором. Это многократное

лять хвостом не стану» [5. Т. 7. С. 183] – это слова, возвращающие его к силе и мужеству. Прощальные речи героя строятся на антитезе, венчаемой скепсисом, но не окончательным, а с вопросом: «Я нужен России... нет, верно не нужен. Да и кто нужен?» [Там же].

Кроме того, сложность нравственно-психологического комплекса героев Скотта и Тургенева достигается также за счет особого акцента на внутреннее страдание личности вследствие собственной двойственности и возникших противоречий. Английский романист заостряет внимание на изменившейся наружности Кливленда – в тот момент, когда он идет на встречу с Джеком Бансом, олицетворявшим его тягостное прошлое. Писатель дает контрастное описание, в котором одежда капитана («обшитая галуном и отделанная богатой вышивкой», «шляпа с пером и короткая шпага с роскошной рукоятью» [1. С. 432]) диссонирует с его физическим обликом:

...он был бледен, глаза его утратили прежний блеск, а движения – живость, и все в нем указывало на душевную боль или телесные страдания, а быть может, и на сочетание обоих этих недугов [Там же].

«Душевную боль», названную Скоттом, по-своему передает и Тургенев в характеристике Базарова. Обозначившаяся после встречи с Одинцовой и пребывания в ее доме трансформация героя⁵ («стала проявляться небывалая прежде тревога: он легко раздражался, говорил нехотя, глядел сердито и не мог усидеть на месте, словно что его подмывало» [Там же. С. 86]) к концу романа останавливается на состоянии тревожной меланхолии:

...лихорадка работы с него *соскочила* и заменилась тоскливою скукой и глухим беспокойством. Странная усталость замечалась во всех его движениях, даже походка его, твердая и стремительно смелая, изменилась [Там же. С. 171].

Тоска и одновременное беспокойство – это отражение того душевного страдания, в которое вылились все новые переживания Базарова в результате отвергнутой любви и пошатнувшейся теории отрицания. Завершающим аккордом становится смерть героя в мучительном сознании своего бессилия перед законом вечности. Знаменательно, что сам герой приходит к принципу философского осмысления жизни, который прежде им признавался за «романтизм».

Таким образом, Тургенев оказался необычайно чуток к историзму и просветительской концепции В. Скотта как проявлению своеобразия художественного мышления английского писателя. Он вник в его роман о событиях XVII в. – истории «черного пирата», оказавшегося на Шетленд-

проговаривание лекарской стези оказывается своеобразной проверкой себя, своих притязаний, которые находятся в резком противоречии с обыкновенностью судьбы. С участью простого лекаря герою не позволяет примириться его честолюбие, мысль о «великой будущности».

⁵ «Настоящею причиной всей этой “новизны” было чувство, внушенное Базарову Одинцовой, – чувство, которое его мучило и бесило...» [5. Т. 7. С. 87].

ских островах посреди патриархального мира, – как изображение драмы современного человека. В «Отцах и детях» на русском материале, связанном с общеполитической борьбой 1860-х гг., на истории русских национальных типов посреди русской природы Тургенев создал уникальный роман, творчески продолжая традиции «шотландского чародея».

Важно заметить, что в свете традиции Скотта толкование образа русского нигилиста у Тургенева принципиально расходится с Гончаровым, роман которого «Обрыв» также несет на себе печать чтения «Пирата» [9. С. 211–228]. В 1870-е гг., время резкого неприятия Гончаровым идеологии демократов-разночинцев, в образе Марка Волохова он вывел злодея, безнравственного законченного человека, тогда как в либеральные 1850-е гг., когда был задуман «Обрыв», «на месте Волохова <...> предполагалась другая личность – также сильная, почти дерзкая волей, не уживающаяся, по своим новым либеральным идеям в службе и петербургском обществе...» [10. С. 463].

Литература

1. Скотт В. Собрание сочинений: в 20 т. М.; Л., 1963. Т. 12. 612 с.
2. Scott W. The Pirate. Paris, 1832. 498 p. (Baudrys collection of ancient and modern british novels and romances) // ОГЛИМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1904.
3. Стихотворения Грея: с присовокуплением краткого известия о жизни и творениях Грея, и многих исторических и баснословных примечаний / с английского языка переведенные Павлом Голенищевым-Кутузовым. М., 1803. 118 с.
4. Волков И.О. И.С. Тургенев – переводчик У. Шекспира // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 97–120.
5. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. М., 1978–1986.
6. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М., 1982–.
7. Гутман Д.С. Тургенев и Вальтер Скотт // О традициях и новаторстве в литературе. Уфа, 1976. С. 83–93.
8. Плимак Е.Г. «Потайные» сюжеты И.С. Тургенева: Тень Термидора в повести «Отцы и дети» // Тургеневские чтения. М., 2006. Вып. 2. С. 154–165.
9. Жиякова Э.М. Шотландские страницы: Эхо Вальтера Скотта в русской литературе XIX в. Томск, 2014. 290 с.
10. Гончаров И.А. Собрание сочинений: в 8 т. М., 1980. Т. 6. 520 с.

The Pirate by Walter Scott in Ivan Turgenev's Perception: From Reading to Explication (On Turgenev's Personal Library Materials)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 67. 218–244. DOI: 10.17223/19986645/67/12

Ivan O. Volkov, Emma M. Zhilyakova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wolkoviv@gmail.com / emmaluk@yandex.ru

Keywords: Ivan Turgenev, Walter Scott, *Fathers and Sons*, *The Pirate*, individualist hero.

The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-012-00219: I.S. Turgenev and the Issues of West European Literature (On the Materials of the Writer's Library).

The article covers the writings of Ivan Turgenev and Walter Scott in a comparative perspective. The authors focus on the Russian writer's perception of Scott's *The Pirate* (1821). For the first time, Turgenev's personal library is used to raise and study the issue of the reception of Scott's historicism and educational concept of personality in the 1840s. Turgenev's notes on the pages of *The Pirate* allow concluding that the Russian writer was primarily interested in the choice of the romantic place of action—the Shetland Islands, including the cliff and the sea as embodiments of the harsh northern region. In their image, Turgenev found the reflection of a patriarchal psychology, a strong character, and a deep connection of man with mythology. He adopted Scott's historicism as a recreation of the process of the inevitable breaking up of patriarchal morals that had begun as a result of the Scots coming into Shetland. Turgenev was interested in the relationship between the indigenous romantic types (Magnus Troil and his daughters), who valued their way of life and national independence, and the strangers settled in the island: Mordaunt Mertoun, his father, and Triptolemus. Turgenev's new interest in *The Pirate* fell on 1860 and was associated with the emergence and execution of his own plan—the novel *Fathers and Sons*. Creatively continuing Scott's tradition, Turgenev creates a novel about the drama of a strong personality, which has become the exponent for the cultural-historical and moral-philosophical crisis. Using the image of a young nihilist as an example, on Russian material, Turgenev solves the problem mothered by the epoch of bourgeois development—the problem of individualism as a complex social, moral, and psychological unit. In *The Pirate*, this important historical aspect is interpreted in the fate of Clement Cleveland, whose soul became the battlefield of the laws of “black piracy” and the foundations of Shetland life. Turgenev draws his character in the ideological and typological parallel with Scott through the construction of his role positions: the relationship with other characters, the conflict, which develops into a straight-line collision, the plot of love and foredoomed happiness. Besides, the vivid description of nature, its inclusion in the well-being of a person, performs its special function. If Scott's image of Cleveland is artistically completed: the character's moral fluctuations (between the duty of a pirate leader and an understanding of life's truth) end in an atonement and a noble death, in the case of Bazarov, the tragedy of his personality turns into a fundamental incompleteness. Turgenev does not see a way out of the painful contradiction for his character, for this contradiction is rooted deep inside the man himself, not in external circumstances.

References

1. Scott, W. (1963) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 12. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
2. Oryol United State Literary Museum (OGLMT). Fund 1. List 3. File 325 / 1904. Scott, W. (1832) *The Pirate*. Paris: Baudrys collection of ancient and modern British novels and romances.
3. Gray, T. (1803) *Stikhotvoreniya Greya: s prisovokupleniem kratkogo izvestiya o zhizni i tvorennyakh Greya, i mnogikh istoricheskikh i basnoslovnykh primechaniy* [Gray's Poems: With the addition of brief information about the life and works of Gray, and many historical and fabulous notes]. Translated from English by P. Golenishchev-Kutuzov. Moscow: [s.n.].
4. Volkov, I.O. (2019) Ivan Turgenev as a translator of William Shakespeare. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 11. pp. 97–120. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/11/4
5. Turgenev, I.S. (1978–1986) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Nauka.
6. Turgenev, I.S. (1982 – cont.) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Moscow: Nauka.
7. Gutman, D.S. (1976) Turgenev i Val'ter Skott [Turgenev and Walter Scott]. In: *O traditsiyakh i novatorstve v literature* [On Traditions and Innovation in Literature]. Ufa: Bashkir State University. pp. 83–93.

8. Plimak, E.G. (2006) “Potaynye” syuzhety I.S. Turgeneva. Ten’ Termidora v povesti “Ottsy i deti” [I.S. Turgenev’s “secret” plots. Shadow of Thermidor in the story “Fathers and Sons”]. In: Petrash, E.G. (ed.) *Turgenevskie chteniya* [Turgenev Readings]. 2. Moscow: Russkiy put’. pp. 154–165.

9. Zhilyakova, E.M. (2014) *Shotlandskie stranitsy. Ekho Val’tera Skotta v russkoy literature XIX v.* [Scottish Pages. The Echo of Walter Scott in Russian Literature of the 19th Century]. Tomsk: Tomsk State University.

10. Goncharov, I.A. (1980) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

УДК 94(47)"1894/1917"(093)
DOI: 10.17223/19986645/67/13

Т.А. Исаченко

ЛИЧНЫЙ АЛЬБОМ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ АНАСТАСИИ НИКОЛАЕВНЫ: ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ ИЛИ КНИГА ПАМЯТИ?

Исследуется содержание поэтического альбома, подаренного младшей дочери последнего русского императора на одиннадцатилетие – редкий рукописный источник, хранящийся в собрании Дворцовых библиотек ОР РГБ. Уникальность контента определяет присутствие в альбоме 114 автографов – всех царственных мучеников и лиц из ближайшего окружения царской семьи. Пересечение дат, имен, поэтических образов и событий позволяет рассматривать альбом как мегатекст, в полифонии которого прочитываются актуальные для современности темы.

Ключевые слова: великая княжна Анастасия, царственные страстотерпцы, автографы, поэтический альбом, собрание Дворцовых библиотек РГБ.

В публикациях 2018 г. [1–3] нами впервые был представлен альбом-календарь младшей дочери императора-страстотерпца Николая II, великой княжны, мученицы Анастасии, являющийся редким фактографическим источником, по странной случайности выпавшим из поля зрения историков. Альбом хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, важность его изучения и осмысления продиктована памятными датами в жизни России – столетием расстрела всей царской семьи и началом Гражданской войны.

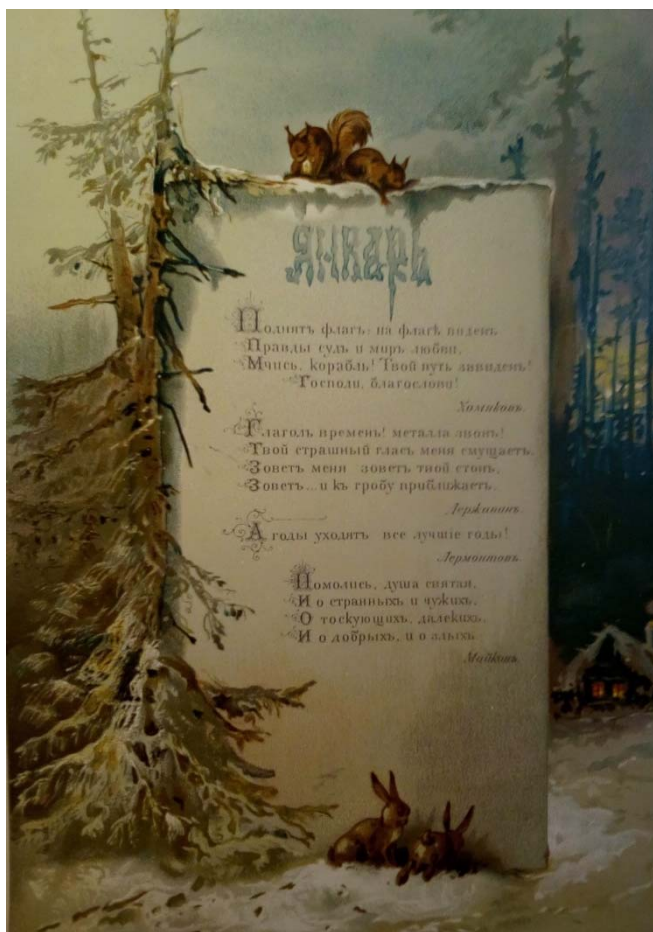
Альбом подносился для заполнения его автографами лицам из ближайшего окружения царской семьи по выбору Анастасии на тот или иной день. Анализируя эти автографы, мы видим череду дат, последовательность которых раскрывает основную загадку альбома – принцип его заполнения. Оформление книги нарядно и празднично: красный коленкорový переплет украшен кожаным корешком и уголками такого же цвета. Издание открывает титульный лист, на котором посеребренной вязью выведено название: «Дума за думой. Памятная книга на каждый день», ниже, в выходных данных: «СПб.». На дополнительном листе – эпитафия: «Дума за думой, лица за лицами / Милые тут имена; / Книга настольная – жизни страницами, Памятью сердца полна». Данный альбом предназначен для литературного чтения (календарные даты заполнены стихами русских поэтов), а также для внесения в него записей, его можно раскрашивать (одна из страниц наполовину раскрашена Анастасией), по нему можно вспоминать близких, а также играть, дополняя четверостишия и называя стихотворение того или иного автора.

Титульный лист альбома «Дума за думой.
Памятная книга на каждый день» (М., 1895)

Альбом Великой Княжны Анастасии Николаевны.
ОР РГБ. Ф.492. № 23. Внешний вид

Шмуцтитул альбома на январь

Данная статья посвящена раскрытию литературной составляющей Альбома, ибо книга представляет собой поэтическую антологию русской поэзии XIX в., в которую Анастасия начала вносить записи в день своего рождения, 5 июня 1912 г.⁶ Одновременно мы ставим вопрос об историческом наполнении альбома-дневника не только знаменательными для царской семьи и для России датами, но и списком имен, которых в альбоме 114. Календарный принцип организации издания задает альбому соответствующий ритм, и его страницы, согласно эпиграфу, «заполнены памятью сердца». По мере анализа автографов, удалось восстановить почти полный список тех, кто оставил свои имена в альбоме Анастасии. Сопоставив их с известными датами рождения, мы выявили основной принцип заполнения

⁶ Все даты в альбоме приводятся в соответствии с юлианским календарем и составляют разницу в 13 дней в XX и 12 дней в XIX в.

альбома – автографы приурочены ко дню рождения писавших. Таким образом, верхний ряд дат альбома-ежедневника определяет дату рождения, а нижний ряд указывает на день и, иногда, год сделанной записи. Одновременно это указание на праздник или событие: открытие памятника Александру III (май 1912 г.), закладка военного порта императора Петра Великого в Ревеле и торжества по случаю 100-летия Бородинского сражения (июль и август 1912 г.) [4], всероссийское празднование 300-летия дома Романовых (весна 1913 г.), празднование чтимых Богородичных икон – Федоровской (7 июня), Владимирской (23 июня), Смоленской (28 июля), Праздник Собственного Е.И.В. Конвоя (день св. Иерофея, 4 октября)⁷, другие события. Позднее, правда, в 1916–1917 гг., принцип меняется, записи в альбом начинают заноситься не в дни собственного рождения, а в дни больших церковных праздников – Воздвижения Креста Господня (запись А. Миллера на 14 сентября), Рождественский Сочельник.

В один из памятных дней – 23 июня 1912⁸ – Анастасия поднесла свой альбом для записей сразу нескольким лицам. Так, в альбом были внесены сразу 7 записей: императрицы Александры Федоровны (с. 163 – на свой день рождения 25 мая), великих княжон Ольги (с. 379 на свой день 4 ноября), Татьяны (с. 185 – 29 мая), Марии (с. 126 – 14 июня), контр-адмирала И.И. Чагина⁹ (с. 389 на день его рождения 2 ноября), офицеров яхты «Штандарт» Н.В. Саблина (с. 138 – 16 апреля) и П.А. Воронова (с. 445 – 29 декабря).

История дневника Анастасии связана с разгадкой его тайн, к которым относятся: принцип его заполнения, двухуровневый календарный ряд (верхний с днями рождений и нижний с событиями, по случаю которых альбом был поднесен для записи). Мы предполагаем, что в трудные годы лишений альбом служил ей помянником – по всем тем, с кем разлучила ее революция, кого она берегла в своем сердце и вспоминала. Сейчас альбом Анастасии – это еще и мартиролог по невинно убиенным, замученным, репрессированным и изгнанным из своего Отечества. Многие из тех, кто вносил свои записи в альбом княжны, разделили участь царской семьи – были расстреляны и приняли мученический венец, другие погибли в жерле революции или от ран в ходе кровопролитной войны. За царской семьей в Сибирь последовали 35 человек, многие из которых претерпели невзгоды и проделали долгий путь в скитаниях по Сибири, пока не добрались до спаси-

---

⁷ Высочайше установленный в 1861 г., в память битвы под Лейпцигом, этот праздник всегда отмечался 4 октября (см.: [5. С. 242]).

⁸ В день празднования иконы Владимирской Божией Матери царская семья, как правило, посещала богослужение в церкви Знамения, находившейся в дворцовом парке Царского Села (см. [6]).

⁹ Контр-адмирал Иван Иванович Чагин с 7 ноября 1905 по 11 октября 1912 г. командовал императорской яхтой «Штандарт». Осенью 1912 г. «Штандарт» вторично налетел на камни в финских шхерах, и хотя Чагин был оправдан, он считал себя виновным и застрелился (по другой версии, причиной самоубийства была обнаруженная в трюмах «Штандарта» революционная мини-типография).

тельных рубежей белой эмиграции – Харбина, Константинополя, Белграда и Вены, Дании, Швеции, Англии, Парижа, Америки, Канады. Судьба некоторых, особо доверенных лиц царской семьи (например, генерал-лейтенанта И.Л. Татищева) до сих пор неизвестна [7. С. 47–58].

Данный альбом, несомненно, является одним из уникальных экспонатов собрания Дворцовых библиотек, его, при желании, можно рассматривать как мегатекст, пронизанный самыми разнообразными темами, мотивами и образами. Содержание альбома, с одной стороны, определяется наполненностью множеством имен из ближайшего окружения великой княжны Анастасии, с другой – присутствием поэтических текстов, изначально включенных в издание. Представленные тексты отражают характер эпохи, они также содержат пророчества о судьбах империи и династии.

Этой теме мы и хотим посвятить статью, взглянув на альбом маленькой княжны как на источник вдохновения и радости, наполнявшей душу ребенка светлыми образами, формировавшими вкус и представления о прекрасном. Вопреки досужим мнениям о духовном голоде, который испытывали дети великокняжеских семейств в дворцовых резиденциях [8], альбом, который мы держим в руках и с которым на протяжении семи лет была неразлучна Анастасия, говорит об обратном. Наполненный прекрасной русской поэзией, он способствовал формированию души юной княжны, привнося в нее свет, который потом в избытке она изливала на окружающих.

Поэтическая составляющая альбома Анастасии дает ясное представление о той роли, которая была отведена этой необычной книге в формирования личности младшей великой княжны.

Великая Княжна Анастасия за чтением. Фото 1914–1915 гг.

Великая княжна Анастасия
(фотография из фотоальбома Анны Вырубовой)

Помещенные в ней тексты могут сегодня рассматриваться как хрестоматия, перелистывая которую Анастасия и играла и училась. Книга, подаренная Анастасии на 11-летие, включала репертуар золотого XIX в. русской литературы, который на протяжении семи лет оказывал влияние на формирование ее души. Опыт этого воспитания важен для современной педагогики. Открывает альбом стихотворение Алексея Хомякова (1858), помещенное на январском шмуцтитule первых листов альбома-календаря: Парус поднят; ветра полный, / Он канаты натянул / И на ропшущие волны / Мачту длинную нагнул. / Парус русский. Через волны / Уж корабль несется сам. / И готов всех братьев челны / Прицепить к крутым бокам. / Поднят флаг: на флаге виден / Правды суд и мир любви. / Мчись, корабль: твой путь завиден... / Господи, благослови!

Образ мчащейся вдаль ладьи, устремленной в будущее под русскими парусами Божьей правды и любви, резко контрастирует с образом кибитки,

мчащейся по скользкой крутизне разбитой дороги (стихотворение князя Петра Вяземского «Ухабы. Обозы» из цикла «Зимние карикатуры» - помещено на декабрьском шмуцтитule альбома): Какой враждебный дух, дух зла, дух разрушения, / Какой свирепый ураган / Стоячей качкою, волнами без движения / Изрыл сей снежный океан? / Кибитка-ладия шатается, ныряет: / То вглубь ударится со скользкой крутизны, / То дыбом на хребет замёрзнувшей волны / Её насильственно кидает... < / Покажется декабрь – и тысяча обозов / Из пристаней степных пойдут за барышом, / И путь, уравненный от снега и морозов, / Начнут коверкать непутём... (1828).

Именослов «альбома на каждый день» великой княжны Анастасии – один из важнейших мотивов исследуемого мегатекста, он вбирает имена доблестных воинов Великой войны, за которыми ухаживали в Феодоровском лазарете великие княжны, офицеров Императорского Его Величества Конвоя, которым царская семья запретила предпринимать попытки своего освобождения – «чтобы не пролилась кровь»¹⁰, дорогих сестер, «мама и папа», любимой бабушки (вдовствующей императрицы Марии Феодоровны), дяди Павла¹¹, крестной тети Ольги¹², двоюродных братьев¹³, симпатичных офицеров императорской яхты «Штандарт», фрейлин, комнатных девушек, домашнего доктора, учителей и подруг – всех тех, кого она берегла в своем сердце и за кого молилась. И здесь нельзя не сказать еще о некоторых ассоциациях.

Имена, внесенные в альбом Анастасии, напрямую сопряжены с темой, которая несколько лет спустя, в 1924 г., прозвучит в «Белой гвардии» М.А. Булгакова и станет лейтмотивом жизни белой эмиграции на долгие годы – темой предательства. В романе Булгакова был поднят вопрос о дворянской и офицерской чести, о верности долгу, присяге и о предательстве генералов (сцена в гимназии, обращение полковника Мальцева к защитникам Киева). Эпиграфом к роману писатель взял строки А.С. Пушкина, обратившись к исторической повести о русской смуте XVIII в., где схожий образ истории как стихии («бурана») увенчан победой «белых», дворянства. Не «народ», которого заведомо было больше и который мог взять числом, а дворяне одержали верх в старой гражданской войне, описанной Пушкиным. В пушкинском романе дан ясный ответ: у дворянства в целом есть понятие чести, а у «народа» в целом этого понятия нет (хотя есть понятие о милосердии) [9. С. 66]. Совершенно очевидно, что Булгаков писал свой роман, адресуя его в первую очередь белой эмиграции – тем, кто в 1924-м находился в Берлине, Париже, Белграде, Софии и где мог оказаться сам Булгаков, доведись ему сесть на пароход в Батуме в 1921 г.

¹⁰ История Собственного Его Императорского Величества Конвоя в изложении офицера Конвоя Н.В. Галушкина прокомментирована и издана П.Н. Стреляновым [5].

¹¹ Запись вел. кн. Павла Александровича присутствует на с. 327 под датой 21 сентября.

¹² Вел. кн. Ольга Александровна (тетя Ольга), сестра Николая II.

¹³ Две записи, Дмитрия Павловича и Андрея Александровича Романовых, сделаны на с. 24 и 310 альбома Анастасии.

Автограф великой княжны Татьяны Николаевны.
Запись сделана в день рождения, 29 мая

Подбор поэтических текстов, расположенных в порядке годового круга, не представляется случайным. Многие стихотворения, помещенные на известные даты, посвящены представителям Династии Романовых. Так, на странице 27 июля в Альбоме помещены строки посвящения Ф.И. Тютчева императрице Марии Александровне (1824–1880), с которой незримо связывает владельцу альбома день рождения Императрицы Марии – прабабушки Анастасии.

Императрице Марии Александровне

Кто б ни был ты, но, встретясь с ней,
Душою чистой иль греховной,
Ты вдруг почувствуешь живей,
Что есть мир лучший, мир духовный.

Как неразгаданная тайна,
Живая прелесть дышет в ней;
Мы смотрим с трепетом тревожным
На тихий свет ея очей.
Земное ль в ней очарованье
Иль неземная благодать?
Душа хотела б ей молиться,
А сердце рвется обожать.

*Ф.И. Тютчев. Императрице Марии Александровне.
3 ноября 1864 г.*

Смысловой контент альбома, наполненный многочисленными датами, именами, смыслами и уровнями прочтения, позволяет видеть в нем многоуровневый мегатекст, который существовал как до, так и после трагических событий июля 1918 г., причем виртуально. В альбоме, например, незримо присутствуют автографы известных поэтов-монархистов Н.С. Гумилева и С.С. Бехтеева, писавших о царской семье и для царской семьи. Нескольким выдающимся стихотворениям 1917 г., принадлежащих перу Сергея Бехтеева, вошли в антологию русской поэзии начала XX в.

<...> Свобода – темница! Свобода – оковы!
Свобода – законный грабёж!
Свобода – венец, как и прежде, терновый!
Какая ужасная ложь!. <...>. («Свобода», апрель 1917).

<...> Ударил час, наш час последний!
Изменой воздух заражён;
Гимн торжествующей обедни
Сменили стоны похорон <...> («Власть тьмы», ноябрь 1917).

<...> Я верю в день священного возмездья!
Клятвопреступники, вас кара неба ждёт!
Вас уличат в предательстве созвездья,
Над вами Солнце правды не взойдёт;
И камни возопят от вашего злодейства,
Вас грозно обличит правдивая судьба
За низость ваших чувств, за гнусность фарисейства,
За клеветы восставшего раба <...> («Николай II», 1917).

Одно из стихотворений поэта непосредственно написано от лица царственных мучеников и, переправленное в Тобольск, вызвало их слезы.

Пошли нам, Господи, терпенье,
В годину буйных, мрачных дней,
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжёлый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и униженья
Христос, Спаситель, помоги!

Владыка мира, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной,
В невыносимый, смертный час...

И, у преддверия могилы,
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов! (октябрь 1917 г.)

Нельзя не сказать о стихотворении Н.С. Гумилева, история появления которого также связана с днем 5 июня – «днем Анастасии». Бережно сохраненный Анастасией листок с посвящением (сегодня он хранится в ГАРФ. Ф. 683) по неизвестной нам причине не оказался среди записей альбома, он, по-видимому, не попал в его «формат» и был «обречен», так сказать, на самостоятельную архивную жизнь за пределами ежедневника Анастасии. Подобно прекрасным посвящениям Сергея Бехтеева, дар Анастасии Николая Гумилева, расстрелянного Успенским постом 1926 г. по обвинению в монархическом заговоре¹⁴, прочно ассоциируется с образом великой княжны, всенародной любовью к дочерям русского императора. Как и С.С. Бехтеев, Н.С. Гумилев находился на лечении в Феодоровском лазарете Их Императорских Высочеств Великих княжон Марии и Анастасии и имел возможность общаться с «Августейшими Сестрами милосердия». Перед нами посвящение Гумилева, под которым поставили подпись еще 15 офицеров.

**Её Императорскому Высочеству Великой Княжне
Анастасии Николаевне ко дню рождения**

Сегодня день Анастасии,
И мы хотим, чтоб через нас
Любовь и ласка всей России
К Вам благодарно донеслась.

---

¹⁴ Установлена точная дата гибели Николая Гумилева – поэт был расстрелян в ночь на 26 августа 1921 г. (интервью со старшим научным сотрудником РНБ А.Я. Разумовым; 6 декабря 2014 г. [10].

Какая радость нам поздравить
Вас, лучший образ наших снов,
И подпись скромную поставить
Внизу приветственных стихов.

Забыв о том, что накануне
Мы были в яростных боях,
Мы праздник пятого июня
В своих отпразднуем сердцах.

И мы уносим к новой сече
Восторгом полные сердца,
Припоминая наши встречи
Средь царскосельского дворца.

*Прапорищик Н. Гумилев, 5 июня 1916 года.
Царскосельский лазарет, Большой Дворец*

С разрывом в два дня, 7 июня 1916 г., на день св. Феодора Стратилата, связанного и почитаемым царской семьей образом Феодоровской иконы Божией Матери¹⁵, Н.С. Гумилев составил еще одно посвящение – Государыне Императрице Александре Феодоровне, которое было внесено в ее дневник (ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 18).

**< Её Императорскому Величеству
Императрице Александре Феодоровне >**

Пока бросает ураганами
Державный Вождь свои полки,
Вы наклоняетесь над ранами
С глазами полными тоски.

И имя Вашего Величества
Не позабудется доколь
Смиряет смерть любви владычество
И ласка утешает боль.

Несчастных кроткая заступница,
России милая сестра,
Где Вы проходите как путница,
Там от цветов земля пестра.

Мы молим: сделай Бог Вас радостной,
А в трудный час и скорбный час

---

¹⁵ Чудесное видение гражданам Костромы великомученика Феодора Стратилата в 1239 г. дало повод наименовать обретенную костромским князем икону Богоматери Феодоровской.

Да снизойдет к Вам Ангел благостный,
Как Вы нисходите до нас¹⁶.

*5-го гусарского Александрийского Вашего
Величества полка прапорщик
Николай Гумилев
7 июня 1916 г.*

Нарядное оформление альбома, изготовленного на хорошей плотной бумаге, в дорогом переплете, с золотым обрезом и позлащенными форзацами, соответствует подарку глубоко символическому – четыре раздела ежедневника формируют годовой круг по временам года, внутри которого движение времени течет по месяцам и дням. Красочные шмуцтитуты отделяют начала двенадцати небольших календарных глав книги, по месяцам, в соответствующем оформлении. На последнем листе альбома присутствует перечень имен художников-оформителей (двенадцать человек), принимавших участие в издании. Однако мы не знаем имени составителя альбома, между тем, как показал анализ текста, подборка включенных в него стихотворений вовсе не случайна, каждое стихотворение наполнено глубоким смыслом.

Выбирая дату 6 мая – день своего рождения, на с. 163 альбома оставляет запись Государь Император Николай II: «Папа. Июль 1912. Рейдъ Штандартъ». На этот день в альбоме предложены стихотворения Г.Р. Державина и гр. А.А. Голенищева-Кутузова: Я князь – коль мой сияет дух / Владелец – коль страстьми владею. / Боярин – коль за всех болею, / Царю, закону, Церкви друг¹⁷.

А вот второе четверостишие, принадлежащее перу графа Кутузова [7]. Оно следует за стихотворением Державина на том же листе: Чтоб горю земному и дольным слезам / Никогда не достичь до него...

Вчитываясь в стихотворение Державина, не перестаешь удивляться точному соответствию поэтического образа – как будто издатель предугадал день 6 мая, заполнив страницу возвышенными строками великого поэта. Следует отметить, что поэзии А.А. Голенищева-Кутузова¹⁸, любимого поэта Александра III, в альбоме уделено много внимания. Один из шедевров этого поэта вполне мог бы, как мы полагаем, стать эпиграфом и к данной статье, и к альбому Анастасии, рассматриваемому нами в ответах грядущих событий:

Не спорь и не борись с враждующей судьбой /
Не унижай души мольбами и стенаньем /

---

¹⁶ Посвящение Н.С. Гумилева императрице вписано в ее альбом [11].

¹⁷ Гавриил Державин. Вельможа (1794).

¹⁸ Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848–1913), граф, гофмейстер, поэт, управляющий Дворянским земельным и поземельным банками (1889–1895), позднее – управляющий канцелярией императрицы Александры Феодоровны. В 1891 г. избран в состав Российской академии наук.

Внимай житейский шум с поднятой головой /
На праздный крик толпы ответствуя молчаньем /
В молчанье кроется таинственная власть /
Поруганный Христос был нем перед Пилатом/
И Бога обрела земная, злая страсть /
В Его безмолвии – пронзённом и распятом
<граф Голенищев-Кутузов, сер. 1890-х гг.>

Несколько раз встречаются в альбоме стихи А.А. Хомякова – они, например, связаны с автографами Е.С. Боткина (на день 27 мая) и Кати Зборовской¹⁹ (на день 24 ноября).

По жестким глыбам сорной нивы
С утра, до истощенья сил,
Довольно, пахарь терпеливый,
Я плуг тяжелый свой водил.
Довольно дикою враждою
Боролся крепкой я борьбою...
Я утомлен, я утомлен.
Пора на отдых. О дубравы!
О тишина полей и вод
И над оврагами кудрявый
Ветвей сплетающийся свод!
Хоть раз один в тени отрадной,
Склонившись к звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной,
Вдохнуть вечернюю струю.
Стереть бы пот дневного зноя!
Стряхнуть бы груз дневных забот!..
«Безумец, нет тебе покоя,
Нет отдыха: вперед, вперед!
*Взгляни на ниву; пашни много,
А дня не много впереди.
Вставай же, раб ленивый бога!
Господь велит: иди, иди!*²⁰
<...> Иду свершать в труде и поте
Удел, назначенный Тобой;

---

¹⁹ Екатерина Зборовская (1898–1927), ближайшая из подруг великих княжон, через которую осуществлялась переписка с офицерами Конвоя. Судьба ее прослеживается по «Книге Памяти жертв политический репрессий по Краснодарскому краю» (т. 3): ЗБОРОВСКАЯ Екатерина Эрастовна русская, беспартийная, грамотная, медсестра-регистратор тубинститута. Проживала: г. Краснодар. Арестована 12.06.1927 г. Предъявленное обвинение: «ст. 58/10 УК РСФСР». Приговорена тройкой при ПП ОГПУ СКК и ДССР 18.08.1927 г. к ссылке в Среднюю Азию сроком на 3 года. Реабилитирована 27.06.2001 г. на основании Закона РСФСР от 18.10.1991 г.

²⁰ Здесь и далее курсивом выделены строки, отпечатанные в альбоме Анастасии (разметка наша. – Т.И.)

И не сомкну очей в дремоте,
И не ослабну пред борьбой.
Не брошу плуга, раб ленивый,
Не отойду я от него,
Покуда не прорежу нивы,
Господь, для сева Твоего²¹

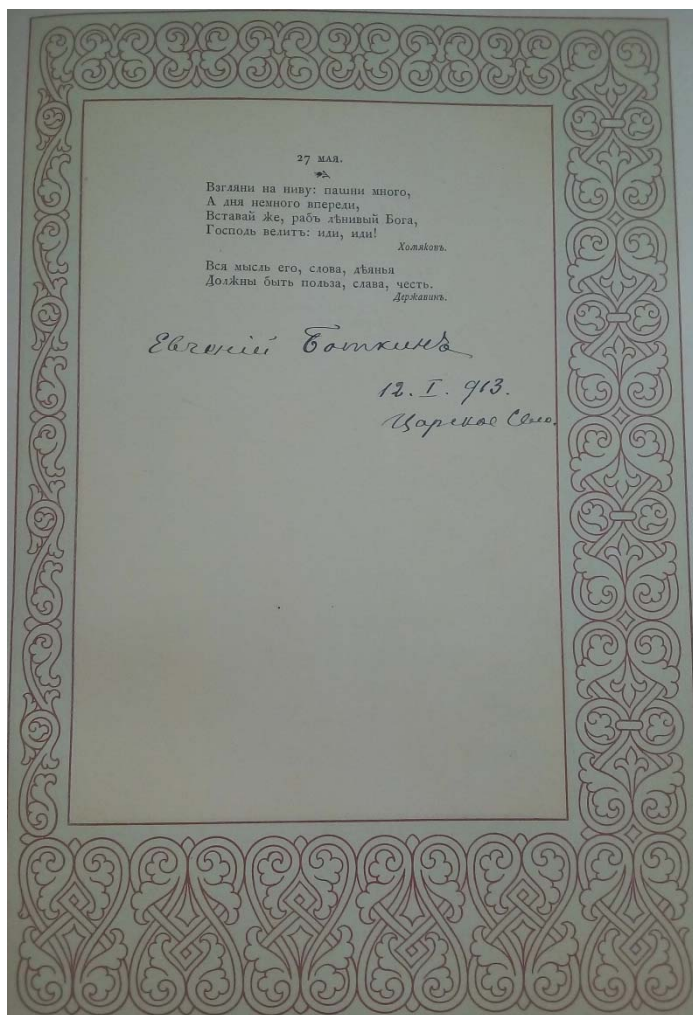
<подпись: «Евгений Боткин. 12.1.1913. Царское село»)

Портрет Е.С. Боткина (27.05 1865–17.07.1918)

---

²¹ Стихотворение Алексея Хомякова «Труженик» (1858).

Автограф лейб-медика Е.С. Боткина.
Запись сделана 12.01.1913 г. в Царском Селе

Певец-пастух на подвиг ратный
Не брал ни тяжкого меча,
Ни шлема, ни брони булатной,
Ни лат с Саулова плеча;
Но, духом Божиим осенённый,
Он в поле брал кремень простой –
И падал враг иноплемённый,
Сверкая и гремя бронёй.

И ты – когда на битву с ложью
Восстанет правда дум святых –

*Не налагай на правду Божью
Гнилую тягость лат земных.
Доспех Саула ей окова,
Саулов тягостен шолом:
Её оружие – Божье слово,
А Божье слово – Божий гром!*²²

<подпись: «24 ноября 1898 г. Е. Зборовская»>

На день 14 июня сделана запись великой княжной Марией. Ей выпало два четверостишия – из комедии Н.И. Хмельницкого²³ и стихотворения князя П.А. Вяземского. Показательно, что в альбом включены отрывки русской драматургии. Помимо Хмельницкого, некогда популярного в русском обществе, в альбоме мы дважды также видим четверостишия из бессмертной комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» – эти стихи «выпали» вдовствующей императрице Марии Феодоровне («бабушке») и графине Анастасии Васильевне Гендриковой («Настеньке»).

*Зови меня вандалом:
Я это имя заслужил.
Людьми пустыми дорожил!*

(реплика Репетилова из 4-го действия).

*Ах, батюшка! Нашел загадку:
Не весел я!.. В мои лета
Не можно же пускаться мне в присядку*

(реплика Фамусова из 2-го действия).

Любовь Анастасии к театральным пьесам и домашним постановкам засвидетельствована воспоминаниями знавших ее людей. Здесь вспоминается одно из редких писем княжны матери, датированное 1910 г., в котором выражено желание иметь «книгу, в которой можно писать небольшие пьесы для детей, которые можно представлять». Вот текст этого, чудом сохранившегося письма:

На мой день рождения я хотела бы получить игрушечные расчески (для своих кукол. – *И.Т.*), машину для письма, икону Николая Чудотворца, какой-нибудь наряд, альбом для наклеивания с картинками, потом еще большую кровать, какая была у Марии в Крыму. Я хочу настоящую собаку, корзину для использованной бумаги, когда я пишу какую-нибудь книгу или что-то другое... Еще книгу, в которой можно писать небольшие пьесы для детей, которые можно представлять [12. С. 204] (с ссылкой на публ.: [13]).

²² Стихотворение Алексея Хомякова «Давид» (1841).

²³ Хмельницкий Н.И. (1789–1845), русский драматург, в период Отечественной войны 1812 г. – адъютант М.И. Кутузова. В 1829–1837 гг. – смоленский губернатор, автор популярных пьес.

Вернемся, однако, к составу поэтического сборника Анастасии. На день 25 мая в альбоме предложено стихотворение Каролины Павловой, под которым оставляет свою запись государыня императрица: «Мама. 23 июля 1912. Штандартъ»:

Мы, в коих ныне силы мало,
Чтоб настоящее нести, —
Мы опускаем покрывало
На все, что душу волновало,
И шепчем тихое: прости!²⁴

На день 6 апреля (л. 63 об.) в альбом внесена еще одна запись с именем «Мария», однако это не повторный автограф великой княжны (ее день рождения приходится на 14 июня и отмечен отдельной записью). Календарная дата л. 63 указывает на день рождения дочери вел. кн. Павла Александровича, вел. кн. Марии Павловны младшей²⁵, воспитанницы вел. кн. Сергея Александровича и вел. кн., прпмчч. Елисаветы Феодоровны:

В ней детских лет чистосердечных
И не по летам зрелый ум,
Сует ей чужды скоротечность
И блеск, и шум
*Но что красой она владеет,
Но что мила, но что умна,
О том понятия не имеет — она одна*

< Кн. П.А. Вяземский >²⁶

Вообще, надо отметить, что поэзии П.А. Вяземского в альбоме уделено много внимания, как и поэзии А.А. Голенищева-Кутузова. Известно, что многие стихи Вяземского были посвящены императрице Марии Александровне (1824–1880). Стихи Вяземского мы видим и под числом 25 мая — день рождения государыни императрицы (это второе четверостишие на данной странице):

Молись! Даёт молитва крылья
Душе, прикованной к земле,
И высекает ключ обилья
В заросшей тернием скале.
Она — покров нам от бессилья.
Она — звезда в юдольной мгле.

---

²⁴ Павлова К.К. «Люблю я вас, молодые девы». Опубл.: [14].

²⁵ Мария Павловна младшая (6 (18) апреля 1890 — 13 декабря 1958), великая княжна, позже — княгиня, дочь великого князя Павла Александровича и греческой принцессы Александры Георгиевны. Внучка Александра II по отцовской линии. Ее запись на день рождения 6 апреля сделана в Петергофе 13 июля 1914 г.

²⁶ Стихотворение встречается достаточно редко, и нам не сразу удалось отыскать его в поисковых системах интернет-пространства.

...Молись, когда змеей холодной
 Тоска в твою проникнет грудь;
 Молись, когда в степи бесплодной
 Мечтам твоим проложен путь,
 И сердцу, сироте безродной,
 Приюта нет, где отдохнуть.
 <...>

Молись, молись! Души все силы
 В молитву жаркую излей,
 Когда твой ангел златокрылый,
 Сорвав покров с твоих очей,
 Укажет им на образ милый,
 Уж снившийся душе твоей <...>.

Поэзия Вяземского присутствует и на листе альбома с датой 14 июня – это день рождения великой княжны Марии Николаевны (1899–1918), и на странице с числом 3 мая – день рождения Пьера Жильяра (запись любимого учителя царских детей сделана 24 апреля 1914 г. в Ливадии), а также на странице графини Анастасии Васильевны Гендриковой:

Над кем судьбина не шутила?
 И кто проказ ее не раб?
 Слепая приговор скрепила –
 И с бала я попал в ухаб!
 <Ухаб, 1818 >

У всякого дурачество свое!
 Поверь, всё к лучшему судьбы определили,
 И не сердись на глупости людей:
 Глупцы подчас нам умников нужней,
 Без них смеяться бы забыли!
 <В альбом Неелову, 1815>

Да и подпись самой Анастасии («Я», выведенное рукою маленькой великой княжны на дату 5 июня) также стоит по стихами Вяземского (первое четверостишие):

С душою робкою, к признанию готовой
Смирялся пред судьбой и вновь дружусь с пером.
 <К перу моему, 1816>

На тот же день 5 июня, являющийся днем рождения Анастасии, помещены стихотворения А.К. Толстого и А.В. Кольцова.

Тебя забыть²⁷ не мыслил я тогда,
Но образ твой светил мне как звезда,

---

²⁷ В оригинале: *тебя добыть*.

Приковывал мои невольно взоры
И в шуме битв, в пылу кипящих сил,
Я, рыцаря заслуживая шпоры,
Тебе, царевна, мысленно служил!

<А.К. Толстой. Царь Борис, 1868–1869>

Она и я – различные два мира в одну гармонию слились

<А.В. Кольцов. Примирение, 1838>

Подпись цесаревича на л. 133 с датой 30 июля 1912 г. – «Алексѣй» – также под стихами князя Вяземского:

*И чувство, брошенное скрытно,
Залогом жизни в нашу грудь
Всегда одно и первобытно,
Чем было, тем оно и будь!
Скажите мне: дыханье розы,
Рев бури, гул морской волны,
Веселья сердца, сердца слезы,
Улыбка первая весны,
В часы полночного молчанья
Звездами вытканная твердь,
Святые таинства созданья:
Рожденье, жизнь, любовь и смерть
И всё, что жизни нам дороже,
Чем нам дано цвести, скорбеть,
Не так же ль всё одно и то же,
Как было, есть и будет впредь?*

<К Языкову, 1833>

Записи с именами писавших в альбом Анастасии в период 1916–1917 гг., как уже было отмечено ранее, принадлежат преимущественно раненым Феодоровского лазарета, русским офицерам и казакам Собств. Е.И.В. Конвоя:

30 октября. День рождения Виктора Зборовского

*О родина! в снежных сугробах играй
Назло полуночной судьбе.
Без роскоши солнца, без неги твой край,
Народ твой с природой в борьбе;
Но крепость и волю дарует борьба,
Но дух возвышает она.
Морозная ночь! полнолунная ночь!
Ты сил богатырских полна!*
<В.И. Туманский. Мысль о Севере, 1830–1831²⁸>

---

²⁸ Василий Иванович Туманский (28 февраля (11 марта) 1800, Шевченково – 23 марта (4 апреля) 1860) – русский чиновник и поэт пушкинского времени. Внук В.Г. Туманского.

**14 сентября. Запись офицера А. Миллера
(Феодоровский лазарет, 5 апреля 1916 г.)**

*Молю, да Слово Силы грянет
Да скажешь «Встань!» душе моей –
И, мертвая, из гроба встанет
И выйдет в Свет Твоих лучей
И оживет – и величавый
Ея хвалы раздастся глас:
Тебе – Сиянью Отчей Славы!
Тебе – умершему за нас!*

<А.С. Хомяков. Воскрешение Лазаря, 1852>

Принято считать, что великая княжна Анастасия в 1917 г. уничтожила все свои дневниковые записи [12. С. 543, 565], а существование данного поэтического дневника-альбома было до времени сокрыто от посторонних глаз²⁹. Только сегодня он становится предметом всестороннего изучения и историко-филологического анализа. Календарная череда записей Альбома Анастасии, включающая имена, даты, события, виртуальные биографии упомянутого именослова и поэтической смысловой контент, позволяет видеть в альбоме-календаре младшей дочери русского царя уникальный фактографический источник, обладающий несколькими уровнями прочтения, актуализированный в связи с трагическими событиями июля 1918 г., произошедшими в Екатеринбурге сто лет назад. Прошлое, связанное с царской смеей, запечатленное в альбоме, описаниях очевидцев, встает перед глазами галереей образов микроистории, малоизвестными гранями повседневности, обыденности частной жизни семьи последнего императора России, усиливая «человеческим» измерением трагические интонации в осмыслении её судьбы и беспощадности революционного права, напоминая современному российскому обществу о пагубности исторического беспамятства.

Литература

1. Исаченко Т.А. Редкие рукописи Царской семьи и великой княгини Елисаветы Феодоровны в собрании Дворцовых библиотек Российской государственной библиотеки // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 2 (22). С. 45–80. DOI: 10.24411/2224-5391-2018-10202.
2. Исаченко Т.А. Неизвестный альбом великой княжны Анастасии. 1912–1917 гг. // Культурное наследие России. 2018. № 3. С. 61–81.
3. Исаченко Т.А. Альбом-календарь Анастасии как мегатекст: опыт многоуровневого прочтения памятных записей // Культурное наследие России. 2018. № 4. С. 34–50.

²⁹ Опираясь на устное сообщение, полученное от хранителей Отдела рукописей, можно предположить, что фонд Дворцовых библиотек формировался из трофейных поступлений послевоенного времени.

4. Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне : очерки военной подготовки и первоначальных планов: по архивным документам: [планы войны]. М., 1926 425 с.
5. Галушкин Н.В. Собственный Е.И.В. Конвой; Гвардейский дивизион / Стрелянов П.Н. (Калабухов). М., 2008. 590 с.
6. Ден Ю.А. Подлинная царица. М., 2009. 304 с.
7. Плотников И.Ф. Генерал-адъютант, граф И.Л. Татищев как «источник» в поисках советскими спецорганами сокровищ царской семьи // Екатеринбургская трагедия и современность: материалы науч.-богослов. конф., 19–21 июля 1999 г. / сост. М.В. Смелянская. Екатеринбург, 2000. С. 47–58.
8. Мария Павловна, вел. кнг. Воспоминания великой княжны = Education of a Princess : страницы жизни кузины Николая II, 1890–1918. М., 2006. 382 с.
9. Варламов А.Н. Булгаков: роман-биография // Москва. 2008. № 4. С. 3–69.
10. «В XX веке с нами произошло нечто ужасное» (интервью с руководителем Центра «Возвращённые имена» при Российской национальной библиотеке А.Я. Разумовым. URL: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?page=razumov_anatoliy
11. Степанов Е.Е. Поэт на войне – Николай Гумилев – 1914–1918. М., 2014. 846 с.
12. Раннапорт Х. Дневники княжон Романовых: Загубленные жизни / [пер. с англ. А. Мовчан]. М., 2018. 204 с.
13. Тумов И.В. ОТМА: Несколько слов о великих княжнах Ольге, Татьяне, Марии и Анастасии Николаевнах // Дворянское собрание. 1996. № 4. С. 28–45.
14. Павлова К.К. Собрание сочинений // Каролина Павлова; ред., [предисл.] и материалы для биогр. К. Павловой Валерия Брюсова. М., 1915. Т. 1–2. 336 р.

The Personal Album of Grand Duchess Anastasia Nikolaevna: A Poetic Anthology or a Memoir Book?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 67. 245–267. DOI: 10.17223/19986645/67/13

Tatiana A. Isachenko, Russian State Library (Moscow, Russian Federation). E-mail: isachenko33@yandex.ru

Keywords: Grand Duchess Anastasia, royal passion bearers, autographs, poetic album, collection of Palace libraries of Russian State Library.

The article states that the book *Duma za Dumoy* [Thought After Thought] (Moscow, 1895), presented to Grand Duchess Anastasia, the youngest daughter of the last Russian Emperor, on her eleventh birthday, is not only a poetic anthology, a personal album, but also a memoir book. The aim of the article is to draw attention to the rare factual source that has fallen out of historians' and philologists' field of view. It is generally believed that Grand Duchess Anastasia destroyed all her journals in 1917, and the history of how the book appeared in the Lenin Library is not fully clarified. It has been determined that Anastasia filled the journal from 1912 to 1917, the records and dates in it cover four pre-revolutionary years, and the last record was made in Tobolsk. The overlap of dates, names, poetic images, and events allows considering the journal as a megatext, whose polyphony shows topics relevant for today. The content of the album, its 114 records with autographs of all the royal martyrs and persons from the inner circle of the royal family are analysed. The poetic composition of the album and all the intersections of its unique content are examined. The texts reflect the character of the epoch, they also contain prophecies about the fate of the Empire and the dynasty. The analysis of the autographs allowed reconstructing an almost complete list of those who left their names in the "memoir book". The comparison of these names with known birth dates helped identify the basic principle of filling the journal: autographs are timed to the birthdays of the writers. The overlap of dates and semantic coincidences immerse the reader of the journal into the atmosphere of historical providentialism. The book includes the repertoire of the Golden 19th-century Russian

literature, which for seven years influenced the formation of her soul. The article allows looking at the journal of the little duchess as at a source of inspiration and joy: it filled the soul of the child with bright images that formed the taste and ideas about the beautiful. Contrary to the popular opinion about the spiritual hunger of the children of the grand ducal families in palaces, the album that we hold in our hands and that Anastasia was inseparable with for seven years says the opposite. Filled with beautiful Russian poetry, it contributed to the formation of the soul of the young duchess, exalting her light, which she later abundantly shared with others. The history of Anastasia's album is connected with the solution of its secrets. The calendar principle of the organisation of the text sets the appropriate rhythm to the journal, and its pages, according to the epigraph, are "filled with the memory of the heart". The poetic component of Anastasia's journal gives a clear idea of the role assigned to this unusual book in the formation of the personality of the younger grand duchess. Today, the texts in the album can be considered as an anthology: turning its pages, Anastasia both played and studied. The author assumes that, during the difficult years of deprivation, the journal was a commemoration book for Anastasia. It reminded of those with whom the revolution separated her, whom she cherished in her heart and remembered. Today, Anastasia's journal is also a martyrology of the innocently murdered, tortured, repressed, and expelled from their homeland.

References

1. Isachenko, T.A. (2018) Rare manuscripts of members of the Romanov family in the collection of the palace libraries of the Russian state library. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii – Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*. 2 (22). pp. 45–80. (In Russian). DOI: 10.24411/2224-5391-2018-10202
2. Isachenko, T.A. (2018) The unknown album of Grand Duchess Anastasia. 1912–1917. *Kul'turnoe nasledie Rossii – Cultural Heritage of Russia*. 3. pp. 61–81. (In Russian).
3. Isachenko, T.A. (2018) Memorable recordings as megatext: experience of a multilevel reading album-calendar of Grand Duchess Anastasia. *Kul'turnoe nasledie Rossii – Cultural Heritage of Russia*. 4. pp. 34–50. (In Russian).
4. Zayonchkovskiy, A.M. (1926) *Podgotovka Rossii k imperialisticheskoy voyne: ocherki voennoy podgotovki i pervonachal'nykh planov: po arkhivnym dokumentam: [plany voyny]* [Russian Preparations for an Imperialist War: Essays on military training and initial plans: from archival documents: [war plans]]. Moscow: GLZ.
5. Galushkin N.V. & Strelyanov, P.N. (2008) *Sobstvennyy E.I.V. Konvoy / Gvardeyskiy divizion* [His Imperial Majesty's Own Convoy / Guards Division]. Moscow: Tsentrpoligraf.
6. Den, Yu.A. (2009) *Podlinnaya tsaritsa* [The Real Tsarina]. Moscow: Veche.
7. Plotnikov, I.F. (2000) [Adjutant General, Count I.L. Tatishchev as a "source" in the search for treasures of the royal family by the Soviet special agencies]. *Ekaterinburgskaya tragediya i sovremennost'* [Yekaterinburg tragedy and the present:]. Proceedings of the Scientific and Theological Conference. Yekaterinburg. 19–21 July 1999. Yekaterinburg: Akademkniga. pp. 47–58. (In Russian).
8. Maria Pavlovna, Grand Duchess. (2006) *Vospominaniya velikoy knyazhny: stranitsy zhizni kuziny Nikolaya II, 1890–1918*. [Memoirs of the Grand Duchess: Pages from the Life of Nicholas II's Cousin, 1890–1918]. Moscow: Tsentrpoligraf.
9. Varlamov, A.N. (2008) Bulgakov. Roman-biografiya [Bulgakov. Biography Novel]. *Moskva*. 4. pp. 3–69.
10. Varaksina, D. (2014) Anatoliy Yakovlevich Razumov: interv'yū. "V XX veke s nami proizoshlo nechto uzhasnoe" [Anatoliy Yakovlevich Razumov: an interview. "Something terrible happened to us in the 20th century"]. *Sinergiya*. [Online] Available from: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?page=razumov_anatoliy.
11. Stepanov, E.E. (2014) *Poet na voyne. Nikolay Gumilev. 1914–1918* [Poet at War. Nikolay Gumilyov. 1914–1918]. Moscow: Progress-Pleyada.

12. Rappaport, H. (2018) *Dnevniky knyazhon Romanovykh. Zagublennye zhizni* [Diaries of the Romanov Princesses. Ruined Lives]. Translated from English by A. Movchan. Moscow: Eksmo.

13. Titov, I.V. (1996) OTMA: Neskol'ko slov o velikikh knyazhnakh Ol'ge, Tat'yane, Marii i Anastasii Nikolaevnakh [OTMA: A few words about the Grand Duchesses Olga, Tatiana, Maria and Anastasia Nikolaevnas]. *Dvoryanskoe sobranie*. 4. pp. 28–45.

14. Pavlova, K.K. (1915) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vols 1–2. Moscow: Izdatel'stvo K.F. Nekrasova.

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/67/14

Е.Г. Новикова

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И СИБИРСКОЕ ОБЛАСТНИЧЕСТВО СТАТЬЯ ВТОРАЯ¹

На материале «Воспоминаний» Г.Н. Потанина, книги Н.М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке» и других работ сибирских областников показан существенный вклад петрашевцев в формирование и развитие сибирских областнических взглядов и идей. Особое место в статье занимает вопрос о восприятии областниками Ф.М. Достоевского преимущественно как петрашевца: специально исследовано влияние его книги «Записки из Мертвого дома» на публицистику раннего сибирского областничества.

Ключевые слова: Г.Н. Потанин, «Воспоминания», Н.М. Ядринцев, «Русская община в тюрьме и ссылке», Ф.М. Достоевский, «Записки из Мертвого дома», С.Ф. Дуров, петрашевцы, сибирское областничество.

Широко известен, разнообразно и многоаспектно изучен тот колоссальный вклад, который внесли в развитие Сибири декабристы.

В настоящее время также подробно описано и то, что именно жены декабристов встретили в Сибири сосланных петрашевцев, окружили их заботой и вниманием [1]. Как писал Ф.М. Достоевский брату Михаилу 30 января – 22 февраля 1854 г., «ссылные старого времени (то есть не они, а жены их) заботились о нас, как об родне. Что за чудные души, испытанные 25-летним горем и самоотвержением. Мы видели их мельком, ибо нас держали строго. Но они присылали нам пищу, одежду, утешали и ободряли нас» [2. Т. 28¹. С. 169].

Петрашевцы, в свою очередь, также сыграли важную роль в развитии сибирского края. Однако современные представления об их влиянии и вкладе в сибирскую жизнь нуждаются в дальнейшем изучении и уточнении.

Духовный лидер сибирского областничества, великий сибирский энциклопедист [3], Г.Н. Потанин последние 20 лет жизни провел в Томске. На этом последнем этапе творчества он написал «Воспоминания» [4, 5], вобравшие в себя богатейший материал его разнообразной жизни, его научный, социокультурный и политический опыт.

На «Воспоминаниях» Потанина «лежит отсвет его областнических тенденций», – указывает Н.Н. Яновский [6. С. 8].

При этом Потанин неоднократно в своих «Воспоминаниях» обращается к петрашевцам, подчеркивая, что именно они сыграли ключевую роль в

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90020\19.

формировании его мировоззрения; однако этот материал крайне редко вводится в специальный научный оборот.

В этом смысле особое место в структуре «Воспоминаний» занимает четвертая часть под названием «Колония и метрополия». Она посвящена переломному моменту развития молодого Потанина – моменту формирования его как сибирского мыслителя и деятеля, собственно говоря, самому моменту первоначального оформления концепции сибирского областничества. «Мы были молоды, бескорыстны и <...> думали об общем деле» «сибирского движения, которым уже веяло в воздухе» – так характеризует этот период сам Потанин [4. С. 119].

Новаторский характер событий и явлений, описываемых в четвертой части, подчеркивается, прежде всего, самим ее названием «Колония и метрополия».

Первые три части «Воспоминаний» – это своеобразное «Детство», «Отрочество», «Юность» молодого сибирского казака Григория Потанина: первая часть – «Детство» мальчика, рожденного и воспитанного в среде сибирского казачества; вторая часть «В кадетском корпусе» посвящена его пребыванию в Сибирском кадетском корпусе; в третьей части «В казачьей службе» рассказывается о военной службе Потанина на Алтае и в Омске в чинах хорунжего и командира казачьей сотни. Потанин предстает здесь молодым человеком, целиком и полностью сформированным средой сибирского казачества и совершенно разделяющим ее цели и ценности.

На этом фоне название четвертой части носит качественно иной – проблематизирующий – характер: важнейшая для формирующегося сибирского областничества проблематика «Сибири как колонии» [7] принципиально соотнесена здесь с общим политическим и социокультурным контекстом российской «метрополии». Более того, это проблемное название уникально для «Воспоминаний» в целом, поскольку все последующие части вновь названы вполне описательно: «Университет», «Возвращение в Сибирь», «В Петербурге. В ссылке» и пр.

Именно в части «Колония и метрополия» Потанин дает развернутые характеристики мыслителям и деятелям, сыгравшим, с его точки зрения, важную (пусть и разную) роль в развитии сибирского самосознания, – это М.А. Бакунин, Н.С. Щукин, Н.М. Ядринцев...

Но особое место отведено здесь петрашевцу С.Ф. Дурову.

В 1856 г. Потанин был переведен в Омск на службу в Войсковое правление. «Омск, сравнительно с Антоньевском (станция Антоньевская на Алтае. – Е.Н.), это – столица. Там много интеллигентных людей, там больше книг; кабинетные разговоры интереснее, развлечения поучительнее» [4. С. 75].

Так, важный вопрос, активно обсуждавшийся в Омске во второй половине 1850-х гг., – крепостное право и назревшая необходимость его отмены. «В патриархальном Алтае и в десять лет я не узнал бы того, что узнал в Омске за один год. В это время журналам разрешено было обсуждать крепостной вопрос, а я до приезда в Омск не знал, что такое крепостные кре-

стьяне <...> так как в Сибири крепостного сословия не было, то я не имел случая непосредственно столкнуться с этим злом» [4. С. 119]. Тема «колонии и метрополии» в понимании формирующегося сибирского областничества проявилась здесь предельно наглядно: в Сибири не было крепостного права, но эта проблема метрополии должна была быть изучена и осмыслена в колонии – в конечном счете во имя ее собственного дальнейшего плодотворного развития.

Говоря об омской интеллигенции, Потанин имел в виду, прежде всего, известную в Сибири семью Капустиных: «В Омске был дом Капустиных, который имел большое значение для внутренней жизни города <...> Капустин <...> был один из видных чиновников в Омске ³¹ <...> Самое интересное лицо в этом доме была жена Капустина, урожденная Менделеева Екатерина Ивановна³² <...> В гостиной Катерины Ивановны собирался цвет омской интеллигенции: молодые офицеры генерального штаба, чиновники главного управления, окончившие высшую школу, друзья сына Капустина Семена Яковлевича³³ и художники <...> политические ссыльные, как, например, петрашевец Дуров» [Там же. С. 81–82].

В 1857 г. Потанин познакомился с С.Ф. Дуровым и сблизился с ним. Познакомил их Ч.Ч. Валиханов; вот как описывает это Потанин: «Однажды он свёл меня к петрашевцу Дурову, и тут я в первый раз узнал, что существует особая порода людей, которых в Сибири называют “политики”» [3. С. 119].

Именно с влиянием Дурова Потанин связывает свой «духовный перелом» [4. С. 82]: «Дуров в один вечер совершил со мной метаморфозу: его речи были оглушительны, потому что происходили от человека, глубоко пострадавшего от николаевского режима. Мои взгляды совершенно перевернулись не только на Николая I, но и вообще на монархизм» [Там же. С. 120].

В рассказе Потанина крайне важна фигура Николая I. До знакомства с Дуровым молодой сибирский казак «благоговел перед императором Николаем I, в котором видел второго Петра Великого и поборника прогресса и европейских идей о политической свободе» [Там же]. В «Воспоминаниях» воспроизводится яркий художественный образ императора, созданный в военной среде: «Очарованные императором армейцы рассказывали о его повелительном голосе; его команда, отданная спокойно, ясно, проносилась по всей площади до крайних ее углов. Взгляд его был пронизателен. Говорили про него, что он был хороший ценитель живописи и знаток музыки» [Там же].

Этот образ Николая I после рассказов Дурова «оказался опрокинутым вверх дном» [Там же]. Петрашевец смог поколебать даже представления об императоре как об истинном ценителе искусства: «Дуров знал знаменитого

---

³¹ Яков Семенович Капустин (1797–1859) – «начальник отделения Главного управления Западной Сибири» [3. С. 310].

³² Екатерина Ивановна Капустина (1818–1901), урожд. Менделеева, сестра Д.И. Менделеева.

³³ Семен Яковлевич Капустин (1828–1891) – сын Я.С. Капустина от первого брака.

композитора Глинку, оперу которого Николай ненавидел. Глинка не выносил глаз императора. “Не могу видеть эти оловянные глаза”» [4. С. 120]. Очевидно, что в основе этой истории Дурова о М.И. Глинке и Николае I – известное сложное отношение императора к операм композитора: так, авторские названия оперы «Иван Сусанин» / «Смерть за царя» он заменил на «Жизнь за царя», а премьеру «Руслана и Людмилы» вообще демонстративно покинул во время спектакля.

Произошел действительно «духовный перелом» молодого сибиряка, сформированного средой сибирского казачества: «Мой казачий патриотизм охладел, я превратился в сибирского патриота», – пишет он [Там же. С. 83]. Более того, в определенный момент он беспрецедентно называет себя «петрашевцем»: «...после свидания с Дуровым я сделался петрашевцем» [Там же. С. 81]; «сибирский патриот» и «петрашовец» здесь у Потанина – синонимы.

Сибирские областники, «разбуженные», по известному выражению, в 1850-х гг. петрашевцами, в 1860-х гг. самым непосредственным образом повторили их сибирскую судьбу. Арестованные в 1865 г. за «сибирский сепаратизм» [8], они три года провели в Омском остроге в ожидании приговора [9. С. 321] – там, где до них в 1850-е гг. отбывали каторгу петрашевцы С.Ф. Дуров и Ф.М. Достоевский.

И если рассказ о Дурове вошел в «Воспоминания» Потанина, то сибирский образ Достоевского и областнические размышления о нем принадлежат прежде всего Н.М. Ядринцеву, который прямо называл себя «собратом» великого русского писателя «по духу и судьбе» [Там же. С. 59].

Программной в этом смысле стала статья Ядринцева «Достоевский в Сибири» (1897) [10], к которой мы уже обращались в первой статье данного цикла [11. С. 190–191]; сопоставительный анализ позиций Ядринцева и Достоевского см. также: [12].

«Собрат по судьбе» – по общей судьбе заключенных омского острога. Ядринцев это подчеркивал неоднократно. Именно этой темой начинается его статья «Достоевский в Сибири»: «На окраине русской земли, в отдаленной и забытой Сибири, на границе Киргизской степи стоит небольшой уездный город Омск <...> В нем находится старая упраздненная крепость с осыпавшимися валами. На углу ее на память сохранилась старая каторжная казарма, обнесенная частоколом. Это бывшее когда-то военно-каторжное отделение, впоследствии арестантские роты. Здесь когда-то провел несколько лет тяжелой жизни Ф. М. Достоевский. Несколько лет назад мы видели еще и этот частокол, и дворик, и казарму, увековеченные в «Мертвом доме» <...> Тогда-то передо мной среди этих размышлений и волнующих чувств еще резче выступила судьба Ф.М. Достоевского» [10. С. 58].

Статью Ядринцева отличает предельно обильное цитирование «Записок из Мертвого дома». Подробно описывая свои «первые минуты неволи» [Там же], он ссылается на впечатления Достоевского: «Помню первое утро мое в казарме...» [2. Т. 4. С. 22]. «Далее приводим следующие описания тюремных дней Достоевского» [10. С. 61], – пишет Ядринцев, цитируя «Записки из Мертвого дома» на нескольких страницах [Там же. С. 60–62].

Для областников «Записки из Мертвого дома» – «самое великое и лучшее произведение Достоевского» [10. С. 65]. По мысли Ядринцева, Достоевский как писатель был сформирован именно – и исключительно – каторгой: «Целый мир открывается здесь для чуткого сердца, личное горе было забыто, оно было бы слишком мелко и эгоистично и тонуло в море общечеловеческого несчастья. Здесь явилась и пробудилась у него мысль явиться изобразителем этой ужасной действительности, быть единственным ходатаем-заступником среды, к которой доселе существовало только чувство презрения и отталкивающего ужаса, которая лишена была сострадания и с которой проповедовалось самое жестокое зверское обхождение» [Там же. С. 63]. Ядринцев пишет о том, что каторжный опыт Достоевского не только определил все его творчество, но и составил его «лучшие страницы»: «Впечатление, полученное в тюрьме и на каторге, до того было сильно, что Достоевский никогда не забывал этого мира несчастных и всегда обращался к нему в романах, повестях и «Дневнике писателя», и это были лучшие, наиболее прочувствованные страницы» [Там же].

Наконец, специально подчеркивается эпохальное значение «Записок из Мертвого дома»: «Все знают, что издание «Записок из Мертвого дома» совпало с переломом в русской жизни, расширило мирозерцание общества и провело новую идею в художественных образах. Это идея спасения погибающих, идея страдания, любви, идея умиротворения, которая должна была войти в кровь и дух созидаемой жизни» [Там же].

Именно поэтому Ядринцев называет себя «собратом» Достоевского и «по духу». «Это испытывали все мы, спускавшиеся в мир тюрем для изучения несчастия», – говорит он о себе [Там же. С. 64]. Ядринцев мыслит себя наследником и продолжателем дела Достоевского в новую историческую эпоху России, и это дело, по мысли сибирского областника, – описание «мира несчастных», «идея спасения погибающих, идея страдания, любви, идея умиротворения».

Также оказавшись в омском остроге, Ядринцев вполне осознанно и целенаправленно продолжает традицию «Записок из Мертвого дома»: на омском материале он начинает писать книгу «Русская община в тюрьме и ссылке» [7].

Безусловно, омские условия жизни каторжников Достоевского и Дурова 1850-х гг. и заключенных под стражу в 1865 г. «сибирских сепаратистов», ожидающих решения Сената, несопоставимы.

Из «Воспоминаний» Потанина: «Камеры запирались только в начале нашего сидения в крепости, потом они были отворены в течение всего дня и запирались только на ночь. Заключенные выходили даже на платформу и тут разгуливали. Это была единственная либеральная гауптвахта в России <...> Нашим друзьям и знакомым в городе был свободный доступ к нам в камеры» [4. С. 214–215]. Также заключенным сибирякам «позволили получать свои книги и рукописи» [4. С. 214], в результате чего в омском остроге ими был написан целый ряд научных и публицистических работ.

Одной из них и стала книга Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке». Вновь «Воспоминания» Потанина: «Мы в Томске мучились в бесплодных догадках, каким образом и как достать материалы, чтобы обосновать наш протест против ссылки в Сибирь общественных отбросов европейской России <...> У нас с Ядринцевым тогда не было под рукой никаких конкретных фактов <...> В населении тюремного замка находилось много представителей челдонского и бродяжеского миров; тут можно было рассчитывать наткнуться на целый рудник того, чего мы искали, о чем тщетно мечтали» [4. С. 218].

Ядринцев воспользовался той определенной степенью свободы, которая обладали заключенные: «Как только по утрам открывались камеры, Ядринцев уходил на добычу и часто запирался в чужих камерах. Он завел множество знакомств и каждый вечер возвращался в свою камеру с запасом сведений и рассказов. Мы беседовали и обсуждали собранное. Эти материалы и составили потом содержание его книги «Русская община в тюрьме и ссылке», которую он написал уже во время ссылки, когда жил в Архангельской губ<ернии>, в городе Шенкурске, и тогда же издал в Петербурге» [Там же. С. 221]. С точки зрения Потанина, этот труд стал для Ядринцева судьбоносным: «Эта книга, посвященная самому кардинальному из сибирских вопросов, и решила судьбу Ядринцева, она закрепила за ним роль сибирского публициста, которой он остался верен до гроба» [Там же].

При этом Потанин вписывает «Русскую общину в тюрьме и ссылке» в определенный контекст: «Труд Ядринцева не был психологическим трактатом о жизни “мертвого дома”, вроде книг Достоевского и Мельшина [13], а первым сибирским памфлетом против ссылки» [Там же]. Так Потанин, пусть и на основе противопоставления, обозначает традицию, к которой восходит книга Ядринцева, – это «Записки из Мертвого дома» Достоевского (то же самое следует сказать и о книге П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина) «В мире отверженных»).

О высокой степени от-refлексированности самим Ядринцевым указанной традиции свидетельствует то, что он в своей книге неоднократно обращается к «Запискам из Мертвого дома», активно цитируя Достоевского и размышляя о нем.

Так, слова Достоевского – это самая первая введенная в текст книги Ядринцева цитата, он использует «Записки из Мертвого дома» уже во введении «От автора».

«От автора» Ядринцева закономерно начинается отсылкой к его собственному тюремному опыту: «Несколько лет тому назад автор этой книги имел случай близко познакомиться с миром преступников и с жизнью сибирских тюрем» [14. С. 45]. Тема «Мир преступников и жизни сибирских тюрем» сразу же выводит его к произведению Достоевского: «Недаром Ф.М. Достоевский, испытавший знакомство со старым русским острогом, воскликнул в конце своих наблюдений: “Сколько в этих стенах погребено молодости! Сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь надо уж все сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, быть мо-

жет, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего»³⁴ [14. С. 46]. Эти слова Достоевского Ядринцеву предельно дороги; он также цитирует их в статье «Достоевский в Сибири» [10. С. 64].

В «Русской общине в тюрьме и ссылке» в целом Ядринцев обращается к Достоевскому восемь раз, и тематический диапазон этих обращений очень широк, начиная от проблемы доноительства в русских и сибирских тюрьмах [14. С. 140–141] и заканчивая описанием тюремного фольклора [Там же. С. 151–152].

Однако главная мысль Ядринцева, связанная с традицией Достоевского, все та же – это «идея спасения погибающих, идея страдания, любви, идея умиротворения». Вот образец цитирования Ядринцевым «Записок из Мертвого дома»: «Уважение человеческого достоинства должно соблюдаться в тюрьме, как и везде. «Всякий, кто бы он ни был и как бы он ни был унижен, – говорит Ф.М. Достоевский в “Записках из Мертвого Дома”, – хотя и инстинктивно, хотя и бессознательно, а все-таки требует уважения к своему человеческому достоинству. Арестант сам знает, что он арестант, отверженец, и знает свое место пред начальником, но никакими клеймами, никакими кандалами вы не заставите забыть его, что он человек. А так как он действительно человек, то, следовательно, надо с ним и обращаться по-человечески. Боже мой! Да человеческое обращение может очеловечить даже такого, на котором давно уже потускнел образ Божий»³⁵. Эти слова не мешало бы крупными буквами вырезать для назидания смотрящих на стенах наших тюрем. Слова эти, выведенные из опыта, тем важнее, что они относятся к русскому арестанту. «Я видел, – добавляет г-н Достоевский, – какое действие производило человеколюбивое обращение на этих униженных: несколько ласковых слов – и арестанты воскресали нравственно»³⁶. Действительно, ничто не может оживить, сделать благодарной природу человека, как самое малейшее сочувствие во время его несчастья» [Там же. С. 380].

Безусловно, Ядринцев упрощает (в том числе и за счет не совсем точного цитирования) более сложную и глубокую картину, нарисованную Достоевским: если у него от «нескольких ласковых слов» арестанты «чуть не

---

³⁴ «И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь надо уже всё сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего» [2. Т. 4. С. 231].

³⁵ «Всякий, кто бы ни был и как бы он ни был унижен, хоть и инстинктивно, хоть бессознательно, а все-таки требует уважения к своему человеческому достоинству. Арестант сам знает, что он арестант, отверженец, и знает свое место перед начальником; но никакими клеймами, никакими кандалами не заставишь забыть его, что он человек. А так как он действительно человек, то, следовательно, и надо с ним обращаться по-человечески. Боже мой! Да *человеческое* обращение может очеловечить даже такого, на котором уже давно потускнел образ Божий» [Там же].

³⁶ «Я встречал таких добрых, благородных командиров. Я видел действие, которое производили они на этих униженных. Несколько ласковых слов – и арестанты чуть не воскресали нравственно» [Там же].

воскресали нравственно», то их воскресение в изложении сибирского мыслителя – однозначно и бесспорно: «...несколько ласковых слов – и арестанты воскресали нравственно». Во введении «От автора» Ядринцев формулирует следующие цели своего исследования: «автор <...> надеется, что его очерки не будут бесполезными в момент нашей тюремной реформы и могут пригодиться при разрешении хотя некоторых частных вопросов, возникающих при новом исправительном наказании. Искренним желанием автора было содействовать выработке рациональной системы исправления, которая бы, давая полные гарантии общественной безопасности, могла возможно более благоприятствовать перевоспитанию человека и его нравственному совершенствованию. Он надеется, что вводимая у нас новая исправительная система наказания более внимательно отнесется к судьбе преступника, внесет новые, гуманные взгляды в систему наказания и, содействуя исправлению наказуемой личности, снимет с нее хоть часть тех излишних страданий и горя, в существовании которых при прежней системе наказания иногда приходилось убеждаться горьким опытом» [14. С. 48]. Именно поэтому Ядринцев предлагает слова Достоевского о том, что с арестантом «надо... обращаться по-человечески», «крупными буквами вырезать для назидания зрителей на стенах наших тюрем»; и поэтому же – определенное упрощение позиции автора «Записок из Мертвого дома».

В целом рассмотренные в статье труды Потанина и Ядринцева неопровержимо свидетельствуют о том, что петрашевцы внесли существенный вклад в формирование и развитие сибирского областничества, его взглядов и идей. При этом в восприятии областников Достоевский навсегда, в сущности, остался только и именно петрашевцем.

Литература

1. Житомирская С.В. Встречи декабристов с петрашевцами // Декабристы-литераторы. II. Кн. 1. М. : Изд-во АН СССР, 1956. С. 615–628. (Литературное наследство. Т. 60, кн. 1).
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
3. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмысления личности. Томск, 2004. 208 с.
4. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 6 / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск, 1983. 274 с.
5. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 7 / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск, 1986. 344 с.
6. Яновский Н. О «Воспоминаниях» Г.Н. Потанина // Литературное наследство Сибири. Т. 6 / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд., 1983. С. 7–21.
7. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке: исследования и наблюдения над жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. СПб., 1872. 719 с.
8. Дело об отделении Сибири от России / публ. А.Т. Топчия, Р.А. Топчия ; сост. Н.В. Серебrenников. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 388 с.
9. Хроника жизни и творчества Г.Н. Потанина // Литературное наследство Сибири. Т. 7 / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск, 1986. С. 319–328.

10. Ядринцев Н.М. Достоевский в Сибири // Литературное наследство Сибири. Т. 5 / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск, 1980. С. 58–65.
11. Новикова Е.Г. Ф.М. Достоевский и сибирское областничество. Статья первая // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 59. С. 185–197.
12. Frank S. Zwei Konzeptualisierungen der russisch-sibirischen Lagerintimität im 19. Jahrhundert: N. Jadrincev und F. Dostoevskij // Wiener Slawistischer Almanach. 2005. Sonderband 62. S. 401–418.
13. Якубович П.Ф. (Л. Мельшин). В мире отверженных: Записки бывшего каторжника: [в 2 т.]. СПб. : Изд. ред. журн. «Русское богатство», 1896–1899.
14. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке / сост., авт. предисл. и примеч. С.А. Иникова ; отв. ред. О.А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2015. 752 с.

Fyodor Dostoevsky and Siberian Regionalism. Article Two

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 67. 268–277. DOI: 10.17223/19986645/67/14

Elena G. Novikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elennov@mail.ru

Keywords: Grigory Potanin, *Memoirs*, Nikolai Yandrintsev, *Russian Community in Prison and Exile*, Fyodor Dostoevsky, *Notes from a Dead House*, Sergey Durov, Petrashevtsy, Siberian regionalism (oblastничество).

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-012-90020/19.

Based on the materials from *Memoirs* by Grigory Potanin and *Russian Community in Prison and Exile* by Nikolai Yandrintsev, this article aims to illustrate the crucial role of the Petrashevtsy in forming Siberian regionalism (oblastничество) and analyse their contribution to shaping regionalism-related views and ideas. The Petrashevtsy played a key role in the development of Siberia. However, the present understanding of their contribution to the life in Siberia requires further study. Potanin, the leader of Siberian regionalism, repeatedly referred to the Petrashevtsy in his *Memoirs*, emphasizing the fact that it was the Petrashevtsy who played a crucial role in shaping his worldview; however, this material is rarely introduced into scientific discourse. Potanin's *Memoirs* gives special prominence to Sergey Durov, a member of the Petrashevtsy circle. According to Potanin, it was Durov who stipulated his spiritual turn: "I have become a Siberian patriot". In addition, at some point, he unprecedentedly called himself "a Petrashevtsy member": "after a meeting with Durov, I turned to the Petrashevtsy"; "Siberian patriot" and "a Petrashevtsy member" are synonyms in Potanin's text. Siberian regionalists (oblastniki) shared the fate of the Petrashevtsy in the most direct way. Arrested in 1865, they spent three years in Omsk prison waiting for the sentence at the place where Durov and Fyodor Dostoevsky, the Petrashevtsy members, served years of exile in the 1850s. The Siberian image of Dostoevsky and the thoughts about him in terms of Siberian regionalism were primarily shaped by Yandrintsev. In this respect, the article "Dostoevsky in Siberia" (1897) by Yandrintsev was the most significant. Siberian regionalists considered *Notes from a Dead House* to be the most outstanding and finest work by Dostoevsky. In Yandrintsev's opinion, it was exclusively exile that shaped Dostoevsky as a writer. When in Omsk prison, Yandrintsev rather deliberately continued the tradition of Russian prison writing initiated by *Notes from a Dead House*: based on the materials collected in Omsk prison, he wrote a book *Russian Community in Prison and Exile* (1872), in which where he repeatedly referred to *Notes from a Dead House* intensively quoting Dostoevsky and reflecting upon him. Thus, the works by Potanin and Yandrintsev analysed in the present article irrefutably demonstrate that the Petrashevtsy made a significant contribution to shaping and developing Siberian regionalism, its views and ideas. It is worth noting that Siberian regionalists always perceived Dostoevsky exclusively as a member of the Petrashevtsy.

References

1. Zhitomirskaya, S.V. (1956) Vstrechi dekabristov s petrashevtsami [Meetings of the Decembrists with the Petrashevists]. In: Vinogradov, V.V. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 60. Book 1. Moscow: USSR AS. pp. 615–628.
2. Dostoevskiy, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Leningrad: Nauka.
3. Sagalaev, A.M. & Kryukov, V.M. (2004) *Potantin, posledniy entsiklopedist Sibiri: Opyt osmysleniya lichnosti* [Potanin, the last encyclopedist of Siberia: An experience of understanding the personality]. Tomsk: Izdatel'stvo NTL.
4. Potanin, G.N. (1983) *Vospominaniya* [Memoirs]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 6. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoye izdatel'stvo.
5. Potanin, G.N. (1986) *Vospominaniya* [Memoirs]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoye izdatel'stvo.
6. Yanovskiy, N.N. (ed.) (1983) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 6. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoye izdatel'stvo. pp. 7–21.
7. Yadrintsev, N.M. (1872) *Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke: issledovaniya i nablyudeniya nad zhizn'yu tyuremnykh, ssyl'nykh i brodyazheskikh obshchin* [Russian Community in Prison and Exile: Research and Observation of the Life of Prison, Exiled, and Vagrant Communities]. Saint Petersburg: Tipografiya A. Morigerovskogo.
8. Serebrennikov, N.V. (ed.) (2002) *Delo ob otdelenii Sibiri ot Rossii* [The Case of the Separation of Siberia From Russia]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Yanovskiy, N.N. (ed.) (1986) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoye izdatel'stvo. pp. 319–328.
10. Yadrintsev, N.M. (1980) *Dostoevskiy v Sibiri* [Dostoevsky in Siberia]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 5. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoye izdatel'stvo. pp. 58–65.
11. Novikova, E.G. (2019) Fyodor Dostoevsky and Siberian regionalism. Article one. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 59. pp. 185–197. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/59/11
12. Frank, S. (2005) Zwei Konzeptualisierungen der russisch-sibirischen Lagerintimität im 19 Jahrhundert: N. Jadrincev und F. Dostoevskij. *Wiener Slawistischer Almanach*. 62. pp. 401–418.
13. Yakubovich, P.F. (L. Mel'shin). (1896–1899) *V mire otverzhenykh: Zapiski byvshego katorzhnika* [In the World of Outcast: Notes of a former convict]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo redaktsii zhurnala “Russkoe bogatstvo”.
14. Yadrintsev, N.M. (2015) *Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke* [Russian Community in Prison and Exile]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070.11

DOI: 10.17223/19986645/67/15

Д.В. Дунас, Е.А. Салихова, А.В. Толоконникова, Г.С. Филаткина

МОТИВЫ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА В МОСКВЕ, НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ, РОСТОВЕ-НА-ДОНУ³⁷

Представлены результаты опроса, проведенного среди учащихся вузов Москвы, Нижнего Новгорода и Ростова-на-Дону. Вопросы выявляли объемы потребления молодежью традиционных и новых медиа, а также причины, побуждающие студентов обращаться к конкретному медиа. Определяется мотивационная структура медиапотребления, ключевые позиции в которой занимают потребности, детерминированные социальной природой человека, – социализация и самоактуализация. Особое внимание уделяется социальным медиа, с которыми связаны такие практики молодежи, как коммуникация, социальное взаимодействие и самопрезентация.

Ключевые слова: медиапотребление; учащаяся молодежь; мотивация; социализация; самоактуализация.

Введение

В современной цифровой среде процесс медиапотребления меняется, преобразуя социальные практики и взаимодействия людей, их повседневное поведение [1, 2]. Медиатизация социальной реальности связана с глубоким проникновением социальных медиа и медиакommunikационных технологий, обеспечивающих сетевые коммуникации, их способность создавать качественно новые формы социального и культурного взаимодействия на макро- (социальном), а также микро (индивидуальном) уровнях. Цифровые медиа сегодня не только источник информации, но и среда социализации, самоидентификации, самовыражения, они дают возможность реализовать самые разные потребности человека – от развлечений до самообразования и саморазвития [3]. Эти новые измерения медиа в современном обществе наиболее остро отражаются на поколении молодых людей, которые первыми воспринимают новые цифровые технологии и являются наиболее интегрированными в цифровую среду [4]. Медиаповедение и медиапрактики, характерные для молодежи, могут в будущем стать нормой для всего общества [5, 6].

Основной проблемой, стоящей перед национальными культурами во всем мире в XXI в., становятся не столько глобализация или вестернизация

---

³⁷ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-10090).

культуры, сколько универсализация транслируемых социальными медиа и интернет-платформами значений, человеческих практик и коммуникаций, социальных взаимодействий, идентичностей и жизненных миров отдельных лиц. Цифровая медиакультура сегодня тесно связана с корпоративными гигантами, такими как *Facebook*, *Google*, *Twitter* и *Apple*, каждый из которых имеет сильную детерминированность интересами США. Знание об особенностях медиапотребления российской молодежи становится, таким образом, вопросом заботы о культурной безопасности российского общества.

Современные академические знания о человеческом дискурсе требуют мультипарадигмальных и междисциплинарных подходов. Человеческий дискурс переосмысливается как многоплановое, но в то же время интегрированное коммуникативное событие, в котором люди осуществляют социальное взаимодействие посредством лингвистических и других символических средств и сред, в частности исторических и культурных отношений. Это переопределение объекта исследования позволяет ученым принять во внимание все компоненты и все отношения коммуникативного события [7. Р. 3].

Наш исследовательский коллектив строил научное исследование, исходя из следующих предположений. В основу исходной гипотезы положен тезис о том, что распространение социальных сетей трансформирует потребности аудитории, потому что они не только реализуют модель однонаправленного потока новостной информации, развлечений и знаний, но также дают возможность участвовать в диалогической передаче информации в рамках специфичной опосредованной технологиями, но вполне автономной и самодостаточной виртуальной среды и, таким образом, формировать и отвечать социальным и культурным потребностям аудитории. Процесс медиапотребления изменил потребности российской молодежной аудитории. Мотивы, связанные с необходимостью социализации и самореализации, становятся приоритетом для пользователей. В то же время четкая иерархия потребностей не вполне возможна, поскольку потребление информации, знаний, развлечений или просто общение так или иначе связаны с социализацией и самоактуализацией.

Следует отдельно оговорить терминологический аппарат, используемый в нашем исследовании. В современном медиaprостранстве функционируют как традиционные медиа – печатные газеты и журналы, информационные агентства, радиостанции, эфирные и неэфирные телеканалы и др., так и функционально отличающиеся от традиционных новые медиа.

Под новыми медиа мы понимаем такие медиа, доступ к которым осуществляется с помощью Интернета (сайты, веб-порталы, социальные медиа, мессенджеры, блог-платформы, аудиовизуальные хостинги, сервисные приложения и мн. др.) [8. С. 174]. Интернет выступает технологической и коммуникативной средой существования новых медиа. Именно в интернет-среде новые медиа приобретают свое ключевое свойство – интерактивность и выступают не только средством массовой, но и межличностной коммуникации. При этом у новых медиа существуют различные

формы интерактивности с точки зрения направленности действий участников коммуникации, способов доставки информации. Определяющими особенностями новых медиа являются конвергенция, гипермедийность и доступность.

Наиболее близким по смыслу к термину «новые медиа» является термин «онлайн-медиа», поскольку именно в онлайн-среде любые медиа приобретают ключевое свойство интерактивности и выступают уже средством не только массовой, но и межличностной коммуникации. Онлайн-медиа связаны с представлением медиапродукта в оцифрованном виде непосредственно в сети Интернет. При этом собственно онлайн-СМИ как существующие в Интернете средства массовой информации не стали объектом изучения ввиду ограничений проведенного исследования³⁸.

Социальные медиа являются одной из составляющих новых медиа. Термин «социальные медиа» выступает ключевым теоретическим инструментарием в настоящем исследовании, так как он отсылает к платформам и сервисам, которые позволяют индивидам – в данном случае представителям молодежи – участвовать в общении «один к одному», «один ко многим» и «многие ко многим» в опосредованной технологиями цифровой медиатизированной форме. Именно понятие «социальные медиа» указывает на инфраструктурный потенциал медиатехнологии к организации социального взаимодействия и коммуникации, т.е. созданию социальных систем, таких как онлайн-сообщества, что позволяет отдельным лицам, сообществам и организациям взаимодействовать, объединяться в сообщества, совместно создавать, изменять, обмениваться и использовать пользовательский контент, который легкодоступен. Социальные медиа

---

³⁸ Проведенное исследование имеет ограничения. Прежде всего, они связаны с тем, что вне поля зрения исследователей осталось обращение учащейся молодежи Москвы, Нижнего Новгорода и Ростова-на-Дону к онлайн-СМИ. Это объясняется спецификой фокуса настоящего исследования – изучением мотиваций и факторов мотиваций, а не собственно медиаменю, что повлияло на формирование методики опроса на всех этапах и исключило из анкеты вопросы, связанные с упоминанием конкретных СМИ. Кроме того, потребление онлайн-СМИ скорее относится к удовлетворению информационных потребностей, тогда как исследователи выявили более приоритетные для молодых людей виды потребностей – социализацию и самоактуализацию, которые реализуются за счет медиаактивности на каналах и платформах и связаны с коммуникацией, социальным взаимодействием и самопрезентацией в большей степени, чем с потреблением информации. Вопросы анкеты были направлены на выявление приоритетов с точки зрения отношения к различным медиаплатформам; отношения к телевидению; отношения к печатной прессе; отношения к радио; востребованности подкастов; потребления новостей в Интернете; типа контента, потребляемого в Интернете; востребованности мобильных приложений; типа контента, потребляемого с мобильных устройств; востребованности соцсетей; отношения к соцсетям, мотивов обращения к ним; отношения к мессенджерам, мотивов обращения к ним. Исследовательскому коллективу было важно выявить, какие типы потребностей респондентов удовлетворяются в процессе медиапотребления. Было отмечено, что конкретное СМИ или медиа не имеют принципиального значения для удовлетворения выявленных типов потребностей. Значение представляет канал или платформа, а также тип медиаактивности.

следует рассматривать не только как платформы, на которых публикуются пользователи, но и как контент, размещаемый на этих платформах.

Под платформой мы понимаем многофункциональный онлайн-сервис, одновременно обеспечивающий пользователю возможности получения, распространения, создания и обсуждения (коммуникации) личной и общественно значимой информации в интерактивном режиме. К наиболее показательным примерам платформ относятся универсальные социальные сети, а также большинство площадок, построенных по модели социальных медиа и потенциально предлагающих пользователям на одном сайте все ключевые возможности Интернета.

Под социальной сетью мы понимаем сайт или приложение, позволяющие зарегистрированным пользователям создавать аккаунты с личной информацией, различные типы контента, а также коммуницировать друг с другом по принципу социального взаимодействия в реальном обществе [8. С. 205].

Теоретические подходы к изучению медиасоциализации цифровой молодежи

Понятие «социализация» является объектом междисциплинарных научных исследований, его разные аспекты изучаются в социологии, психологии, педагогике, политологии. В последние годы это понятие становится фокусом внимания исследователей медиапотребления, так как если традиционно средства массовой информации на протяжении веков являлись социальным институтом, то в условиях цифровизации они приобрели также функцию социальной среды. Изучение влияния средств массовой коммуникации на формирование ценностных установок молодежи является важной проблемой: проблемой медиасоциализации.

Понятие социализации было введено социологом Ф.Г. Гиддингсом в книге «Теория социализации» в конце XIX в. Под социализацией он понимал «развитие социальной природы или характера индивида», «подготовку человеческого материала к социальной жизни» [9. С. 122].

Социологи Г. Зиммель, П. Блос продолжили развитие теории социализации. Социологическая наука осмыслила термин «социализация» как процесс накопления людьми опыта и социальных установок, соответствующих их социальным ролям [10].

Природе социализации много внимания уделяется в трудах представителей отечественной психологической школы: Г.А. Андреевой, А.Г. Асмолова, Е.П. Белинской, Л.С. Выготского, И.С. Кона, Д.А. Леонтьева, Н.К. Радиной, Г.У. Солдатовой, О.А. Тихомандрицкой и др.

Российские психологи сформулировали понятие социализации, с одной стороны, как «двусторонний процесс, включающий в себя усвоение индивидом социального опыта, с другой стороны, процесс активного воспроизводства индивидом системы социальных связей за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду» [11. С. 276]. Таким образом, «две ведущие функции – усвоение и воспроизводство социально-

го опыта – структурно и по содержанию заняли соответствующие места в определении понятия» [12. С. 45]. Также социальные психологи выделили еще одну функцию социализации – социальное творчество и предложили рассматривать социализацию как трехсторонний процесс [13].

Опираясь на идеи выдающегося советского психолога Л.С. Выготского, современная социальная психология подробно исследует среду, в которой развивается человек. В рамках этого подхода, получившего название экологического, У. Бронфенбреннер предложил теорию экологических систем. По его мнению, «развитие человека обусловлено взаимодействием четырех основных факторов: его личностных особенностей, экологического окружения, деятельностью, в которую он вовлечен, и временем, которое накладывает свой отпечаток на дальнейший ход становления субъекта» [14. С. 59].

Бронфенбреннер выделил экологические ниши, т.е. те области, структуры в окружении человека, которые влияют на развитие личности: микро-система (семья, группа в детском саду), мезосистема (комбинация таких микросистем, как дом-школа, дом-работа), экзосистема (связи между несколькими окружениями, причем в одном из них ребенок не находится, например дом – работа матери) и макросистема. «Макросистема состоит из переплетения микро-, мезо- и экзосистем в рамках данной культуры, субкультуры или иного более широкого контекста с особым акцентированием при этом убеждений относительно возможностей развития, жизненных стилей, источников развития, возможности выбора (в качестве макросистем могут выступить социальный класс, этнические или религиозные группы, сообщества – то есть те социальные структуры, которые обладают общими вышеперечисленными свойствами: жизненные стили, экономические источники, система взглядов и убеждений и т.д.)» [Там же. С. 61–62].

Ж. Джонсон и П. Паплампу дополнили концепцию Бронфенбреннера еще одной экологической системой – техносистемой. Технологии меняют нашу жизнь, вторгаясь в наше жизненное пространство все активнее, а современные дети, поколение цифровых с рождения, воспринимают технологии так же естественно, как воздух. Исследователь Г.У. Солдатова полагает, что в современном информационном обществе социализация «опосредуется в том числе техносистемой, становящейся важнейшей частью современной культуры и частью экосистемы формирующейся личности» [15. С. 75]. По мнению Солдатовой, рассмотрение техносистемы как важнейшего опосредующего звена между ребенком и окружающим миром требует дальнейших исследований и эмпирических подтверждений. Представленные в данной статье результаты опроса позволяют продемонстрировать роль прежде всего Интернета в социализации молодежи.

Традиционно процесс социализации личности ребенка (в деятельности, общении, самосознании) начинался в семье, продолжался в школе, а также в кругу сверстников. В семье ребенок усваивал первые нормы и ценности общества, получал первые навыки общения и социальных ролей, в семье начиналось формирование самосознания, Я-образа. В школе он впервые

сталкивался с подлинной моделью общества, в школе происходило приобщение к социальному опыту и его воспроизведение, освоение новых социальных ролей, процесс самоидентификации становился более сложным. В кругу сверстников, это период старшей школы, дети учились строить отношения с другими группами [11. С. 235–238].

Под влиянием быстрого развития цифровых технологий происходит медиатизация жизненного пространства человека, а вследствие этого меняются и факторы социализации. Новым агентом социализации молодежи выступает медиасреда в целом и, прежде всего, Интернет [16. С. 231].

В работах исследователей новая форма получения социального опыта посредством электронных устройств в цифровой среде обозначается различными терминами: информационная социализация, киберсоциализация, цифровая социализация, медиасоциализация, интернет-социализация [17. С. 43; 18. С. 7]. Термин «киберсоциализация» был предложен и сформулирован исследователем В.А. Плешаковым как «социализация личности в киберпространстве, как процесс качественных изменений структуры самосознания личности и потребностно-мотивационной сферы индивидуума, происходящий под влиянием и в результате использования человеком современных информационно-коммуникационных, цифровых и компьютерных технологий в контексте усвоения и воспроизводства им культуры в рамках персональной жизнедеятельности» [18. С. 14]. Он отмечает, что «особенно явно включены в процесс социализации в киберпространстве – киберсоциализацию вообще, медиасоциализацию и интернет-социализацию в частности – подрастающие поколения: дети, подростки и молодежь» [Там же. С. 7]. Г.У. Солдатова использует термин «цифровая социализация» и определяет ее как «опосредованный всеми доступными цифровыми технологиями процесс овладения и присвоения человеком социального опыта, приобретаемого в онлайн-контекстах, воспроизводства этого опыта в смешанной офлайн/онлайн-реальности и формирующего его цифровую личность как часть реальной личности» [15. С. 76].

Как мы уже отмечали, вопросы влияния цифровой среды на детей, подростков и молодежь являются междисциплинарными. Не только психологи говорят о «громкой и специфической роли СМИ в процессе социального познания» [11. С. 245].

Исследователи журналистики также включены в научный дискурс о влиянии средств массовой коммуникации на социализацию, поскольку СМИ являются важнейшим каналом получения информации об обществе. Традиционно понятие «средства массовой коммуникации» используется для описания всех технических средств, с помощью которых создается коммуникационное пространство современного общества [19. С. 58]. Проблемы медиавоздействия средств массовой коммуникации на аудиторию описаны в работах Е.Л. Вартановой, Д.М. Вьюгиной, С.Г. Кара-Мурзы, В.П. Коломийца, М.М. Назарова, А.И. Черных и др. Одним из направлений научной мысли являются теории социализации СМИ, которые фокусируются на том, как СМИ становятся источником наших знаний о мире и нашей роли в нем.

Социализирующие эффекты традиционных СМИ более всего изучены в отношении телевидения. Исследователи Мейровиц и Поустмен выдвинули гипотезу, что дети века телевидения «социализируются и начинают исполнять взрослые роли намного раньше, чем это было несколько столетий назад. Телевидение – это окно, через которое дети узнают о мире взрослых, более не являющемся для них тайной» [20. С. 47].

Проблема актуализируется ввиду того, что новое поколение детей – цифровых с рождения – значительную часть ранней стадии социализации – в детском и подростковом периодах – проводит в Интернете, в социальных сетях. Можно говорить о том, что цифровое поколение – наиболее медийное поколение. Мы обратились к термину «цифровая молодежь», поскольку полагаем, что он верно описывает специфику взаимоотношений молодого поколения с новыми технологиями и массмедиа. Понятие «цифровая молодежь» является синонимичным понятию «поколение Z» и охватывает как подростков, так и молодежь. В этом смысле термин «цифровая молодежь» отличается от социологической возрастной градации (молодежь от 14 до 30 лет), под которым традиционно понимают детей и школьников, а также «цифровых аборигенов» – рожденных с 1980 г. [21. Р. 254]. Поскольку понятие «поколение Z» как продукт американской социологии в целом и поколенческой теории в частности не является общепризнанным, мы выбрали в качестве операционного определения понятие «цифровая молодежь» [22. С. 4].

Образ социального мира, который закладывался детям институтами семьи, школы, теперь параллельно конструируется в виртуальной реальности. То есть социализационное пространство молодого поколения расширилось, в сместившемся в Интернет социализационном процессе огромная роль отводится медиа [23. С. 236]. Социальные платформы стали той медиасоциализирующей средой, которая формирует новые мотивы и потребности молодой аудитории. Свойства медиа как среды усиливают медиасоциализацию, превращая их во влиятельного агента первичной социализации. В последнее время в связи с поколенческими изменениями в медиакультуре аудитории, растущим запросом молодых поколений на социальные медиа, цифровизацией повседневных медиапрактик аудитории медиасоциализация превращается в один из ключевых процессов медиасреды [22, 24, 25]. Исследования показывают, что у современной молодежи наибольшим авторитетом пользуются уже не такие традиционные институты общества, как семья и школа, а социальные медиа, создаваемые ими новые круги и сообщества коммуникации и социального взаимодействия, опосредованные и медиатизированные [22, 26].

Медиасоциализация может реализовываться комплексно: за счет информирования пользователя социальной сети о событиях в жизни интересного ему окружения (как реальных людей ближнего круга, так и незнакомых); за счет одобрения и распространения производимого ими контента; за счет межличностной коммуникации; за счет получения одобрения производимого пользователем контента. В результате реализуется процесс

медиасоциализации как гибридная форма социализации современного человека, при котором агентами социализации выступают: 1) существующие в физическом пространстве близкие индивиду «значимые другие», социализация с которыми продолжается в медиапространстве; 2) существующие для индивида только в медиапространстве «значимые другие». Медиасоциализация, с одной стороны, представляет собой опосредование социальных норм и ценностей реального мира, но с другой – создание норм и ценностей, имманентная сущность которых потенциально возможна только в условиях медиапространства.

Поэтому чрезвычайно важно понимать, как с помощью цифровой среды у молодых людей формируются самосознание, персональные ценности и нормы поведения, как осваиваются социальные роли в различных сетевых сообществах, как посредством новых инструментов молодежь самовыражается и самоутверждается, учится общению и диалогу, как использует виртуальную среду для удовлетворения своих потребностей, выявления, поддержания и развития своих интересов.

В цифровой среде современные молодые люди не только получают навыки социального взаимодействия, реализуют себя в обществе, но и учатся находить себя в этом обществе, проявлять свои личные качества. Таким образом, в неразрывной связи с процессом социализации находится другой важный процесс – самоактуализации. Молодежь нередко стремится находить себе сообщества по интересам как в реальной жизни, так и в виртуальной, чтобы реализовать в контакте с близкими по духу людьми свои базовые потребности. При создании и распространении медиаконтента, при получении его одобрения членами сообщества молодые люди не только социализируются в медиапространстве, но и самоактуализируются. Таким образом, успешная медиасоциализация становится залогом осуществления начальных этапов медиасамеоактуализации как процесса реализации различных сторон личности в медиапространстве, приносящих удовлетворение от жизни.

Самоактуализация – когнитивный процесс, направленный на развитие человеком своего потенциала. Идея самоактуализации впервые была высказана К. Гольдштейном [27]. Теория самоактуализации была разработана А. Маслоу. Маслоу поставил самоактуализацию на вершину своей знаменитой пирамиды потребностей и выдвинул тезис о том, что человеку необходима потребность в реализации себя, в саморазвитии. «Создается впечатление, как будто у человечества есть единственная цель... к которой стремятся все люди. Разные авторы называют ее по-разному: самоактуализация, самореализация, интеграция, психическое здоровье, индивидуализация, автономия, креативность, продуктивность, но... все это синонимы реализации потенций индивида, становление человека в полном смысле этого слова, становление тем, чем он может стать» [28. Р. 153]. А. Маслоу сформулировал черты, характерные для самоактуализирующейся личности: реалистичный взгляд на мир и себя, собственное мнение, которое может не совпадать с общепринятым, способность находиться в одиночестве,

устойчивость при воздействии внешних негативных факторов, открытость ко всему новому, готовность учиться, креативность, развитая чувственная сфера и др.

Феномен самоактуализации изучали также К.Р. Роджерс, Э.Л. Шостром [29, 30]. Они отмечали, что человеку свойственно внутреннее стремление к росту и развитию. Важно отметить, что и Маслоу, и другие представители гуманистической психологии выделяют креативность как важную характеристику самоактуализации человека. Они рассматривают творческие способности как ключевой фактор роста личности.

Одним из внимательно изучаемых специалистами инструментов самоактуализации является публичное конструирование Я в опосредованном компьютером общении. Исследующие это явление В. Фриндте и Т. Келер предложили семь возможностей самопрезентации. Одной из них является селективная самопрезентация, при которой пользователь имеет возможность проявить индивидуальный стиль, выбирая слова и символы (шутки, smileys – смайлики и т.п.) [31. С. 41]. Ш. Тёркли отмечает, что «Интернет становится значимой социальной лабораторией для экспериментов с конструированием и реконструированием Я, что характерно для жизни в постмодернистском обществе» [32. Р. 180]. Одним из факторов самопрезентации в Сети является идентификация с определенной социальной группой.

В рамках нашего исследования были выявлены разные типы потребностей, которые реализуются молодежью благодаря медиа: потребность в социализации (прежде всего за счет коммуникации в социальных сетях и информирования о событиях в жизни членов сообщества); потребность в самоактуализации (в основном за счет производства единиц собственного контента и его распространения в социальных сетях); развлекательные потребности (как правило, за счет прослушивания музыки и потребления видео в Интернете); информационные потребности (посредством получения социальной информации о событиях, интересных представителям сообщества); образовательные потребности (прежде всего за счет поиска информации для выполнения домашних заданий); инструментальные потребности (использование мобильного банка и осуществление покупок в Интернете). Результаты исследования показали, что ключевыми в процессе медиапотребления цифровой молодежи оказались потребности в социализации и самоактуализации.

Метод исследования

В основу формирования выборочной совокупности были положены следующие условия: география опроса должна была охватить три города; распределение выборки по городам должно быть равномерным; генеральную совокупность для каждого из городов составляют представители поколения Z или совокупность детей и молодежи с 10 до 19 лет, обучающихся в средних образовательных учреждениях и вузах (от 5-го класса школы до 2-го курса вуза). На основании этих условий был сформирован дизайн

выборки с общей выборочной совокупностью 4 320 анкет, из которых в каждом городе предполагалось получить по 960 анкет школьников средних классов (10–17 лет) и по 480 анкет студентов вузов (17–19 лет), что соответствует 2 880 и 1 440 анкетам по обеим целевым аудиториям в городах.

Формирование выборочной совокупности осуществлялось в несколько этапов. На первом этапе была сформирована общая база данных по городам с перечнем общеобразовательных школ и вузов. Списки образовательных организаций были взяты из официальных источников: с сайта Департамента образования Москвы (<https://www.mos.ru/donm/organizations/>), с сайта Министерства общего и профессионального образования Ростовской области (<http://www.rostobr.ru/structure/sosh.php>), с сайта Министерства образования, науки и молодежной политики Нижегородской области (<https://minobr.government-nnov.ru/?id=4454>). В базу данных по городам включались все средние общеобразовательные учреждения (за исключением специализированных коррекционных школ) и образовательные организации высшего профессионального образования. В результате проделанной работы в базу данных вошли 650 средних общеобразовательных учреждений и 136 вузов Москвы, 200 средних общеобразовательных учреждений и 30 вузов Нижнего Новгорода, 125 средних общеобразовательных учреждений и 48 вузов Ростова-на-Дону.

На втором этапе была сформирована выборочная совокупность процедурой случайно-вероятностного отбора. В соответствии с расчетными данными в каждом из городов в выборке должны присутствовать восемь школ. В каждой школе опрос должен проводиться в семи классах (5–11-е классы). Расчетное число получения анкет с каждого класса – 18. В соответствии с расчетными данными в каждом из городов в выборке должны присутствовать восемь вузов. Опрос проводился среди студентов первого и второго курса. Расчетное число анкет от каждого вуза – 60. Из общего списка, в каждом из городов, случайно-вероятностным методом (генерация случайного отбора в пакете SPSS) были отобраны девять школ и восемь вузов. В результате распределения выборочной совокупности по средним общеобразовательным учреждениям на один город количество анкет с каждого класса школы должно было составить 18, с одного курса вуза – 30.

На третьем этапе была сформирована полная база выборочной совокупности, которая для проведения организационных мероприятий включала контактные данные из открытых информационных источников. Подготовка к проведению опроса в учебных заведениях включала рассылку информационных писем руководителям образовательных учреждений, содержащих краткое описание тематики исследования и просьбу о содействии в осуществлении этого проекта в данном учебном заведении, получение договорённости о проведении опроса с руководителями образовательных учреждений, согласование сроков и времени проведения опроса с руководителями образовательных учреждений. Большое внимание было уделено подготовке анкеты, необходимой для исследования. Как было отмечено, составление анкеты потребовало проведения серии глубинных интервью.

Ответы интервьюируемых в дальнейшем использовались при формировании содержательного наполнения основных блоков анкеты. Так, в варианты ответов прежде всего были включены наиболее частые среди тех, что давали интервьюируемые. Кроме того, общение со школьниками позволило использовать при формировании ответов в анкете лексику, характерную и понятную для респондентов определенного возраста, что являлось особенно важным при составлении анкеты для самых младших участников опроса. В результате были сформированы две анкеты: одна для учащихся средней школы (детей в возрасте от 10 до 15 лет), вторая для более взрослых респондентов – учеников 10-х и 11-х классов школы и студентов 1–2-го курса (респонденты от 16 до 19 лет).

Оба варианта анкеты прошли предварительную апробацию, в которой принимали участие студенты факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, а также московские школьники разного возраста – дети коллег по факультету (в общей сложности 40 человек, по 20 из каждой возрастной группы).

В процессе опроса большинство респондентов ответственно отнеслись к заполнению анкеты. Критерием этой ответственности служит полнота заполнения анкеты – в 97% на все открытые вопросы были даны ответы. Полностью было отбраковано только восемь анкет (заполнение менее 50%). Процедура ответа на вопросы занимала у респондентов в среднем 40 минут. Перевод полученных результатов опроса с бумажных носителей в электронный вид для последующей обработки осуществлялся в макете ввода формата EXEL. Открытые вопросы были кодированы. Для каждого из открытых вопросов был создан кодификатор, и все ответы респондентов были переведены в цифровые показатели. В общей сложности было создано 246 кодов. Далее был создан макет ввода в пакете SPSS для обработки общего массива данных. Таким образом, были получены линейные распределения ответов каждого вопроса. Обработка данных была произведена в пакете SPSS.

Процесс опроса был приостановлен из-за перехода учебных заведений на дистанционное обучение в целях профилактики коронавирусной инфекции COVID-19. В итоге было получено 207 анкет в вузах Москвы, 382 – Нижнего Новгорода, 400 – Ростова-на-Дону, общее количество – 989. Организация опроса в средних общеобразовательных учреждениях приостановилась на стадии согласования с Департаментом образования и науки города Москвы, Управлением образования города Ростова-на-Дону и Департаментом образования Нижнего Новгорода. Тем не менее первый этап опроса был успешно реализован. Собранного массива данных достаточно для проведения теоретических изысканий, отвечающих принципам достоверности.

Основные результаты опроса

В ходе исследования было выявлено, какую роль в процессе социализации молодежи играют современные средства массовой коммуникации, и

прежде всего Интернет и социальные сети. Можно отметить, что ценностные ориентации молодежи складываются в первую очередь под их влиянием. Другие каналы коммуникации – телевидение, радио, печатные СМИ – оказываются менее значимыми в формировании личности современного молодого человека.

Установлено, что почти 35% учащихся высших учебных заведений смотрят телевидение, тогда как 65% не обращаются к нему. В целом полученные цифры коррелируют с результатами глубинных интервью, проведенных нами со студентами вузов в 2019 г. Тогда участники интервью отмечали, что минимально смотрят телевизор, включая его лишь в случаях, когда хотят отдохнуть. Рекреационную функцию как главную при телевизионном потреблении отметили и участники опроса: 31% респондентов утверждают, что отдыхают при просмотре телевизора. Рекреационную функцию телевидения как ведущую при телевизионном потреблении отмечают и исследователи: как правило, при самостоятельном выборе телевизионного контента молодежь смотрит преимущественно телеканалы развлекательного содержания [33. С. 362–363].

Также стоит обратить внимание на фоновое потребление телевидения, замеченное нами еще на этапе анализа глубинных интервью: свыше 12% респондентов включают телевизор в качестве фона, чтобы параллельно выполнять свои дела (табл. 1). О том, что телевидение не служит источником актуальной новостной информации для молодых людей, говорит еще один показатель: 29% респондентов отметили, что не смотрят телевизор, потому что могут получить всю необходимую информацию в Интернете. Такой же показатель был выявлен среди тех, для кого телевидение в принципе не представляет интереса как канал медиакommunikации и источник информации.

Сегодня каждый пользователь Интернета является объектом конкурентной борьбы платформ. Борьбу за молодежную аудиторию в России уверенно выигрывают три социальные сети: VKontakte (30,7%), Instagram (24%) и Youtube (25,5%). Их участники опроса отметили как наиболее популярные.

Коммуникация является одним из механизмов социализации человека. Именно коммуникация, социальное взаимодействие с другими пользователями воспринимается молодежью как самая большая ценность социальных сетей. 36,8% опрошенных назвали потребность в общении с друзьями в качестве ведущего мотивационного фактора обращения к социальным сетям (табл. 2). Согласимся с Е.П. Белинской, что ключевой параметр оценки информационного социума меняется, и теперь «не информация, а коммуникация оказывается его “смыслообразующим стержнем”» [34. С. 11].

Социальная сеть VKontakte демонстрирует самый высокий уровень вовлеченности цифровой молодежи в онлайн-коммуникацию, представляется наиболее комфортной для общения с однокурсниками по учебе, для коммуникации с друзьями как в формате обычных сообщений, так и в тематических беседах и сообществах. Таким образом, интернет-коммуникация

выступает как расширение социального капитала молодого человека. И то, как трансформируется коммуникативный опыт молодого человека, должно послужить предметом дальнейших глубоких междисциплинарных исследований.

Таблица 1

Мотивы телевизионного потребления молодежи

№	Варианты ответов	Количество, чел.	Процентное соотношение
1	Чтобы отдохнуть / развлечься / если мне скучно	187	18,4
2	Когда хочу посмотреть свои любимые программы, фильмы, сериалы на большом экране	158	15,6
3	Если вижу, что идет какая-нибудь интересная передача/ когда увлекаюсь интересной программой	133	13,1
4	Включаю в качестве фона и делаю параллельно свои дела	128	12,6
5	Смотрю спортивные программы, матчи, соревнования, чемпионаты	81	8,0
6	Обычно я смотрю телевизор с родителями / братьями или сестрами / другими родственниками	73	7,2
7	Чтобы получать информацию о своей стране, мире, политике	65	6,4
8	Чтобы не было страшно или не чувствовать себя одиноко	58	5,7
9	Мы дома всегда смотрим телевизор – когда едим или выполняем домашние дела	52	5,1
10	Использую телевизор в качестве монитора / смотрю на нем фото или видео с телефона	39	3,8

Исследующая влияние СМИ на формирование картины мира Г.М. Андреева в своей монографии «Социальная психология» отмечала, что одна из ключевых особенностей СМИ – не только информировать, но и создавать контекст общения [11. С. 243]. Продолжая эту мысль и опираясь на результаты нашего исследования, в цифровом пространстве к особенностям СМИ можно отнести также создание среды общения. А потому медиаплатформам, медиабрендам, потребительским брендам необходимо помнить о расширении социального капитала и обязательно включать парадигму ценности общения в выстраивание взаимодействия с молодежной аудиторией.

Второе место среди мотивационных факторов при обращении молодежи к социальным сетям занимает прослушивание музыки (12,7%). При составлении анкеты не планировалось выделять музыкальный контент, который, по нашему мнению, является частью развлекательного контента. Но прослушивание музыки было выделено в отдельную позицию по результатам предваряющих количественное исследование качественных интервью, так как большинство респондентов отметило, какое важное значение в их жизни имеет музыка. Второе место музыки в иерархии мотивационных факторов является подтверждением гипотезы качественных интервью.

Следует отметить, что мотивацию «чтобы развлечься» студенты поставили на четвертую позицию в своих приоритетах (9,4%). Если объединить второй и четвертый мотивы, то удовлетворение развлекательной мотивации в социальных сетях составит 22,1% и займет вторую позицию после общения с друзьями. Таким образом, музыкальный, а также развлекательный и юмористический контент (смешные короткие видео, пранки, забавные гифки и фотографии, анекдоты, мемы) доминируют в медиапотреблении молодежи. Фактически цифровое медиапространство стало доминирующим культурным пространством для молодежи, местом досугового времяпрепровождения, гораздо более популярным, чем кинотеатры, концерты или клубы. Данные опроса свидетельствуют о том, что технологии повлияли на повседневные практики потребления развлечений. Г. Дженкинс отмечает «миграционное поведение медиааудитории, готовой устроиться практически в любом направлении в поисках желаемых развлечений» [35. С. 25].

Задачей нашего исследования было не только выявить уровень интереса к релаксирующему, развлекательному контенту, но и определить мотивы потребления этого типа контента. В ходе качественных интервью молодые люди объясняли фокусировку на этом контенте желанием поделиться радостью, подарить другу эмоции и поднять ему настроение, разделить эмоции от увиденного. Казалось бы, цифровое медиапространство, в первую очередь социальные сети, привело к значительному расширению возможностей для коммуникации, социального взаимодействия. Однако, несмотря на переизбыток виртуального общения, никогда еще подростки не были столь одинокими [36. С. 125]. Время, проведенное в социальных сетях, заставляет молодых людей постоянно чувствовать себя лишними или отвергнутыми, приводит к росту уровня неудовлетворенности жизнью. С другой стороны, реальная жизнь современной молодежи также обделена эмоциями. Именно эмоциональный вакуум и стремление получить положительные эмоции, которых так не хватает в непосредственной коммуникации, и является мотивом столь активного потребления развлекательного, юмористического и музыкального контента.

Поиск информации по интересам либо связанной с саморазвитием занимает третью позицию в ведущих факторах потребления в социальных сетях (11,9%). При ответе на вопрос о ведущих факторах потребления в Интернете (табл. 3) вариант «занимаюсь саморазвитием» оказался на четвертом месте, его выбрали 8,7% респондентов. Это означает, что ценности саморазвития и самовыражения являются базовыми для цифрового поколения. Если более взрослым поколениям была важна ценность выживания, то самые молодые не мыслят своей жизни без постоянного, ежедневного движения вперед и активно используют для своего развития Интернет и социальные сети. Следует обратить внимание на то, что формулировка «занимаюсь саморазвитием» появилась в ходе качественных интервью, так как практически все интервьюируемые говорили о важности саморазвития, о том, что они постоянно стремятся «заниматься саморазвитием».

Одной из гипотез, предварявших опрос, было выявление высокого уровня креативности среди цифровой молодежи. Маслоу выделял креативность как одну из весомых черт самоактуализирующейся личности. Исследователи Р.М. Айсина и А.А. Нестерова подчеркивали, что цифровые технологии предоставляют беспрецедентные возможности для создания и распространения креативного контента, что молодежь более погружена в «совместно наполняемую медиасреду», чем любая другая возрастная группа [17. С. 45]. И наконец, в ходе предшествовавших опросу качественных интервью респонденты из Москвы говорили, что они ежедневно создают собственный контент, скачивают разнообразные приложения для обработки фотографий, монтажа видео. Но данная волна исследования не подтверждает ставшее расхожим мнение, что большинство постмиллениалов создают свой контент ежедневно. Нет оснований заявлять, что цифровые с рождения являются активными создателями контента, участниками информационного пространства, что им принципиально важно высказать свое мнение, поделиться позицией по актуальным вопросам. Возможно, это связано с тем, что большинство опрошенных – жители Ростова-на-Дону и Нижнего Новгорода (79%), и когда будут получены результаты по Москве, уровень креативности будет выше.

Одним из наиболее популярных ответов на вопрос о том, почему используется самое важное для респондентов приложение, является ответ «чувства, эмоции ощущения» (8,1%). Чтобы выразить «чувства, эмоции, ощущения» или поделиться ими, 15,5% публикуют контент или делятся им в социальных сетях и в мессенджерах. Это подтверждает, что в цифровом пространстве, через социальные сети и приложения молодежь «реализует не только потребность в информации и контактах, но и в эмоциональном насыщении этой информацией и этих контактов» [37. С. 55].

Наше исследование демонстрирует, что цифровая молодежь использует социальные сети для решения своих коммуникационных, рекреативных, эмоциональных задач, задач саморазвития. Информационные задачи также присутствуют, но не доминируют. Как правило, простое потребление новостной информации в социальных сетях отсутствует, в основном осуществляется поиск нужной в данный момент информации (для учебы, работы, по интересам). То есть потребление информации в социальных сетях носит сугубо прикладной характер.

Поэтому согласимся с мнением Н.А. Голубевой, что «именно социальные сети в настоящее время формируют индивидуальное, субъективное пространство современной молодежи, которое начинает доминировать в общей картине мира» [Там же. С. 57].

Упомянутые соцсети также служат источником отдыха и развлечений для респондентов (85% по трем сетям). К тройке лидеров также примыкает TikTok – быстро развивающаяся социальная сеть, популярная среди молодежи. Что касается знакомства с новыми людьми, размещения персональной информации (в том числе личных фото-, видео- и текстовых материалов), наиболее востребованными платформами для студентов выступают

сети Vkontakte и Instagram соответственно. Это также коррелирует с результатами глубинных интервью и теоретических разработок.

Таблица 2

Мотивы потребления молодежью социальных сетей

№	Варианты ответов	Количество, чел.	Процентное соотношение
1	Общаюсь с друзьями	630	36,8
2	Слушаю музыку	218	12,7
3	Ищу новую информацию, связанную с моими интересами / занимаюсь саморазвитием	204	11,9
4	Захожу, когда мне скучно / чтобы развлечься / почитать шутки и анекдоты	161	9,4
5	Читаю новости о происходящем в стране и мире	95	5,5
6	Слежу за тем, что происходит в жизни других людей	94	5,5
7	Смотрю новости групп / пабликов, так как хочу быть в курсе происходящего	89	5,2
8	Смотрю видео / фото	65	3,8
9	Это просто привычка	54	3,2
10	Выкладываю свои фото, видео, текст / делюсь новостями своей жизни	44	2,6

Таблица 3

Виды медиаактивности молодежи в Интернете

№	Варианты ответов	Количество, чел.	Процентное соотношение
1	Ищу информацию о том, что волнует меня в настоящий момент	239	30,1
2	Ищу информацию для учебы	129	16,2
3	Захожу в качестве развлечения	93	11,7
4	Занимаюсь саморазвитием – ищу научные факты, смотрю познавательные видео	69	8,7
5	Читаю новости / смотрю беседы / интервью с кем-то интересным	63	7,9
6	Слушаю и скачиваю музыку	58	7,3
7	Смотрю кино и сериалы, мультфильмы, телепрограммы, прямые трансляции	40	5,0
8	Играю в онлайн-игры	21	2,6
9	Смотрю / слушаю / читаю блогеров	19	2,4
10	Читаю книги	14	1,8

Следует отметить, что социальная сеть YouTube выступила лидером в области поиска новой информации, связанной с личными интересами респондентов: свыше 41% отметили, что осуществляют через YouTube поиск нужной информации. Эти данные представляют большой интерес и потенциал для дальнейшего исследования, так как в глубинных интервью подобные результаты не были выявлены. Кроме этого, именно видеоконтент

оказался для респондентов наиболее предпочтительным (34,5%) наряду с текстовым и фотоконтентом, что также позволяет сделать вывод о востребованности YouTube среди молодежи как удобной платформы для поиска и восприятия информации. Видеохостинг YouTube как платформа технологически более удобен для потребления видеоконтента молодыми людьми, нежели телевидение, он предоставляет молодежи альтернативу в выборе самого разнообразного контента, который можно потреблять в любое удобное время, тогда как телевидение такой альтернативы практически не предоставляет. YouTube изменяет характер видеопотребления как социокультурную практику: молодежь сама подбирает себе информационное меню, отвечающее ее интересам и потребностям [33. С. 364].

Среди социальных сетей, которые представляют наименьший интерес для российских студентов, респонденты выделили Likee (17,4%), Odnoklassniki (16,4%) и Tumblr (14,9%).

Среди наиболее востребованных мессенджеров респонденты отметили WhatsApp (свыше 28%), а также мессенджеры социальных сетей VKontakte и Instagram (по 20,4% каждый). Также стоит выделить мессенджер Telegram, который используют свыше 18% респондентов. Наименее удобным для учащихся вузов выступили мессенджеры социальной сети Facebook (24,7%), Tamtam Messenger (27,8%) и Viber (21,4%).

Ведущие мотивационные факторы российских студентов при обращении к мессенджерам во многом совпадают с факторами обращения к социальным сетям. Так, потребность общения с друзьями ярко выражена при использовании мессенджеров VKontakte, Instagram и WhatsApp. Мессенджеры так же, как и социальные сети, помогают студентам поддерживать учебные связи: общаться с преподавателями, получать информацию по учебе как в индивидуальном порядке, так и с помощью групповых чатов. Вместе с тем мессенджеры позволяют респондентам общаться с родителями, что практически не практикуется в социальных сетях. Этот вывод также подтвержден результатами глубинных интервью. Кроме этого, наиболее востребованные среди студентов мессенджеры также служат источником поиска информации по интересам.

Ключевой особенностью поведения в Интернете среди молодежи является поиск информации по интересам или по требованию (46,3%), а также потребление аудиовизуального контента (более 13%) (табл. 3). Таким образом, Интернет выступает для молодежи одновременно источником информации (по учебе, по интересам по требованию) и новостей (о том, что происходит в стране, мире, конкретной сфере жизни), средством развлечения и приятного / полезного времяпрепровождения. Следует отметить, что студенты вузов минимально потребляют онлайн-игры (2,6%). Напомним, что эти студенты – первое поколение тех, кто провел свое детство за видеоиграми. И все детство их сопровождала моральная паника взрослых о том, что игры затягивают детей в мир, где насилие является сюжетообразующим фактором, что игры поглощают все свободное время и, наконец, что игры вызывают сильную зависимость. В ходе качественных интервью

старшеклассники и студенты также говорили о снижении интереса к играм по сравнению с детским возрастом, поясняя это тем, что в более взрослом возрасте остается все меньше времени на игры, в том числе из-за больших учебных объемов. Очевидно, в этом причина минимального потребления игрового контента, обнаруженная в ходе количественного исследования.

Не меньшая моральная паника и страхи взрослых связаны с потреблением детьми контента блогеров и влиянием блогеров на детскую и молодежную культуру. Но эти страхи можно считать беспочвенными, так как по окончании подросткового периода контентом блогеров увлечены всего 2,4% студентов.

Студенты минимально реализуют инструментальные потребности, выраженные в необходимости приобрести какой-либо товар или услугу. Это вполне объяснимо, так как не все студенты с первых курсов начинают трудовую деятельность, соответственно, их уровень дохода не позволяет им систематически осуществлять покупки товаров и услуг.

В социальные сети и мессенджеры респонденты выходят в основном через свой мобильный телефон – смартфон, который для большинства опрошенных выступает в роли технического устройства, с помощью которого они поддерживают связь с друзьями, университетским кругом, родителями, ищут нужную информацию.

Что касается радиопотребления, то оно неуклонно снижается в последние годы. Это демонстрируют и результаты опроса: 75,4% респондентов не потребляют радио в принципе. 23,9% респондентов слушают радио, пока едут в машине, когда находятся с родителями (на даче, дома), что подтверждается результатами глубинных интервью, включают радио, чтобы послушать музыку, а также включают радио как фон, когда занимаются своими делами, практикуют фоновое радиопотребление. Последняя тенденция представляет большой интерес для дальнейшего изучения, так как не была выявлена ранее в ходе анализа глубинных интервью. Во многом одной из причин снижения радиопотребления среди молодежи является отсутствие в доме радиоприемника, а также наличие специальных приложений, установленных на смартфонах, позволяющих потреблять аналогичный радио аудиоконтент (музыкальные приложения, подкасты). Некоторые респонденты отметили, что радио предназначено для представителей старших поколений и это не модно в молодежной среде.

Аналогичные результаты были получены и в ответах на вопросы о потреблении периодической печати: порядка 80% опрошенных не читают газет и журналов. Обращение к периодической печати происходит лишь в исключительных случаях, когда, например, студенту попадает интересная информация, привлекающая его внимание (почти 19%), либо когда требуется найти информацию, нужную по учебе (12,2%) (табл. 4). Несмотря на культуру оформления печатных изданий («их удобно и приятно держать в руках»), которую отмечают некоторые респонденты, всю необходимую информацию можно найти в Интернете – так считает свыше 25% опрошенных. Кроме этого, Интернет более оперативен в предоставлении актуальной информации, чем печатные издания, давно утратившие функцию передачи актуальных новостей.

Таблица 4

Мотивация молодежи к потреблению печатных изданий

№	Варианты ответов	Количество, чел.	Процентное соотношение
1	Читаю, если попадаетея что-то интересное	113	18,9
2	Читаю, если нужно что-то по учебе	73	12,2
3	Читаю, чтобы узнать что-то новое, чтобы знать, что происходит в жизни, в мире	58	9,7
4	Читаю, когда мне встречается новый журнал (купил кто-то из близких, увидел его в гостях, в парикмахерской)	57	9,5
5	Нравится культура чтения печатных изданий – их приятно держать в руках	55	9,2
6	Нравится читать тематические журналы (история, мода и др.)	54	9,0
7	Разгадываю головоломки, шарады, кроссворды, sudoku	39	6,5
8	Читаю иностранные издания, чтобы «тренировать» иностранный язык	39	6,5
9	Просматриваю каталоги с разными товарами, которые можно купить	27	4,5
10	Скорее пролистываю, чем читаю	23	3,8

Тот факт, что телевидение, радио, газеты и журналы проигрывают Интернету и соцсетям в глазах цифровой молодежи, говорит о том, что новое поколение больше не нуждается в препарированной – организованной, интерпретированной, отфильтрованной – картине мира, жизни, которую предлагают традиционные СМИ. И если раньше мотивация получения информации через СМИ интерпретировалась учеными как «желание получить тот образ, который хочется иметь, или как минимум согласие на своеобразный «обман» [11. С. 247], то теперь можно констатировать, что молодежь не согласна на этот обман. Те образы (без изъянов, совершенные, но не правдивые, не настоящие), которые предлагают традиционные медиа, больше не нужны, не актуальны, не интересны. Правоммерно предположить, что традиционные СМИ продолжают терять свое значение в формировании картины мира, повестки дня, если не будут учитывать запрос молодежной аудитории на новую искренность, на правду без фильтров и прикрас.

Большой интерес представляют результаты заключительных вопросов анкеты о наиболее востребованном и заслуживающем доверия источнике информации. Согласно полученным данным, российская молодежь, прежде всего, использует социальные сети и интернет-сайты; телевидение расположилось на третьем месте. Эти данные отчасти подтверждаются теоретическими разработками. Социальные сети, интернет-сайты и телевидение респонденты используют в основном для потребления информации о культуре и развлечениях, о своем окружении, о моде и стиле жизни, о социальной проблематике и политике. Возможно, интерес к социальным сетям

объясняется также стремлением видеть и показывать реальную жизнь, молодое поколение не приемлет искусственности, наигранности, ему нужны подлинность, естественность, натуральность и честность. Это поколение, которое противится стандартам, канонам красоты, стиля, моды, предпочитает собственное мнение мнению каких бы то ни было авторитетов. То есть, исходя из выявленных Маслоу черт самоактуализации, это поколение самоактуализирующихся личностей.

Заключение

Интернет и социальные сети занимают лидирующее место в структуре медиапотребления респондентов из числа подростков и молодежи, а традиционные медиа либо вовсе не вызывают интереса у представителей молодого поколения, либо потребляются по случаю или в фоновом режиме. Ключевым устройством доступа для удовлетворения потребностей является смартфон, доминирующим типом медиа – социальные сети.

Как показало исследование, медиа используются молодежью для реализации разного типа потребностей: потребности в социализации (прежде всего за счет коммуникации в социальных сетях и информирования о событиях в жизни членов сообщества); потребности в самоактуализации (в основном за счет производства единиц собственного контента и его распространения в социальных сетях); развлекательных потребностей (прежде всего за счет прослушивания музыки и потребления видео в Интернете); потребности в получении новостной информации (как правило, посредством получения социальной информации о событиях, интересных представителям сообщества, которыми они делятся с другими); образовательных потребностей (прежде всего за счет поиска необходимой информации в Интернете для выполнения домашних заданий); инструментальных потребностей (осуществление покупок в Интернете, использование мобильного банка). Каждая из исследованных потребностей удовлетворяется не только потреблением определенного типа контента, но и определенными действиями с контентом. Например, потребность в социализации реализуется комплексно: за счет информирования пользователя социальной сети о событиях в жизни интересного ему окружения (как реальных людей ближнего круга, так и незнакомых); за счет одобрения и распространения производимого ими контента; за счет межличностной коммуникации; за счет получения одобрения производимого пользователем контента.

В результате реализуется процесс медиасоциализации как гибридная форма социализации современного человека, при котором агентами социализации выступают существующие как в физическом, так и в медиапространстве близкие по духу «значимые другие». Медиасоциализация подразумевает, что, кроме традиционных институтов социализации в социальную жизнь и сам процесс социализации современной молодежи активно вторгается еще один институт – медиа, в рамках которого молодежь приобретает опыт взаимодействия как с самими медиа, так и с другими медиапользователями. Все эти аспекты важно учитывать при теоретизации ме-

диа и общества как при разработке актуальных, так и при модернизации традиционных теоретических подходов к медиа, предлагаемых современным социогуманитарным знанием [38, 39].

Процесс социализации цифровой молодежи неразрывно связан с процессом самоактуализации. При активной работе с медиаконтентом, его создании и распространении, при взаимодействии и общении с членами медиасообществ пользователь получает их одобрение своим действиям, что способствует его самоактуализации. Таким образом, успешная медиасоциализация закладывает фундамент для осуществления медиасамореализации как процесса реализации личностью различных сторон в медиaprостранстве, приносящих удовлетворение от жизни.

Литература

1. Couldry N., Hepp A. The mediated construction of reality. Cambridge : Polity, 2016.
2. Vartanova E.L. The media and the individual: Economic and psychological interrelations // Psychology in Russia: State of the Art. 2013. № 6 (1). P. 110–118.
3. McQuail D. Mass communication theory. London : Sage, 2002.
4. Prensky M. Digital natives, digital immigrants. Part 1 // On the Horizon. 2001. № 9 (5). P. 1–6.
5. Howe N., Strauss W. Millennials & K-12 schools: Educational strategies for a new generation. Great Falls, VA : Life Course Associates, 2008.
6. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М. : Смысл, 2017.
7. Shi-xu. Cultural Discourse Studies Through the Journal of Multicultural Discourses: 10 years on // Journal of Multicultural Discourses. 2016. № 11 (1). P. 1–8.
8. Отечественная теория медиа: основные понятия: словарь / под ред. Е.Л. Варпановой. М. : Фак журн. МГУ, Изд-во Моск. ун-та, 2019.
9. Жданова Т.А., Чернаярова Н.С. Влияние виртуальной среды на социализацию современной молодежи // Ученые заметки ТОГУ. 2015. Т. 6, № 2. С. 121–127.
10. Смейзер Н. Социология. М. : Феникс, 1994.
11. Андреева Г.М. Социальная психология. М. : Аспект Пресс, 2000.
12. Радина Н.К. Психологические аспекты социализации личности: к вопросу о моделях классификации видов социализации // Психологическая наука и образование. 2005. Т. 10, № 1. С. 45–50.
13. Белинская Е.П., Тихомандрицкая Е.О. Социальная психология личности: учеб. пособие для вузов. М. : Аспект Пресс, 2001.
14. Веракса Н.Е., Веракса А.Н. Понимание детского развития с позиции экологической теории У. Бронфенбреннера // Современное дошкольное образование: теория и практика. 2014. № 10. С. 56–65.
15. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 71–80. DOI: 10.17759/sps.2018090308.
16. Рачина А.В., Брусенцева Д.М., Фаткулина Л.А. Интернет-технологии как средство управления процессом медиасоциализации молодежи // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 2. С. 230–234.
17. Айсина Р.М., Нестерова А.А. Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски // Социальная психология и общество. 2019. № 10 (4). С. 42–57. DOI: 10.17759/sps.2019100404.
18. Плеваков В.А. Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens'a до Homo Cyberus'a. М. : Прометей, 2012.

19. Коломиец В.П. Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 58–66.
20. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. СПб. : Прайм-еврознак: Нева ; М. : Олма-Пресс, 2002.
21. Yyugina D. Generation Z in Russia: the digital divide of the generation Putin // Generations Z in Europe (The Changing Context of Managing People) / eds. by C. Scholz, A. Renning/ Bingley : Emerald Publishing Limited, 2019. Н. 253–274.
22. Дунас Д.В., Вартанов С.А., Кульчицкая Д.Ю., Салихова Е.А., Толоконникова А.В. Мотивационные факторы медиапотребления российской цифровой молодежи: результаты пилотного исследования // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2020. № 2. С. 3–27. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2020.327.
23. Морозова М.С. Значение современных средств массовой коммуникации в социализации молодежи // Вестник ТОГУ. Серия Социология и политология. 2011. № 2 (21). С. 235–242.
24. Чебунина О.А. Социальные интернет-сети в процессе социализации современной российской молодежи: специфика влияния и социализационные риски: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2019. 34 с.
25. Dunas D., Vartanov S. Emerging Digital Media Culture in Russia: Modelling the Media Consumption of Generation Z // Journal of Multicultural Discourses. 2020. № 15 (2). P. 186–203. DOI: 10.1080/17447143.2020.1751648.
26. Вьюгина Д.М. Особенности медиапотребления цифрового поколения России // Медиаэксп. 2017. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2386>
27. Goldstein K. The organism. New York : American book company, 1939.
28. Maslow A.H. Toward a psychology of being. New York : D. Van Nostrand Company, 1968.
29. Rogers C.R. Actualizing tendency in relation to «Motives» and to consciousness // Nebraska symposium on motivation / ed. by M.R. Jones. Oxford : U. Nebraska Press, 1963. P. 1–24.
30. Brammer L.M., Shostrom E.L. Therapeutic psychology; fundamentals of actualization counseling and psychotherapy. Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1968.
31. Фриндте В., Келер Т. Публичное конструирование «Я» в опосредованном компьютером общении // Гуманитарные исследования в Интернете / под ред. А.Е. Войскунского. М. : Можайск-Терра, 2000. С. 40–54.
32. Turkle S. The Second Self: Computers and the Human Spirit. New York : Simon and Schuster, 1984.
33. Ершов Ю.М. Цифровой мир сетевых подростков и их зрительские практики // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8, № 2. С. 355–372. DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(2).355-372.
34. Белинская Е.П. Психология интернет-коммуникации : учеб. пособие. Москва : МПСУ; Воронеж : МОДЭК, 2013.
35. Дженкинс Г. Конвергентная культура. М. ; СПб. : Панглосс, 2019.
36. Твенге Д. Поколение I. М.: Рипол классик / Панглосс, 2019.
37. Голубева Н.А. Феноменология межличностного и межгруппового общения современной молодежи в реальном и виртуальном пространстве // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 2 (12). С. 45–59. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-45-59.
38. Вартанова Е.Л. Современные российские исследования СМИ: обновление теоретических подходов // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2015. № 6. С. 5–26.
39. Вартанова Е.Л. О необходимости модернизации концепций журналистики и СМИ // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2012. № 1. С. 7–26.

Media Consumption by Studying Youth: Results of a Survey in Moscow, Nizhny Novgorod and Rostov-on-Don

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 67. 278–302. DOI: 10.17223/19986645/67/15

Denis V. Dunas, Elena A. Salikhova, Anna V. Tolokonnikova, Geliya S. Filatkina, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: denisdunas@gmail.com / ekostyuk19@gmail.com / a.tolokonnikova@mail.ru / geliafilatkina@gmail.com

Keywords: media consumption, studying youth, motivation, socialization, self-actualization.

The research is supported by the Russian Science Foundation, Project No.18-78-10090.

The article presents the results of a survey conducted among students of higher education institutions of three Russian cities with over a million people—Moscow, Nizhny Novgorod, and Rostov-on-Don. The total number of respondents is 989. 519 respondents are representatives of Moscow universities, 289 respondents are students of Nizhny Novgorod higher education institutions, and 181 study in Rostov-on-Don. The respondents are 16 to 31 years old. The largest group of respondents is students aged 18 to 19 (653 people, or 66%). The gender distribution of the participants is approximately equal: 497 males and 492 females took part in the study. The questions concerned both the identification of the volume and characteristics of youth consumption of certain mass media channels (television, radio, print media, Internet media, social networks, messengers), and the reasons that encourage students to consume a particular media resource or, on the contrary, not to use it. The study revealed that the Internet and social networks occupy a leading place in the structure of youth media consumption, while traditional media either do not attract the interest of the younger generation or are consumed on occasion or in the background. The smartphone is the key access device to satisfy the needs of young people; social networks represent the dominant type of media. As a result, it was possible to determine the motivation structure of media consumption, in which the key positions are occupied by the needs determined by the social nature of a person—socialization and self-actualization. The process of media socialization realizes as a hybrid form of socialization of the modern person. On the one hand, media socialization is the mediation of social norms and values of the real world; on the other hand, it is the creation of norms and values, the immanent essence of which is potentially possible only in the media space. There were also entertainment, information, education, and instrumentation needs. Each of the needs is not always “closed”, because it tends to get closer to other groups. At the same time, media needs are not exclusively related to information requests of the audience. Today’s media not only broadcast institutional norms and values but also form and reproduce non-institutional norms and values through “opinion leaders” and agents of influence integrated into the digital media infrastructure. As a result, the problem of digital media literacy and information security of the “digital generation” is particularly relevant, the issue of critical analysis of the digital media environment and knowledge about the nature of media will determine the trajectory of its socialization.

References

1. Couldry, N. & Hepp, A. (2016) *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity.
2. Vartanova, E.L. (2013) The media and the individual: Economic and psychological interrelations. *Psychology in Russia: State of the Art*. 6 (1). pp. 110–118.
3. McQuail, D. (2002) *Mass Communication Theory*. London: Sage.
4. Prensky, M. (2001) Digital natives, digital immigrants. Part 1. *On the Horizon*. 9 (5). pp. 1–6.
5. Howe, N. & Strauss, W. (2008) *Millennials & K-12 schools: Educational strategies for a new generation*. Great Falls, VA: LifeCourse Associates.

6. Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I. & Nestik, T.A. (2017) *Tsifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost'* [The Digital Generation of Russia: Competence and Safety]. Moscow: Smysl.
7. Shi-xu. (2016) Cultural Discourse Studies through the Journal of Multicultural Discourses: 10 years on. *Journal of Multicultural Discourses*. 11 (1). pp. 1–8.
8. Vartanova, E.L. (ed.) (2019) *Otechestvennaya teoriya media: osnovnye ponyatiya. Slovar'* [Domestic Media Theory: Basic Concepts. Dictionary]. Moscow: Moscow State University.
9. Zhdanova, T.A. & Chernoyarova, N.S. (2015) The impact of virtual environment on the socialization of today's youth. *Uchenye zametki TOGU*. 2 (6). pp. 121–127. (In Russian).
10. Smelser, N. (1994) *Sotsiologiya* [Sociology]. Translated from English. Moscow: Feniks.
11. Andreeva, G.M. (2000) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Moscow: Aspekt Press.
12. Radina, N.K. (2005) Psychological Aspects of Socialization of Personality: To the Question on Models of Socialization Classification. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*. 1 (10). pp. 45–50. (In Russian).
13. Belinskaya, E.P. & Tikhomandritskaya, E.O. (2001) *Sotsial'naya psikhologiya lichnosti* [Social Psychology of Personality]. Moscow: Aspekt Press.
14. Veraksa, N.E. & Veraksa, A.N. (2014) Understanding of the child development from the view of the ecological approach of U. Bronfenbrenner. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie: teoriya i praktika – Preschool Education Today. Theory and Practice*. 10. pp. 56–65. (In Russian).
15. Soldatova, G.U. (2018) Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*. 3 (9). pp. 71–80. (In Russian). DOI: 10.17759/sps.2018090308
16. Rachipa, A.V., Brusentseva, D.M. & Fatkulina, L.A. (2019) Internet technologies as a means of managing the media socialization process of young people. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski – State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2. pp. 230–234. (In Russian). DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-2-230-234
17. Aysina, R.M. & Nesterova, A.A. (2019) Cyber socialization of youth in the information and communication space of the modern world: effects and risks. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*. 10 (4). pp. 42–57. (In Russian). DOI: 10.17759/sps.2019100404
18. Pleshakov, V.A. (2012) *Kibersotsializatsiya cheloveka: ot Homo Sapiens'a do Homo Cyberus'a* [Human Cyber Socialization: From Homo Sapiens to Homo Cyberus]. Moscow: Prometey.
19. Kolomiets, V.P. (2010) Mediasreda i mediapotrebleniye v sovremennom rossiyskom obshchestve [Media environment and media consumption in modern Russian society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1. pp. 58–66.
20. Kharris, R. (2002) *Psikhologiya massovykh kommunikatsiy* [Psychology of Mass Communications]. Saint Petersburg: Praym-evroznak, Neva; Moscow: Olma-Press.
21. Vyugina, D. (2019) Generation Z in Russia: the digital divide of the generation Putin. In: Scholz, C. & Rennig, A. (eds) *Generations Z in Europe (The Changing Context of Managing People)*. Bingley: Emerald Publishing Limited. pp. 253–274.
22. Dunas, D.V. et al. (2020) Motivation factors in media consumption of “digital youth” in Russia: results of a pilot study. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2. pp. 3–27. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2020.327
23. Morozova, M.S. (2011) The significance of modern media of mass communication in socialization of the youth. *Vestnik TOGU. Seriya Sotsiologiya i politologiya – Bulletin of PNU. Political Science, Sociology and Law*. 2 (21). pp. 235–242. (In Russian).
24. Chebunina, O.A. (2019) *Sotsial'nye internet-seti v protsesse sotsializatsii sovremennoy rossiyskoy molodezhi: spetsifika vliyaniya i sotsializatsionnye riski* [Social

Internet networks in the process of socialization of modern Russian youth: the specifics of influence and socialization risks]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Rostov-on-Don.

25. Dunas, D. & Vartanov, S. (2020) Emerging Digital Media Culture in Russia: Modelling the Media Consumption of Generation Z. *Journal of Multicultural Discourses*. 15 (2). pp. 186–203. DOI: 10.1080/17447143.2020.1751648

26. V'yugina, D.M. (2017) Special Features in Media Consumption of the Digital Generation of Russia. *Mediaskop – Mediascope*. 4. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/2386>. (In Russian).

27. Goldstein, K. (1939) *The Organism*. New York: American Book Company.

28. Maslow, A.H. (1968) *Toward a Psychology of Being*. New York: D. Van Nostrand Company.

29. Rogers, C.R. (1963) Actualizing tendency in relation to “Motives” and to consciousness. In: Jones, M.R. (ed.) *Nebraska Symposium on Motivation*. Oxford: U. Nebraska Press. pp. 1–24.

30. Brammer, L.M. & Shostrom, E.L. (1968) *Therapeutic Psychology; Fundamentals of Actualization Counseling and Psychotherapy*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

31. Frindte, W. & Koehler, T. (2000) Publichnoe konstruirovaniye “Ya” v oposredovannom komp'yuterom obshchenii [Public construction of the self in computer-mediated communication]. Translated from English. In: Voyskunskiy, A.E. (ed.) *Gumanitarnye issledovaniya v Internetе* [Humanitarian Research on the Internet]. Moscow: Mozhaysk-Terra. pp. 40–54.

32. Turkle, S. (1984) *The Second Self: Computers and the Human Spirit*. New York: Simon and Schuster.

33. Ershov, Yu.M. (2019) Digital World of Networked Teens and Their Visual Practices. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki – Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 2 (8). pp. 355–372. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(2).355-372

34. Belinskaya, E.P. (2013) *Psikhologiya internet-kommunikatsii* [Psychology of Internet Communication]. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: MODEK.

35. Jenkins, H. (2019) *Konvergentnaya kul'tura* [Convergence Culture]. Translated from English. Moscow; Saint Petersburg: Pangloss.

36. Tvenge, D. (2019) *Pokolenie I* [Generation I]. Translated from English. Moscow: Ripol klassik/Pangloss.

37. Golubeva, N.A. (2018) Phenomenology of interpersonal and intergroup communication of modern youth in real and virtual space. *Vestnik RGGU. Seriya “Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie” – RGGU Bulletin. Series: Psychology. Pedagogics. Education*. 2 (12). pp. 45–59. (In Russian). DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-45-59

38. Vartanova, E.L. (2015) Modern Russian Media Studies (the Update of Theoretical Approaches). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 6. pp. 5–26. (In Russian).

39. Vartanova, E.L. (2012) On the Need to Update the Concepts of Journalism and Media. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 1. pp. 7–26. (In Russian).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 82:821.161.1+069

DOI: 10.17223/19986645/67/16

М.В. Скороходов, Е.В. Аблогина

А.С. ГРИБОЕДОВ И ЕГО ЭПОХА: ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Представлен обзор докладов, прозвучавших на международной научно-практической конференции «А.С. Грибоедов и его эпоха», приуроченной к 225-летию со дня рождения писателя и к 25-летию со дня открытия его музея. Конференция подвела определенные итоги изучению биографии и творчества Грибоедова, уделила внимание вопросам рецепции его наследия в России и за рубежом, развития переводческой традиции, изучения биографии Грибоедова и его современников, историко-культурных контекстов грибоедовской эпохи.

Ключевые слова: А.С. Грибоедов, рецепция, переводы, интерпретация, творчество, музей-заповедник «Хмелита».

С 15 по 17 января 2020 г. в Государственном историко-культурном и природном музее-заповеднике А.С. Грибоедова «Хмелита» (с. Хмелита Вяземского района Смоленской области) работала международная научно-практическая конференция «А.С. Грибоедов и его эпоха», приуроченная к 225-летию со дня рождения писателя, музыканта, дипломата и к 25-летию со дня открытия посвященного ему музея. Организаторами конференции выступили музей-заповедник «Хмелита» и Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук.

На конференцию собрались известные российские и зарубежные исследователи – филологи, историки, искусствоведы, специалисты по музейному делу, краеведы, а также молодые специалисты, аспиранты и студенты.

Юбилейная конференция подвела определенные итоги изучению биографии и творчества Грибоедова, ее участники уделили внимание вопросам рецепции грибоедовского наследия как в России, так и за рубежом в различных национальных культурах. Были вновь поставлены вопросы, связанные с установлением судьбы документов, находившихся при Грибоедове в последние дни его жизни. В этой связи актуальным представляется дополнительная поисковая работа, прежде всего в исторических архивах Ирана и Великобритании. Многие доклады были основаны на изучении материалов и источников, которые ранее не становились предметом специального рассмотрения. Юбилейная конференция отразила генеральные исследовательские векторы современного грибоедоведения: биографический (прежде всего в связи с родословной Грибоедовых, кавказским и персидским периодами жизни Грибоедова), источниковедческий (в широком контексте вопросов, касающихся дипломатической и литературной дея-

тельности Грибоедова), мотивологический (осмысление и переосмысление отдельных значимых тем, мотивов и образов в творчестве Грибоедова), рецептивный (в разнообразных аспектах литературных влияний и реминисценций, а также изучения образа Грибоедова в зарубежном сознании), переводоведческий (прежде всего, относительно бытования «Горя от ума» в различных национальных культурах) и историко-культурологический (концепции сохранения памяти о Грибоедове и отдельные аспекты педагогической культурологии). Указанные направления современного грибоедоведения обусловили секционное разнообразие юбилейной конференции.

Международные научные конференции, посвященные А.С. Грибоедову, регулярно проводятся в родовой усадьбе Грибоедовых и посвящены широкому кругу проблем, актуальных для современной науки. Историческая усадьба, восстановленная усилиями основателя и первого директора музея В.Е. Кулакова, воссозданные интерьеры главного усадебного дома-дворца, частично сохранившиеся регулярный и пейзажный парки, система прудов, культурный ландшафт – все это актуализирует такие исследовательские направления, как ландшафтоведение, усадебоведение, сохранение, восстановление и популяризация историко-культурного и природного наследия и др. Все эти аспекты так или иначе затрагивались на грибоедовских конференциях, по итогам которых выходили научные сборники, в том числе тематические. Поскольку сам А.С. Грибоедов был чрезвычайно эрудированным человеком, имевшим широкий круг знакомых, для юбилейного года была выбрана тема «А.С. Грибоедов и его эпоха», что позволило расширить круг докладчиков и провести конференцию, имеющую междисциплинарный характер.

Торжественные мероприятия начались в день рождения А.С. Грибоедова 15 января поминальной литией в Казанской церкви усадьбы «Хмелита» и возложением цветов к памятнику Грибоедову, затем участники конференции отдали дань памяти скончавшемуся в 2019 г. создателю и многолетнему директору музея В.Е. Кулакову.

Конференция открылась выступлением генерального директора Государственного историко-культурного и природного музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита». Приветствуя всех собравшихся в стенах родовой усадьбы Грибоедовых, **Н.В. Кулакова** отметила, что в юбилейный и для Грибоедова, и для его музея 2020 г. реализуется целый ряд значимых проектов. Первый из них – «Поклон Грибоедову», объединивший ведущие музеи России, общественные и культурные организации, деятелей культуры и искусств, – позволил создать серию выставок, раскрывающих личность Грибоедова и его деятельность через призму событий Отечественной войны 1812 г., отношений России и Востока, русской дипломатии, антинормии Москвы и Петербурга. Обширная культурная программа включала в себя презентацию документальных фильмов, знакомство с постоянными экспозициями и временными межмузейными выставками, праздничный концерт, сцены из «Горя от ума» в исполнении смоленских актеров, фейерверк в парадном дворе усадьбы.

Круг вопросов, поднятых на пленарном и секционных заседаниях, многообразен и отражает широкий спектр актуальных проблем изучения русской литературы XIX в., развития переводческой традиции, биографии Грибоедова и его современников, историко-культурных контекстов грибоедовской эпохи. Ряд докладов был посвящен обсуждению тем, имеющих практическую направленность и связанных с вопросами преподавания, музеефикации комплекса усадьбы Хмелита и территории музея-заповедника, развития межмузейного сотрудничества.

Новые контексты интерпретации и междисциплинарные подходы к изучению наследия Грибоедова продемонстрировали пленарные и секционные доклады Д.Б. Терешкиной, М.В. Скороходова, А.Е. Новикова, Н.Г. Комар, Е.В. Аблогиной, К.А. Поташовой, А.Г. Коваленко и П.В. Пороль.

В докладе д-ра филол. наук, проф. Новгородского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации **Д.Б. Терешкиной** (Великий Новгород) были охарактеризованы многообразные формы и способы коммуникации Грибоедова в переписке с друзьями, родственниками и официальными лицами. На основании анализа его частных писем высказываются наблюдения относительно богатства речевых средств, широкого спектра выраженных адресантом эмоций, обширного круга затрагиваемых тем, внелингвистических параметров создания того или иного письма – факторах, которые отразились в текстах писем и стали неперменной частью посланий Грибоедова.

Канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН **М.В. Скороходов** (Москва) отметил, что богатая событиями усадебная жизнь нашла отражение в литературном наследии Грибоедова, который стоит у истоков формирования «усадебного топоса» в отечественной словесности. Грибоедов был прекрасно осведомлен об особенностях усадебного мира – жил в родовой усадьбе Хмелита, гостил в усадьбах С.Н. Бегичева и переехавшей в имение мужа сестры. Как характерный пример «усадебного текста» в докладе был охарактеризован «отрывок из письма южного жителя» – «Загородная поездка» (1826).

Коллизию отвергнутой / неразделенной любви в контексте семейно-брачных отношений в дворянском обществе первой половины XIX в. рассмотрел канд. филол. наук, доц. Череповецкого государственного университета **А.Е. Новиков**. Докладчик указал на целый ряд ситуаций периода так называемого «дворянского домостроя», напоминающих описанную в «Горе от ума», многие из которых нашли воплощение и в литературе указанного периода: в пушкинском «Евгении Онегине», в повестях А.А. Бестужева-Марлинского «Вечер на бивуаке» и «Испытание», Е.А. Баратынского «Перстень» и др.

О семейной проблематике в комедии Грибоедова «Горе от ума» говорила также канд. филол. наук, доц. Казанской православной академии, директор Культурного центра им. А.С. Пушкина **Н.Г. Комар**. «Мысль семейная», выраженная на идейно-образном и сюжетном уровнях, раскрыва-

ется ярче всего в образах основных персонажей, анализ которых был предложен.

Рассмотреть переводную и оригинальную драматургию Грибоедова как некую семиосферу ума предложила канд. филол. наук, доц. Национального исследовательского Томского государственного университета **Е.В. Аблогина** в докладе о генезисе и национальном своеобразии концепта *ум* в драматургии Грибоедова. Воплощенные в тексте семантические универсалии художественного мышления Грибоедова дают возможность говорить о цельной концептуальной программе в творчестве драматурга, отражающей всеохватность его личности.

К стихотворению Грибоедова «Хищники на Чегеме» обратилась канд. филол. наук, доц. Московского государственного областного университета **К.А. Поташова**. Объектом анализа стала поэтика живописной изобразительности, сложившаяся в «кавказских текстах» Грибоедова. Трактую кавказский конфликт в визуально-символической оправе, Грибоедов сближает пейзажный жанр и батальную сцену, намечает реалистическую традицию изображения Кавказа, впоследствии развитую М.Ю. Лермонтовым.

Несколько неожиданным, но актуальным стало рассмотрение генезиса образа Китая в творчестве Грибоедова, предложенное в докладе д-ра филол. наук, проф., зав. кафедрой Российского университета дружбы народов А.Г. Коваленко (Москва) и аспирантом этого университета П.В. Пороль. В комедиях «Горе от ума», «Молодые супруги» и «Притворная неверность» ими был рассмотрен ряд образов, обнаруживающих связь с китайской культурой (китайский театр теней, карточная игра макао и пр.).

Об особенностях и ранее неизвестных фактах зарубежной рецепции Грибоедова говорили в своих докладах Н.А. Тархова, А.С. Шолохова, С.С. Ваулина и Л.В. Коковина, М. Каратоццо, Т.В. Сивова и Н. Калаша.

Составитель «Летописи жизни и творчества А.С. Грибоедова. 1790–1829» (М., 2017), независимый исследователь **Н.А. Тархова** (Москва) представила доклад о политической ангажированности восприятия первого перевода Грибоедова в Великобритании (1857). О переводе Н.Д. Бенардаки также говорила канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН **А.С. Шолохова** (Москва), которая прокомментировала переводческую стратегию и связанные с ней жанровые трансформации в рамках бытовавшей в середине XIX в. переводческой традиции. Д-р филол. наук, проф. Балтийского федерального университета им. И. Канта **С.С. Ваулина** (Калининград) и канд. филол. наук, доц. того же университета **Л.В. Коковина** также обратились к англоязычным переводам «Горя от ума» – в аспекте выражения субъективно-модальных значений уверенности / неуверенности.

Профессор Государственного университета «Альдо Моро» **М. Каратоццо** (M. Caratozzolo, Бари, Италия) охарактеризовал специфику переводческой и научной рецепции Грибоедова в Италии, рассказал о создающейся библиографии произведений Грибоедова и публикаций о нем на итальянском языке.

Через призму крупнейших белорусских СМИ на личность и творчество Грибоедова предложила посмотреть канд. филол. наук, доц. Гродненского государственного университета им. Янки Купалы **Т.В. Сивова** (Гродно, Беларусь).

Преподаватель университета Аль-Захра, аспирант Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина **Н. Калаши** (N. Kalashi, Иран) показала в исторической перспективе восприятие Грибоедова в Иране, отметила первый и пока единственный полный перевод «Горя от ума» на фарси, а также охарактеризовала факторы, определяющие новый этап рецепции, начавшийся с 1990-х гг.

Комедия «Горе от ума» как прецедентный текст русской культуры получила подлинно междисциплинарное осмысление. В рамках литературоведческой парадигмы к ней обратился д-р филол. наук, проф. Тверского государственного университета **Ю.М. Никишов**. В своем докладе он продемонстрировал следы первоначальной формы комедии «Горе от ума», задуманной как сценическая поэма, в ее окончательном тексте. Канд. филол. наук, зав. каф. русской и зарубежной литературы Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского **Ю.Н. Борисов** отметил «странные сближения» – реминисценцию «Горя от ума» у С.Л. Франка.

Искусствоведческое и культурологическое прочтение комедии предложила канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Государственного исторического музея **Е.М. Букреева** (Москва), которая представила всеобщему вниманию эскизы костюмов художника русского зарубежья Николая Зарецкого к комедии Грибоедова «Горе от ума». Театроведческий дискурс в обсуждении грибоедовской комедии был предложен канд. пед. наук, доц. Смоленского института искусств **О.Н. Хакимулиной**.

Дидактический фокус отличал доклады канд. филол. наук, доц. Елецкого государственного университета **Н.Д. Есиковой** о восприятии «Горя от ума» современными школьниками и канд. филол. наук, преподавателя Военной академии радиационной, химической и биологической защиты им. маршала Советского Союза С.К. Тимошенко Минобороны России **А.А. Алексеевой** (Кострома), которая рассмотрела перспективность изучения комедии Грибоедова как страноведческого и культурологического источника на занятиях русским языком как иностранным в военном вузе.

Группа докладов была связана с вопросами влияния грибоедовского наследия на творчество его современников и писателей более позднего времени. В этой связи заслуживают внимания выступления М.Г. Альтшуллера, Т.Н. Жужгиной-Аллахвердян, Д.В. Бутеева и Е.Ю. Кнорре.

Доктор филол. наук, почетный проф. Питтсбургского университета **М.Г. Альтшуллер** (M. Altshuller, США) рассмотрел связь творчества Грибоедова («младшего архаиста», по определению Ю.Н. Тынянова) с идеями, настроениями, идеологией «старших архаистов» – А.С. Шишкова и Г.Р. Державина. Совпадает их отношение к Н.М. Карамзину и В.А. Жуковскому, борьба с западничеством, постулирование особого пути развития

России. В то же время если «старшие архаисты» ориентировались на монархические и крепостнические традиции, то «младшие» видели особый путь России во внимании к средневековым традициям городов-республик Новгорода и Пскова.

Доктор филол. наук, доц. Горловского института иностранных языков и Донбасского государственного педагогического университета **Т.Н. Жужгина-Аллахвердян** показала, что романтический образ Грибоедова вырисовывается в творчестве его современников, близких друзей и единомышленников. Его личность и судьба запечатлены в элегиях В.К. Кюхельбекера «Грибоедову» (1821), «Памяти Грибоедова» (1829), «Участь русских поэтов» (1845) и др. В «Элегии на смерть Грибоедова» (1829) А.И. Одоевского воплощен трагический образ поэта и друга, отданного на заклатие «под иными небесами». Сокрушаясь о трагической смерти Грибоедова, названные поэты сетовали на коварную судьбу, не благоволящую служителю поэзии, пророку свободы и провидцу.

Кандидат филол. наук, доц. Смоленского государственного института искусств **Д.В. Бутеев** (Смоленск) показал, что пьеса Е.П. Ростопчиной «Возврат Чацкого в Москву» скорее карикатура, нежели художественное исследование жизни, при ряде достоинств (поэтическое мастерство, афористичность) ее образы и сцены в основном психологически поверхностны и нежизненны.

Кандидат филол. наук, преподаватель Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета **Е.Ю. Кнорре** (Москва) показала, что И.А. Гончаров включает Чацкого в типологию вечных образов правдоискателей. Вторжение Чацкого в иллюзорный мир «фамусовского общества» уподобляется Гончаровым борьбе Дон Кихота и Гамлета с призраками – иллюзиями нашего «я», действия Чацкого осмысливаются в сократическом сюжете прозрения – освобождения от слепоты в свете открывшегося сквозь метаморфозу «миллиона страданий» нового зрения.

В выступлениях И.С. Юхновой и Е.Г. Падериной было продемонстрировано влияние комедии «Горе от ума» на русскую литературную традицию.

Доктор филол. наук, проф. Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского **И.С. Юхнова** охарактеризовала «грибоедовский» элемент в творчестве М.Ю. Лермонтова, который формировал свою драматургическую систему с ориентацией на новации Грибоедова. В подтверждение высказанного тезиса была рассмотрена драма «Станный человек», для которой характерны прямые отсылки к комедии Грибоедова, изображение похожей на Чацкого личности, схожесть типа конфликта, характера сюжета, а в репликах героев о происходящих вне сцены событиях воссоздаются ситуации из «Горя от ума». Драма «Маскарад» была рассмотрена в контексте комедии «Горе от ума»: типичный герой эпохи находится в тех же отношениях с обществом, что и Чацкий.

Доктор филол. наук, вед. науч. сотр. Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, доц. **Е.Г. Падерина** (Москва) показала, что комедия Грибоедова разнообразно – в формировании комедиографической поэ-

тики, мотивах, характерах и идеях – отозвалась в творчестве Гоголя. Это был литературный диалог с предшественником – частью «прямой», частью опосредованный общей дискуссионностью художественного и критического восприятия «Горя от ума» современниками обоих авторов. У Гоголя со значением ума в русской жизни связан целый пучок мотивов, образующих комедийные коллизии (умный – дурак и др.), а оценочная палитра выстроена сообразно многозначности понятия *ум*. Базовую часть мировоззрения многих комедийных персонажей Гоголя можно обозначить тезисом Ихарева «ум – великая вещь» («Игроки»). В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь, обращаясь к грибоедовской комедии, высказывается о ее главном герое и о произведении в целом.

Грибоедов был не только драматургом, но и государственным деятелем, самоотверженно защищавшим интересы России дипломатом. В связи с этим особое внимание исследователей его биографии и творчества вызвали доклады М.В. Строганова, С.Н. Дмитриева, О.А. Коротковой (Игнатовой), Ф.И. Мелвилл, Д.Р. Дэвиса раскрывающие историко-политические контексты грибоедовской эпохи.

Доктор филол. наук, проф., вед. науч. сотр. Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН **М.В. Строганов** (Москва) рассмотрел представления Грибоедова об Армении и контексты его взаимоотношений с армянским народом. Грибоедов упоминает Армению дважды, и оба раза как географическую и историческую территорию. Исполняя положения Гюлистанского (1813) и Туркманчайского (1828) договоров он обеспечивал возвращение на родину депортированных армян.

Кандидат ист. наук, главный редактор издательства «Вече» **С.Н. Дмитриев** (Москва) остановился на анализе документов из Архива внешней политики Российской империи, касающихся дипломатической деятельности Грибоедова.

Заведующая сектором Государственного Эрмитажа **О.А. Короткова (Игнатова)** (Санкт-Петербург) рассмотрела устройство и состав Азиатского департамента при Грибоедове, уделив особое внимание его современникам, служившим в департаменте и оставившим след в русской культуре.

Кандидат филол. наук, директор Пемброкского Центра иранистики Кембриджского университета **Ф.И. Мелвилл** (F. Melville, Великобритания) рассказала о подарке принца Хосрова Грибоедову – рукописи «Семирица» поэта-мистика XV в. Абдуррахмана Джами, на форзаце которой сохранился автограф дарителя: «Милому другу моему Грибоедову на память от Хосров мирзы в месяц ша'бан 1243 года» (февраль 1828 года). Уникальный документ хранится в Тартуском университете.

Член Совета Royal Asiatic Society **Д.Р. Дэвис** (D.R. Davis, Лондон, Великобритания) рассказал о пребывании А.С. Пушкина и Грибоедова на Кавказе в 1829 г., в историческом аспекте осветив деятельность русских поэтов, волею судеб оказавшихся в этом регионе.

Для изучения биографии и наследия Грибоедова актуально обращение к материалам, характеризующим жизнь русской провинции грибоедовского

времени, что позволяет по-новому взглянуть на систему создаваемых им образов, прояснить круг его общения, особенности быта смоленского и владимирского дворянства, к которому принадлежало несколько поколений Грибоедовых. В этой связи были актуальны доклады Я.В. Леонтьева, Э.В. Фроловой, Т.А. Егеревой, Е.Л. Сосниной, Н.А. Голик, Н.Г. Гурской, Л.Ф. Плиско, К.Н. Степанова, А.И. Макарова, Е.В. Алехиной.

Доктор ист. наук, проф. Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова **Я.В. Леонтьев** представил обзор дел III Отделения об оппозиционном смоленском дворянстве грибоедовского времени, в частности, связанных с попыткой создания Смоленской управы Союза благоденствия, в результате которой в тайное общество был принят ельнинский предводитель дворянства, отставной генерал П.П. Пассек. Были приведены материалы об отставном штабс-капитане, авторе воззвания «Русского к Отечеству» С.К. Кушлянском, арестованном осенью 1828 г. в Смоленске.

Кандидат ист. наук, директор Историко-краеведческого музея Ковровского района **Э.В. Фролова** (Ковров Владимирской обл.) поделилась находками, связанными с историей владимирской ветви рода Грибоедовых, которая прослеживается с первой половины XVII до середины XIX в. и включает 8 поколений и 34 представителя.

Кандидат ист. наук, ст. науч. сотр. Государственного музея-усадьбы «Остафьево» – «Русский Парнас» **Т.А. Егерёва** (Остафьево Московской обл.) на основе неопубликованных писем 1805–1806 гг. княжны Е.А. Вяземской к брату П.А. Вяземскому раскрыла особенности быта и нравов московского дворянства грибоедовской эпохи.

Кандидат филол. наук, гл. науч. сотр. Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова **Е.Л. Соснина** (Пятигорск Ставропольского края) остановилась на фактах биографии Н.В. Сушкова – товарища Грибоедова по Благородному пансиону. Директор Унечского краеведческого музея **Н.А. Голик** (Унеча Брянской обл.) поделилась исследованиями, касающимися другого приятеля драматурга – участника четверной дуэли А.П. Завадовского. Член Союза краеведов России **Н.Г. Гурская** (Москва) ознакомила участников конференции с материалами о владениях дворян Белкиных – соседей Грибоедовых по Вяземскому уезду Смоленской губернии. Кандидат хим. наук, член Союза писателей России, член Общества изучения русской усадьбы **Л.Ф. Плиско** (Москва) рассказала об одном из создателей парка в усадьбе Воронино. Кандидат экон. наук, член-соучредитель Общества изучения русской усадьбы **К.Н. Степанов** (Москва) осветил взаимоотношения Грибоедова с балериной Императорского Большого театра Е.А. Телешевой. Ведущий редактор издательства «Пашков дом» при Российской государственной библиотеке **А.И. Макаров** (Москва) поделился новыми материалами, раскрывающими родственные связи Лыкошиных и Жегаловых. Хранитель музейных предметов Музея М.А. Булгакова **Е.В. Алехина** (Москва) представила комплексный анализ «Грибоедовской Москвы» М.О. Гершензона в контексте русской истории XX в.

Отдельного рассмотрения заслуживают доклады, посвященные вопросам сохранения памяти о Грибоедове, в том числе восстановлению и музейфикации родовой усадьбы Грибоедовых в селе Хмелита, – выступления М.В. Строганова и А.А. Филипповой, Г.А. Зайцевой, К.И. Шадчневой, Е.В. Семенищевой, М.М. Красновой, представителей Смоленска.

Доктор филол. наук, проф., вед. науч. сотр. Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН **М.В. Строганов** и зам. генерального директора Государственного историко-культурного и природного музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита» **А.А. Филиппова** охарактеризовали подвижническую деятельность создателя и первого директора единственного в России музея-заповедника Грибоедова В.Е. Кулакова (1944–2019). Он разработал проект реставрации родового гнезда Грибоедовых и при поддержке П.Д. Барановского осуществил возрождение уникального памятника русской усадебной культуры в селе Хмелита. А.А. Филиппова в отдельном выступлении поделилась сведениями о грибоедовских мероприятиях XIX–XX вв., которые, как правило, были приурочены к юбилеям со дня его рождения и гибели.

Кандидат биол. наук, доц. Российского государственного гуманитарного университета **Г.А. Зайцева** (Москва) предложила проект создания в музее-заповеднике «Хмелита» историко-экологической тропы, предполагающий восстановление четырехкилометрового отрезка исторической дороги, соединявшей Хмелиту и Григорьевское.

Аспирант Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова **К.И. Шадчнев** (Москва) рассказал об истории создания в Москве первого памятника Грибоедову. Зав. экспозиционно-выставочным отделом Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника **Е.В. Семенищев** провела параллели между судьбами и юбилеями Грибоедова и М.М. Тучкова. Зав. отделом «Дом И.С. Остроухова в Трубниках» Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля **М.М. Краснова** (Москва) поделилась опытом реализации современных экспозиционных проектов в рамках концепции «Автор в контексте эпохи». Ряд докладов, посвященных усадьбе «Хмелита», ее истории и перспективам развития, представили участники конференции из Смоленского государственного института искусств: канд. пед. наук, зав. кафедрой **Е.С. Мертенс**, студенты **Я.В. Камянская**, **И.В. Крамаренко** и **А.В. Сурков**.

Также в программу были включены выступления д-ра филол. наук, проф., вед. науч. сотр. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН **С.А. Фомичева** (Санкт-Петербург), издателя **К.Т.Ф. Джонсона** (C.T.F. Johnson, Лондон, Великобритания), канд. ист. наук, ассоц. сотрудника Института всеобщей истории РАН **М. Талалая** (M. Talalay, Милан, Италия), д-ра филологии, проф. Университета Огайо **А. Бринтлингер** (A. Brintlinger, США).

Научная часть юбилейных мероприятий завершилась подведением итогов конференции. Были отмечены высокий уровень прозвучавших докла-

дов, актуальность и новизна представленных для обсуждения проблем. Развернутые аннотации докладов доступны на сайтах организаторов (khmelita.com; imli.ru). По итогам конференции, начавшей юбилейный год Грибоедова, который широко отмечается не только в России, но и за ее пределами, и явившейся заметным событием в научной и культурной жизни Смоленского региона, планируется издание очередного «Хмелитского сборника».

Griboyedov and His Epoch: An Overview of the International Conference

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 67. 303–312. DOI: 10.17223/19986645/67/16

Maxim V. Skorokhodov, M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: msk2002@rambler.ru

Evgeniia V. Ablogina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: e.ablogina@gmail.com

Keywords: Aleksandr Griboyedov, Museum Preserve Khmelita, reception, translation, interpretation, creativity.

The article reviews the reports delivered at the International Conference *Griboyedov and His Epoch* dedicated to the 225th anniversary of the writer, musician and diplomat's birth and the 25th anniversary of the Aleksandr Griboedov Museum. The event was organised by the Griboyedov State Historical, Cultural and Nature Museum Preserve Khmelita and the M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and held on January 15–17, 2020, in the village of Khmelita, Vyazemsky District, Smolensk Oblast. The anniversary conference reflected modern trends and summarised certain results in Griboyedov studies, gave particular consideration to the issues of his heritage reception both in Russia and abroad, of the development of the related translation tradition, of the study of his contemporaries' biographies, and of historical and cultural contexts of the epoch. The thematic scope of the conference was broad so that topics would span the 19th-century Russian studies spectrum from research on Griboyedov to translation traditions and wide historical and cultural contexts. Many of the reports resulted from studies of materials and sources that had not previously been objects of special consideration. Thoughts for future research and demand for establishing the fate of the documents that were in Griboyedov's possession in the last days of his life were shared at the plenary and breakout sessions. In this regard, further search (primarily in the historical archives of Iran and the UK) was resolved to be imperatively required. New major projects of the anniversary year related to popularising Griboyedov and his heritage were also brought for discussion. One of them, A Bow to Griboyedov, united largest museums of Russia, public and cultural organisations, cultural and art professionals, and allowed creating a series of exhibitions that reveal Griboyedov's personality and his activities through such prisms as the events of the 1812 Patriotic War, relations between Russia and the East, Russian diplomacy in general, and the antinomies of Moscow and Saint Petersburg. The participants of the conference were literary scholars, linguists, historians, museologists, cultural studies scholars, local history experts representing numerous regions of Russia (the cities of Moscow, Saint Petersburg, Veliky Novgorod, Kazan, Kaliningrad, Kostroma, Saratov, Tver, Tomsk; Stavropol Krai, Bryansk, Vladimir, Vologda, Lipetsk, Moscow, Nizhny Novgorod, and Smolensk Oblasts), as well as guests from Belarus, the UK, Iran, Italy, the USA, and Ukraine. All abstracts are available on the organisers' websites (khmelita.com; imli.ru). The conference started Griboyedov's anniversary year that is widely celebrated in Russia and beyond, and is a particularly notable event in the Smolensk region. The conference will radiationally result in publishing a new issue of *Khmelitsky Sbornik* [Khmelita Proceedings].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБЛОГИНА Евгения Владимировна – канд. филол. наук, доцент каф. романо-германской филологии Томского государственного университета.

E-mail: e.ablogina@gmail.com

АЙЗИКОВА Ирина Александровна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета.

E-mail: wand2004@mail.ru

АЛЕКСЕЕВ Павел Викторович – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка и литературы Горно-Алтайского государственного университета.

E-mail: pavel.alekseev.gasu@gmail.com

БЕРЕЗОВИЧ Елена Львовна – д-р филол. наук, чл.-кор. Российской академии наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: berezovich@yandex.ru

БРЮХАНОВА Юлия Михайловна – канд. филол. наук, и.о. зав. кафедрой новейшей русской литературы Иркутского государственного университета.

E-mail: okt28@yandex.ru

ВОЛКОВ Иван Олегович – канд. филол. наук, мл. науч. сотр. лаборатории «Компаративистика и имагология» Томского государственного университета.

E-mail: wolkoviv@gmail.com

ДЕМЕШКИНА Татьяна Алексеевна – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка Томского государственного университета.

E-mail: demeta@rambler.ru

ДУНАС Денис Владимирович – канд. филол. наук, вед. науч. сотр. кафедры теории и экономики СМИ Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: denisdunas@gmail.com

ДУТЧАК Елена Ерофеевна – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета.

E-mail: dee010@mail.ru

ЖИЛЯКОВА Эмма Михайловна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.

E-mail: emmaluk@yandex.ru

ЗЕМИЧЕВА Светлана Сергеевна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета.

E-mail: optysmith@gmail.com

ИВАНЦОВА Екатерина Вадимовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: ekivancova@yandex.ru

ИСАЧЕНКО Татьяна Александровна – д-р филол. наук, гл. науч. сотр. сектора изучения особо ценных фондов Российской государственной библиотеки (г. Москва).
E-mail: isachenko33@yandex.ru

КУЗНЕЦОВА Надежда Геньевна – д-р филол. наук, профессор Института межкультурной коммуникации в Берлине (Германия).
E-mail: nadeshdag@yandex.ru

КУШНЕРУК Светлана Леонидовна – д-р филол. наук, профессор кафедры английской филологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Челябинск).
E-mail: Svetlana_kush@mail.ru

МАТХАНОВА Ирина Петровна – д-р филол. наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail: matkhanova@mail.ru

МЕЛИКЯН Вадим Юрьевич – д-р филол. наук, зав. кафедрой теории языка и русского языка Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).
E-mail: melikyanv@mail.ru / melikyanv@sfedu.ru

НОВИКОВА Елена Георгиевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.
E-mail: elennov@mail.ru

ПОДРЕЗОВА Наталья Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры новейшей русской литературы Иркутского государственного университета.
E-mail: koine@list.ru

САЛИХОВА Елена Александровна – преподаватель кафедры теории и экономики СМИ Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: ekostyuk19@gmail.com

СКОРОХОВ Максим Владимирович – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (г. Москва).
E-mail: msk2002@rambler.ru

СТЕПИЧЕВА Ольга Николаевна – ст. преподаватель кафедры иностранных языков Томского государственного архитектурно-строительного университета.
E-mail: stepitscheva@mail.ru

СУРИКОВА Олеся Дмитриевна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. топонимической лаборатории Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург); науч. сотр. отдела диалектологии и лингвистической географии Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук (г. Москва). E-mail: surok62@mail.ru

ТОЛОКОННИКОВА Анна Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и экономики СМИ Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: a.tolokonnikova@mail.ru

ФИЛАТКИНА Гелия Сергеевна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры зарубежной журналистики и литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: geliafilatkina@gmail.com

ШИЛЯЕВ Константин Сергеевич – канд. филол. наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.

E-mail: shilyaevc@gmail.com

ШЛОТГАУЭР Елена Александровна – магистрант кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: lenmad666@gmail.com

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2020. № 67

Редактор Т.В. Зелева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 30.10.2020 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 19,8; усл. печ. л. 25,8. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № .

Дата выхода в свет 13.11.2020 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru